

Михаил Белозеров

Нашествие арабуру

Михаил Юрьевич Белозёров

Нашествие арабуру

Серия «Самурай из Киото», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4954903*

Аннотация

Раннее средневековье. Всемогущие иноземцы захватили Японию. Столкновение двух цивилизаций приводит страну на край гибели. Династия императоров пала. Кажется, что у японского народа нет будущего. Однако далеко в горах зреет заговор таинственных монахов, которые плетут шпионскую сеть. Самурай Натабура с друзьями пробирается в столицу, чтобы поднять восстание. Путь их долог и опасен. Прежде чем победить и изгнать иноземцев, им предстоит узнать самую большую тайну Японии.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	59
Глава 3	108
Глава 4	157
Глава 5	220
Глава 6	283
Глава 7	347
Глава 8	413
Глоссарий	479

Михаил Белозеров

Нашествие арабуру

*Жизнь – это облачко, кочующее в небе.
Будда.*

Глава 1

Смутные времена

Никто не знает, откуда они пришли: то ли с востока, то ли с запада, а может быть, с юга или даже с севера, хотя всем известно, что Мир кончается за островом Хёкура. Одни говорили, что прямо с гор или даже с небес. Другие не верили, ничему не верили и просто молились. Третьи сотрудничали, превратившись в цукасано гэ¹. А были и такие, которые точили пики и думали, что волны сильнее берега. Но всех-всех объединяло великое терпение Будды, который, как известно, был свободен от каких-либо привязанностей и пуст ото всяческих тварей, небесных, и поднебесных, и всех остальных – и еще Бог весть кого. Если разобраться, то вся эта история не стоила и рисовой шелухи, ибо Боги распорядились так и по-другому уже не могло быть, и надо было смириться или драться!

---

¹ Цукасано гэ – покорные судьбе.

Натабура и Афра брели за учителем Акинобу. Раскаленный воздух дрожал над дорогой, и там, где она заворачивала за горизонт, где должны были зеленеть поля, лишь голубели миражи озер. Язаки по привычке искал, чем бы поживиться – хотя бы ростком коняку, хотя бы свежей травинкой, и был безутешен. В этот раз из подозрительного клочка рисовой соломы, который он пнул, выкатился зеленый череп с ошметками кожи. Во все стороны брызнули толстые полевые мыши. Опешив, Язаки промедлил мгновение, зато Афра кинулся с места и скрылся в кустах, съедобные листья которых давно были ободраны жителями ближайшей деревни под названием Тамба. Натабура с укоризной посмотрел на друга.

– Жрать хочу!.. – с вызовом пояснил Язаки, неотрывно наблюдая, как шевелятся кусты – Афра, рыча, косясь и давясь, пожирал мышей, давая Натабуре лишний повод преисполниться за него гордостью.

Подошел рябой Баттусай и едва разлепил сухие губы:

– Все хотят...

Поднял вокруг себя облако горячей пыли с запахом горькой полыни и долго смотрел – на выцветшее небо, в котором плавали стервятники, и на мертвое поле, где в поисках зерен бродили две или три унылые тени крестьян. Так долго, что Натабура устал ждать продолжения его речей – ведь Баттусай наверняка что-то оставил про запас, не стремясь, как обычно, напрямую посмеяться над миром, но одновременно давая понять, что так оно было, есть и по-другому не будет.

Но ничего не произошло – должно быть, Баттусай устал и ему было не до шуток.

Всех страшно раздражала его привычка шаркать ногами по дороге, поэтому он двигался позади на приличном расстоянии, но себе не изменял и оставался сильным, бодрым и ловким, готовым к подвигам. А еще он умел становиться незаметным, словно тень. Как он это делал, никто понять не мог. Вот эти его качества мне больше всего и по душе, думал Натабура, словно он знает, чего хочет, и не расстраивается по пустякам. Подумаешь, голодуха! Мне даже нравится. Она придает мне силы! Он чувствовал, что и сам стал прежним – сухим и вертким, словно и не было двухгодичного сидения на озере Хиёйн, где он построил для Юки и дочери Мароя дом и окружил его зарослями вьющихся хризантем.

– А я очень хочу, – капризно сказал Язаки, напомнив Натабуре прежние годы. – Я больше всех хочу! Я, может быть, умираю?! – он распахнул кимоно, демонстрируя все до единого выпирающего ребра и сухие складки кожи, висящие на животе, как у больной собаки, пытаясь по привычке разжалобить и выклянчить хоть рисинку, хотя бы веревочку от катэ-букуро², пахнущую тэрияка³.

– То-то я гляжу, твои пророчества не сбываются, – насмешливо заметил Натабура, понимая, что Язаки нельзя жалеть ни при каких обстоятельствах. Он не хотел, чтобы его

---

² Катэ-букуро – мешок для провизии.

³ Тэрияка – пожаренное и высушенное мясо яка.

друг, как всегда, предавался нытью до самого вечера. Следовало увести мысли Язаки в другую сторону.

Если бы хитрый Язаки толком знал будущее – знал, что будет голодать, он ни за что не потащился бы в такую даль. Язаки не враг себе. Еще год назад он начал твердить о каких-то огнедышащих и пятипалых иканобори⁴ и об этих самых – арабуру. Но сколько учитель Акинобу к нему ни приставал, ничего толком объяснить не мог. Мол, вижу знаки: огненных катана, летающих драконов и все такое, а растолковать не могу – ничего, кроме того, что приплывут иноземцы.

– Какие иноземцы?

– Не знаю!

– Гунны, что ли? Так они уже один раз к нам приходили.

– Может, и гунны, откуда я знаю! – отвечал Язаки сварливо.

– А что еще?

– Дерево срубят!

– Какое дерево?

– Понятия не имею, но все кончится хорошо!

Эту фразу, которая быстро всем надоела, он повторял каждый день раз по двадцать – о «дереве» и о «хорошем конце». Ее в итоге запомнили и перестали реагировать. А они взяли и свалились, как снег на голову, и начали править, и запретили говорить на родном языке, объявив его тарабар-

---

⁴ Иканобори – дракон.

ским. А еще вырубил сакуру – символ Нихон, и убили императора Мангобэй совершенно необычным способом, не говоря обо всех его родственниках и приближенных. Сбылось видение Язаки, который весьма печалился, что дерево народа уничтожили. Никто не знал, что это значит для будущего. А значит это, что мы все-таки выживем, твердо верил Натабура. Слава Будде! Но самому Язаки не рассказывал, что таким образом его пророчества сбываются, даже вида не подал. Незачем Язаки знать, что он прав, ибо на радостях возьмет да изменит его – будущее. В подобного рода тонких делах должна следует соблюдать известную осторожность, иначе хлопот не оберешься.

– Что ты в этом понимаешь?.. – обиделся Язаки. – Я, может... – он подозрительно всхлипнул. – Я, может... я, может, сам переживаю!

– Ага... – вставил коренастый Баттусай, – как тот гусь, которого откармливали горохом. – Баттусай хотя чаще и помалкивал, но Язаки не понимал и недолго любил, считая его слабаком.

У Язаки не было слов. Он выпучил глаза от злости и прогудел что-то вроде того, что все в руках Будды и Богов. Чего мог он еще ответить? Ему давно уже никто не верил, кроме прямодушного Афра.

Один учитель Акинобу промолчал, застыв на дороге, опираясь на свой неизменный белый посох из корейского дуба, в котором был спрятан клинок. В волосах, собранных, как ки-

сточка, высоко на макушке, белела седая прядь, а раскосые глаза были лениво прикрыты. Казалось, он не слышит перебранки, а просто терпеливо ждет, когда путники наговорятся всласть, а потом так же уныло и безотчетно двинутся дальше. К тому же он укорял Натабуру за неумение воздержаться от ненужных разговоров.

Они часто спорили – иногда до хрипоты, иногда до туманов, и никому не доверяли в суждениях, даже пророку, которого и пророком-то не считали, то бишь Язаки, потому что привыкли к нему, к его озарениям и предсказаниям, и тихонько над ним посмеивались, но только тихонько, остерегаясь на всякий случай неведомых сил, с которыми он разговаривал. Натабура даже подозревал, что Язаки давно уже ни с кем из духов не общается, что он потерял свой дар и бормочет только для вида. Но разоблачать друга у всех на виду ему не хотелось. Да и пользы, в общем-то, от этого никакой не было бы. Бормочет, ну и пусть бормочет. Какое мне дело? – думал он.

– Скоро придем, – счел нужным напомнить Акинобу, чтобы все побыстрее успокоились.

В этот момент иканобори и пролетел, махнув огненным хвостом, да так низко, что Язаки присел, потому что решил, что у него отвалилась голова, а Афра, не отрываясь от еды, зарычал, показывая небу огромные белые-белые клыки. Натабура и Баттусай упали в полынь, как тяжелые снопы с телеги, а, поднявшись, долго выплевывали дорожную пыль, с

ненавистью глядя в бездонное небо: иканобори, оставив за собой полукруглый след, скрылся в белесом мареве и был таков.

– Ксо!⁵ – проворчал всегда спокойный Баттусай, тряся головой с жесткими короткими волосами. От них отделилось облачко пыли и полетело на сухую траву, как чужая душа.

Натабура решил, что он тоже грязный, и тоже стал отряхиваться. За этим занятием и застал их приглушенный окрик учителя Акинобу:

– Осторожно!..

На этот раз Натабура забыл, что вслед за иканобори всегда возникали арабуру в перьях, и пропустил их появление. Пришлось снова валиться в пыль, не поднимая глаз. Он ничего не видел до тех пор, пока в поле его зрения не всплыли конские копыта, подкованные железом – это было до сих пор в диковинку, так как в его стране никто никогда не слышал, что на лошадей можно надевать железные сандалии. Земля тряслась, как в лихорадке, – слышно было на расстоянии трех полетов стрелы. Натабура покосился влево: учитель Акинобу тоже стоял на коленях, опустив голову, и только по едва заметному напряжению рук, сжимающих посох, можно было догадаться, что он готов вскочить и действовать. Лишь бы Афра не сунулся, успел подумать Натабура, лишь бы не сунулся, хотя последнее время терпеливо учил его прятаться в ближайших кустах при любом лошадином топоте. За Афра

---

⁵ Ксо – дерьмо.

он боялся больше всего.

– Эй, ты! – раздался окрик на том языке, который теперь назывался японским и из которого он толком не понимал больше двух слов из пяти. – Встань!

– Да, таратиси кими...⁶ – произнес он фразу, которую было положено говорить в таких случаях, и поднялся. За спиной привычно шевельнулся голубой кусанаги⁷ – мол, я готов, я здесь, я жду, и нет меня лучше в таких делах. Да и годзука⁸ сделался теплым, сообщая тем самым, если что, тут же окажусь в твоей руке. Спасибо, друзья, думал он, спасибо.

Поговаривали, что у арабуру было какое-то странное оружие – мшаго⁹: то ли огненные катана, то ли длинные-длинные пики, которыми они косили народ. Не то чтобы Натабура особо боялся, а просто остерегался, полагая, что вначале надо выяснить обстановку.

Было их пятеро, и все на одно лицо: сплюснутый лоб, дынеобразные затылки и подпиленные зубы. Натабура еще не научился различать арабуру. Двое господ – у одного красные перья в головном уборе, у другого – синие, а без перьев – трое слуг, которых почему-то называли корзинщиками и ко-

---

⁶ Таратиси кими – уважаемый господин.

⁷ Кусанаги – длинный волшебный меч голубого света с рукоятью на две трети утопленной в ножны для того, чтобы уменьшить общую длину. Рукоять сделана с зацепом под кисть.

⁸ Годзука – кривой нож с ядовитым лезвием, сделан из когтя каппа.

⁹ Мшаго – огненный меч.

торые везли оружие: нагинаты¹⁰, какие-то древние прямые мечи и еще что-то притороченное в мешках. Совсем обнаглели. Ничего не боятся. Натабура стало горько оттого, что неизвестно кто разъезжает по дорогам его страны и чувствует себя хозяином.

– Что у тебя на груди, титлак?¹¹

Натабура забыл, что годзука свесился на шнурке. Но даже по новым законам ножи не возбранялись. Так какого демона, спрашивается?! Он подавил в себе гнев, – чтобы даже глаза не выдали. Он умел это делать – давным-давно, еще с незапамятных времен, и никогда не суетился при виде врага. Выдержке его обучал учитель Акинобу. Выдержка стала привычкой – настолько старой, что он и не помнил, когда приобрел ее.

– Нож, таратиси кими, – Натабура с поклоном вытащил годзуку, держа его так, чтобы не было видно, что он плачет зеленоватым ядом каппа¹².

Арабуру, который был ближе, из презрения даже не поклонился. Его узкое, горбоносое лицо, делавшее его похожим в профиль на попугая, брезгливо сморщилось:

– Дикари!

– Почему? – вяло спросил второй арабуру, откровенно скучая.

---

¹⁰ Нагината – изогнутый широкий клинок, посаженный на длинную рукоять.

¹¹ Титлак – раб (майя).

¹² Каппа – демон водного царства, из рода Джига.

Был он старше первого, царственно толст и страдал от жары, обмахиваясь круглым железным веером с изображением оммёдо¹³.

– Потому что нож костяной.

– Чего-о-о?..

– Нож, говорю, костяной. Уййй!!! – и хлопнул себя по затылку.

Старший внимательно посмотрел на Натабуру.

– Не-е-е-т, не скажи, он ученый!

Их лица, как и лоснящиеся от пота тела, были покрыты непонятным орнаментом. В мочке правого уха по огромной костяной игле, в левом дыра пустая, от этого мочка кажется кусочком веревки, привязанной к уху. На груди целая связка амулетов: от сглаза, от плевка, от дурного слова. И никаких доспехов.

– Почему? – удивился молодой и посмотрел на старшего.

Натабура еще удивился, что оружия при них нет, однако странное ощущение опасности останавливало его от опрометчивого шага – может, так пронесет? Не зная врага, не осознаешь своей силы. Да и они не видели за его плечами голубой кусанаги, который находился в состоянии амэи¹⁴ и становился тамэи¹⁵, лишь когда Натабура его выхватывал. Но

---

¹³ Оммёдо – знаки инь и ян, солнце и луна, символизирующие активное и пассивное начало сущего.

¹⁴ Амэи – невидимый.

¹⁵ Тамэи – видимый.

это уже было не суть важно, ибо обычно противник не успевал понять происходящего. Так и надо. Так и задумано.

– Вон как зыркнул на знак инь и ян, – объяснил старший.

– А... – молодой с подозрением уставился на Натабуру, ища на его открытом лице признаки смятения, но оно оставалось непроницаемым, как у Будды, взирающего на Мир сонными глазами филина.

Из всего услышанного Натабура различил три слова «ом-мёдо», «ян» и «инь», а еще, кажется, его называли ученым. Это было равносильно смертному приговору, потому что арабуру всех мало-мальски грамотных зарывали в землю. Поэтому они и шли, притворяясь не монахами, которых ловили, а нищими крестьянами, наводнившими дороги Нихон. Монахов перебили, потому что за последний год они три раза поднимали восстание, и три раза их топили в крови. Все монастыри, за исключением пещерных да островных, лежали в руинах. До пещерных еще просто не добрались. Не нашлось предателя, потому что арабуру были прижимистыми и в этом вопросе больше полагались на силу, чем на хитрость.

– Знаешь, что я думаю... – почесал затылок старший арабуру, – это разведчики мятежников!

– Ну? – удивился молодой арабуру, но не тому факту, что перед ними разведчики, а тому, что местный народ такой непокорный – топишь-топишь его в крови, а он лезет и лезет, лезет и лезет в своих мешковатых кимоно цвета земли, как мыши из нор.

– Конечно. Отрастили волосы и идут в столицу. Коварные, твари!

– Что будем делать?

– Их надо схватить и пытаться. Даже если ошибемся, не прогадаем. Эй! – он повернулся к оруженосцам.

И снова Натабуре помогла природная способность понимать смысл чужих слов, хотя язык не был похож на язык дикарей из Европы. Он все сообразил, даже по тому, как старший арабуру сжал поводья, а у молодого арабуру нехорошо вспыхнули глаза. А еще он понял, что свара разгорелась из-за годзуки – понравился он одному из арабуру. Натабура не удержался и усмехнулся. Если бы только арабуру заметили его усмешку! Но они плохо понимали мимику туземцев и, должно быть, решили, что это гримаса страха и что он просто струсит, как любой крестьянин при виде хозяина, точнее, новых хозяев.

Двое оруженосцев соскочили с лошадей и приблизились к ним, снимая с плеч веревки и показывая на руки. Третий на лошади тоже приблизился, полагая, что таким образом чем-то сможет помочь товарищам, и даже выставил перед собой ржавую нагинату. И тогда Натабура понял, что оруженосцы везут не оружие, а реликвии, и что арабуру собирают в качестве добычи всякий древний хлам. Зачем это им, удивился он и покорно протянул руки, у нас в стране так не делают. У нас чтят Будду и предков, но никак не грязь под ногами. Молодой арабуру злорадно засмеялся.

– Вот и все, – сказал он, – а ты говорил о каком-то коварстве. Да они безобидны, как цыплята. Привыкли подчиняться.

– Не скажи... – хмыкнул старший. – Я слышал, они опаснее ягуара.

Оруженосец уже два раза обмотал руки Натабуре, который все еще ждал, когда начнет действовать учитель Акинобу.

– Забери у него нож, – приказал молодой арабуру. – Мне понравился. Костяная диковинка. Повешу у себя в спальне.

– Да, господин, – оруженосец замешкался, не зная, то ли вначале отобрать нож, то ли связать руки.

Эта была его роковая ошибка, потому что второй оруженосец как раз подошел к учителю Акинобу. И тут они оба сделали то, о чем потом вспомнить даже не могли, ибо действовали по наитию: учитель Акинобу насадил подошедшего оруженосца на клинок, который молниеносно выхватил из посоха, а Натабура перебил своему врагу горло сухэ¹⁶ – так быстро и незаметно, что оруженосец стоял еще целое мгновение, как живой. Стоял, даже когда Натабура, одним прыжком очутившись рядом с молодым арабуру, зарубил его первым, стоял еще и тогда, когда второй арабуру что-то сообразил и в его глазах вспыхнул ужас. Но вместо того, чтобы дернуть за поводья и послать лошадь вперед, он неуклюже взмахнул веером, который, загудев, как гнездо шершней,

---

¹⁶ Сухэ – боевое кольцо с лезвием.

превратился в огненный катана – мшаго с бордовым клинком, – а вот ударить не успел. Натабура, повинувшись безотчетному страху, махнул кусанаги и разрубил арабуру сбоку, от руки до пояса. Только лицо отвернул от брызг. Лошадь понесла, волоча труп и окропляя траву и сухую дорогу горячей кровью, а рука с мшаго упала в пыль, и гудение прекратилось. Два красных пера, медленно кружась, опустились на дорогу.

Натабура не сразу взял веер, а некоторое время с опаской разглядывал его. Потом потянул на себя. Но пальцы на руке не разжимались. Тогда он дернул сильнее, вырвал из мертвой ладони арабуру веер и устремился вслед за своими. Оказывается, пока он возился с рукой, они успели добежать до ближайших кустов на склоне лощины и подавали ему оттуда знаки, один за одним выглядывая, как суслики.

После этого они помчались дальше, да так, что ветер зашвистел в ушах. Афра, приплясывая, пристроился рядом, радуясь тому, что хозяин наконец не тащится, подобно улитке на склоне, а куда-то и зачем-то несется, как перепуганный заяц. Так почему бы лишний раз не повалить дурака? Он хватал Натабуру за руку, почти не прикусывая, и тянул, и тянул вперед что есть силы, прижимая к лобастой голове уши и радуясь, радуясь, радуясь.

Когда они пришли в себя, Язаки с ними не было.

– Где Язаки? – удивился учитель Акинобу и выглянул из-за кустов, прижимая руку к груди – сердце билось где-то в

горле. Вроде еще не старый, подумал он. Попить бы, да у них даже воды не было.

– Вот он! – показал Баттусай, который с удовольствием расстался бы с этим обжорой, и вообще, он не понимал, почему учитель Акинобу и Натабура возьмется с Язаки. Такого ленивого ученика он сроду не видывал.

Язаки все еще бежал по дороге, как сонный, таща в обеих руках поклажу арабуру. За ним стелился шлейф пыли.

– Брось! – крикнул Натабура, с опаской посмотрев на небо. Вот-вот должен был вернуться иканобори. – Брось!

Но Язаки добежал и только тогда с гордостью швырнул трофеи в сухую траву:

– Во!

– Синдзимаэ!¹⁷ – не выдержал учитель Акинобу, хотя Язаки принес полную фляжку воды, разбавленную кислым вином, и они по очереди приложились к ней. – Фух-х-х!..

– Чего это?! – Язаки невозмутимо принялся развязывать куби-букуро¹⁸, из которой, к его ужасу, выкатились четыре головы, да необычные, а маленькие, как у младенцев, однако с усами, бритыми лбами и длинноволосыми прическами самураев. У одного даже сохранилась сакаяки¹⁹, а у другого глаза были открыты и тускло, как у мертвой рыбы, взирали

---

¹⁷ Синдзимаэ! – Убирайся к демону!

¹⁸ Куби-букуро – плетеная сумка.

¹⁹ Сакаяки – прическа самурая, волосы сбрасывали у лба, а на макушке завязывали узел мотодори.

на мир.

– Кими мо, ками дзо!..²⁰ – только и произнес Натабура, едва не поперхнувшись. Он узнал головы знатных самураев. Кажется, даже субэоса²¹ провинции Муцу, с которым был лично знаком. – Это из-под Цуяма. Там было последнее сражение.

– Точно, из-под Цуяма, – поддакнул Язаки, чтобы оправдать свой поступок. – Их никто не обмыл!

Учитель Акинобу скорбно промолчал, а Баттусай, беря у Натабуры фляжку, с удивлением воскликнул:

– А чего они такие маленькие? – и хмыкнул, выражая удивление: как это такие знатные люди дались арабуру?

И так было ясно, что самураи бессильны против пришельцев. Не для того ли их вызвал в столицу капитан Го-Данго, чтобы прояснить данный вопрос? И еще кое-что, о чем можно было легко догадаться по обстановке в стране. Должно быть, он готовил заговор. Должно быть, у него есть план. В этом плане для них, несомненно, отведено место.

– Они их коптили, – высказал предположение обескураженный Натабура. – Оро?!²²

– Нет, вымачивают в соляном растворе, а потом сушат, потом снова вымачивают и снова сушат, – объяснил учитель Акинобу. – Если бы коптили, были бы черными. Мы такое с

---

²⁰ Кими мо, ками дзо! – очистительная, защитная молитва.

²¹ Субэоса – главный наместник провинции.

²² Оро?! – восклицание, когда человек удивляется.

тобой видели в южной стране Тау. Помнишь?

– Помню, – ответил Натабура.

Тогда он был совсем маленьким и носил мамориготана²³, которым и мухи невозможно было обидеть. Они едва унесли ноги от местных охотников, которых учитель Акинобу устрасил, зарубив троих с такой скоростью, что остальные ничего не успели сообразить, ибо не имели понятия о настоящем катана и искусстве владения им. Зато потом ядовитые стрелы посыпались дождем.

– А здесь что? – Язаки с опаской стал развязывать другую сумку.

Из нее выпала связка сушеных крыс, пересыпанных черным перцем и красными травами – обычная еда арабуру.

– Куриное дерьмо!

Уж на что, казалось, Язаки голоден и всеяден, но и он не мог жрать подобную гадость. Взял да выкинул крыс в горькую полынь, чтобы Афра не соблазнился. Однако Афра не дурак – уже тыкался носом в следующие сумки, в которых, к счастью, оказался рис с овощами и маринованная в уксусе курица. Язаки тут же набил себе еду за обе щеки и, схватив две горсти риса, отступил в сторону. Учитель Акинобу посмотрел на него, как на безумного, а Натабура прочел в его взгляде презрение, хотя знал, что учитель по-своему любит Язаки.

– Головы надо похоронить, – высказал общее мнение Аки-

---

²³ Мамориготана – меч для подростков.

нобу, которое заключалось еще и в том, что нельзя отдавать останки собратьев на поругание.

Пока вырыли яму в склоне лощины, пока закапывали головы, пока прочитали молитву и сосредоточенно помолчали, другой стороной поля пролетел иканобори. На него даже никто не взглянул – не из-за гордости, а из-за презрения. Но заторопились и, как только скороговоркой произнесли: «Наму Амида буцу!»²⁴, побежали дальше: вдоль сухой лощины, по краю которой росли редкие акации и которая огибала поле, превратившееся в безжизненную пустыню не только потому, что была засуха, а еще и потому, что несмотря на указания новых властей, крестьяне так и не научились выращивать опунцию для производства конишели²⁵.

Бедный Язаки едва передвигался с набитым брюхом, однако жадность не позволяла ему бросить еду. Он тащился, как всегда, стеной и охая. Вдруг замолк. Натабура невольно оглянулся. Язаки лежал ниц, разбросав вокруг себя сумки, а в запада приближался, поводя мордой из стороны в сторону, иканобори.

* * *

Хонки²⁶ сидели под мостом, да еще и в дыре, и жалобно

---

²⁴ Наму Амида буцу! – «Преклоняюсь перед Буддой Амида!»

²⁵ Конишель – краска из тли.

²⁶ Хонки – духи и демоны.

хныкали:

– Вы нас не выдадите? Не выдадите?!

– А чего вы здесь делаете? – вступил в переговоры дипломатичный Баттусай.

Его рябая морда как нельзя лучше подходила для этого дела, потому что была как никогда серьезна и многообещающая – она сулила покой и радость для всего земного, в том числе и для хонки. Натабуре стало смешно, и он отвернулся. Баттусай любил навести тень на плетень, сочинить пару небылиц, да и вообще, наговорить такого, чего отродясь с ним не бывало. Вот и теперь он страшал хонки иканобори, которого сам боялся пуще смерти.

– Мы? – удивились хонки непонятливости людей. – Прячемся...

– А чего прячетесь-то?

– А вы что, ничего не знаете?

– Ни сном, ни духом. Откуда?

– Арабуру нас ловят...

– Ну и?..

Кое у кого в голосе прозвучало злорадство.

– Ловят и, говорят, что едят... – они обескуражено вздохнули. – Варят с лягушками в качестве приправы...

Количество желающих высказаться превышало пространство, в которое можно было втиснуться, поэтому в дыре виднелись одни глаза. Кто из них демоны, а кто духи, разобраться было весьма трудно. Как рыбы в неводе, невольно пришло

в голову Натабуре. Ясно, что перед лицом всеобщей опасности все: и демоны, и духи разнообразнейших мастей объединились, ибо вслед за арабуру неизбежно должны были явиться их хонки. А кто они такие, никто не знал, поэтому хонки Нихон вдруг стали лояльны ко всем ее исконным жителям. Нам на пользу, подумал Натабура с дальним прицелом, правда, еще не представляя, какую выгоду из всего этого можно извлечь.

– Чего?

– Как вас жрать можно? – вмешался в разговор Язаки, знаток по части откушать. – Где это видано, чтобы демонов и духов жрали? Я не знал. Вы ж, поди, безвкусные, как медузы?

– Безвкусные, – быстренько согласились хонки. – Безвкусные. Ясное дело. Кто спорит? Однако, вот. Оказывается, мы съедобные. Защитите нас...

– Чего?..

Им никто не верил, потому что хонки вечно пакостили людям и были хитры, как ползучие гады.

– Безвкусные, говорим. Защитите нас.

– Да на кой ляд вы нам сдались?!

– Мы исправимся... – просились они, как малые дети.

– Во припекло! – радостно воскликнул Баттусай.

А Язаки, пританцовывая, потер жирные ладони:

– Неспроста, видать!

Пока выяснялся этот важный вопрос, Натабура с учителем Акинобу разглядывали веер, который оказался таин-

ственным мшаго.

– Я думал, врут, – с восхищением признался учитель Акинобу, крутя в руках неизвестное ему оружие и не зная, как к нему подступиться.

– Я тоже, – охотно согласился Натабура, хотя в душе гордился тем, что добыл такой меч – мечту любого самурая.

Афра уже третий раз обнюхивал диковинку своим длинным холодным носом и фыркнул – мол, ничего интересного.

– Ну, что скажешь? – спросил у него Натабура, все еще переживая свой подвиг. В этом году подвигов у него еще не было. Это первый. И сразу такая удача.

Пес завилял хвостом и доверчиво прижался. Он любил, когда с ним разговаривали, особенно если чесали еще и за ухом, тогда он урчал, как большой кот, и помогал, приседая, задней лапой.

– Слышь, Баттусай, – позвал учитель Акинобу. – Как... она вообще, ну, это?..

Дело в том, что Баттусай уже один раз имел дело с мшаго. Правда, не в качестве его владельца. Случилось это в прибрежной деревне Кимоса, куда он попал вместе с торговцами рисом. В самом начале появления арабуру, когда о них толком никто ничего не знал. Чужеземцы сцепились с вако²⁷, железные мечи которых оказались бесполезными против огненных катана. Единственно действенным оружием оказались арбалеты. Но за троих убитых и пятерых раненых ара-

---

²⁷ Вако – морские пираты побережья Китая, Кореи и Японии.

буру сожгли деревню дотла, а все суда, на которых пытались бежать вако, потопили. Баттусай спасся чудом – отсиделся на рифе, а ночью приплыл на огонь. Разговоров о чудо-оружие хватило на целую луну. Баттусаю верили и не верили одновременно. Где это видано, чтобы свет был острее стали? Решили, что Баттусай на радостях перепился сакэ на перце и сочиняет небылицы. Один Натабура поверил. Вот бы мне такое, втайне стал мечтать. Но свой волшебный кусанаги, думал он, ни на что не променяю.

– Осторожно, – первым делом сказал Баттусай, – а то как пыхнет!

Только он предупредил, как учитель Акинобу что-то такое сделал, и из веера вылетел длинный, как лезвие катана, луч и легко прожег в опоре моста дырку. Запахло горелым деревом. Появился голубоватый дымок.

Все трое, кроме Афра, который давно уже не удивлялся разным человеческим глупостям, шарахнулись в сторону. А учитель Акинобу от неожиданности, как гадюку, отшвырнул мшаго на землю, где он продолжал тихо гудеть – ну совсем, как гнездо шершней. Вокруг луча оплавилась земля.

В этот момент сверху раздались тяжелые шаги иканобори. На голову посыпался песок. Афра давно уже ворчал, предупреждая, только все были заняты мшаго. Мост заскрипел и просел. Он не был рассчитан на вес дракона.

Иканобори вынюхивал. У него были отличное чутье и слух. Должно быть, его смущало гудение мшаго, но он не по-

нимал: вроде бы пахнет туземцами, а гудит, как у арабуру. Все примолкли, а хонки еще глубже залезли в свою нору и дрожали от страха так, что земля ходила ходуном.

Вдруг иканобори перестал двигаться. Похоже, он учуял нас, понял Натабура и невольно ослабил хватку на ошейнике Афры, который это сразу ощутил, дернулся и в три прыжка, да еще и взмахнув крыльями, взлетел по насыпи на мост.

Конечно, они оба – и Афра, и иканобори – умели летать. В свое время Натабура вылечил друга, и у него отросло новое крыло, потерянное в бою с хирака²⁸ и с ганива²⁹. Конечно, и азарта им было не занимать. Однако даже медвежий тэнгу³⁰ не мог тягаться с иканобори, который к тому же умел изрыгать огонь дальше, чем на пять тан³¹.

Что оставалось делать – тем более что иканобори мог их сжечь вкупе с мостом в мгновение ока. Поэтому Натабура выскочил следом за другом.

Он застал их в тот момент, когда Афра сидел на иканобори и рвал его за спину, а иканобори, свернув лошадиную морду набок, недоуменно смотрел, кто это кусается – надоедливо, как комар. Впрочем, крови натекло уже прилично, и иканобори явно собирался расправиться с Афрой. Что конкретно он придумал, Натабура, конечно же, выяснить не

---

²⁸ Хирака – воин из обожженной глины.

²⁹ Ганива – глиняный демон в виде собакообразного существа.

³⁰ Тэнгу – крылатая медвежья собака с крыльями, проводник в мир хонки.

³¹ Тан – 10,6 м.

стал, да и не собирался, дорого было каждое мгновение. Он только понял, что это китайский дракон, потому что был он не трехпалым, как местные, а пятипалым. Что это значит, Натабура сообразить не успел: возможно, Ая³² помогали арабуру, или даже науськали на Нихон, чтобы одним махом уничтожить многовекового противника.

Натабура быстро подкрался с другого боку, и хотя иканобори что-то почувствовал и даже махнул хвостом, на кончике которого раскачивалось, длинное, как катана, ядовитое жало, не долго думая, всадил луч мшаго в драконий бок, поросший зеленоватой шерстью, и распорол брюхо от хвоста до правой передней лапы. Он, наверное, отрубил бы и лапу, потому что бордовый луч мшаго вошел в плоть дракона, как нож в масло, и действовать им было даже сподручнее, чем голубым кусанаги. Но прежде чем умереть, иканобори мотнул головой в его сторону, выплюнув струю пламени, опалил себе бок и только после этого захрипел и стал валиться на левую сторону, беспомощно дергая крыльями. А Натабура, сбитый с ног вывалившимися из брюха иканобори внутренностями и волной крови, упал на дно сухой лощины в общество хонки.

Должно быть, несколько мгновений он был без сознания, потому очнувшись, понял, что пропустил часть событий. А очнулся он оттого, что верный Афра лизал ему лицо, и едва не задохнулся – воняло, словно из нечищеного колодца. На-

---

³² Ая – древнее название Китая.

табура, пошатываясь, выбрался на сухую землю и принялся отряхиваться. Болел правый бок, на который он упал, а еще нога и рука. И слегка все вокруг кружилось.

– Бесплезно, – с видом знатока заметил Баттусай, невольно отступая в сторону, чтобы его не забрызгало кровью и содержимым кишок – всем тем, в чем вымазался Натабура.

Язаки промолчал, потому что, как всегда, тайком жрал рис и курицу.

– Уходить пора, – напомнил учитель Акинобу. – Река недалеко, искупаешься.

Афра сделал два прыжка в сторону, согласный с этим. И все-все ждали, что скажет Натабура. Почему на меня все вылупились, словно я голый? Что же произошло? – попытался он вспомнить. Ах, да! И посмотрел наверх. Иканобори возвышался на мосту, как гора. Морда с прикушенным в агонии языком свисала меж остатков перил. Крылья, как и лапы с медными когтями, еще дергались. А лощина под мостом была завалена внутренностями. Как в него столько помещалось? – удивился Натабура. Это был его первый дракон. С ними он еще ни разу не дрался. Японские драконы всегда были миролюбивы и обходили людей десятой стороной. Их миром были вершины гор и темные ущелья с пещерами. Хонки тоже вылезли посмотреть на необычное зрелище, несмотря на то, что солнечный свет был им вреден. Но небо как раз затянула серая хмарь, и они рискнули.

– А вы чего не жрете? – спросил Баттусай, отвлекая Ната-

буру от воспоминаний.

– Мы хоть и любим свежую кровь, но к гадости иканобори непривычны. Рыбой воняет.

– А к чему вы привычны? – хмыкнул Баттусай.

– Мы китайскими драконами брезгуем. Они нечистые.

– Они лягушек едят.

– А еще жаб.

– И крыс!

Ишь ты, разборчивые, удивился Баттусай, не ожидая такого от хонки.

– Пора, – напомнил учитель Акинобу. – Неровен час, еще один прилетит.

– Мы пошли, – сказал Натабура, – а вы здесь разбирайтесь.

Совершенно случайно он каким-то образом втянул клинок в рукоять, и теперь надо было выяснить, как же действует мшаго. Кровь, которой он был перемазан с головы до ног, стала высыхать и стягивать кожу.

– Слышь... – позвал хонки, по виду сикигами³³, обращаясь к Язаки. Он не мог выйти на белый свет и прятался за опорой моста. – Слышь... если что, мы вам поможем...

– Поможем, поможем, – раздалось голоса хонки. Мы здесь посовещались – будем вам помогать. – Неясные, серые лица испуганно выглядывали из норы.

– Как? – оглянувшись, усомнился учитель Акинобу, потому что никогда не слышал, чтобы демоны, какими бы они

---

³³ Сикигами – демон смерти.

ни были, помогали людям. Это противоречило их природе и мироустройству в целом.

– Я вижу, у вас каба-хабукадзё³⁴, – в голосе демона смерти послышалось почтение.

Действительно Язаки до сих пор таскал на груди случайный подарок Бога Яма. Похоже, из-за этого хонки и приняли Язаки за старшего.

– Меня зовут Басаон. Меня здесь все знают. Людям я отродясь ничего плохого не делал. Если что, найдете горшечника Дзигоку, но к нему самому не идите, а во дворе у него постучите в крышку погребца. Там живет мой родственник – Киби Макиби, скажете, что от старика Басаона. А еще покажите это. Он вам поможет. – С этими словами Басаон снял с шеи что-то невидимое и протянул Язаки.

– Что это такое? – удивился Язаки и даже отступил на шаг.

– Кизэ – пропуск в наш мир. Он виден только в темноте. Покажете его, и с вами будут говорить на равных.

– Ладно, давай, – согласился Язаки. – Одним знаком меньше, одним больше.

Хмарь стала рассеиваться, и хонки предпочли дыру в склоне лощины.

Когда Натабура оглянулся, наиболее смелые и неразборчивые из них все же пили кровь иканобори, сгрудившись вокруг, как собаки. Только вот задних ног у них отродясь не было, и картина выглядела жутковатой.

---

³⁴ Каба-хабукадзё – Черный Знак Ада.

Река обмелела. Ее можно было перейти, не замочив колен. На другом берегу виднелись ветхие крыши брошенной деревни Тамба. Прежде чем выйти на берег, учитель Акинобу приказал обследовать реку на предмет арабуру. Известно было, что они выставляли секреты в самых неожиданных местах. Натабура выдержал не больше пяти кокой³⁵ – кожу страшно стянуло, а на голове образовался колтун, – нашел место поглубже и залез в воду. Окровавленное кимоно бросил на перекаты и придавил камнями. Вода сама вымоет, решил он, нежась в прохладных струях. Учитель Акинобу больше никого не пустил в реку, приказал наблюдать за противоположным берегом. Только Аффа на собачьих правах присоединился к Натабуре и с удовольствием плавал в запруде, фыркал, а потом стал гонять лягушек, как прежде, когда был щенком, и постепенно приблизился к противоположному берегу. Не успел Натабура его окликнуть, как в кустах что-то шевельнулось и опрометью бросилось прочь. Учитель Акинобу тоже заметил. А Баттусай даже высказался, что точно видел арабуру. Они вдвоем перешагнули реку и пустились догонять. Когда Натабура присоединился к ним, голый, как покойник, они уже держали за руки подростка, а

---

³⁵ Кокой – одна минута.

учитель Акинобу вел допрос:

– Ты кто?

Подросток от страха поджал ноги и висел в сильных руках Баттусая.

– Я... я... из деревни, таратиси кими. Только не убивайте!

– Нужен ты нам, – сказал Баттусай и встряхнул его. – Ты лучше рассказывай, кто ты и откуда?

– Да он рыбу ловил, – сказал Язаки, который притопал позже всех, – я видел. А когда нас приметил, то спрятался.

Учитель Акинобу так на него взглянул, что Язаки проглотил язык.

– Сколько раз тебе было говорено, докладывай обо всех мелочах.

– Так-к-к... ерунда же... сэйса – оправдывался Язаки. – Я же говорю, мальчишка ловил рыбу. Об этом тоже докладывать?

– Обо всем! – как неучу, объяснял Акинобу.

Язаки оглянулся и беспомощно посмотрел на Натабуру, ища поддержки. Он ходил в учениках много лет, но, похоже, мало чему научился. Натабура развел руками – правила есть правила, а Язаки беспечен, как девица на выданье. О чем он думает? Должно быть, о том, что в сумке еще остались рис и курица. Натабуре так и хотелось сказать: «Не витай в облаках, дружище, спустись на землю, будь внимателен. У нас серьезные дела».

– На! – Язаки, как от сердца оторвал, протянул сумку с

едой. – Твоя порция! – И отвернулся из гордости, мол, вот я какой: не все сожрал. Натабура съел несколько жменей риса и отдал сумку подростку, заметив его голодный взгляд:

– Ешь. Как зовут-то?

– Митиёри... таратиси кими... – мгновенно набив рот и почему-то всхлипывая, едва вымолвил подросток.

Натабура подумал, что совсем недавно он был таким же желторотым и тоже ничего-ничего не понимал и всего боялся.

– Ты, Митиёри, ешь, потом все расскажешь. Да брось ты его, – сказал Натабура Баттусаю.

– А если сбежит?

– Да куда он не сбежит. В деревне кто есть?

– Не-а-а... – Митиёри набивал рот и глотал даже быстрее, чем мастер этого дела Язаки. По его лицу текли слезы.

Да и вид у него был хуже некуда – кожа да кости. Кимоно – дыра на дыре. Волосы нечесанные, а самое главное, грязный, как свинья – кожа на ногах в коростах, под ногтями траурная грязь, словно он и не жил на реке.

– Вот что, – сказал учитель Акинобу, стараясь не кривиться. – Ты нас, Митиёри, не бойся. Мы свои. Тоже, можно сказать, голодаем.

– Ага... таратиси кими... – безучастно кивнул Митиёри, пожирая ножку вместе с костями. На зубах у него трещало так, как обычно у Афра, когда он закусывал цыпленком.

– Кто еще с тобой здесь?

– Дед Ваноути. Я ему рыбу ловлю. Только рыбы нет, – Митиёри прекратил жевать. – Можно я деду отнесу, таратиси кими?

– Понятное дело, – согласился учитель Акинобу. – Арабуру все выловили. Сети забрасывают поперек и ловят.

– Так нельзя, – очень серьезно пояснил Митиёри. – Так запрещено.

– Вот я и о том же. Ну, – вздохнул он, – идем к твоему деду.

Хотя подросток действительно казался крестьянским сыном, учитель Акинобу выразительно посмотрел на Натабуру, и тот все понял. К этому моменту голова у него почти не кружилась, он успел одеться в мокрое кимоно и закинуть за спину голубой кусанаги. Баттусай тоже сообразил, и они вместе, да еще Афра, не пошли толпой за учителем Акинобу, Язаки и Митиёри, а отступили по краям и предпочли тропинке не очень густые кусты ивняка. Однако Афра вел себя спокойно, то и дело мышковал, а над зарослями ивняка не кружилось ни единой птицы, что, по идее, свидетельствовало об отсутствии засады.

Предосторожность оказалась нелишней: рядом с дедом Митиёри сидели двое ободранных, однако что ни на есть самые настоящих высокопоставленных самурая. Вначале потянуло костром, а затем они всех их и увидели в низине оврага: убеленного сединами старика в холщовом кимоно и са-

мураев в доспехах офицеров. Содэ³⁶ отсутствовали, а фартуки были разорваны до пояса. Во все стороны торчал белый китовый ус. Зеленая шнуровка императорского дома Мангобэй приобрела грязно-болотный цвет.

Баттусай на всякий случай остался сидеть в кустах, а Натабура с Афра вышли, немного помедлив, за учителем и Язакки. Пусть думают, что там еще кто-то остался, решил Натабура, злорадно глядя на одного из самураев, по благородной седине и гордому поставу головы узнав в нем генерала Го-Тоба. Генерал Го-Тоба командовал самой большой императорской шестой армией, которая контролировала восточные и северные районы страны. То, что он находился здесь, свидетельствовало только об одном: этой армии больше не существовало. Значит, арабуру все захватили, подумал Натабура, и боевой дух генерала Го-Тоба заметно подорван. Увидев чужих людей, он не вскочил и не принял оборонительную стойку, а остался безучастным, лишь взглянул на учителя Акинобу. А вот его спутник положил руку на рукоять меча, но выхватить не посмел, должно быть, оттого, что увидел в руках Натабуры мшаго. Если бы он знал, что Натабура не умеет им пользоваться, он бы, наверное, на всякий случай зарубил бы их всех, включая мальчишку Митиёри. Нервничает, понял Натабура. Нервничает.

– Это свои, – сказал дед Митиёри, не удивляясь появлению чужаков, и все успокоились.

---

³⁶ Содэ – наплечный щиток.

Учитель Акинобу присел рядом с костром, и снова Натабура страшно удивился: в кои веки самураи позволяли сидеть рядом с собой простым крестьянам – все-таки это был скрытый вызов уважаемым господам самураям.

– Я вижу, вы ничего не боитесь... – заметил спутник генерала Го-Тоба, кивая на мшаго.

Другой бы на месте Натабуры возгордился. Но он сделал вид, что иметь мшаго – это в порядке вещей и что у них за душой еще кое-что есть. Самое удивительное, что он был недалек от истины, просто не знал об этом.

Митиёри протянул сумку с едой деду, и оба самурая проводили ее взглядом – до их ноздрей донесся сладкий запах съестного. Но попросить из-за гордости они не посмели, а отобрать не решились.

– Не боимся, – кивнул Натабура, хотя по старшинству должен был ответить учитель Акинобу. Но Натабуре так хотелось утереть нос высокородным самураям, что он не удержался, и в итоге заслужил осуждающий взгляд учителя Акинобу. – Мне кажется, вы тоже не в лучшем положении?

В конце концов, кто должен защищать страну? Те, кто имел власть и деньги, а теперь, когда пришло время проявить стойкость, разбежались по кустам. Он ненавидел их за это, за близорукость и жестокость к собственному народу, за лицемерие и жадность.

– Да, – уныло согласился генерал Го-Тоба, – иначе лежали бы вы сейчас в луже крови. – Это Чжэн Чэн-гун! – генерал

показал на попутчика.

Несомненно, что таким образом он хотел подчеркнуть собственную значимость. Чжэн Чэн-гун, который до этого только сверкал от ярости глазами, приосанился.

– Слышали о таком, – опять не удержался Натабура. – Лучший фехтовальщик при императоре Мангобэй.

Наступила тишина. Скрытый вызов во фразе Натабуры поняли все, даже Афра, у которого шерсть на загривке встала дыбом, а брыли стали подергиваться.

– Ты намекаешь, собака, что я оставил своего господина?! – надменно и громко спросил Чжэн Чэн-гун.

– Я намекаю только на то, что сказал, сэйса, – насмешливо ответил Натабура.

На этот раз учитель Акинобу не остановил его. Стоит ли, если кто-то желает наколоться на кусанаги Натабуры, к тому же отвлекать бойца в такой момент большая глупость. Дух! Вот всему причина. Дух – вот что важно! Дух – он всегда выведет на правильный путь, спасет и защитит. Акинобу только прикинул траекторию движения катана Чжэн Чэн-гуна и немного подался в сторону, да еще прижал к себе Афра, чтобы тот не мешал, если дело дойдет до схватки. Правда, Натабура нарушил третью заповедь Акинобу: никогда не доводи дело, если можешь, до схватки, ибо сама схватка – уже проигрыш, потеря контроля над ситуацией. Но, видно, порой бывают исключения.

– Выброси свой веер, и мы сразимся, – свирепея на глаза,

произнес Чжэн Чэн-гун.

Волосы у него на голове с треском пробили верхушку шлема и вылезли через тѣхэн³⁷, а борода и усы проткнули полумаску, которая была на нем. Зрачки от бешенства расширились и стали большими и черными, как бездна, а рука, сжимающая рукоять катана, задрожала от напряжения.

Язаки, испытав мгновенный ужас, освободился от содержимого своего желудка. Баттусай в кустах крикнул от досады, полагая, что Натабура не устоит. А Митиѐри зарылся в камыш. Один учитель Акинобу даже глазом не моргнул, ибо видел в этой жизни и не такое. Дед Митиѐри сослепу ничего не понял и поэтому не испугался, а некстати произнес:

– Сейчас рыбки сварим...

– Боюсь, что если я его брошу, ты, ксо, лишишься головы, – очень-очень медленно, растягивая каждое слово, произнес Натабура.

Чжэн Чэн-гун опешил – этот крестьянин с едва заметным, тонким, белым шрамом на лице его совершенно не боялся. Разумеется, он слышал о тех людях из народа, которые бродили по стране и оттачивали мастерство в боях с любым желающим. Но разве он – Чжэн Чэн-гун – любой желающий?! Гордость не позволяла ему общаться на равных с простолюдином. Червь земли, что он понимает? Его удел кормить императора и низко кланяться мне – хозяину и повелителю

---

³⁷ Тѣхэн – отверстие на вершине шлема, которое называлось «дыра для дыхания».

жизни. Так высокомерно думал Чжэн Чэн-гун за мгновение до своей смерти. Он еще не понял, что времена изменились, что народ как раз, в отличие от верхушки, воспрянул духом, ощутив опасность, когда у них всех появился общий враг – арабуру. Чванство замутило его разум, а великосветские привычки прочно взяли верх, и он не хотел уступать.

Впрочем, если бы он знал, что перед ним не менее знаменитый фехтовальщик, вряд ли бы даже это его остановило. К тому же его противник не был вооружен мечом. А Чжэн Чэн-гун привык убивать крестьян из чувства превосходства. Он даже не вспомнил легенду, по которой все самураи из рода Чэн-гун погибали от таинственного голубого кусанаги. Откуда он мог ведать, что этот катана притаился за спиной обыкновенного крестьянина в грубой пыльной одежде.

Натабура подпрыгнул из положения сидя, потому что Чжэн Чэн-гун ударил катана без замаха, параллельно земле. Если бы удар вышел, верхняя часть Натабуры опала бы на песок, и все было бы кончено, не успев начаться. Без сомнения, Чжэн Чэн-гун владел приемами школы иайдо, но этого было мало даже для простолюдина в рубище.

Натабура мог бы убить Чжэн Чэн-гун еще до удара – годзука готов был прыгнуть в ладонь. Удар в темечко. В ухо. В горло. Да куда угодно: например, под нос, чтобы вызвать обильное кровотечение. Но пустое благородство взяло верх – Натабура дал противнику шанс, чтобы потом не было разговоров о коварстве пришлых монахов. По сути, он был еще

слишком молод для принятия взвешенных решений, но достаточно опытен для столь ответственного поединка. Чжэн Чэн-гун, не делая паузы, нанес еще несколько рубящих ударов камасёрнэ³⁸ в надежде, что один из них окажется смертельным. Запахло окалиной. Как опытный фехтовальщик, он даже применил синоги ваэ – удар с расчетом, чтобы обойти цуба³⁹ и поразить кисть руки. Для этого требовалось поставить свой меч таким образом, чтобы он скользнул под определенным углом по мечу противника. Но Натабура в момент удара не принял всю его силу на клинок, а всего лишь отвернул меч Чжэн Чэн-гун совсем немного в сторону, и лезвие клинка скользнуло мимо.

Натабура опережал Чжэн Чэн-гун. Это сразу стало ясно обоим. По привычке в момент удара он оказывал на рукоять давление всей пятерней левой руки, особенно безымянным пальцем и мизинцем на кончик рукояти, что придавало киссаки⁴⁰ высочайшую скорость, и кусанаги рассекал воздух со свистом.

Чжэн Чэн-гун уже сообразил, что здесь что-то не так, и всеми способами стремился подавить противника. Его катана был подобен лучу солнца и свисту ветра одновременно. К тому же Чжэн Чэн-гун спешил, пытаясь не дать Натабуре обнажить огненный катана. Впрочем, голубой кусанаги

---

³⁸ Камасёрнэ – косой ударом через плечо.

³⁹ Цуба – гарда меча.

⁴⁰ Киссаки – кончик катана.

уже явился всеобщему взору, однако в суматохе никто ничего не понял, и несколько ударов Натабура с легкостью отбил тыльной стороной куланаги, не предпринимая активных действий, внимательно следя за глазами противника, в которых сквозила даже не ярость, а безумие. А когда ему это надоело, остановился, упершись в землю, и сделал то, что называется коёсэ⁴¹ – почти не прикоснувшись, отбросил Чжэн Чэн-гун так, что он задом въехал в камыш и упал. В доспехах он был слишком тяжел для реального боя. Воспитанный в лучших традициях придворного этикета, он дрался только с себе подобными, подавляя своим именем и чином, не утруждая себя ежедневными тренировками и сатори⁴². Жирная еда, вино, женщины и бессонные ночи сделали свое дело. Его сердце и мышцы не были приспособлены для длительных нагрузок, а основным оружием служила всего лишь неукротимая ярость и чванство. Надо учитывать, что Чжэн Чэн-гун был на двенадцать лет старше Натабуры и, как все китайцы, к этому возрасту обзавелся тремя складками жира на животе. Это давало силу, но лишало ловкости, и с каждым лишним мгновением боя она словно уходила в землю.

Сообразив, что так ничего не получится, Чжэн Чэн-гун решил применить хитрость: он бросился на противника, выставив перед собой катана и вакидзаси, словно пики. Девя-

---

⁴¹ Коёсэ – колесо, закручивание двумя руками кисти противника, используя силу инерции движения.

⁴² Сатори – просветление в дзэн, покой, без сатори нет дзэна.

носто девять раз этот прием приводил к тому, что противник оказывался на земле с пробитой грудью и сломанным позвоночником, на сотый раз Чжэн Чэн-гун добился лишь того, что сам влетел в костер, разбросав его во все стороны, и принялся в бешенстве рубить камыш и рыбацкую хижину деда Митиёри, выкрикивая проклятия.

– Ку-ку! – позвал Натабура. – Я здесь!

Чжэн Чэн-гун повернулся в его сторону. Наконец он увидел в руках Натабуры злополучный голубой кусанаги и все понял, но не пожелал подчиниться судьбе, ибо был безмерно тщеславным. Глаза его стали красными, что предшествовало размягчению мозгов. Безумный крик родился в его глотке: «Бу-ккоросу!»⁴³ Вдруг он зашатался, упал, изо рта ударил фонтан крови. Через мгновение самурай был мертв. Все сгрудились вокруг него.

– Этого следовало ожидать, – философски заметил генерал Го-Тоба. – После сражения Чжэн Чэн-гун стал сам не свой. Его сердце не вынесло стыда за поражение.

– Что вы надумали, генерал? – спросил учитель Акинобу, когда фехтовальщика Чжэн Чэн-гун оттащили в кусты и дед Митиёри, подбросив в костер сучьев, поставил вариться то, что сумел наловить внук.

– Сниму доспехи, зарю меч и останусь сидеть здесь. «Не делай ничего и таким образом достигнешь всего», – процитировал он изречение Будды.

---

⁴³ Бу-ккоросу – «Убью!»

– По крайней мере, честно, – очень серьезно заметил Акинобу.

Конечно, можно было намекнуть, что борьба только начинается, что они для этого и пришли в столицу Мира. Но разве гусь свинье товарищ: генерал потребует войско и благополучно угробит его в первом же сражении. Нет, теперь надо полагаться только на себя и верить только в себя и в своих друзей.

Баттусай кивнул в знак согласия со словами учителя. На-табура понимающе улыбнулся – ему хотелось посмеяться над генералом Го-Тоба, как совсем недавно он посмеялся над великим фехтовальщиком Чжэн Чэн-гун, но пришлось сдержаться, ибо негоже еще раз унижать побитую собаку. Одному Язаки было все равно, что думает генерал Го-Тоба. Да еще Афра, который лишь едва на треть понимал речь людей. Ему всегда нравилось находиться рядом с хозяином, о другом он и не мечтал, ну, может быть, самую малость – о сахарной косточке.

* * *

День клонился к закату. По багровому небу плыли длинные, как драконы, тучи. На груди Язаки стал светиться кизэ. Со стороны Киото доносились странные звуки: то ли гром, то ли там шло грандиозное сражение, то ли невидимый великан разрушал город. Афра то и дело отвлекался и, навест-

рив уши, смотрел в сторону города, а потом снова с вдохновением принимался за старую кость, которую нашел в кустах. Баттусай спал под дерюгой, экономя силы – он, как бывалый солдат, заваливался при любом удобном случае. Учитель Акинобу и генерал Го-Тоба тихо беседовали, признав друг в друге родственные души. Митиёри и его дед копошились в хижине.

Вдруг Язаки что-то воровато достал из-за пазухи:

– Вот, что у меня есть!

– Ну?.. – Натабура приподнялся на локте.

Он уже дремал, вспоминая дом и Юку. Язаки чем-то щелкнул, и из круглого и плоского вылезли иглы, поверх которых пробежали голубоватые искры. И запахло странно – как перед дождем.

– Ежик, – тут же с некоторой опаской окрестил Натабура.

– Ежик! Оро?! – вдруг хихикнул Язаки. – Майдара⁴⁴, а не ежик!

– Майдара, так майдара, – согласился Натабура.

– Только непонятно, для чего, – горестно вздохнул Язаки.

– Что тут непонятного?! – удивился Натабура и осторожно провел рукой, не касаясь. Искры, треска, посыпались во все стороны. Пахнуло дождем. – Ежик, он и есть ежик... только для чего?

– Вот я о том же, – с горестью вздохнул Язаки и спрятал майдару за пазуху.

---

⁴⁴ Майдара – мохнатка.

Ему нравились искры, которые собирались на кончиках игл.

– Погоди, погоди, – оживился Натабура. – Давай разберемся. Чего ты его прячешь?

– Это мой ежик! – уперся Язаки.

– Да твой, твой. Покажи.

Язаки достал и со вздохом протянул.

– Ну? – он следил за каждым движением Натабуры, как если бы опасался за свою находку.

– Вот что, – произнес Натабура с видом знатока, – вещь эта ценная. Не у каждого есть...

– Ясное дело, – напряженно кивнул Язаки.

Лицо его с застывшими глазами выражало досаду. Он уже жалел, что доверился другу, и нюхом ощущал, что поступил глупо, но не знал, в чем прокололся.

– Покажем генералу, – поднялся Натабура.

Язаки издал странный звук:

– Э-к-к-к... – и двинулся следом, следя за ежиком – как бы тот не пропал в самом деле.

Как только Натабура сунул под нос генералу Го-Тоба ежика, его словно ветром сдуло. И все с удивлением слушали, как за убегающим генералом трещит камыш.

– Вот?.. – удивился Натабура и с испугом уставился на ежика, а потом снова на камыш. – Чего он испугался?

У Язаки не было слов. Он забыл закрыть рот и не мог издать ни звука. Что же я такое нашел? – лихорадочно сообра-

жал он, тихо злорадствуя.

– Генерал покинул нас, – констатировал учитель Акинобу. – Чем вы его напугали?

– Вот... – Натабура вытянул ладонь, на которой лежал злополучный ежик. В его иголках вспыхивали голубые искры.

– Хитрецы, – весело и одновременно с укоризной сказал учитель Акинобу. – Вам бы в императорских советниках ходить.

– Конечно, – дипломатично согласился Натабура. – Только я ничего не пойму.

– А что понимать, – как в разговоре с неразумными детьми, вздохнул учитель Акинобу. – Чего понимать-то? Ежик это! Ежик!

– Ну и?.. – осмелился проявить туповатость Натабура.

– Ежик – эта такая штука... которая...

– Ну да... – неназойливо подсказал Натабура.

– Подожди, ты меня не сбивай, – оборвал его учитель Акинобу, и глаза его под сердито нахмуренными бровями насмешливо блеснули. – Это то, что описано у...

– Точно! – вспомнил Натабура. – У Платона!

– Да! – согласился учитель Акинобу. – Атлантида! Энергия в чистом виде. Говорят, что из иголок брызжут искры и всех, всех, всех убивают. Только таких штук нужно как минимум три.

– Так что он тогда испугался? – кивнул на кусты Натабура.

– А он не знал, – не удержался и хихикнул учитель Аки-

нобу, – генералы, они все такие.

– Отдай! – потребовал Язаки. – Я еще две штуки найду, и мы им покажем, – он многозначительно посмотрел в сторону столицы, откуда громыхало.

– Да, спрячьте, – согласился учитель Акинобу. – Пригодится. Ты с огненным катана разобрался? – спросил он у Натабуры.

– Нет еще, сэйса.

– Ну так разберись. Это пока нужнее. А ежик – штука бесполезная, если она одна.

– Ладно, – согласился Натабура.

– Нет, не ладно.

И Натабура понял, что сейчас ему будет преподан урок логики.

– Я утверждаю, что сказанное мной – ложно!

– Нет, так не может быть, – не согласился Натабура.

– Ну хорошо. Тогда получается, что если я сказал истину, то она все равно ложна.

– Ложна, – согласился Натабура.

– А если она ложна, то согласно смыслу моей фразы, что она не ложна, и в силу вступает закон исключающего третьего, то есть она истинна.

– Да, сэйса, – кивнул Натабура, сбитый с толку.

– А это значит, что мое высказывание о ежике может быть одновременно ложно и не ложно.

– Здорово, сэйса! – согласился Натабура.

– Ну идите, – Акинобу остался довольным.

Они вернулись к костру и стали вертеть в руках мшаго. Тяжелая была вещица. По объему небольшая, но тяжелая – даже для веера. Правильно, подумал Натабура. Рукоять и должна быть тяжелой, ведь луч ничего не весит. Таким мечом не особенно и порубаешь – руку вывихнешь, а тяжелая рукоять уравнивает. Но все равно получается, что мшаго не сбалансирован. Как же им драться? Одно дело распороть брюхо иканобори, а другое дело помериться силой с арабуру, тоже вооруженным мшаго.

– Ты вот эту штуку крутани, – посоветовал Язаки.

Штукой он назвал то, что в рукояти катана именовалось касирой. Натабура покрутил ее. Касира три раза шелкнула, но ничего не произошло. Зато, там где должен быть клин мэкуги, наличествовала кнопка. Натабура нажал на нее, и произошло следующее: веер мгновенно свернулся, а вместо него из рукояти выскочил луч, но не бордовый, а чисто белый. Мшаго тихо загудел, казалось, он ищет противника, в которого можно впиться и выпустить кишки.

– Хоп!.. – с восторгом воскликнул Натабура.

Язаки, выпучив глаза, произнес:

– Ух, ты-ы-ы...

Натабура покрутил касира – цвет луча поменялся на желтый, затем стал бордовым.

– Понял? – спросил Натабура, ничего не поняв.

– Понять-то я понял, – чуть-чуть оторопело, согласился

Язаки, – но зачем три цвета?

– Не знаю, – честно ответил Натабура.

Он так же, как и Язаки, испытывал почти детский восторг. С Язаки не надо было хитрить. Язаки был просто другом. Он был ясен, как яблоко на ладони, немного с фанфаронством, с бахвальством. Ну иногда врал от восторга, но без злого умысла, по-мальчишески глуповато, а в общем-то, безобидно, просто от избытка молодости.

– Это для того, чтобы с разными противниками драться, – показав один глаз из-под дерюги, объяснил Баттусай. – Бордовый – он против железа, а самый светлый и человека за просто возьмет.

– Откуда ты знаешь? – живо сверкнул глазами Язаки.

– Видел... – проворчал Баттусай, переворачиваясь на бок.

Ну не нравился ему Язаки, не нравился. Больше его ничего не интересовало. Он знал, что Натабура и учитель Акинобу все сделают правильно и что можно спокойно спать до самого рассвета.

* * *

Утро наступило как всегда росистое и холодное. Натабура проснулся оттого, что Афра положил ему морду на грудь – мол, вставай, хватит валяться. Еще не открыв глаз, Натабура почесал пса за ухом, и у того внутри что-то ожило и запело.

На все лады звенели комары, паутина меж кустов сверкала

каплями влаги. Солнце вставало прямо из-за травы и сквозь туман казалось желтым мохнатым шаром.

Натабура легко поднялся и потянулся. Оказывается, все уже собрались: Язаки был бы не Язаки, если бы не крутился возле умирающего костра, где пахло жареной рыбой, и даже генерал Го-Тоба сменил доспехи на ветхое кимоно деда Ми-тиёри.

– Нет, так не пойдет, – сказал Акинобу. – Меч придется оставить. Возьмите только танто⁴⁵. Да и то не советую.

– Почему?

– В нашем положении самая бесполезная штука, как зубочистка для слона.

– Без меча я не могу! – уперся генерал Го-Тоба, наклонив вперед седую голову и глядя на Акинобу исподлобья.

Акинобу только пожал плечами, говоря всем видом, что генералу придется подчиниться, ибо в лучшем случае он дойдет до первого поста арабуру и всех подведет.

– Стоит ли объяснять, какое у них оружие? – учитель Акинобу невольно мотнул головой в сторону Киото, где обосновались иноземцы, а еще он поднял палец вверх, тем самым призывая генерала одуматься.

Генерал Го-Тоба воинственно выпятил грудь.

– Еще никто! Слышите! Никто не смел усомниться в моей силе, – он нарочно звякнул мечом.

Идиот! – подумал Натабура и не стал дожидаться, чем

---

⁴⁵ Танто – нож.

кончится спор, а пошел к реке умыться. Генерал нарывался. А так и будет. Он не знал божественный смысл, который пытался объяснить ему Акинобу. Ему еще повезло, что учитель Акинобу терпелив, как Будда. Акинобу пришлось прибегнуть к словам, иначе бы все кончилось плачевно. Куда он денется? – хмыкнул Натабура, зная нрав учителя. Несомненно одно, генерал не имел понятия о дзэн, а руководствовался умозрительностью – не самое лучшее свойство ума в нашем опасном деле.

Арабуру выдали яркие перья, которые колыхались над тростником по ту сторону реки. Отсюда хорошо было слышно, как пререкается упрямый генерал и как звякает его меч. Должно быть, арабуру соображали, что к чему, перед тем как что-либо предпринять.

Придерживая Афра за шкуру на холке, Натабура отступил к хижине деда Митиёри.

– Арабуру! – шепотом сообщил он, и все присели, с опаской взглянув на утреннее небо, которое было голубым и веселым, только далеко на севере привычно стлались тонкие, перистые облака, предвещая ветер. Там, как всегда, дымил Фудзияма. Должно быть, он тоже возмущался вторжением арабуру.

Лицо генерала Го-Тоба приобрело бордовый цвет, но своего катана он не бросил, а вцепился в него так, словно это была последняя соломинка или последний рубеж, дальше которого генерал отступать не хотел.

Акинобу его пожалел.

– Уходим! – скомандовал он, и все, включая деда Митиёри, побежали вдоль оврага, который примерно через коку⁴⁶ вывел их к полю гаоляна⁴⁷ с другой стороны деревни.

Натабура с Афра по привычке шли первыми. За ними шагах в десяти беззвучно двигался Баттусай. Рыжие метелки гаоляна скрадывали горизонт, да и Афра сплеховал, заворчал в самый последний момент – когда Натабура нос к носу столкнулся с драконом.

Иканобори, должно быть, с ночи сидел в засаде и уснул, потому что спросонья сам испугался, и в первый момент у Натабуры был шанс убить его даже кусанаги. Но все произошло так неожиданно, что Натабура упустил момент, а потом иканобори поднял морду и, отступая, зашипел, как испуганная змея. Благо, Натабуре хватило сообразительности придержать Афра, который сразу ринулся в атаку. В следующее мгновение произошло то, что можно было назвать чудом: иканобори принялся и повел себя с Натабурой, как со старым знакомым. Глаза его сделались дружескими, даже сонными, он снова опустил морду на лапы и, моргнув большими глазами, уснул.

Сзади зашуршал гаолян: Баттусай, не веря самому себе, застыл, как придорожный столб. На него-то и среагировали все остальные. Вначале Натабура увидел испуганные гла-

---

⁴⁶ Коку – полчаса.

⁴⁷ Гаолян – сорго.

за учителя, затем одуревшие глаза ничего не понимающего Язаки и даже генеральский колючий взгляд. Учитель Акинобу всех повел в обход – должно быть, крайне осторожно, потому что Натабура больше не услышал ни шороха, ни дыхания, ни даже крика потревоженной пичужки. Все было тихо, только по-прежнему шелестел гаолян и качались его выгоревшие на солнце метелки. Последним отступил Баттусай.

Только тогда Натабура что-то сообразил. Он понюхал сгиб руки и нашел, что его собственная кожа пахнет точно так же, как и иканобори. Ну да, действительно, мы же с Афра вывалились в его крови и кишках, вспомнил Натабура, обходя дракона стороной.

Напоследок иканобори открыл глаз и проводил их взором, доверчиво, как старая собака хозяина. Натабура и теперь мог убить его ударом кусанаги. Однако это было бы как-то подло, нехорошо, не по-людски – воспользоваться преимуществом человека над глупым животным, и Натабура опустил меч.

И только когда они отошли с десятков шагов, он вытер со лба обильный пот и понял, что стал мокрым, как после купания. А Афра беспрестанно оглядывался и ворчал: «Р-р-р...»

«Фу-у-у...» – только обессилено произнес Натабура и оглянулся: бок иканобори торчал над рыжими метелками гаоляна, как огромный-преогромный валун. Повезло, решил Натабура. Повезло.

Но надо было спешить, потому что они ступили на окраину столицы Мира – в самый бедный и захудалый квартал

Хидзи на юго-востоке от Яшмового дворца, квартал кожеде-
ров и кожевников. И не узнали окрестности: все заросло, до-
роги завалило сушняком. Они дошли аж до площади Ся, где
кожу вымачивали и мяли в огромных ямах, выдолбленных в
земле. Но даже тошнотворный запах, который в былые вре-
мена властвовал над этим местом, давно улетучился, и толь-
ко Афра, решивший покопаться в куче мусора, поднял ядо-
витое облако желто-зеленого цвета. Натабура на него цык-
нул, и он долго с удивлением смотрел на хозяина круглыми
кариими глазами, не понимая, за что его одернули.

Кров они нашли в доме, заросший крапивой по самую
прохудившуюся крышу, и стали держать совет. Выходило,
что дело дрянь: соваться толпой в центр столицы было нера-
зумно.

– Ясное дело, – многозначительно поддакнул дед Митиё-
ри.

Шустрый был у Митиёри дед: с одним единственным чер-
ным зубом во рту, сухонький, легонький, как паучок, с седы-
ми волосами, торчащими во все стороны, и в меру злой.

Учитель Акинобу посмотрел на него. Дед и его внук явно
мешали. Но бросить их было нельзя, потому что они могли
всех выдать. Да и генерал, как волк, косился в сторону, того
и гляди, кинется воевать в одиночку из-за своей гордыни.

– Я вам сразу же сказал, что в Киото соваться опасно! –
заявил дед Митиёри.

Голос у него был надтреснутый, и Натабуре казалось, что

дед вот-вот уйдет в область за Луной.

– Да, опасно, – согласился Акинобу. – Только в чем опасность?

– Как в чем?! Как в чем?! – вскипел дед Митиёри. – А энти?!!

– Кто энти? – учитель Акинобу решил прощупать деда. – Впрочем, люби Будду и поступай, как хочешь.

– Ты постой, постой, – понимающе ухмыльнулся дед. – Ты думаешь, что все понимаешь? Ты еще пешком под стол ходил, когда я поставлял в Яшмовый дворец шелк. Я здесь все дороги знаю. Потом энти самые летают...

Казалось, последний аргумент был самым весомым. Учитель Акинобу задумчиво помолчал и вдруг сказал:

– С тобой пойдет... – он посмотрел на всех по очереди, даже на строптивного генерала.

Никто не возражал.

Дед Митиёри обрадовался и хлопнул в ладоши:

– Вот это дело! Я вас куда хошь приведу!

Ой ли? – едва не усомнился Натабура и решил, что учитель выберет ему в помощники ловкого и сильного Баттусая, но Акинобу указал на Язаки.

– Язаки!

Из каких соображений он выбрал Язаки, Натабура так и не понял. Должно быть, Баттусай нужен Акинобу, чтобы, если понадобится, урезонить генерала Го-Тоба или еще для чего-то. Еще больше он его удивил тем, что отправил с ними

деда Митиёри. Для маскировки, решил Натабура, и ошибся.

– Там, где молодому лень, старому есть пень, на котором можно подумать, – напутствовал их Акинобу.

Натабура даже немного обиделся. Разве я когда-нибудь подводил? – хотел возразить он, но в последний момент передумал. Вдруг учитель предвидит то, что мне еще не ведомо? Должно быть, я чего-то не понимаю.

– Дед, тебя как зовут? – спросил он, когда они отошли и крапива плотной стеной сомкнулась за ними: вот был дом позади – и нет дома.

– Меня-то? – нервно переспросил дед. – Ваноути. А что?

– Да ничего. Это не тот Ваноути?..

– Не тот, – перебил его дед.

Натабура ухмыльнулся, но не успокоился:

– Ваноути? Постой, постой, Ваноути, который прилюдно был порот на площади Цуэ⁴⁸ в день седьмой луны пятого года Рокухара?⁴⁹

– Ну... – Ваноути на мгновение смутился. – Я.

– Лицезрел я твою голую задницу, – сказал Натабура и засмеялся.

Ваноути обиделся:

– Кто много смеется, тот мало видит!

– Ох-ох! – не мог упокоиться Натабура, хватаясь за бока.

Ваноути притопнул невесомой ножкой и заорал:

---

⁴⁸ Цуэ – площадь белого посоха.

⁴⁹ День седьмой луны пятого года Рокухара – 1191 год.

– Синдзимаэ!

– Ох-ох! – смеялся Натабура, вытирая слезы.

Даже Афра улыбнулся, показывая резцы. Язаки же из-за почтения к возрасту деда не подавал вида, что ему тоже смешно – уж очень потешно злился Ваноути.

– Бака!⁵⁰ – орал Ваноути.

Его седые космы стали топорщиться, как у самого злого демона смерти, а черные, как угли глаза, метали молнии. Афра перестал улыбаться, покосился на деда и заворчал. Не любил он ничего необычного.

– Ладно, – сказал Натабура, немного успокаиваясь, – я пошутил.

– Шутить надо умеючи! – отрезал Ваноути и независимо пошел впереди всех.

Как известно, на площади Цуэ, перед храмом Каварабуки, в назидание пороли не государственных преступников, а всего лишь про штрафившихся рядовых граждан, и обычно это мероприятие считалось развлечением для жителей города Киото. Сам Натабура тогда был очень молод, все ему было дивным в столице, а этот эпизод особенно запомнился. Вина Ваноути заключалась в том, что он заигрывал с наложницами самого императора в тот момент, когда они в сопровождении «теток» являлись в его лавку за покупками. Вмешательство суда в такого рода преступлениях не предусматривалось. Достаточно было слова начальника охраны. Вано-

---

⁵⁰ Бака – дурак.

ути выпороли и запретили торговать и появляться в городе. С тех пор, похоже, он и жил в деревне. Но кому там нужен заморский шелк?

Глава 2

Императорский лес

– Сейчас. Сейчас я вас, сердешных, всех выведу. Я здесь все знаю, – злобно бормотал Ваноути, что-то близоруко выискивая в траве, как ину⁵¹, – где-то здесь... где-то здесь... сотни раз ходил ведь... О, Хатиман!

Они вскорости действительно ступили на желтую императорскую дорогу, которая вела прямо к Яшмовому и Нефритовому дворцам. Но это только так казалось. Под ногами скрипели песчинки, и жесткие сухие травы хлестали по рукам. Нехожеными стали дороги и тропы, давно нехожеными.

Сам Натабура, как и прежде, не узнавал мест, хотя бывал в столице достаточно часто в те времена, когда они с учителем Акинобу бродили по стране из монастыря в монастырь. С тех пор минуло много лет. Так много, что Натабура и вспомнить не мог: то ли пять, то ли целых восемь. А может, и больше. Путался он в цифрах и никак не мог сообразить. Нет, должно быть, лет семь минуло, думал он, глядя на вековые деревья в окружении молодой поросли, которая скрадывала окрестности, делая их незнакомыми и таинственными, и там, где они вчетвером прошли дорогу за коку, им казалось, что они

---

⁵¹ Ину – собака.

топчутся на месте целую стражу⁵². Последний раз он был в Киото два года назад. Но тогда ему было не до красот столицы Мира, потому что он искал Юку, а потом участвовал в государственном перевороте. Мало кто из тех людей выжил. Большинство из них в течение года настигла химицу сосики⁵³ и во имя закона заставила сделать сэппуку⁵⁴. Стало быть, их всех с легкостью предал император Мангобэй. Но никто-никто не упомянул ни Натабуры, ни учителя Акинобу, ни Язаки, ни тем более капитана Го-Данго. Поговаривали, правда, о какой-то волшебной собаке, помогавшей бунтовщикам. Но разве собаку будут искать? Да и не до собаки потом было, потому что появились эти самые арабуру и трон под императором Мангобэй зашатался.

Заросшая травой желтая императорская дорога нырнула под кроны леса, и сразу же сделалось душно и парко – чувствовалось близость рек Ёда и Окигаву, которые сливались в центре столицы, образуя широкую и полноводную Каная. Лучи солнца плясали и вверху, и на листьях подлеска, и на кустах, путались в траве, и для непривычного глаза казалось, что все вокруг движется, заманивает и туда, и сюда, и ведет, чтобы закружить в чаше, извести, уничтожить, растворить и сделать частью себя. Как хорошо все начиналось, почему-то с сожалением думал Натабура, вспоминая Юку. Вовсю зу-

---

⁵² Стража – два часа.

⁵³ Химицу сосики – тайная императорская служба сыска, Тайный сыск.

⁵⁴ Сэппуку – харакири.

дели комары и злобно кусались большие желто-оранжевые мухи. Афра прятался от них под папоротник и зарывался в иголки. От этого его желтая морда очень быстро стала походить на рассерженного ежа. А еще Афра фыркал и чесался, как шелудивый.

Натабура напоследок оглянулся, чтобы запомнить дорогу назад, но уже ничего, абсолютно ничего не было видно, кроме моря зелени и игры солнечных бликов. Ничто не говорило и о том, что они находятся в центре столицы Мира. Язаки тоже заволновался и поглядывал на него, впрочем, полагаясь во всем на друга. Он знал, что Натабура хорошо ориентируется по сторонам света, а если есть солнце, то это легко делать. Я и сам могу, думал он. Солнце слева – чего еще надо. Значит, когда будем возвращаться, оно будет светить справа или в спину. Он успокоился и даже с облегчением вздохнул, хотя, конечно, расслабляться не следовало, ибо за каждым кустом могла быть засада. И первые несколько коку шел настороженно, как по болоту, смотрел, куда ставить ногу, полагая, что именно в таких местах прячутся онрё⁵⁵, избавиться от которых еще никто не мог, но постепенно болтовня Ванути отвлекла его.

– Я как сейчас помню, – врал дед, – как мы штурмовали ущелье Курикара.

Курикара, Курикара? – когда же это было. Давно, еще до меня, вспомнил Натабура, я слышал только рассказы быва-

---

⁵⁵ Онрё – души безвинно убиенных.

ЛЫХ ВОИНОВ.

– Дед, ты что, был самураем? – спросил Натабура.

Это отвлекло его от липкого, как наваждение, предчувствия чего-то нехорошего. При Курикара погибли лучшие буси. Это ли не печальные воспоминания? Может быть, поэтому мне так тяжело? – подумал Натабура. Их раздавило стадо буйволов. Не тогда ли были заложены условия гибели дома Тайра? Слишком много самураев погибло. Слишком много.

– Почему был? – удивился Ваноути. – Я и сейчас самурай!

– Охотно верю, – согласился Натабура. – Сколько же тебе тогда лет? Сто или двести?

– Сто пять!

– Сто пять... – как эхо повторил Язаки.

– Ага... – только и произнес пораженный Натабура. Он хотел спросить что-то такое: «Как же ты ходишь?» Или: «Почему ты еще не рассыпался?» Но вместо этого произнес: – За кого ж ты воевал? – ибо это было существенней.

– Известное дело, за кого! За господина Минамото! – и Ваноути даже приосанился и колесом выпятил сухонькую грудь. При этом в его черных, как угли, глазах мелькнула былая удаль.

– Ага! – еще более изумился Натабура.

Вот в чем причина. Он вполне мог быть убийцей кого-то из моей родни, подумал он, но не испытал никакого гнева. Не было гнева – одно безразличие к прошлому, ведь настоящее

совсем другое и враги другие, а проблемы новые.

– Ну и что там, в ущелье? – нетерпеливо спросил Язаки, который вовсе не подозревал, о чем думает Натабура. К тому же он решил, что Ваноути большая фигура, раз остался живым.

– Как чего? – переспросил Ваноути таким тоном, словно только глупый мог задать подобный вопрос. – Всех и положили до единого.

– Да, много там было наших, – согласился Натабура, смиряясь с очевидностью.

Он вспомнил, как сам бился в последнем морском сражении и как его выбросило море на берег удивительной страны Чу.

– Я им кричу: «Не так, не так! Вяжите солому к рогам!»

– Ну?.. – спросил Язаки. – А зачем солома?

Ваноути глянул на него, как на дикаря:

– Зажгли и пустили с горы целое стадо. А придумал все это я! Я ведь с детства с коровами возился.

– Да ты что?! – изумился Язаки. – Ну ты, дед, даешь! Ты герой!

– Никакой я не герой, – скис вдруг Ваноути. – Герои, они вон по городам живут в сытости и тепле, а не мыкаются в старости в ветхой хижине. Да теперь уже все равно, чего жалеть.

И они остановились. Дорога пропала. Только что была под ногами, и вдруг – нет. Да и лес поменялся: вместо разлапи-

стых дубов и язей сплошной стеной темнели стволы гёдзя⁵⁶. Солнечный свет впитывался в ее кору, ничего нельзя было толком разглядеть.

Вместо ровной поверхности возникли какие-то холмы, усыпанные иголками. А воздух стал смолистым и таким густым, что двигаться в нем приходилось с заметным усилием. Началось, невольно подумал Натабура. Сейчас полезут хонки, хотя слово давали помогать. Хонки всегда селились в таких местах. Но он ошибся – лес на удивление оказался пустой, без духов и демонов, что было удивительно.

– А где река? – с беспокойством спросил Язаки и оглянулся на друга.

– Река? – переспросил Натабура, думая о своем. – Откуда я знаю. Была река. Дед, где река?

– Была, – покорно согласился Ваноути. – А теперь нет.

В его словах слышалась какая-то странная подоплека происходящего, которую дед чувствовал, но не мог выразить. Все это можно было отнести на старческую забывчивость, если бы не ситуация, в которой они находились. Действительно, подумал Натабура, а куда делись озера, в которых плавали глупые, сонные караси, где горбатые мостики в зарослях декоративного тростника с бордовыми головками? Где все это? Где острова, на которых стояли императорские золоченые беседки и качели? А храмы? Где эти маленькие уютные здания с зеркалами внутри, у которых при входе вечерами

---

⁵⁶ Гёдзя – черная сосна.

зажигались бумажные фонарики? Где? Я даже помню, как здесь звучала музыка и танцевали люди. Вместо этого непонятные холмы, усыпанные сосновыми иголками, ямы, канавы, словно здесь кто-то искал сокровища, все заброшенное, забытое, незатейливо обихоженное природой. Слишком все хорошо, думал он. А так не бывает, и до столицы дошли, и с арабуру играючи справились.

Задумавшись, он ткнулся в замершего Язаки. Ваноути тоже словно врос в землю. Даже никогда не унывающий Афра и тот смутился и спрятался за Натабуру.

Перед ними чернела рыхлая выворотня. Она находилась как раз меж холмов, и легкий дым, нет, скорее, не дым, а странная копоть, словно нагретая солнцем или внутренним жаром земли, хлопьями поднималась к вершинам гёдзя и растворялась в голубом небе. А еще одуряюще пахло лесной земляникой – так сильно, что слегка кружилась голова. При чем здесь земляника? – успел подумать Натабура и вдруг заметил, что черный столб качнулся в их сторону и принес с собой густую волну земляничного запаха. Он едва не присел. Нет, не может быть, подумал он. Неужели это оно? Разве это заколдованный лес? Это всего лишь старый, заросший императорский парк, и сейчас мы выйдем с другой его стороны, найдем капитана Го-Данго и все узнаем, узнаем, зачем он нас вызывал, и что готовится, и будем ли мы воевать, хотя в последнем даже сомневаться не приходится.

– А пахнет-то, пахнет... – прошептал Язаки и пошел, по-

шел словно замороженный на зов.

Натабура едва успел ухватить его за руку:

– Стой!

– Уйди! – Язаки вырвался.

– Да стой же! – Натабура уже крепко держал его.

– Ксо! – Но Натабура ухватил его за талию.

Силен был Язаки, и они несколько мгновений боролись на краю черной выворотни, в которой шевелилась земля. Потом Натабура сделал то, что никогда бы не сделал с другом: резкий удар в шею лишил Язаки сил, и он упал на колени, закашлялся до хрипоты, но все равно пытался ползти. Одной рукой он даже коснулся копоти. У Натабуры не было времени, чтобы посмотреть на последствия этого поступка, да и он боялся это сделать, а только оттаскивал Язаки в сторону.

Вдруг Ваноути, который до этого спокойно стоял у сосны, произнес загробным голосом.

– Я тоже люблю лесной запах... не надо... не надо... проявлять малодушие, – и сделал шаг к поляне.

– Стой! – Натабура изловчился и ухватил и деда.

Дед взглянул на него бессмысленными, как у пьяного, глазами:

– Каждый человек пытается найти оправдание, чтобы жить! – выдал он, рванулся и оставил в руке Натабуры клочок ветхой ткани кимоно.

Натабура отбросил Язаки подальше и дернул Ваноути за ногу. Легок был дед Ваноути и поэтому отлетел к подно-

жию холму, как сучок, а толстый слой хвои смягчил падение. После этого Натабура занялся Язаки, который, как червяк, упорно полз к черной выворотне. Он взвалил друга на спину и потащил прочь. Хорошо еще, что Афра был послушным и никуда не совался, а то у Натабуры не хватило бы сил справиться со всеми.

– Идем, – Натабура взглянул в умные глаза Афра, – охраняй нас, охраняй!

Афра все сообразил. Шерсть на загривке у него встала дыбом, в горле родилось тихое ворчание, и он заходил, заходил вокруг, выискивая противника и одновременно не спуская с хозяина взгляда. Затем взлетел, сделал круг над соснами и опустился рядом. По его реакции Натабура понял, что ничего им пока не угрожает, кроме выворотни.

Отступили они в лучших традициях дзэн, ибо обстоятельства требовали податливости, внутренней стойкости, а не упрямства. Взобрались на холм, поросшим соснами, кустарником и бурыми поганками, и огляделись: со всех сторон чернели рыхлые выворотни. И здесь, и здесь, и там – на соседней поляне, и еще дальше – между холмами, и даже позади, где, по идее, их и не должно было быть – вдоль тропинок, а стало, вроде бы, даже больше.

– Оро?! – воскликнул пораженный Ваноути.

– Вот-вот, и я о том же... – произнес Натабура, укоряя его в том, что они попали в такое место. Ведь обещал же вывести. Обещал, а привел в какое-то гиблое место, где даже

иканобори не летают.

Действительно, за все время они не видели ни одного пятипалого дракона. Было чему удивляться, ибо драконы арабуру были вездесущи, как хвоя под ногами.

На вершине холма, где дул слабый ветерок, одуряющий запах лесной земляники заметно ослаб. Натабура выплюнул сосновую иголку, еще целую жменю вытащил из-за пазухи. Язаки быстро пришел в себя, крутил головой, но не мог вымолвить и слова. Да и Ваноути, похоже, обрел контроль над собой. По крайней мере, его черные, как угли, глаза вполне осмысленно смотрели на мир.

– Слышь, дед, – спросил Натабура, на всякий случай все еще держа Язаки за руку, – что это такое?

– Проплешины это, проплешины... – произнес Ваноути, в волнении крутя головой.

Он не узнавал мест. Несмотря на запрет, он долгие годы тайно хаживал в столицу. Смолоду ему нравился квартал Ёсивара⁵⁷, где в большом количестве обитали сладкие юдзё⁵⁸. И хотя квартал был обнесен высокой стеной и окружен глубоким рвом с водой, Ваноути умудрялся проникать за стену в любое время суток. Там он себе и нашел жену. Выкупил ее и привез в деревню. Правда, девушка от него сбежала, как только вкусила прелести деревенской жизни, оставив на руках с младенцем-сыном. Через двадцать лет сына забрали

---

⁵⁷ Ёсивара – Веселый квартал, где обитали юдзё.

⁵⁸ Юдзё – девушки легкого поведения.

на войну, и он не вернулся из-под Явата, где бился простым асигару на стороне Акииэ⁵⁹. Так Ваноути остался с невесткой и внуком Митиёри и занялся торговлей шелком, и все бы было хорошо, но любовь к женщинам сыграла с ним злую шутку, и на старости лет он остался ни с чем. Втайне дед Ваноути мечтал снова попасть в квартал Ёсивара и отыскать свою непутевую жену. Уж очень ему хотелось посмотреть, какой она стала.

– Какие проплешины? Хоп! Никогда не слышал.

– Это потому что молодой, – снисходительно объяснил Ваноути, глянув на него, черными, как угли, глазами. – А проплешины известно какие – бомбибога.

– А раньше ты их видел?

– Нет.

– Тьфу, ты! – возмутился Натабура.

– Но слышал, – невозмутимо пояснил Ваноути.

– От кого?

– От деда своего.

– От деда, от деда! – передразнил Натабура, давая понять, что не верит ни единому слову.

Так можно было, ничем не рискуя, сослаться на кого угодно, даже на Будду, который не любил возвеличивания и который в своей непознаваемости был подобен этому лесу, потому что проповедовал естество всего живого и неживого. Пожалуй, у Будды была только одна слабость – отрицание

---

⁵⁹ Акииэ – союзник принца Нитта Ёсисада дома Тайра.

всех отрицаний. Непросветленному человеку в этом можно было запутаться, как в трех соснах, а просвещенному учение казалось страшной тарабарщиной, потому что не основывалось ни на сутрах, ни на трактатах, ни на учениях, а лишь на безотчетной вере и постижении самого себя.

– Проплешины появляются раз в сто лет, а то и реже. Считай, нам несказанно повезло.

– Успокоил! – только и воскликнул Натабура, удерживая Язаки, который все еще норовил вырваться и сбежать. – Тогда понятно.

– Пусти меня... – всхлипывал Язаки. – Пусти! Я туда хочу! Хочу!!!

Хорошо хоть Язаки не потерял огненный катана, который Натабура поручил ему нести. Он привязал мшаго к оби⁶⁰, и он болтался у Язаки на боку.

Лес. Кими мо, ками дзо! Ты встал навечно, подумал Натабура. Кому ты противостоишь, или, наоборот, помогаешь? Нам или им, арабуру? А может быть, этому странному и загадочному бомбибогу? Ответа не было. Чаща загадочно молчала. Для кого ты вообще такой вырос? Язаки на мгновение утих, и Натабура невольно посмотрел в ту сторону, где по его расчетам должен быть императорский дворец, но, конечно, за буйными шапками гёдзя ничего не разглядел. Одурачивающий смолистый запах кружил голову. Над выворотнями бомбибога по-прежнему курилась черная копоть, донося на

---

⁶⁰ Оби – пояс.

вершину холма сладкий, манящий аромат лесной земляники.

Он так и не понял, почему этот аромат подействовал на Язаки и деда, а на него нет. Странно все это. Еще одна загадка. А с Язаки творится что-то неладное. Левая рука, которой он коснулся выворотни, светилась даже днем, как головешка на погосте – вначале только пальцы, а когда Натабура взглянул на руку снова, – уже вся кисть стала походить на стаю светлячков безлунной ночью. Лечить Натабура ее побоялся, полагая, что может сделать только хуже. Да и не умел он лечить такие болезни. Мог закрыть рану, становить кровь и кое-что еще, но вылечить человека от свечения никогда не пробовал. Вдруг это не болезнь вовсе, прозорливо думал он, а я ее молитвами, молитвами, так и убить себя недолго.

– Вот что, – сказал Ванути, – надо уходить. Здесь только хуже будет.

– Это почему? – спросил Натабура.

Все-таки запах выворотни на него подействовал, потому что он тоже плохо соображал.

– Сам посмотри!

Натабура привстал и огляделся. Действительно, проплешины бомбибога постепенно окружали холм. Они просачивались сквозь иголки, редкую траву и сливались с одну огромную черную выворотню. Даже кусты отступили подалеже. Еще одна стража, и мы окажемся в ловушке, понял Натабура. Собственно, остался один-единственный путь – с

холма на соседний холм, промежутки между которыми еще не почернели.

– Правильно, – нравоучительно произнес Ваноути своим надтреснутым голосом. – Чует он нас, чует.

Натабура взвалил Язаки на спину и, невольно крякнув, сказал:

– Дед, ты уж меня не подведи. Не нюхай ты этот дерьмовый запах, не нюхай, а иди за мной след в след.

– А как же?..

– Не как же! Иди, и все!

– Да я уже понял все, – покорно вздохнул Ваноути после некоторой паузы. – Смерть это наша. Смерть.

Ну дай Бог! Натабура внимательно посмотрел ему в глаза. Пройдет или не пройдет? Пройдет. Куда он денется. Жить захочет, пройдет.

Они цепочкой спустились с холма, и Натабура был рад, что обучал Афру ходить рядом, прижавшись к ноге.

Стоило им оказаться в низине, как черные выворотни словно почуяли, что упускают добычу, и потекли, как ручьи, с обеих сторон окружая холм. Ваноути с перепугу обогнал Натабуру и припустил вверх по склону – только пятки за сверкали, и пропал на другой стороне, а Натабура с Язаки на плечах замешкался – слишком тяжелым оказался Язаки и слишком мягкая была почва под ногами. Ноги проваливались по щиколотку. Пару раз Натабура едва не упал. Афру усердно тыкался мордой. Да к тому же Язаки, очнувшись,

стал ерзать и предпринимать попытки спуститься на землю. Дед, а дед! – хотел крикнуть Натабура. Да помощи же! Но слова застряли в пересохшем горле. Черная копоть от выворотней колыхалась совсем близко. А обманчивый запах лесной земляники уже всюду мутил разум. В последний момент Натабура вызвал ногу из прелых иголок, и черная выворотня тут же залила след. Глаза деда появились на фоне неба, леса и качающихся верхушек гёдзя, как два фонаря в ночи. Казалось, он с любопытством разглядывает Натабуру. Наконец сообразил, подскочил, уперся сухим плечиком, и общими усилиями они втащили Язаки на вершину холма. Путь впереди оказался свободным, и, не останавливаясь, они бросились вниз – Язаки только покрякивал на спине. Прежде чем их поглотил лес, Натабура оглянулся пораженный: холм, на котором они только что сидели, утробно охнув, словно живой, проваливался в выворотню, как в трясину, – вместе с гёдзя, кустарником, ядовитыми грибами и травой. Сосны с треском ломались и падали верхушками вниз, поднимая тучи черной копоты. А там, куда она опускалась, зелень сразу чернела и становилась пастью выворотни.

Как только березы коснулись их спин, Язаки тут же зартачился, заголосил: «Спустите меня, спустите!» – встал на ноги и как ни в чем ни бывало, будто ему только что и не грозила самая что ни на есть черная смерть, осведомился будничным голосом:

– Куда мы идем?

Натабура заподозрил, что Язаки не в себе, и спросил в свою очередь:

– Как куда? А ты не помнишь? В Нефритовый дворец.

Язаки дернул щекой и взглянул на него, как на полоумного, и в тон ответил:

– А зачем? Его не существует!

Ну и хорошо, обрадовался Натабура, хорошо, что на Язаки снизошло очередное просветление, раз он вспомнил свои пророческие штучки. С одной стороны, если рассматривать с точки зрения синтоизма, на это не стоило обращать внимания, здраво полагаясь на явления природы, а с другой стороны буддизм учил видеть в таких проявлениях тонкую часть жизни. Натабура, обученный всему понемногу, колебался от одной точки зрения к другой. Миккё⁶¹ – и другие премудрости. В них можно было верить или не верить, но он пользовался плодами обучения школы «Сингон»⁶², и пока эти знания его не подводили.

– Не в сам дворец, а к капитану Го-Данго.

– К капитану? Отлично! А во дворец опасно, – сказал Язаки и принял глубокомысленный вид.

– Почему?

Язаки глянул так, что стало ясно – лучше не спрашивай, все равно не знаю, но раз я сказал, то лучше не ходить. Хотя

---

⁶¹ Миккё – тайное учение.

⁶² Сингон – «Истинное слово», школа тантрической буддизма, основатель монах Кукай.

и так было ясно, что там арабуру и иканобори и еще кто-нибудь из иноземных тварей. Но почему опасность связана именно с дворцом? – подумал Натабура.

– Не знаю, – как всегда в самый важный момент пожал плечами Язаки. – Опасно, и все.

Сути он не сказал, а может быть, и сказал, да я не понял, подумал Натабура, тогда я просто глуп. Ему показалось, что все привиделось: и поляны с выворотнями, и черная копытю, и земляничный запах. Но как только он взглянул на левую руку Язаки, то понял, что ошибся: светилась она ярким голубоватым светом. Впрочем, гадать, что бы это значило, не имело смысла, а надо было уносить ноги.

Тропинка завела их в какой-то овраг, где сочная, густая трава ложилась поперек пути тяжелыми, влажными снопами, и приходилось прилагать немало усилий, чтобы раздвинуть ее. Сверху нависали ветви деревьев, откуда-то из невидимой низины тянуло прохладой, к лицу липла паутина, а из болота налетали одна за другой стаи огромных, как бабочки, комаров. Натабуре казалось, что именно здесь с ними вот-вот что-то произойдет – слишком удобное для засады было место – стоило спрятаться там, наверху с луком. Однако ничего не случилось, и, преодолев овраг и немного помесив грязь в самой его низинной части, где протекал ручей, они выбрались на откос и уже с облегчением вздохнули, как вдруг их напугал странный, заросший по уши черной бородой человек. Он, стоя к ним спиной в зарослях бузины,

справлял малую нужду и на весь лес орал песню: «Если б любила ты меня, мы бы легли с тобой в шалаше, увитом плющом, и руки наши сплелись бы, как лианы...» Впрочем, не в меньшей степени они напугали и его: последние слова песни застряли у него в горле. Оправляясь, он сделал неуловимое движение руками в нижней части тела, крикнул и пропал, словно провалившись сквозь землю. Никто его толком разглядеть не сумел. А Афра со своим носом не нашел ни следа, ни запаха, хотя взлетел и, тихонько рыча, сделал круг над этим местом, а потом опустился и виновато, глядя в глаза Натабуре, прижался к нему, что дало Язаки основание произнести:

– Симатта!..

Ваноути хмыкнул:

– Демоны не оправляются в кусты, – однако и он замер с разинутым ртом.

С этого момента на душе у Натабуры стало не то чтобы тревожно, а просто очень и очень муторно, и он не мог понять, то ли она ему просто мнится, то ли он предвидел опасность. Над пышной зеленью подлеска возвышалась поросшая мхом и лишайниками почерневшая крыша харчевни, к крыльцу которой не вела ни одна тропинка. Чудно, отметил Натабура, чудны дела Богов. На единственном гвозде показывалась вывеска: «Хэйан-кё»⁶³. Что-то жуткое и страшное было связано с этим названием. Так называли Киото – сто-

---

⁶³ Хэйан-кё – Город мира и покоя.

лицу Мира, и об этой харчевне Натабура слышал многое, но никогда не набредал даже в самых своих тоскливых странствиях по столице, когда разыскивал Юку. А, вот еще! Он смутно что-то припоминал: будто бы сама харчевня не стояла долго на месте, а перемещалась, а того, кто входил в нее, больше никто никогда не видел. Ходила в народе такая легенда. И будто бы городские стражники много лет разыскивали ее, но так и не находили. И что среди жителей столицы считалось особым шиком провести в харчевне вечер и вернуться домой живым и здоровым, чтобы рассказать веселые или жуткие истории об этой самой харчевне, где якобы хозяйничали духи и демоны, где якобы появлялись белокурые девы, а пиво и сакэ лились рекой. Но возвращались немногие. Это точно. А тех, кто возвращались, неведомая сила тянула назад в «Хэйан-кё», и рано или поздно они пропадали. Вот таким было это страшное место – «Хэйан-кё».

Не успел Натабура и слова сказать, как Язаки сорвался с места и во всю прыть устремился к харчевне. Он путался в высокой траве, пару раз упал, но даже не оглянулся. Хлопнула гнилая дверь, и Язаки пропал внутри. Натабуре с Ваноути ничего не оставалось, как последовать за ним.

Дед со всей осторожностью потянул скрипучую дверь на себя, сунул голову внутрь и долго что-то высматривал.

– Ну что там? – спросил Натабура от нетерпения.

– Да ничего... – как-то радостно буркнул дед – мол, отстань, сам увидишь.

И они вошли. Натабура перевел дух. Внутри стояла такая вонь, словно это был храм, а не харчевня, да не обыкновенный храм, а такой, в котором поклонялись низким духам наслаждения. Три огромные золотые курительницы источали струйки сизого дыма, одна – гриба масуносэку, другая – темно-желтый дым дурманящего мха исихай, третья – белый-белый дым спор волшебного такай⁶⁴. Дым поднимался к потолку и, не смешиваясь, плавал слоями. Два крохотный окна едва пропускали свет, зато горело множество свечей, и было жарко.

Язаки был бы не Язаки, если бы уже не сидел на циновке и что-то самозабвенно не жевал, глядя в дымный потолок. Ладно, хорошо, сейчас он поест, и мы уйдем, подумал Натабура, не веря самому себе. Самое удивительное заключалось в том, что хозяин харчевни с самым что ни на есть почтительным выражением на лице метался от кухни к Язаки, накрывая стол изысканными блюдами. Будто нас ждал, а ведь денег нет, подумал Натабура, с трудом пробираясь к Язаки. Последнее время пища стала баснословно дорогой, и они питались просто, как крестьяне, тем, что находили в дороге. Однако удержаться не было сил – пахло так, что сводило желудок, а рот наполнился вязкой, как глина, слюной.

– А вы чего стоите? – удивился Язаки, вгрызаясь в куриной крылышко, – места много, еды еще больше. Садитесь! – он пододвинулся и даже от щедрот душевных кинул Афра

---

⁶⁴ Такай – папоротник.

надкушенное крылышко, что вообще не было похоже на Язаки, в желудке которого исчезало все, все более-менее съедобное.

Афра, хрустнув, проглотил подачку и уставился на благодетеля.

– Нам же нечем платить... – с укоризной прошептал Натабура, однако усаживаясь рядом с Язаки и сглатывая голодную слюну.

Дышать можно было только на уровне пола. От дыма так же, как и от земляничного запаха черной выворотни, кружилась голова, а на глаза навертывались слезы. Это было не совсем приятно. Афра несколько раз фыркнул и стал тереть нос о циновку. Однако Язаки все было нипочем, да и дед, быстро освоившись, уже всю вкушал яства.

– Не волнуйтесь, таратиси кими! Не волнуйтесь! – радостно вскричал харчевник, ставя перед ним чашку с густым кани томорокосу⁶⁵, от которого шел такой умопомрачительный запах, что Натабура на мгновение потерял контроль над собой и невольно взялся за хаси⁶⁶.

Беззубый Ваноути уже проглотил свою порцию и правой рукой тянулся за копченым тай⁶⁷, а левой – за суси⁶⁸. Язаки пожирал печеные мидии, залитые яйцом, и стебли лотоса в

---

⁶⁵ Кани томорокосу – суп из риса, крабов, курицы и янтарной рыбы фугу.

⁶⁶ Хаси – палочки для еды.

⁶⁷ Тай – окунь.

⁶⁸ Суси – ломтики благородной рыбы с рисом.

сахарной корочке, заталкивая все это в рот одновременно и, не жуя, глотал с таким отчаянием, что кадык у него на шею двигался вверх-вниз, вверх-вниз, как ползунки в осадной машине. Афра вдохновенно грыз мозговую косточку и ни о чем серьезном не думал. Один я мучаюсь, укорил сам себя Натабура, может, зря, может, эта не та харчевня, и я ошибся. Может, я вообще очень подозрительный, а надо быть проще и естественнее – вот как Язаки. Знай себе, работает челюстями.

В этот момент харчевник водрузил в центре стола огромный кувшин с душистым, горячим сакэ. Его запах и остановил Натабуру. Так пахла только черная выворотня – то ли сакэ сварен на лесных травах, то ли отравлен хлопьями копоты от вывороти? Он хотел тотчас разбить кувшин о голову горшечника, но произошло что-то неуловимое, чего он не понял – событие слишком быстротечное для глаза, безотчетное для ума, и в следующее мгновение Язаки, как во сне, уже наполнял чашечки горячим напитком, приговаривая с видом знатока:

– Главное в жизни хорошенько поесть, – и, вливая в глотку сакэ, весело подмигнул Натабуре.

Натабура опять ничего не понял, опять ничего не сообщил, будто спал и видел сон. С ним еще никогда не случилось такого, чтобы он пропускал мимо себя какое-то событие. Да и Язаки так никогда не подмигивал ему. Натабура с трудом оторвал взгляд от еды и посмотрел на харчев-

ника. Ему показалось, что сквозь пышную шевелюру у того просвечиваются рога: маленькие, кокетливо загнутые на концах, как раковины улиток, но остренькие, как иголки. Не может быть. Мысли его растекались медленно и степенно, как патока на солнце. Затем произошло вообще невообразимое: только что харчевник стоял у стойки, как вдруг очутился совсем близко. Момента, когда он переместился, Натабура не запомнил, но в руках у харчевника прятался до жути знакомый предмет. И опять он подумал, что такого не может случиться, только не с ним и не здесь, где обстановка казалась мирной и сытой, располагающей к долгой беседе.

Харчевник был толст и неопрятен. Лицо лоснилось от жира, а рыжая клокастая борода скрывала маленькие глазки, которые к тому же еще и прятались глубоко под нависающими рыжими бровями. Слова его едва долетали до сознания Натабуры.

– Ешьте, таратиси кими, ешьте. Сейчас еще принесу.

Почему же еще? – растерянно хотел возразить Натабура, вытирая слезы, здесь и так много. У нас денег-то нет. Только после этого он случайно бросил взгляд на обстановку харчевни. Паучки, раки, толченые грибы, сушеные пиявки трех видов: коричневые, черные и желто-полосатые, поблескивающие крупинками соли, какие-то травы, рисовые сухарики и пиво трех сортов в пузатых бочках. А еще сушеные крысы, привязанные за хвосты. «Только для истинных арабуру» – значилось на табличке. Эту надпись вначале он не заметил.

А теперь даже не удивился, словно это был другой мир, с непонятными законами.

– Это не для вас, это не для вас, таратиси кими! Не для вас! – поймав его взгляд, засуетился толстый рыжий харчевник и ловко спрятал табличку под прилавок, и уже тащил глиняные кружки, над которыми подрагивала белая пена. Причем, кружки словно плыли по воздуху сами по себе, а харчевник их только направлял в нужную сторону.

Натабура даже закрыл глаза, чтобы дать голове отдохнуть, ибо она кружилась беспрестанно, и от этого его начало поташнивать, а сам он ничего не соображал. Разве так бывает? – подумал он, вытирая слезы, которые градом катились из глаз, чтобы кружки сами, по воздуху?

– Ешь! – Язаки ткнул Натабуру локтем в бок и так присосался к пиву, словно ему не давали пить целую луну.

После этого Натабуре почудилось, что его не было в харчевне еще некоторое время. Он открыл глаза. Абсолютно ничего не изменилось, только толстый, рыжий харчевник, уже не сновал между кухней и столом, а, подбоченясь, радушно наблюдал, как они едят. Толстые, жирные губы шевелились, как у рыбы, а осоловелый взгляд выражал немой укор: неужели невкусно? И Натабура, невольно подчинившись, съел – совсем немного, пару рисовых шариков с пастой мисо – больше просто не лезло в глотку из-за дурного предчувствия. Лучше бы он этого не делал. Рисовые шарики упали в желудок, как камни, тотчас стала мучить странная

отрыжка. Следовало, конечно, уйти, пока не поздно, но разве вытянешь Язаки и деда, который тоже вошел во вкус и, знай себе, набивал живот. Да и Афра, похоже, залег надолго.

– Ох, ты! – воскликнул харчевник. – Да у тебя идзуси!⁶⁹

– Да, – не без гордости ответил Натабура, даже не удивившись тому, что харчевник разглядел его кусанаги. А удивиться надо было, ибо никто не мог увидеть голубой кусанаги за его плечами.

Он поднялся, мимоходом отмечая, что дым стал еще гуще и что от рисовых шариков по-прежнему мутит и мучает отрыжка. Ваноути уже напился и наелся, подпер морщинистую скулу сухим кулачком и затянул какую-то старую, тоскливую песню рыбака. Афра все еще следил за каждым движением Язаки, надеясь на подачку. Язаки же был неутомим, и Натабура знал, что друг сожрет все, что есть на столе, и добавки попросит.

Харчевник куда-то исчез, и Натабура заглянул в дверь за прилавком. На полке лежал огромный нож-секач и еще предмет настолько знакомый, что Натабура сразу не мог вспомнить его предназначения, но знал, что он совершенно бесполезен в данном случае. Ну и ладно, махнул он рукой, удивляясь своей беспечности. Однако некоторое время постоял и, повинувшись безотчетному стремлению, сунул этот предмет в карман. Пригодится, решил он, хотя воровать грех.

В конце длинного темного коридора светилось окно. На-

---

⁶⁹ Удзуси – меч, который исчезает сам по себе.

табура, как пьяный, пошел на этот свет, полагая, что найдет хозяина и выяснит причину его радушия. А еще ему хотелось избавиться от дыма и тяжести в желудке. Однако до конца коридора он так и не дошел, не только потому что его стало еще и мутить, но потому что услышал странный голос, который сливался в невнятное:

– Бу-бу-бу...

Иногда, когда голос становился злым, можно было различить:

– Бу-бу-бу... пили, пили лучше... бу-бу-бу... лучше! Бу-бу-бу...

Голос невнятно доносился откуда-то из глубины дома, и вначале Натабура решил, что ему послышалось. Он оглянулся: дед Ваноути все еще тянул свою нудную, тягучую рыбацкую песню, а Язаки деловито набивал брюхо. Но потом, когда обладатель голоса снова стал заметно сердиться, между приступами тошноты Натабура все же сообразил, что не ошибся. Примерно в середине коридора он обнаружил лестницу, которая вела наверх, постоял, прислушиваясь к взбунтовавшемуся желудку, и стал осторожно подниматься на второй ярус. Харчевня «Хэйан-кё» была древней. Ясное дело, думал Натабура, сколько лет! Ох! Ой! Сейчас стошнит. Однако ступени даже не скрипели. Да и стены пахли свежей смолой. Странное устройство дома удивило его. Снаружи харчевня казалась совсем маленькой, крохотной, для небольшой компании, как-то отстраненно думал он, держа руки на животе,

и второго яруса нет. А здесь! Так не бывает. Вернее, конечно, бывает, но только в сказках. К его непомерному удивлению, существовал и третий ярус, а голоса и звуки пилы доносились именно оттуда. И хотя он знал, что нельзя бояться, страх накатывал волнами, как малярия. Теперь он отчетливо слышал каждое слово.

– Я и так стараюсь.

– Плохо стараешься! Ты же не хочешь, чтобы от нас от-
вернулся лик солнца?

Наступила пауза, в течение которой слышался только звук пилы.

– Отпилил... – произнес голос с облегчением.

Натабура узнал рыжего харчевника. Послушался стран-
ный звук, словно кто-то бросил на пол палку.

– Хорошо, – констатировал другой голос.

Натабура не знал, что голос принадлежит черту по имени
Ёмэй.

– Я старался.

– Второй тоже.

– Сейчас – отдохну малость. Боги подземных сил возра-
дуются.

– Ты стал слишком толстым. Майяпан велел передать те-
бе, чтобы ты не жрал весь день, как буйвол.

– Майяпан – мой господин, передай, что я выполню его
волю.

– Трон тринадцати небес пал. Наши ликуют. Кто у тебя

сегодня?

– Трое крестьян и медвежий тэнгу.

– Зачем ты их кормишь?! – удивился Ёмэй.

– У одного из них рука Ушмаля. Я не осмелился...

– Ушмаля?! Те, у кого не бывает правильного видения, умирают молодыми, а ты уже старый. Это не про тебя. С каких это пор в этой дикой стране появились люди от Ушмаля? Подумай! Надо посмотреть на этих крестьян. Как они вообще забрели сюда?

– Если бы я знал! Я не хотел их кормить. Но у него рука...

– Рука... рука... ты здесь обленился! Надо послать тебя в город.

– Только не это!

– А чего ты, боишься?

– У него же рука, как у Ушмаля! – продолжал оправдывался харчевник.

Натабура пережил очередной приступ тошноты, прижавшись головой в стене. Доски были шершавыми, и от них приятно пахло смолой, но это не спасало от комка, подкатившего под самое горло, и от тоски, которая мучила его с тех пор, как он покинул дом и Юку.

– Ладно, хватит о руке. – Услышал Натабура. – Я все понял. Отдохнул? Нельзя так много есть. Ты умрешь раньше времени, и река Чичиерта понесет тебя в мир предков. Пили дальше.

Снова послушался странный звук. Натабура снова поис-

кал хотя бы щелочку, чтобы разглядеть, что происходит за стенкой, но тщетно. Тогда он пошел вдоль коридора в поисках двери, но только удалялся от голосов.

Коридор был даже длиннее, чем на первом ярусе. В конце находилась веранда. Неожиданно открылась панорама Киото, заросшего, неухоженного, покинутого людьми, но самое удивительное заключалось в том, что там, где на северо-западе прежде возвышался зеленый Нефритовый дворец регента, пылал, нет, – горел в лучах света необычный замок в виде пирамиды. Вот о чем говорил пророк Язаки. Арабуру построили новый дворец. С другой стороны, на северо-востоке, там, где находился Яшмовый дворец императора, одиноко торчала гора Хиэй дзан. Едва различимый дым говорил о том, что монастырь на ней разорен.

Здесь Натабуру и вывернуло – прямо на далекую землю, и он, свесившись через перила, переживал момент слабости. Потом вывернуло еще раз и еще – да так, что желудок, казалось, готов был последовать за содержимым. Полилась желчь вперемешку с черными ошметками какой-то слизи. Из глаз брызнули слезы, в носу защемило. Казалось, этому не будет конца. Вдруг стало легче, и дурнота пропала, голова уже больше не кружилась, а глаза не слезились, только в левом ухе звенел комар, но так, словно удалялся в лес.

Что-то заставило его отскочить в сторону. Он прижался к стене и ждал, что произойдет дальше. На веранде появился заросший бородой по уши человек-собака – песиголовец.

Хорошо был замечен белый клык, выступающий из-за губы. Песиголовец понюхал воздух, безошибочно подошел к тому месту, где за момент до этого стоял Натабура, и посмотрел вниз. Песиголовец больше всего походил на демона ойбара, но, как известно, демоны не обладают мускулами. Мускулы у этого ойбара не походили на человеческие, а словно были взяты у собаки – рельефные, без капли жира под тонкой подвижной кожей. Но самое неожиданное заключалось в том, что у ойбара на руках были острые, как у медведя, когти. Все это Натабура разглядел в мгновении ока, потому что ойбара был голым по пояс, в одних хакама⁷⁰, и короткие волосы на его торсе больше всего напоминали собачью шерсть. Затем песиголовец стал чесаться, но не как человек, а как самая настоящая собака – ожесточенно раздирал себе бока и даже пару раз умудрился скузить блоху.

Натабура приготовился выхватить кусанаги и даже положил руку на рукоять, однако почувствовал, что стена за спиной подалась в сторону, и он, едва не упав, невольно сделал шаг назад и очутился в комнате, в которой кроме старой, протертой циновки, ничего не было. Только здесь он сообразил, что в лесу они вспугнули оправляющегося по малой нужде ойбара. Стало быть, мы набрали на хонки арабуру, подумал Натабура. Сбылось то, о чем они нас предупреждали: вслед за иканобори и арабуру появились их хонки – в данном случае песиголовец-ойбара. У нас сроду таких не води-

---

⁷⁰ Хакама – широкие штаны.

лось. Наши хонки лучше, недаром они боялись пришельцев, подумал Натабура.

Звук пилы стал громче, и разговор тоже.

– Ты вот что, – поучал незнакомый голос, – пили ровнее. Мне еще по городу ходить.

– Почудилось что-то, – сказал харчевник, и звук пилы возобновился.

– Кто там может быть, кроме Чакмоля?

– А Каба?

– Каба ушел в город.

– Точно, да...

– Ну, пили...

– Ну, пилю...

– Ну, и пили!

– Ну, и пилю!

Натабура на цыпочках миновал еще пару пустых комнат и наконец разглядел сквозь щелочку: в последней находилось двое. Один стоял на коленях, положив голову на бревно. Рыжий харчевник отпиливал ему рога. Это были не арабуру, скорее они походили на корейцев – черные, узкоглазые. Странные демоны, подумал он.

Если бы Натабура знал, что видит чертей, он бы страшно удивился, но все дело в том, что до поры до времени черти в Нихон не водились, а те, кого он видел, были их первыми представителями, прибывшие вместе с арабуру в качестве их темной стороны. Черти арабуру мало чем отличались от лю-

дей – единственное, рожками, поэтому черти их и отпиливали, чтобы оставаться неузнанными.

В этот момент снизу раздался рев пьяного Язаки:

– Хозяин! – кричал он так, что содрогалась вся харчевня от крыльца до третьего яруса.

– Я же им подсыпал снотворный порошок маймукаэки! – удивился харчевник, ускоряя темп движения пилой.

– Осторожнее, мне больно! – предупредил рогатый демон и поморщился.

На его разноцветные глаза навернулись слезы. Левый глаз, который был серого цвета, с возмущением посмотрел на харчевника, правый же, карий, закатился от боли.

– Я уж их и так этак, – оправдывался харчевник. – Самого опасного вообще пришлось отключать.

– Ты что, пользовался мандарой?⁷¹

– Ну да. А чем еще?

Только теперь Натабура сообразил, почему на некоторое время терял ощущение времени и пахло дождем. Всему виной проклятая мандара – так эти странные люди, точнее, демоны, называли ежика. А я и не знал, подумал он. Он сунул руку в карман – ежик преспокойно лежал там. Надо забрать второго у Язаки, решил он, а потом добыть третьего, и я им покажу!

– Только в крайних случаях! – демон, которому харчевник

---

⁷¹ Мандара – оружие, в котором используется сила вселенной, в центре которой находятся Будды во главе с Буддой Дайнити.

отпиливал рог, едва не подскочил от возмущения.

– А он ничего не жрал и не пил. Даже шарики ему не понравились, – произнес в оправдание харчевник. – Я в них опилок пикрасимы⁷² насыпал.

– И что? – спросил Ёмэй.

– Наверное, уже плывет по реке Чичиерта? Откуда я знаю? Наконец он отпилил и второй рог и бросил его на пол, потому что спешил: харчевня сотрясалась от воплей Язаки:

– Чанго давай!

– Убей его! – приказал Ёмэй.

Он посмотрел на себя в зеркало и стряхнул опилки с волос.

– У него рука Ушмаля! – в оправдание произнес харчевник.

Его товарищ немного подумал и здраво рассудил:

– Дай-ка я на него погляжу.

Натабура отпрянул в сторону, решив, что эти двое пойдут через третий ярус. Бежать было некуда. Схватка в темном помещении казалась неизбежной. Однако через мгновение, когда он снова глянул в щель, за ними закрывалась другая дверь, которая, должно быть, вела в кухню.

Тогда он последовал за демонами – тихо и осторожно, вытащив из кармана ежика. Как им пользоваться, он не знал, а действовал, исходя из здравого смысла, – просто ткнул в шею демону, которому харчевник отпилил рожки. Ткнул в

---

⁷² Пикросима – ядовитое дерево.

тот момент, когда тот, услышав шаги, повернулся. Его глаза от испуга вылезли из орбит, а рот раскрылся, чтобы издать вопль ужаса, который оборвался на высокой ноте:

– Ай!.. – и он упал.

Натабура произнес:

– Лежать, пока я не приду... – перешагнул через него и бросился за толстяком харчевником, который, как мяч, катился вниз по лестнице.

Перед самой кухней Натабура нагнал его и в прыжке ткнул в самое доступное место – в жирный загрибок, поросший рыжеватой шерстью. Однако ничего не случилось – не полетели искры и не запахло дождем, а рыжий харчевник припустил еще быстрее. Он задыхался. Его сердце билось из последних сил. Вислый живот лишал маневра. Он схватил огромный секач, который в узком пространстве кухни был грозным оружием, но ему не хватило решимости ударить. Все жизнь он кормил людей, демонов и ойбара, а не убивал их. Кроме этого, его остановила холодная сталь кусанаги, которая коснулась шеи, и тут силы окончательно оставили его.

Язаки, ничего не видя и ничего не слыша, орал, выпучив глаза:

– Чанго хочу! Чанго!!!

Стопятилетний дед Ваноути во всю вторил ему надтреснутый голосом:

– Чанго хотим!.. – и бил сухим кулачком по столу так, что подскакивали чашки и плошки, а золотые курительницы рас-

качивались, как во время землетрясения.

Они знали свои права и жили в своей стихии – если напились, то надо побуйствовать.

Один Афра, несмотря на дым, разобрался, что к чему, и в два прыжка оказался рядом с Натабурой.

– Р-р-р...

– Молодец! – похвалил его Натабура и, размахнувшись, выбил ближайшее оконце кончиком кусанаги, а затем и другое.

Дым потянулся наружу, и сразу стало легче дышать.

– Дай твоего ежика! – потребовал Натабура. – Дай!

– А ты кто такой?! – заерепенился Язаки. – Кто? – хотя, разумеется, узнал друга. – Кто? Ну кто?!!

Натабура нехорошо усмехнулся. Язаки отлично знал эту его привычку и, поартачившись для приличия совсем немного, отдал ежика. Увидев в руках у Натабуры два ежика, харчевник очень испугался.

– Ну говори, как этим пользоваться? – наклонился над ним Натабура.

– Я не знаю, нам их приносят... – жалобным голосом занял харчевник.

– Кто приносит?

– Арабуру... – дыша, как лягушка, всем телом, сообщил харчевник.

Крупные капли пота проложили дорожку меж остреных рогов и слипшихся волос.

– А вы кто?

– Мы... мы... мы...

– Ну?! – и Натабура, скорчив самую злую гримасу, поднес к лицу харчевника ежика, которого взял у Язаки.

Из этого ежика, в отличие от того, которым он ткнул в демона с отпиленными рожками, сыпались искры. Харчевник от страха вжался в пол.

– А-а-а! Не надо... не надо... Я ничего не знаю, я только знаю: надо ткнуть и произнести, чего ты хочешь.

– Ага... – сообразил Натабура.

Он не ошибся и что-то такое стал припоминать – как харчевник, наклоняясь, говорил ему ледяным голосом:

– Лежать, собака, лежать пять кокой.

А еще, оказывается, он ткнул ежиком и в Афра, иначе как объяснить тот факт, что Афра не кинулся защищать своего хозяина.

– У моей мойдары кончилась энергия, – льстиво сообщил харчевник.

– Ага... – еще раз произнес Натабура и ткнул харчевника ежиком прямо в лоб: – Полежи пять кокой.

Следовало уносить ноги. У них ведь есть план – надо всего-навсего найти капитана Го-Данго. Но все уговоры были попусту. Во-первых, Язаки и Ваноути наотрез отказались покинуть харчевню «Хэйан-кё», а во-вторых, неожиданно наступила ночь. «Только идиот ходит по лесу ночью», – поведал Язаки, явно наслаждаясь ситуацией и показывая, что На-

табура не так всемогущ, как хочет казаться. Ну погоди мне, подумал Натабура, дай срок. Тут ему вообще стало тоскливо. Понял он: ночью все и произойдет, только не знал, что именно.

– А я думал, ты напился, – оправдывался Язаки. – Ты ведь упал мордой на стол и храпел весь вечер, а потом вообще куда-то пропал. Дверь едва не выломал.

– Это ты напился! – бросил ему упрек Натабура. – А я вас спас!

– Это когда? – удивился Язаки.

– Только что.

– Ничего не видел, – выпучился Язаки. – Поверишь, сакэ такой крепкий, как у моей любимой мамы.

Натабура хотел возразить, что те времена, когда Язаки расстался с мамой, он еще не пил ни сакэ, ни пива, но передумал и не стал выводить друга на чистую воду. Пусть живет, снисходительно подумал он, пусть живет.

* * *

Наступила ночь.

Уговоры оказались бесполезны, и Натабура бросил это занятие, мрачней все больше и больше. Как он и предвидел, Язаки не успокоился до тех пор, пока не сожрал все, что можно было сожрать, не побрезговал ни сушеными грибами, ни паучками и раками, ни даже пиявками, которых нашел

очень даже вкусными, правда, чуть-чуть жесткими, и попробовал всех угощать. А то, что не смог сожрать, приказал харчевнику отнести в спальню.

– Осторожней, таратиси кими, – повторял рыжий харчевник, почтительно провожая их со свечой в руках на второй ярус, где они должны были отдыхать. Афра спросонья требовал ласки – тыкался в колени и подпихивал ладонь холодным носом. А может, он извинялся? – Натабура так и не понял.

Впрочем, и без свечи на лестнице было светло, как днем, и все благодаря левой руке Язаки, которая светилась, как сто тысяч гнилушек вместе взятых. Натабура давно уже заметил, что харчевник с благоговением взирает на эту самую руку и даже пару раз пытался приложиться к ней губами, на что Язаки реагировал весьма благосклонно. Но какую пользу можно было извлечь из этого обстоятельства, Натабура еще не знал. Он собирался разобраться в этом вопросе на рассвете, а пока он только злился на Язаки, в глубине души понимая – неизвестно что лучше: спать в харчевне или бродить ночью по лесу?

Они плелись так, словно весь день таскали мешки с углем – норовя ткнуться носом то в перила, то в стену. Даже неутомимый Афра то и дело спотыкался, и тогда была слышно, как его когти царапают дерево. Процессию замыкал Язаки, который наелся на всю оставшуюся жизнь и теперь на всякий случай поддерживал живот двумя руками. Однако это мало помогало, и он постанывал то ли от удовольствия, то ли для

того, чтобы его пожалели. В этом и крылось все противоречие его натуры: с одной стороны Язаки хотел быть независимым, с другой – жаждал, чтобы его любили.

Натабура все ждал, что здесь, на лестнице, они столкнутся с песиголовцами, то бишь с демоном ойбара, но обошлось – то ли повезло, то ли они все попрятались и ждали удобного случая, чтобы напасть в темноте.

Харчевник распахнул дверь:

– Пожалуйста! – и в очередной раз с величайшим почтением покосился на светящуюся руку Язаки.

По углам комнаты горели свечи, а на полу были расстелены три свежайших фута⁷³. На крохотном столике был накрыт скромный ужин. Но на него, кроме, конечно, Язаки, никто уже не мог смотреть. У Язаки же не хватило сил – он только понюхал, пробурчал, что все это он съест завтра утром и, выпив чашечку сакэ, рухнул на ближайшую постель. Тяжелый день подходил к концу. Ваноути постанывал, как старый самурай, получивший рану в сражении. Афра никак не мог улечься поудобнее, мешал набитый живот.

Натабура на всякий случай ткнул ежиком в харчевника и приказал:

– Лежи в углу до утра!

Сам же он с Афра не легли на постель, а примостились у двери, полагая, что опасность может прийти только оттуда.

Он ошибся – опасность пришла из темноты – откуда он

---

⁷³ Футон – одеяло.

ее и не ждал.

Свечи задули. Язаки завернулся в футон, его волшебная рука перестала освещать все вокруг, и тяжелый храп наполнил комнату. Посреди ночи Натабура проснулся. Странный звук разбудил его. Это был не храп. Он исходил непонятно откуда – словно плакал ребенок. Он плакал повсюду: в углу, где лежал харчевник, там, где беспокойно постанывали во сне Язаки и Ваноути, под потолком, снаружи, под полом – он плакал везде и нигде одновременно. По спине пробежали мурашки.

– Язаки... – вначале позвал Натабура и подумал, что после сегодняшнего обжорства друг вряд ли проснется даже утром.

Дрожащей рукой он зажег свечу. Крохотное пламя, как парус, плыло в океане темноты. Оно плыло и плыло, а он все слушал и слушал этот мерзкий детский плач – беспрестанный и равнодушный, как звук дождя за окном. Теперь плач не призывал к помощи, а внушал ужас.

– Язаки!

Афра проснулся.

– Стой, Афра, стой... – придержал его Натабура и увидел.

Там, где спали его друзья, чернел квадратный люк. Оттуда, из сырого, холодного нутра, доносился этот скулящий плач ребенка. Нет, это был не детский плач. Это торжествовали демоны арабуру – черти.

В один момент все рухнуло. Но Натабура не зря все эти годы прожил рядом с учителем. Он был готов к ударам судьбы. Мудрый Акинобу позаботился об этом. Они часто говорили о таких понятиях в дзэн, как благоприятные и неблагоприятные дни, облекая это понятие в милость Богов. Сегодня Боги отвернулись от них. Но это не значило, что надо было опустить руки и пассивно ждать перемен в судьбе.

Если бы ему потом сказали, что он поступил опрометчиво, он бы ответил ни на мгновение не усомнившись, что другого выхода, как прыгнуть в пасть люка, у него нет. Он готов был сразиться с целой армией хонки арабуру, но то, что предстало перед ним, превосходило все возможности его воображения.

Он снова стоял перед харчевней «Хэйан-кё», которая, пятясь, отступала под полог леса. На этот раз он не стал осторожничать, а, выхватив голубой волшебный кусанаги, бросился за ней. Харчевня сделала маневр, и, с треском ломая подлесок, пропала на мгновение из поля зрения, а затем он увидел ее далеко-далеко – на другом конце просеки. Она словно отдыхала, присев на холме между двумя выворотнями, гнилая крыша покосилась еще больше, а из разбитых окон валил дым.

– Афра! – позвал он.

Пес предстал перед ним, готовый выполнить любой приказ.

– Там, – показал Натабура, – там Язаки и дед. Придержи харчевню, не дай ей уйти.

Афра преданно взглянул ему в глаза, взлетел и пропал над верхушками гёдзя, а Натабура бросился следом, но не по просеке, а в обход.

Харчевня действительно задыхалась. Она сидела, как живая, и бока ее ходили ходуном, а из окон по-прежнему, как из сырой печи, валил дым. Видать, ты не приспособлена так быстро передвигаться, злорадно подумал Натабура, перебегая от сосны к сосне, но так, чтобы не попасть в черные выворотни. Ближе всех стоял огромный дуб. За него-то он и спрятался. В этот момент Афра сиганул откуда-то сверху прямо на крышу и стал рвать ее лапами. Молодец! – похвалил Натабура. Молодец! Надо ли упоминать, что лапы у медвежьего тэнгу подобны лапам медведя. Иногда Афра хватало одного движения, чтобы распороть человеку живот.

Харчевня присела, а потом взбрыкнула, но было уже поздно: во-первых, Афра в мгновении ока проделал в гнилой крыше дыру и нырнул внутрь, а во-вторых, Натабура в три прыжка преодолел расстояние до двери и, готовый к самому худшему, рывком распахнул ее.

В зале хозяйничал харчевник, с остервенением раздувая огонь в курительницах и треугольном очаге⁷⁴ так, что дым

---

⁷⁴ Треугольный очаг – символизирует зло.

клубами поднимался под потолок. Вот в чем секрет харчевни «Хэйан-кё», подумал Натабура, должно быть, она живет за счет этих курительниц и дыма, а устала, потому что старая и быстро бегать не может, и харчевник такой же старый, только дородный, как конь. Действительно харчевник дышал, как после тяжелой борьбы и, выпучив глаза, незрячим взором смотрел то в одно окно, то в другое, одновременно прислушиваясь к звукам на верхних ярусах. Впрочем, он быстро приходил в себя, подбрасывая в курительницы то гриб масуносэку, то толченый мох исихай, то споры волшебного такай, а в очаг – ветки белого ядовитого дерева такубусума⁷⁵. Пахло отвратительно. Вот почему у меня кружилась голова, понял Натабура и крикнул:

– Стой!

Увидев его, харчевник сильно удивился и схватил свой любимый секач. Но даже держал он его не очень уверенно.

– Видать, ты из везучих, – произнес он, делая неуклюжий шаг вперед.

– Видать, – согласился Натабура, – только не надо это проверять, – и поднял над головой кусанаги, который в дыму сделался не голубым, а почти черным.

Он не стал применять хитроумные приемы, которые годились против опытных самураев. Он выбрал классику – прямой удар под ключицу, чтобы разрубить черта наискосок. Впрочем, это не имело значения. От смерти рыжего харчев-

---

⁷⁵ Такубусума – белое дерево, цветы которого ядовиты для человека.

ника отделяло мгновение. Но убивать его Натабура не стал. Во-первых, противник был неравным, а во-вторых, он еще должен был кое-что рассказать.

Харчевник все понял и в отчаянии швырнул секач в Натабуру. Входная дверь разлетелась в щепки. Натабура только криво усмехнулся и в ответ опрокинул светильник с грибами. Искры упали на циновки. Харчевня дернулась, как живая, и присела на бок. На пол полетела кухонная утварь и посуда, и что-то загромыхало наверху.

– Кто вы? И что вам здесь нужно?

– Ты не знаешь, с кем связался... – ответил харчевник, озабоченно поглядывая в угол, и речь его удивила Натабуру. Он-то думал, что демоны арабуру не умеют толково изъясняться.

– С кем же я связался? – с усмешкой переспросил Натабура.

Угол харчевни занимался огнем. Харчевник с все возрастающей тревогой косил туда рыжим глазом.

– Потушить бы надо... – предложил он.

– Перебьешься, – ответил Натабура.

– Потушить бы! – он даже сделал шаг в сторону.

– Стой, где стоишь! – приказал Натабура, и голубой кусаги в его руках был самым весомым аргументом.

– Вот явится Ушмаль, что ты будешь делать? – вдруг осведомился рыжий харчевник. – Прилетит и убьет вас всех.

Судя по всему, он хотел запугать Натабуру.

– Кажется, я его уже видел.

– Нет, ты видел Майяпана – моего господина, а это не одно и то же.

И Натабура вспомнил. Он все вспомнил, но так, словно это был сон. Должно быть, сам Мёо – светлый царь Буцу⁷⁶, явился, чтобы покарать их всех, но прежде всего за отступничество от учения бодхисаттв, а не за вторжение в харчевню «Хэйан-кё». У Мёо было злобное лицо неразборчивого убийцы: редкие усы, нитеобразная бородка и раскосые глаза жителя степей. Почему он принял такой облик, Натабура не понял. Но расправиться с Натабурой и его друзьями он собирался, иначе не держал бы в руках огненный меч, а за его спиной не полыхало бы пламя самадхи⁷⁷.

Их спасло только одно единственное обстоятельство: и Натабура, и Язаки не только отлично знали Истинный Закон Будды, но соблюдали его, и Мёо понял это сразу, как только взглянул на светящуюся руку Язаки, на их лица и проникся их мыслями и поступками. Недаром они много лет бродили по разным странам. Мёо сказал, обращаясь к Натабуре: «Я понял, что твоя молитва способна заставить птицу упасть на землю. Иди с Богом». Но где тогда Язаки и Ваноути? Где?

– Где?! Где мои друзья?! – закричал Натабура, ибо голос рыжего харчевника убаюкивал, а события предыдущего дня

---

⁷⁶ Буцу – Будда.

⁷⁷ Пламя самадхи – пламя просветления.

и бессонная ночь давали о себе знать.

В этот момент наверху произошло то, чего Натабура боялся больше всего: раздался рев Афра и песиголовца – демона ойбара. Рыжий харчевник проявил чудеса ловкости, побежал по коридору, не обращая внимания на кусанаги.

Натабура и теперь не собирался его убивать, а всего лишь догнал и оглушил, ударив кусанаги плашмя по затылку и, перепрыгнув через тушу, которая загромоздила коридор, бросился наверх.

Афра дрался с песиголовцем на веранде третьего яруса. Рычащий клубок катался из одного угла в другой. Кровью был залит весь пол. Шерсть клочьями витала в воздухе. Уже выхватывая годзуку, Натабура пожалел, что у него нет мшаго, который остался у Язаки. Мшаго бы пригодился, ибо кусанаги невозможно было действовать, как мшаго, для этого кусанаги был слишком тяжел. Тут годзука сам прыгнул в ладонь, словно угадав мысль хозяина, да и горло врага тоже нашел сам, оберегая и Афра, и Натабуру, и остался единственно хладнокровным во всей этой кутерьме. Но прежде, чем яд подействовал, Натабура сообразил, почему его до сих пор не укусил песиголовец: и Афра, и песиголовец схватились пастьями, а в ход были пущены только когти. В это ситуации он ничего не мог сделать, разве что наносить песиголовцу удары годзукой. Но то ли яд плохо действовал, то у песиголовца мышцы были стальными, только и годзука оказался малопригодным. А потом Натабура сообразил: зажал голову пе-

сиголовца ногами, запрокинул голову на себя, открывая горло демона, тянул, тянул на себя, пока не нащупал кадык и не стал душить. Если бы не Афра, он бы с ним не справился, потому что песиголовец был силен, как десять человек вместе взятых. Стоило песиголовцу отвлечься на Натабуру – чуть-чуть разжать челюсти, Афра перехватил ниже и помог, добавил песиголовца вместе с Натабурой, и демон захрипел, заизвивался, норовя вырваться, дико кося налитыми кровью глазами. И почти уже сделал это, как вдруг у него внутри что-то хрустнуло, и он обмяк. Липкая, черная кровь хлынула из горла и залила и Натабуру, и Афра, и всю веранду.

Натабура отполз в сторону и целую кокой лежал, следя за врагом, который медленно издыхал, царапая когтями пол – во все стороны летели щепки. Следовало, конечно, добить его, но сил не было, да и Афра досталось.

Натабура поднялся, чтобы посмотреть на раны Афра, как вдруг песиголовец вскочил и, перевалившись через перила веранды, с глухим, утробным звуком упал на землю. Прежде чем Натабура и Афра что-то разглядели в густой зелени леса, он скрылся в кустах, оставив за собой кровавую дорожку.

Харчевня «Хэйан-кё» горела. Она сползла с холма и боком погружалась в черную выворотню, которая с чмоканьем и присвистом ее поглощала.

Натабуре и Афра пришлось ретироваться, и хотя у Афра был ободраны все бока, ему хватило сил прыгнуть следом за Натабурой, и они углубились в лес. Некоторое время они

сгоряча бежали по кровавому следу песиголовца, но потом он затерялся, и, наверное, они все-таки выследили бы песиголовца, однако Афра истекал кровью из ран и на боках, и на морде, и Натабура занялся им. И хотя он чувствовал, что все рухнуло, что он больше не увидит друга Язаки и стопятилетнего деда Ваноути, руки привычно делали свое дело, и через коку, несмотря на тяжелые раны, Афра уже бегал и прыгал, как щенок. Натабура с облегчением вздохнул и отвернулся – хоть одно утешение. На душе было, как никогда, тяжело. Все рухнуло. Отныне будет только хуже, думал он, не в силах противостоять отчаянию. И хотя Акинобу учил его не поддаваться своим чувствам и быть всегда ровным и спокойным, сегодня он не мог удержаться, чтобы не предаться самокритике и поиску ошибок. Ему казалось, что он понаделал их великое множество, везде-везде-везде. И тихонько горевал.

К вечеру он обнаружил, что они заблудились: солнце светило не слева, как было положено, а справа. Выходит, подумал он, мы идем назад, вернее, даже не назад, а на восток, но на востоке ничего нет. И в этот момент они ступили на желтую императорскую дорогу, густо-густо заросшую дикой розой. Вот те на! – еще больше удивился Натабура, вздохнув: так тому и быть, и стал продираться к Нефритовому дворцу, на месте которого возвышалась золотая пирамида, окруженная рвом с водой и обнесенная тремя рядами стен. Он еще подспудно лелеял в себе слабую-слабую надежду найти Язаки и Ваноути.

Как я одинок, думал Натабура, вспоминая о Юке. Как я одинок! Есть ли что-то еще более одинокое, чем жизнь?

Глава 3

Хитрости и ошибки Акинобу

У арабуру не было ни флота, на котором бы они приплыли, ни армии драконов, которые перенесли бы их через океан или через старое Китайское море. Не было ничего зримого: просто однажды утром жители страны проснулись, – а они уже здесь, рядом, ходят и разговаривают на своем тарабарском языке, который называли истинно японским, задирают местное население и воруют женщин. Иканобори появились позднее – тоже из ниоткуда, ровно в тот день, когда арабуру потерпели поражение при горной крепости Фудоки. Императорский тайсё⁷⁸ Амэёродзутоёхи заманил ничего не подозревающих арабуру в ущелье Хитамити, запер их там и убил голодом, огнем и водой всех до единого – все двадцать тысяч иноземцев. А через три дня небо со стороны Поднебесной вдруг потемнело, и стаи пятипалых драконов, изрыгающие дым и пламя, стали опускаться на поля, дороги и города Нихон. Они пришли на помощь арабуру, сожгли крепость Фудоки, принесли в жертву императора Мангобэй, захватили все крупные города и выставили на дорогах многочисленные сэкисё⁷⁹. С того времени и началась не только великая засу-

---

⁷⁸ Тайсё – главнокомандующий.

⁷⁹ Сэкисё – застава, пропускные пункты в стратегических точках.

ха, но и на смену погибшим арабуру явились новые орды, а их отношение к местному населению стало особенно жестоким. Не проходило и дня, чтобы в стране не убивали японцев, которые в свою очередь убивали арабуру.

Вскоре стало ясно – арабуру исповедуют лицемерие. Одной рукой они привлекли на свою сторону знатных самураев, императорских советников, людей, возглавляющих кугё⁸⁰, больших и малых даймё⁸¹, их кёрай⁸², суля последним лёны⁸³ тех даймё, которые не приняли новую власть. Другой рукой проводили кровавую политику в отношении все тех, кто не подчинился. И страна Се-Акатль, как ее теперь называли, опустела. Дороги заросли. Крестьяне разбежались в страхе и попрятались в горах и в непроходимых чащобах проклятого, заколдованного леса Мацумао, где до этого обитали лишь одни разбойники и те из государственных преступников, которым запрещалось жить в городах и деревнях.

Некоторое время сопротивлялись одни ямабуси⁸⁴ окрестных горных монастырей, вдруг объединившиеся во имя великой цели, но в конце концов и их задавили. Теперь из самого главного монастыря Энряку дзи на горе Хиэй дзан, что

---

⁸⁰ Кугё – аристократические кланы.

⁸¹ Даймё – землевладелец.

⁸² Кёрай – вассалы даймё.

⁸³ Лёны – земляные надель.

⁸⁴ Ямабуси – горный монах.

находилась в двадцати сато⁸⁵ к северу-востоку от Киото, не доносилось привычного перезвона, и силы зла через северо-восточное направление, которое считалось воротами демонов, беспрепятственно проникали в столицу Мира.

Зато в провинциях вдруг в огромном количестве развелись акуто⁸⁶, чуждые патриотизму, они грабили то, что осталось после арабуру, не чурались ни храмовой утварью, ни последней циновкой в самых захудалых монастырях. Их не трогали по двум причинам: шайки были слишком мелки и рассеивались при появлении грозных отрядов арабуру, к тому же они довершали то, что не могли сделать новые хозяева – окончательно разоряли страну.

* * *

Генералу Го-Тоба давно хотелось напиться. С тех пор, как он потерпел поражение от арабуру. Это чувство безраздельно властвовало им. Вначале он еще боролся с ним, но теперь чувствовал, что если не напьется в ближайшие сутки, то умрет от необъяснимой тоски. Его мучили воспоминания о собственном позоре. Впрочем, умереть надо было еще раньше, сразу после сражения, но у него не хватало духа, чтобы совершить сэппуку, да и со смертью лучшего фехтовальщика империи Чжэн Чэн-гун трудно было рассчитывать на

---

⁸⁵ Один сато – 535 метров.

⁸⁶ Акуто – мелкие шайки грабителей.

быстрый и легкий конец: иногда человек мучился до рассвета, если он, конечно, совершал сэппуку, как положено, на закате дня. Попросить же Акинобу или его ученика о помощи у генерала Го-Тоба не поворачивался язык. Если бы он завел разговор, повернуть назад было бы невозможно. Легче было выпить. Буду пить, чтобы все забыть, смело решил он. Но, судя по всему, у его попутчиков не было при себе алкоголя. А генерал Го-Тоба привык к сакэ, настоящему на цветках саккуры, ибо такой сакэ нес в себе божественное дыхание Фудо⁸⁷.

В общем, так или иначе, а генерал страдал. Правда, в его страдании был большой плюс: с жизнью можно было не расставаться, ибо со смертью императора Мангобэй острая необходимость в сэппуку сама собой отпала, хотя генерал Го-Тоба и был женат на его младшей дочери и даже подарил императору пару внуков. Он еще надеялся найти их живыми и здоровыми, поэтому-то и пристроился к людям, которые, судя по всему, знали, зачем идут в такое гиблое место, как столица Мира – Киото, которую новые хозяева страны переименовали на свой манер – в Чальчуапа. Для японского уха это было мертвое, ничего не значащее слово. Просто Чальчуапа, а что оно обозначает, никто не знал.

По большому секрету, генерал Го-Тоба не был боевым генералом. Он заработал свой чин не ратным трудом и дол-

---

⁸⁷ Фудо – божество, отгоняющее злых духов. Изображается сидящим с мечом в руках в пламени. Символизирует стойкость духа.

гими летами воинской службой, а в качестве родственника императора Мангобэй. Ему даже разрешалось в знак особой милости приближаться к императору не вприсядку, растопырив пальцы, как это проделывали остальные придворные, а обычным шагом, правда, семена и обязательно с выражением почтения на лице. Но уж от этого нельзя было никуда деться. Шестая армия считалась тихим, теплым и доходным местом. Равнина вдоль реки Абукима была хорошо обжита, и крестьяне, которые ее обрабатывали, считались миролюбивыми. Генерал Го-Тоба обложил их налогом «на армию», большую часть которого втихаря клал себе в карман, и постепенно разленился, справедливо считая, что будет вести такой образ жизни до конца дней своих. В этом он видел судьбу, избранность и свысока относился даже к своим офицерам. Однако появились арабуру, и теперь у него были счеты с ними. Впрочем, генерал этого не понимал, он был не из храброго десятка, да и ума не нажил, как и крепости духа.

Он командовал очень большой и хорошо обученной армией, которая в отличие от своего генерала, даже в мирное время не предавалась лени и разврату. В этом крылось его величайшее жизненное достижение. Ему просто не хватило ума вмешиваться в дела своих высших офицеров и все испортить. Зачем вникать в проблемы армии, если тебе регулярно докладывают только о положительной стороне армейской жизни. Отлично! Он потирал руки! И жил припеваючи, предаваясь праздной жизни: спал до полудня и пил нектар но-

ра⁸⁸ и юри⁸⁹. У него было три наложницы, и он построил для каждой огромный дом. Неужели все генералы так хорошо и беспечно живут? Нет, он не задавал себе подобного вопроса. Зачем? Он даже не думал о нем, как не думает трава о грядущей осени. Зачем, если все в жизни складывается удачно. Но когда грянул гром в виде иканобори и арабуру, генерал Го-Тоба не был готов к ратному делу. Растерянность овладела им. Он стал совершать ошибку за ошибкой. Раз в стране воцарился хаос, решил он, то и внутри вверенной мне армии тоже хаос, а меня всего лишь обманывают. Посему он стал производить реорганизации: тасовал командиров, менял вооружение и амуницию. Кавалеристов муштровал как пехотинцев, а пехоту – как кавалерию. Лучники и арбалетчики у него в лучшем случае отделялись купанием в море, ибо их учили плавать в полном вооружении, и так далее, и тому подобное – глупость за глупостью. Так он запретил пользоваться на учениях нагинатой, посчитав ее слишком опасной, потому что однажды один из кавалеристов уронил ее ему на ногу. Дело дошло до того, что попытки лучников усесться на лошадей под всеобщий хохот заканчивались падением. Конечно, если бы у генерала Го-Тоба было время, он бы нашел золотую середину, скорее всего, вернув все на свои места, устав от подобных занятий. Но времени у него не было.

Естественным образом к нему стекалась самая разнооб-

---

⁸⁸ Нора – дикая роза.

⁸⁹ Юри – лилия.

разная информация в виде докладов от ниндзюцу⁹⁰ всех мастей, от дезертиров из других армий, от своих же офицеров и посланника императора, который, к слову сказать, явился всего лишь один раз. Он терялся, не зная, как интерпретировать донесения. Император Мангобэй потребовал двинуть войска на помощь столице, но когда это известие дошло до генерала Го-Тоба, император уже был мертв. Правда, генерал мог ударить в подбрюшье арабуру, тем более, что после грандиозного сражения на равнине Нара они были изрядно помяты. Но из-за нерешительности упустил момент, хотя штаб армии всячески подталкивал его к активным действиям. Он же оправдывал свою позицию тем, что шестая армия резервная и одна ее мощь служила гарантом стратегического успеха, но арабуру внесли такой хаос в центральные районы страны, что ни о каком спокойствии или успехе речь уже и не шла. Надо было наступать. Тогда генерал Го-Тоба вообразил, что долина реки Абукима по каким-то неведомым причинам не привлечет внимания захватчиков. И затаился, оставаясь на месте. Мало того, когда аванпосты стали докладывать о появлении разъездов врага, он стал отводить армию все дальше и дальше на север в горные районы. К нему стал стекаться разнообразнейший люд, но он не пополнял им ряды армии, потому что из-за снобизма руководствовался принципом чистоты самурайских рядов. Однажды, когда его положение стало отчаянным и к нему явились

---

⁹⁰ Ниндзюцу – шпион.

четыре демона: Фуки⁹¹, Каги⁹², Доки⁹³ и Онгёки⁹⁴, он отказался от их услуг, ибо все они пришли с гор. Своей нерешительностью он довел армию до той стадии, когда люди стали разбегаться. Даже когда арабуру вторглись основными силами в долину реки Абукима и стали жечь деревни, которые генерал обязан был защищать, он не решился на активные действия. Крестьяне сопротивлялись, сколько могли. Четыре демона помогали им изо всех сил. Демон ветра летал над войсками арабуру и осыпал их отравленными стрелами. Демон огня сжег вся леса и поля окрест. Демон подземелий укрывал крестьян в пещерах. А демон невидимости делал эти пещеры незаметными для арабуру.

Разумеется, долго так продолжаться не могло. Арабуру с помощью иканобори шаг за шагом продвигались на север, и когда генералу Го-Тоба стало некуда отступать, он дал генеральное сражение по всем тем правилам и стратегиям, которым его обучали в Средином Царстве. И конечно, тут же проиграл.

Поэтому за глаза его стали называть «генералом-простофилей». Все отвернулись от него. Преданным остался лишь один Чжэн Чэн-гун. Но чего греха таить, подспудно генерал Го-Тоба желал его смерти, ибо Чжэн Чэн-гун был свидетелем

---

⁹¹ Фуки – демон ветра.

⁹² Каги – демон огня.

⁹³ Доки – демон подземелий.

⁹⁴ Онгёки – демон невидимости.

лем его позора.

С тех пор в Японии говорят: «Ленив, глуп и недалёковиден, как готоба». А ещё говорят, что, прав не тот, кто изворотливей, а тот, кто сильнее духом. А ещё говорят, что честен тот, кто всегда говорит себе правду.

* * *

Акинобу решил не ждать Натабуру на прежнем месте – в квартале Хидзи, где всего-то жила сотня-другая бродяг. Это было бы верхом безрассудства, да и вообще – глупо. Во-первых, здесь они заметны, как вороны на заснеженном поле, а во-вторых, есть было нечего. Он оставил всего лишь сломанную ветку, которая указывала направление, в котором они ушли. Ветка быстро высохла и ничем не отличалась от хлама, которым была полна хижина, но только для неопытного глаза.

Если бы они задержались до утра, то увидели бы Невидимку из Ига⁹⁵ – человека, который появился словно ниоткуда, но пришел точно по следам, которые оставил Натабура и его люди, не заступая, однако, на желтую императорскую дорогу, да и вообще сторонясь ее, словно чумы. И хотя крапива поднялась, как и прежде, он безошибочно нашел тропу и незаметно, как хонки, проник в хижину. Ему хватило од-

---

⁹⁵ Ига – провинция.

ного взгляда, чтобы понять, сколько людей находилось здесь – семеро. Даже клочок шерсти Афра не ускользнул от его опытного взора. Волос был самый что ни на есть собачий, хотя вначале человек подумал, что он принадлежит песиголовцу, и это его насторожило, но и потом настороженность не прошла – медвежий тэнгу, путешествующий с людьми – весомый аргумент, чтобы быть тройне осторожным, ибо медвежий тэнгу – большая редкость в стране Нихон.

Ветку он тоже обнаружил, но не тронул. Кто знает, может, завтра явится человек, чтобы проверить знак? Ветка указывала на запад, где на краю города находился квартал чеканщиков, один из немногих не разоренных арабуру, ибо они оказались большими ценителями серебряной и медной посуды, на которой любили сладко поесть. Что же, правильно, подумал он, где еще можно раствориться в толпе, не привлекая внимания. Да и знак направления сделан со смыслом: на длинной части ветки кора была содрана и завязана в виде иероглифа «ума»⁹⁶. Но только опытный глаз мог отличить иероглиф от случайной былинки.

По большому секрету надо сообщить, что Невидимку из Ига звали Абэ но Сэймэй. Запомните это имя. Никто ничего толком о нем не знал: чем он занимается и как его зовут, что он есть и где спит, наконец, кого любит, а кого ненавидит. Люди, которые обучали его, позаботились обо всем этом. Он

---

⁹⁶ Ума – медь.

был никем. Тенью дракона Аху⁹⁷, выходящем с горы Сирояма, для которой время не уходит и приходит, а пребывает поныне. Принадлежал он к школе «Врат Дракона».

Имя его знали только Три Старца. Эти Старцы находились далеко на севере, в горах, в долине Проклятых самураев, точнее, в одноименном монастыре. Но даже на таком отдалении они видели каждый его шаг и действовали весьма успешно. Их девизом было изречение: «Чтобы победить врага, нужно всего лишь время». Они были адептами дзэн-буддизма, и времени у них было более чем достаточно – вечность.

Поэтому-то Абэ но Сэймэй по кличке Невидимка из Ига и пребывал в разоренной столице. Каждые сэкки⁹⁸ он посылал отчеты голубиной почтой и получал инструкции, что ему делать. Иногда его задания были весьма странны и на первый взгляд непонятны. Иногда надо было кого-то убить. Такие задания были самыми простыми. А иногда требовалось всего лишь появиться в нужное время в нужном месте и помочь конкретному человеку, или напротив, отвести от кого-то беду, или свести двух больших людей, а иногда просто столкнуть камень с дороги – и ход истории менялся. Его ментальность была высшего порядка, хотя и имела ограничение, связанное со спецификой деятельности, но от этого никуда нельзя было деться, поэтому в его действиях присут-

---

⁹⁷ Аху – дракон, защитник обездоленных.

⁹⁸ Сэки – пятнадцать дней.

ствовала ваби⁹⁹.

По идее, старцы с гор должны были послать в столицу Мира двух, а лучше трех совершенно разных людей, с разными способностями и функциями, но таких исполнителей было слишком мало, и все, что можно было соединить, соединилось в одном единственном человеке – Абэ но Сэймэй.

С последней голубиной почтой пришел наказ посетить харчевню на Поднебесной. Суть задания, как всегда, не раскрывалась. Да этого и не требовалось, ибо в дзэн, как в «Цветочной проповеди»¹⁰⁰ Будды, ничего не требовало объяснений.

– Эйя!¹⁰¹ – только и воскликнул Абэ но Сэймэй.

Почему его привлек именно этот след, он не знал, да и не стремился узнать, ибо действовал по наитию – так, как его обучили. Если это акуто, то я их убью, подумал вначале он, а если кто-либо другие, посмотрим. Последнее время мелкие банды в надежде поживиться все чаще проникали в столицу Нихон. Они маскировались под крестьян или ремесленников, были дерзки и одновременно трусливы, как стаи уличных собак. Абэ но Сэймэй быстро понял, что за главного в группе человек с посохом. Следы от него были если не чет-

---

⁹⁹ Ваби – стремление стать господином самому себе, т. е. исключить случайность.

¹⁰⁰ Цветочная проповедь – Будда всего лишь молча указал на цветок. Ученики должны были проникнуться самостоятельно. Догадался один, он и был выбран Буддой.

¹⁰¹ Эйя! – восклицание, которым хотят подчеркнуть удачу.

ко, то все же заметны по правую сторону от тропинки. Еще Абэ но Сэймэй определил, что у одного из людей есть меч, ибо, когда этот человек садился отдохнуть, он характерным движением подвертывал левую ногу и усаживался, налегая, на нее, словно оберегая ценный меч, который оставлял в пыли или на траве присущий ему след. А еще был подросток, который вообще не хоронился и шел, сбивая головки цветов. Подросток был босым. Вот только четвертого человека Абэ но Сэймэй никак не мог расшифровать. Был он легок на ногу и всегда продуманно устраивался на отдых: не мял траву и не ложился навзничь, предпочитая облакачиваться на дерево. Когда он поднимался с земли, то перекатывался, повторяя прием ухода от удара. Это значило только одно – человек был обучен всегда и во всем быть начеку. Неужели это один из наших, задумался Абэ но Сэймэй. Неужели на стороне акуто появились ниндзюцу? Если это так, то предателя надо было срочно убить. Он стал искать особый знак, который каждый из невидимок школы «Врат Дракона» должен был оставлять на земле, но ничего не нашел. Мало того, этот странный человек даже заметал след своих ног. Нет ничего хуже, чем хорониться таким странным образом. Стало быть, рассуждал Абэ но Сэймэй, я столкнулся с опытным собратом. Но собрат ли он? Это надо было еще проверить.

Он скользнул из хижины, как тень, не оставляя следов, и трава за ним тут же встала стеной. Даже учитель Акинобу и Натабура не умели так ходить. Три фактора способствовало

этому: специальная обувь, специальная одежда, за которую не цеплялись репейники, и навыки движения в чаще – Абэ но Сэймэй думал, как трава, и разговаривал с ней, становясь травой. Непосвященному человеку это казалось чудом, поэтому многие думали, что такие люди, как Абэ но Сэймэй, умеют летать. Сам же невидимка из Ига был уверен, что ему помогают предки, Боги и собственная голова.

Даже то, что те четверо пошли не кратчайшей дорогой – желтым императорским трактом, а выбрали окружной путь, говорило о том, что люди избегали арабуру. А кто их не избегает? – спросил он сам себя. Все избегают. Стало быть, они пришли специально. Идут налегке, без ноши, с одним мечом и посохом. Ну и с ножами, конечно, которые не запрещены. Но зачем меч? Это сбило его с толку. Никто в здравом разуме не будет носить меч открыто, ибо при встрече с арабуру это означает мгновенную смерть. Значит, значит... Стоп! Ничего не понял. Должно быть, еще рано делать выводы.

Так и не разгадав загадку, Абэ но Сэймэй просто шел за странным людьми и незаметно попал в квартал чеканщиков, а потом и дальше – в квартал ювелиров. Это обстоятельство удивило его еще больше: как незнакомцы, не зная города, смогли миновать все заставы?

Надо было бы, конечно, пойти по желтой императорской дороге и исследовать императорский лес, который когда-то был просто городским парком, но Три Старца запретили даже думать об этом, поэтому Абэ но Сэймэй не пошел за На-

табурой и его товарищами.

В квартале чеканщиков Абэ но Сэймэй уселся на веранде крохотной харчевни, заказал чая и принялся ждать, не опасаясь арабуру, ибо Абэ но Сэймэй не было равных в искусстве исчезать подобно хонки – ведь ниндзюцу учились у своих бестелесных собратьев, тем более, что в такие тяжелые времена хонки всех мастей делились с людьми своими большими тайнами и мелкими секретами.

Перед Абэ но Сэймэй лежала площадь треугольной формы, которая словно в насмешку называлась Поднебесной и которая затерялась между кварталом чеканщиков, кварталом ювелиров, Исии – кварталом каменотесов, изготавливавших саркофаги и могильные камеры, и кварталом ткачей – Онамути, где шили кимоно и другую одежду. С приходом арабуру эти профессии пришли в упадок, и от бывшего величия этой хотя и крохотной, но всегда многолюдной площади остались одни воспоминания – харчевня на семь столиков. Большого хозяин себе позволить не мог, потому что в эти смутные времена редко кто отваживался провести у него вечер, не опасаясь быть застигнутым патрулем арабуру или их приспешниками – кэбииси¹⁰², которые выслуживались перед новыми хозяевами, не жалея живота своего.

В эту харчевню Абэ но Сэймэй ходил ровно три дня, на четвертый свое выходил. Недаром он считался мастером своего дела.

---

¹⁰² Кэбииси – городские стражники.

Прошло три дня – Натабура не возвращался. Акинобу невольно начал волноваться. Хотелось верить, что ним ничего не случилось. Без боя он не дался бы, утешал себя учитель. Шума же в столице не было? Не было! Ни погони, ни криков, ни драк. Только на севере новые хозяева устраивались поудобнее, возводя вместо Нефритового дворца аляповатую золотую крепость-пирамиду. Ее было видно ото всюду. Она мозолила глаза, как грязное пятно на стене. В любом случае, надо ждать, рассуждал Акинобу. Если что случилось, думал он, Аффа наверняка бы нас нашел, ведь у него отменный нюх.

А именно в этот момент Натабура с Аффа в поисках пропавших Язаки и Ванути как раз столкнулись с арабуру.

Акинобу по одному ему понятному наитию решил выйти в город. Он и сам не понимал, почему должен посетить харчевню «Кума»¹⁰³, и усесться на веранде с видом на Поднебесную. Повинуясь странному влечению, он не взял и посох из белого корейского дуба. Что-то ему подсказывало не делать этого. Он не стал рассуждать на эту тему, а просто отставил его дома и наказал Баттусаю не выпускать строптивного генерала Го-Тоба ни под каким предлогом. Если мальчишка Ми-

---

¹⁰³ Кума – медведь.

тиёри довольствовался добровольным заточением, находя в этом даже какую-то романтику, то генерал рвался напиться. Причем, сделать он это пытался в полном облачении монаха и с мечом на боку. Никакие доводы на него не действовали, и он стал изрядно надоедать Акинобу. Но Акинобу еще не принял решения, что делать с глупым генералом, который с каждым днем становился все непредсказуемей. Можно было придумать для него правдоподобное задание, которое соответствовало бы его чину, и удалить из города, но как назло, в голову учителю Акинобу ничего путного не приходило.

Подоткнув полы кимоно, Акинобу уселся так, чтобы видеть всю площадь, а самому оставаться в тени. Место это было не очень удобное, потому что путь к отступлению имелся всего-навсего один – через перила и открытое пространство наискосок, чтобы затеряться в развалинах квартала каменотесов. Да и посоха, к которому он привык, под рукой не было. Неуютно себя чувствовал Акинобу – как голым в бане.

Горячее, обжигающее солнце вставало из-за поникших деревьев, и хотя оно только-только заглянуло в Поднебесную, чувствовалось, что день, как всегда, выдастся знойным. Пыль и сухие листья, которые обычно взбивались сотнями ног, сиротливо лежали по обочинам, и только резко залетающий в проулки ветер закручивал их в неприкаянные вихри. Жар, иссушающий город, лился с крыш, словно пытаясь убить все живое. Должно быть, это знак того, что Боги гневуются, привычно думал Акинобу, за наше промедление. Ес-

ли бы мы могли сразу – одним махом – изгнать арабуру! Он взглянул на заколоченные крест-накрест окна и двери домов, выходящие на площадь, и с трудом сдержал тяжелый вздох – город умирал, города больше не было, хотя в нем еще, как и во всей стране, кое-где теплилась жизнь.

Чай и лепешки с рисом обрадованный хозяин принес очень быстро, и Акинобу невольно наслаждаясь покоем и тишиной покинутого города, тем не менее, внимательно следил за площадью и за всеми входящими в харчевню.

Впрочем, посетителей в харчевне, кроме человека возраста Натабуры, с непривычно пронзительными глазами и выгоревшей на солнце шапкой волос, не было. Одежда всклокоченного человека была покрыта пылью и пылью растений, из чего Акинобу заключил, что человек пришел с окраины, в обход постов арабуру, что само по себе было странно. Кто по доброй воле явится сюда? Разве что сумасшедший? Но на кого-то же хозяин харчевни рассчитывает? На бедного путника в жаркий день.

К часу змеи¹⁰⁴ вдалеке промелькнули иканобори, которые неустанно патрулировали небо над городом, протарахтела тележка с фруктами, которую тащил на базар изможденный зеленщик, да прошмыгнул хакётсу¹⁰⁵ с мальчиком-поводырем лет десяти-двенадцати – оба в такой рваной одежде, что скорее их можно было считать раздетыми, чем одетыми. Ра-

---

¹⁰⁴ Час змеи – с 9 до 11 часов.

¹⁰⁵ Хакётсу – прокаженный.

зумеется, хакётсу не мог быть Натабурой, а мальчик – Язакки. Что же меня сюда потянуло? – ломал голову Акинобу, что? Неужели единственный человек, который делает вид, что пьет чанго¹⁰⁶. Он действительно выпил три кувшина пива и заказал еще. Акинобу удивился не тому обстоятельству, что человек в пыльной одежде не бегал в отхожее место, а тому, что взгляд человека, несмотря на выпитое, оставался трезвым и острым, как шило. Может быть, этому способствовал зеленый цвет глаз, так редко встречающийся среди жителей Нихон. Акинобу знал, что способность не пьянеть присуща немногим людям. Вначале он не придавал этому значения – мало ли молодых бродяг с зелеными глазами умеют пить, не пьянея. Но примерно к середине часа змеи это обстоятельство его все же встревожило, а потом основательно насторожило. Человек явно чего-то ждал, точно так же, как и сам он – Акинобу, но не зеленщика и не хакётсу. Это ясно. Он не уходил, не волновался, а просто ждал какого-то знака или сигнала. Надо было встать и уйти, понял Акинобу, ибо риск становился слишком велик.

В этот момент хозяин харчевни с кротким и извиняющимися выражением на лице принес Акинобу кувшин с пивом.

– От того господина... – одними губами прошептан он, явно в равной степени побаиваясь и незнакомца, и Акинобу.

Акинобу велел подать еще одну пивную чашку и жестом пригласил незнакомца к своему столу. Его расчет заключал-

---

¹⁰⁶ Чанго – пиво.

ся в том, что тому придется сесть лицом к свету и спиной к входу. Если он это сделает, не моргнув глазом, подумал Акинобу, значит, он шпион арабуру, ибо только не боящийся власти человек может позволить себе такое – тогда я его убью. В запасе у Акинобу было сто двадцать пять способов умерщвления человека голыми руками.

Два года, проведенные в глуши, не прошли для Акинобу бесследно – он не знал обстановки в столице Мира, не знал, кто кому служит и удалось ли арабуру сделать из таких людей, как ниндзюцу, – цукасано гэ. Школ ниндзюцу насчитывалось великое множество, и не все они были известны. Некоторые школы так маскировались, что скорее их можно было принять за лавку старьевщика, чем за грозную организацию. Были и такие, не крупнее семьи, которые брались только за мелкие и простые заказы. В былые времена в столице их насчитывалось не менее сотни. По роду деятельности в Совете Сого¹⁰⁷ Акинобу знал почти всех ее представителей, ибо все они вначале испрашивали разрешения у духовной власти. Это была чистая формальность, но, тем не менее, никто не хотел ссориться с Богами, предпочитая любовные соглашения.

Абэ но Сэймэй сел напротив, поднял чашку с пивом и сказал, следующую фразу, которая больше была похожа на пароль:

---

¹⁰⁷ Совет Сого – Совет высших монахов Буддийского главного управления по делам монахов.

– Бог хитер, но он не злоумышленник.

– Он наивен, как ребенок, – сдержанно кивнул Акинобу, почему-то радуясь за Будду. – Обмануть его пара пустяков.

– К тому же он девственник! – живо хихикнул Абэ но Сэймэй, вытирая редкую щетину на подбородке.

Его задор развеселил Акинобу. Он подумал, что легко обхитрит незнакомца.

– Не исключено, – согласился он, не боясь обидеть Будду, ибо Будду обидеть было невозможно. Общение с ним вообще полная бессмыслица. Сколько Акинобу ни пытался постичь его в разных ипостасях, добраться до сути было невозможно. Бог был многолик и ускользал, как уклейка из рук. Однако есть ложь, которую принято говорить, чтобы быть понятым. Если это не пароль для избранных, то пусть в меня плюнет прокаженный. Да и вообще, пара фраз, которыми он перебрался с незнакомцем, была из всевластных шаштр¹⁰⁸ Будды, поэтому они вдвоем не богохульствовали, как показалось бы неподготовленному человеку, а говорили на понятном друг другу языке. Оба они знали, что такое сатори. Оба знали, что Бог идентичен к духу в дзэне, однако он в такой же степени блажен в нирване дзёдо, и проявлялся во всех ипостасях жизни. Незнакомец был просвещенным человеком. В любом случае, он меня проверил, решил Акинобу. Дзэн – это облако, кочующее в небе. А дзёдо – жизнь человека в раю или в вечных войнах. Кто знает истину? Никто!

---

¹⁰⁸ Шаштра – философский трактат (санскрит).

Так думал учитель Акинобу и, разумеется, ошибался.

– Я тебя жду уже три дня.

– Я пришел, – ответил Акинобу, – что ты хотел?

– Выпить с тобой пива.

– Признайся, странное место ты выбрал, – заметил Акинобу.

Человек с зелеными глазами обиделся и на целую кокоя уставился в пол, словно говоря: «Я к тебе со всей душой, а ты!..» Его широкие, массивные плечи напряглись. Их силу не могло скрыть ни объемное кимоно из легкой ткани, ни умение держаться незаметно. Хорошо обучен, понял Акинобу, обучен ходить бочком и проскальзывать в любую щель. Только кажется что он ищет на полу ответ. Но когда Абэ но Сэймэй поднял глаза, чтобы сверкнуть энергичной улыбкой из-под редких усиков, Акинобу уже знал, о чем он скажет, и знал, что незнакомец начнет с укора.

Однако Акинобу просчитался: Абэ но Сэймэй не обиделся, а погрузился в шуньяту¹⁰⁹, в которой пытался уловить, зачем он сюда пришел. Как и Акинобу, он не понимал этого. Это лежало поверх судьбы, а судьба, как известно, не просчитывается. Явно – не для того, чтобы познакомиться с этим странным бывалым человеком, решил он, холодея от мрачных предчувствий, – вдруг я ошибся, поддавшись порыву, и Старцы ошиблись. Тем не менее, читтаматра¹¹⁰ под-

---

¹⁰⁹ Шуньянта – пустота.

¹¹⁰ Читтаматра – духовная сущность человека.

сказывала ему, что он на правильном пути.

– Твои друзья пошли по желтой дороге?

– Да, – подумав, ответил Акинобу.

Он еще не понял, с кем столкнулся, а только строил догадки. В долгих странствиях Акинобу встречался с такими людьми. Иногда они были опасны, иногда только хотели произвести впечатление – те просветленные, которые добрались до истины, или думали, что добрались, находясь всю жизнь в неведении относительно точки отсчета. Недоучки или, наоборот, слишком ученые, полагающие, что только они знают истину. Этот человек, подумал Акинобу, или слишком молод, или хмель бьет ему в голову.

– Вы ошиблись, по императорской дороге ходить опасно.

– Если ты хотел нас предупредить, ты опоздал.

– С тех пор, как появились арабуру, лес стал заколдованным.

– Я не знал, – признался Акинобу, все еще не веря ни единому слову незнакомца.

Они выпили сразу по три чашки пива, пытаясь заглушить в себе нарастающую тревогу. Как и Натабура, Акинобу понял, что сегодня не его день, что Боги смотрят совсем в другую сторону и что им нет дела до него. Надо было выпутываться. Надо было встать и уйти, несмотря на то, что это выглядело бы невежливо, но словно невидимая сила удерживала его на месте.

– Из императорского леса еще никто не возвращался, –

объяснил Абэ но Сэймэй.

– Почему?

– Там поселилась черти и их друзья – песиголовцы.

– Черти? – удивился Акинобу. – Песиголовцы? Я не знал, что существует и такая нечисть.

Абэ но Сэймэй обрадовался тому, что может просветить человека.

– Они пришли вместе с арабуру. Но они не из их страны. Твои друзья погибли.

Абэ но Сэймэй уселся поудобнее. Он и не думал покидать харчевню на Поднебесной. Азарт охотника владел им, а неведомое манило так же, как Акинобу.

– Расскажи, что ты знаешь, – произнес Акинобу так, чтобы остудить пыл незнакомца.

Он не верил, что Натабура погиб, мало того, он не чувствовал этого. Но в своей радости Абэ но Сэймэй был неутомим, как бобр, подтачивающий дерево. Это раздражало.

– Я знаю, что арабуру пришли не с запада, а с востока, и что они живут в теплых краях, где не бывает снега. А оружие у них чужое.

– Чужое? – как эхо переспросил Акинобу. – Откуда?

Ну да! – едва не подскочил он. Как я раньше не догадался. О подобном оружии не говорилось ни в одном источнике знаний: ни на севере, ни на юге, ни на востоке, ни на западе. Значит, оно неземное. Неужели они пришли с неба? Выходит, что Боги действительно отвернулись от всех нас, от Ни-

хон, и борьба предстоит нешуточная. Но зачем кому-то из чужих Богов нападать на крохотную страну? Мысль о том, что во всей этой истории участвует космическая сила, заставила его на некоторое время забыть о собеседнике. Вдруг он услышал.

– Мшаго – это оружие Богов. Но не наших, иначе они давно поделились бы с нами.

Значит, я не ошибся, подумал Акинобу, не испытывая при этом никакой радости. В одной индийской книге он читал об оружии Богов, обладающих невероятной силой, сжигающих целые города и страны. Тот, кто привлечет их на свою сторону, тот и выиграет.

– Я не видел огненного катана, – соврал Акинобу и выпил еще пива.

Напиток ему нравился, к тому же он помогал запутать незнакомца, который о себе ничего не рассказал. Так обучены только ниндзюцу – ничего не говорить, а выспрашивать исподволь.

– Меня зовут Ига Исикава, – сказал Абэ-но Сэймэй, словно прочитав его мысли.

На самом деле Абэ-но Сэймэй понял, что ему не удастся разговорить собеседника, и он решил применить другой ход.

– Не тот ли Исикава, который покушался на жизнь нашего императора и был сварен заживо?

– Да, моего отца звали Гоэмон Исикава, – словно бы с удивлением ответил собеседник.

– Но я слышал, прошу прощения, что вместе с отцом погиб и сын.

– В последний момент мне повезло больше.

– Наму Амида буцу! – воскликнул Акинобу.

– Наму Амида буцу! – повторил Абэ-но Сэймэй. – Не выпить ли нам еще? – спросил он, опрокидывая кувшин, из которого вылилась всего лишь тоненькая струйка пива.

– А куда спешить? – удивился Акинобу. – День длинный! – на какое-то мгновение почувствовал, что опьянел, алкоголь дал о себе знать: вдруг все стало легко и просто.

Харчевник живо притащил кувшин побольше. Этот сорт пива был очень странным – темным и тягучим, как гаоляновое масло. Но самое интересное заключалось в том, что Абэ-но Сэймэй расплатился с харчевником даяном¹¹¹. До недавнего времени китайские монеты были запрещены. Не значит ли это, что Ига Исикава – шпион Поднебесной? Но это не суть важно – по крайней мере, не сейчас, когда они оба сидят и пьют хорошее, доброе пиво. Как же мне его обхитрить? – думал Акинобу.

– Действительно! – воскликнул Абэ-но Сэймэй. – Мы, кажется, нашли то, что искали.

– За смелых и неподкупных!

Впрочем, тост был всего лишь данью вежливости. Кто из нас смелый и неподкупный? – подумал каждый их них. Кажется, я! – гордо решил Абэ-но Сэймэй. Или я, – взял чашку

---

¹¹¹ Даян – китайская серебряная монета.

с пивом Акинобу.

Коварство владеет миром, в свою очередь решил Акинобу, цедя пиво, которое оказалось очень и очень вкусным – вкуснее предыдущего. Если бы он знал, что светлоглазый Абэ-но Сэймэй специально заказал такое пиво, он бы не удивился. Просто это пиво валяло с ног и развязывало язык.

– Отец мой был кёданом¹¹². Он умел хорошо слушать и прыгать. Его ценили в клане пятидесяти трех Кога. Слышал о таких? – в голосе Абэ-но Сэймэй прозвучали нотки гордости.

Абэ-но Сэймэй специально представился именем Ига Исикава, который существовал в реальности. Это был один из приемов, чтобы разговорить собеседника, не усугубив собственного положения. Настоящего Ига Исикава казнили хищнику сосики еще во времена императора. Потом Тайный сыск императора разогнали – так что концы надежно были спрятаны в воду.

– Откуда? Я всего лишь бедный крестьянин, – скромно ответил Акинобу, опустив голову, и добавил, уловив недоверчивый взгляд: – В детстве я два года обучался в буддийском монастыре, но потом вернулся в деревню – надо было помогать родителям.

Честно говоря, он не помнил имени Гоэмон Исикава в списках Совета Сого. Но возможно, его отец был рядовым исполнителем. К тому же Акинобу смутил тот факт, что кё-

---

¹¹² Кёдан – подслушивающий болтовню на пиру.

данами чаще становились самураи самых разных рангов. Их нанимали в зависимости от задания на один день или на три луны. Но кёдана очень редко использовали в качестве убийц. Для этого предназначались синоби¹¹³, да и то не всякие, а только пригодные для этого люди. Если его отец умел хорошо прыгать, значит, он был не кёданом, а синоби.

Абэ-но Сэймэй тоже улыбнулся, давая понять, что он ни капельки не верит собеседнику. Действительно, Акинобу был похож на крестьянина так же, как горный монах на императора. Такой взгляд бывает только у самураев. А воли ему не занимать, подумал он. Надо быть осторожным.

– Видать, ты здорово разбогател, раз ходишь по харчевням в такие времена?

– Да... – очень просто объяснил Акинобу. – Я староста трех деревень. Теперь я работаю на новых хозяев. Они хорошо платят. Но ты отвлекся.

Если он врет, подумал Абэ-но Сэймэй, то искусно, ибо я не могу поймать его на лжи. Он внимательно посмотрел на Акинобу и пришел к выводу, что тот действительно может быть старостой трех деревень, работающих на арабуру. Но тогда я зря рассказываю ему байку – он донесет на меня, и Абэ-но Сэймэй невольно сделал движение, которое не ускользнуло от казалось бы ленивого взора Акинобу – схватился за пояс, где у него был спрятан узкий, острый индийский нож.

---

¹¹³ Синоби – шпион.

– Прости, отвлекся, – согласился он, оправившись от неловкости. – Нас загнали в горы Хидзи яма, но мы были так ловки, что перепрыгивали через пропасти, и враги не могли за нами угнаться. Сотни их полегли в горах, прыгая за нами.

Учителя, которые с ним занимались, долго-долго выбивали из него привычку хвататься за оружие, но так и не выбили, ибо Абэ-но Сэймэй от природы был импульсивен. В этом крылись одновременно сила и слабость. Сила заключалась в том, что он мог опередить любого противника, а слабость – в том, что он преждевременно выдавал себя с головой. Правда, это происходило очень редко – как сейчас, когда Абэ-но Сэймэй слегка опьянел, к тому же, услышав, что его собеседник простой крестьянин, хоть и староста трех деревень, он невольно стал презирал его, как любой самурай презирает крестьянина.

– Ты меня не слушаешь! – воскликнул Абэ-но Сэймэй,

– Почему же, – встрепнулся Акинобу. – Эй, хозяин, принеси нам еще пива.

Совсем осоловел, подумал об Акинобу Абэ-но Сэймэй.

– Да! Подай нам чанго! – крикнул он, ничуть не сомневаясь, что староста трех деревень пьян.

Они снова налили по полной, и Абэ-но Сэймэй продолжил:

– Враги обложили нас со всех сторон. Мы не могли спуститься в долины и питались кореньями и пили росу. Зимой нас загнали в пещеры. Мы так ослабли, что едва двигались.

Поэтому перед казнью на Красной площади нас стали кормить, чтобы мы умерли не сразу, а во всей полноте ощутили мучения. Нас не били и не пытали, а откармливали полгода, как бычков на убой. За это время отец придумал, как нам спастись. Мы сидели в клетке государственной тюрьмы Тайка. Нам выделили сухое и теплое место. Даже дали постель. А каждое утро на зависть другим заключенным приносили по кувшину пива на брата и прочей снеди, которую я никогда бы не попробовал, не окажись в клетке. Главный тюремщик самолично справлялся о нашем здоровье. Однако с первого дня отец разрешал есть не больше горсти вареного риса и выпивать не больше глотка пива. Все что осталось, мы выбрасывали и выливали в окно или отдавали глупым стражникам. Когда мы окрепли и смогли сидеть, отец стал читать сутры. Мы не знали, какая из них будет действенна. Мы читали все подряд: сутра лотоса, сутра сердца, сутра Амида. Особенно нам помогли известные сутры Дайханья кё. На третий месяц мы заметили, что решетки нашей клетки истончилась. Но это заметила и охрана. Начальник тюрьмы страшно испугался. При других обстоятельствах он бы нас выпустил, справедливо полагая, что негоже лишать жизни святых людей – на свою голову можно накликать проклятья. Но не мог этого сделать, потому что мы были важными государственными преступниками. Ему еще не приходилось иметь дело с подобными заключенными, поэтому на всякий случай он посадил нас в яму, и нам пришлось начать все с начала. Мы

молились денно и ночью. Тела наши стали подобно корням деревьев-великанов, и мы почувствовали необычайную силу. Чудо пришло даже не с той стороны, откуда мы ожидали. Однажды стены ямы стали мягкими, как перина. Можно было легко сделать подкоп. В день, когда за нами пришли, мы уже были наготове. Как только решетку сняли, мы взлетели, и ни одна из стрел, посланных вслед, не коснулась наших светящихся тел. Впрочем, как говорят, у тех стражников, которые отважились стрелять в нас, к вечеру отсохли руки. Одного мы не знали – коварные охранники намазали решетку ядом медуз намуры – огромной, желто-красной, и отец случайно коснулся решетки мизинцем ноги. Через три дня он скончался в страшных мучениях. Вместо нас же сварили кого-то другого.

Абэ-но Сэймэй сам не понял, зачем рассказал эту байку. Возможно, здесь сыграло свою роль желание расположить к себе собеседника – пусть этот собеседник и был вчерашним крестьянином. От всего рассказанного у него в душе осталась пустота, и он не мог вначале понять – почему. А потом сообразил: его собеседник не назвал себя, мало того, он ничего не рассказал о себе, за исключением того, что является старостой трех деревень. Абэ-но Сэймэй сообразил, что совершил ошибку: никакой он не староста, а я проболтался, правда, не понял, как.

Акинобу тоже был разочарован и подумал, что зря пришел сюда, что это не ниндзюцу, а просто несчастный, изо-

лгавшийся человек.

Однако, несмотря на то, что они прониклись дзэн и постигли махаяна¹¹⁴, им и в голову не могло прийти, что только будущее раскроет им смысл сегодняшней встречи. С этим они собрались разойтись, как все выпившие люди, в приподнятом настроении и ощущая друг к другу братское расположение.

Именно в этот момент в харчевню, пошатываясь, ввалился генерал Го-Тоба. У Акинобу глаза полезли на лоб. Мало того, что генерал был пьян, как последний золотарь, он явился при полном вооружении. На крестьянина он походил меньше всего: седеющая голова, рыхлое бронзовое лицо и взгляд царедворца выдавали его с головой. Мало того, Акинобу заметил, что полы его кимоно испачканы свежей кровью. Стало быть, генерал где-то подрался и, должно быть, даже кого-то убил. Акинобу вскочил. Посуда разлетелась в стороны. Но убежать он не успел: площадь мгновенно заполнили кэбииси с нагинатами, а на веранду просунулась огромная морда иканобори, готовая плюнуть огнем.

* * *

В глубине души генерал Го-Тоба маялся. Он давно не находил себе места и лихорадочно соображал, как ему отде-

---

¹¹⁴ Махаяна – большой путь спасения.

латься от соглядатаая – Баттусаая, который сидел в углу комнаты и, не отрывая взгляда, следил за ним, упреждая каждое его движение.

Проделал это генерал весьма виртуозно, несмотря на природную туповатость. Желание напиться совершило с ним странную метаморфозу: генерал Го-Тоба поумнел, правда, всего лишь на какие-то коку, но, тем не менее, он успел обмануть простодушного Баттусаая, используя его же оружие. Баттусаай был обучен быть внимательным. На этом и поймал его генерал Го-Тоба.

Если бы не этот прием и не строгий наказ учителя Акинобу, генерал Го-Тоба ни за что не добился бы своего. Однако, на горе Баттусаю, он припомнил уроки, которые давал ему заезжий монах. Он научил его двум простым вещам: гипнозу, который он называл «овладением вниманием», и усыплению, которое он назвал «пустыми мозгами». Генералу Го-Тоба так хотелось выпить, что он проделал два эти фокуса с большой виртуозностью. Как только Баттусаай сосредоточился на блестящей рукояти меча, бравый генерал стал читать сутры «закрытых глаз». Вначале он произносил их очень и очень тихо. Баттусаю это напоминало гудение пчелиного роя, и он не обращал на гудение никакого внимания. Как только его взгляд стал неподвижным, а веки чуть-чуть, совсем чуть-чуть, опустились, генерал перешел на шепот. Теперь наивный Баттусаай слышал шорох морских волн, и ему это очень нравилось. Родом он был с побережья провинции

Муцу и с молоком матери впитал звуки моря. Ему привиделся отчий дом, длинная полоска берега с беспрестанно набегаящими волнами. Но он еще не уснул, и тело его готово было противостоять «пустым мозгам», тогда как сознание постепенно шаг за шагом сдавало позиции. Когда Баттусай закрыл глаза, но все еще хорошо слышал, генерал стал произносить сутры нараспев в полный голос. Таинственное сочетание смысла фраз и музыкальности сутры сделали свое дело – примерно через три четверти коку Баттусай уснул глубоким сном.

Хитрый генерал Го-Тоба, ни на мгновение не прерывая сутры, медленно поднялся и, шаг за шагом отступая к двери, исчез за ней. Он не верил своему счастью – у него все получилось! Надо ли упоминать, что попутно он усыпил и Митиёри, который сидел за стенкой дома и предавался игре с дворовой кошкой. Если Баттусаю снился его деревенский дом, то Митиёри пребывал совершенно в иных мирах – ему снилась мать, которую он никогда не видел.

Первым делом генерал Го-Тоба побежал в соседний дом и стал барабанить в двери. Тонкое обоняние генерала давно уловило то, на что другие не обращали внимание – соседи варили сакэ. Вот почему генерал маялся.

Соседи же решили, что к ним ломятся городские стражники или, хуже того – проклятые арабуру. Хотя, конечно, уж эти-то имели все права беспрепятственно войти в любой дом в любое время дня и ночи. Поэтому генералу здесь ни-

чего не перепало. Мало того, на шум выскочили молчаливые мужчины с палками, и хотя генерал был при своем любимом мече, драться с ними он не решился, здраво рассудив, что он сюда прибежал не за этим. К тому же он все еще боялся, что проснется Баттусай. Он, правда, предпринял слабую попытку выклянчить хотя бы глоток божественного напитка, на худой конец – чанго, но суровые мужчины молча выкинули его на дорогу.

Быстренько отряхнув дорожную пыль, генерал Го-Тоба побежал куда глаза глядят. А глядели они у него туда, куда вел его собственный нос. Нос же привел его туда, куда попадают все бражники – в притон.

Притон под названием «Хака»¹¹⁵ находился в самом центре квартала каменотесов, в недостроенном, вернее, в используемом не по своему прямому назначению склепе.

Генерал ввалился туда, как жаждущий крови зверь. Феноменальный нюх привел его точно в дыру между чертополохом и покосившимся забором, туда, где была протоптана едва заметная тропинка. Было у него с собой десять рё. На эти деньги можно было пить, не просыхая, две луны кряду и то не все пропить, ибо керамическая бутылочка дешевого теплого сакэ стоила всего лишь два бу.

Генерал Го-Тоба тут же заказал себе десять таких бутылочек, потом, ни на кого не глядя, уселся за столик в углу и сразу опорожнил три из них. Ему полегчало, словно ду-

---

¹¹⁵ Хака – могила.

ша только этого и требовала. Успокоившись и немного отдышавшись, генерал огляделся. Склеп был низким, узким и длинным, как лабиринт Драконов. Свет, падающий из дыр в крыше, только сгущал тени. Лица посетителей казались масками театра Кабуки, в который генерал частенько хаживал и очень любил.

Когда он выпил еще две бутылочки, ему показалось, что эти лица тянут к нему свои мертвенные руки. А потом он понял, что это не живые люди, а хонки пьянства, только и ждущие подходящего пропойцу. Известно, что духи и демоны могут летать лишь по прямой. Поэтому генерал Го-Тоба живо опрокинул свой столик и поставил его на пути движения хонки. Как они взвыли! Как они кричали, возмущаясь! Они кричали так, что с потолка посыпалась краска, а воздухе повисла пыль. Они кричали и искали возможность обойти препятствие, но не могли этого сделать, потому что тоже были пьяны, но не от сакэ, а кровью посетителей «Хака». Генерал Го-Тоба преспокойно угнезвился за своим укрытием и знай себе, потягивал любимый напиток. Однако некоторые из хонки оказались сообразительнее и стали искать путь, как бы добраться до генерала. И когда один из них, совершив обходной маневр, схватил его за руку, в которой он держал последнюю, а значит, и самую драгоценную бутылочку, генерал не выдержал и дал им бой. Его тяжелый боевой меч просвистел, как рок, для тех, кто стоял у него на пути, хотя, конечно, генерал знал, что дело это бесполезное, ибо хонки нельзя

было убить обычным мечом. Как и следовало ожидать, оказалось, что генерал дерется вовсе не с демонами и духами, а с людьми во плоти – такими же пьяницами, как и он. Наверное, генерал так всех и зарубил бы, если бы ему не попался самурай, вооруженный вакидзаси, который сопротивлялся дольше остальных и ценой своей жизни дал возможность разбежаться всем уцелевшим посетителям «Хака». И хотя генерал Го-Тоба был не из храброго десятка, то, что он учинил, надолго запомнили в столице Мира, которая ныне называлась не Киото, а Чальчуапа: из всех щелей и дыр притона «Хака» вдруг полезли, как тараканы, все те посетители, кто не полегли под мечом генерала Го-Тоба. Он еще долго призывал их к бою и напрасно размахивал мечом. Его водило из стороны в сторону. Он несколько раз садился на зад, который вдруг сделался непомерно тяжелым и неуправляемым, словно он жил своей отдельной жизнью и во что бы то ни стало хотел как можно больше напакостить генералу. В каждом углу ему виделся враг, и он рубил все, что попадалось ему на пути. Обследовав все закоулки и тупички и в сотый раз убедившись, что больше не с кем драться, а значить, и не надо скандалить, генерал немного успокоился и решил отправиться дальше.

«Тьфу ты!» – плюнул он, выбираясь из скрепа, с удивлением обнаруживая в своей левой руке малый меч. Вот, чего мне не хватало, понял он, – кровавого боя. Вот, чего я был лишен все эти годы – удовольствия подраться. «А!.. Хоро-

шо!» Так почему бы мне не отметить это дело. И он пошел искать, где бы можно было еще выпить. На свою беду очень быстро он набрел на харчевню, где сидел Акинобу.

Привел ли он за собой городских стражников – кэбииси, а также иканобори, или это было случайностью, никто не знает. Так или иначе, но Акинобу попал в переплет.

Его собеседник тут же произнес заклинание «онгё но мадзинаи»¹¹⁶ и мгновенно исчез. Акинобу пришлось туго. Против него выскочили сразу трое кэбииси, вооруженные нагинатами. С тем из них, кто стоял ближе всего, Акинобу предпочел разобраться с помощью старого испытанного приема отбора оружия. Этот прием заключался в том, что взгляд и сознание не должны были сосредоточиться на оружии противника. Если бы оно, оружие противника, завладело вниманием Акинобу, он бы погиб. Однако произошло следующее: кэбииси сделал выпад по всем правилам, то есть ткнул и развернулся по оси, потянув на себя нагинату с таким расчетом, чтобы развалить врага пополам. В таких случаях считалось, что второе движение даже излишне, так как тычка еще никто не переживал. Каково же было непомерное удивление кэбииси перед тем, как он умер, когда его нагината не встретила привычного сопротивления и разрубила всего лишь воздух, а противник оказался так близко, что его ужасные глаза по-

---

¹¹⁶ Онгё но мадзинаи – очень короткое заклинание исчезновения «Школы Врат Дракона», состоящее всего лишь из одного тайного иероглифа, произносимого на выдохе.

смотрели в самую душу, и кэбииси умер от страха еще до того, как Акинобу вырывал из его рук нагинату. И тогда генерал Го-Тоба перед тем, как на него стали падать мертвые кэбииси, увидел, с кем он все это время имел дело – ему показалось, что он является свидетелем странного колдовства, от которого стражники разлетаются в разные стороны, как рис в молотилке, ибо даже самые лучшие его воины не могли сделать то, что делал Акинобу.

Акинобу сразу сообразил, что нагината не из лучших образцов, что подрубить подпирающие крышу столбы ею невозможно, поэтому он методично стал избивать городских стражников короткими экономными движениями, не забывая о пространстве за спиной, а главное не останавливаясь и используя все помещение харчевни. Тех из кэбииси, кто имел глупость попасть в харчевню в первых рядах, полегли сразу же, потому что Акинобу бил избирательно, применительно к каждому противнику, исходя из его защитного вооружения, а так как большинство кэбииси из-за жары были одеты в легкие доспехи хара-атэ, то они им мало помогали: подвязки лопались, ремешки разрывались и доспехи больше мешали, чем приносили пользу. Применить же лук в закрытом помещении было практически невозможно. Вскоре пол харчевни был завален телами мертвых и умирающих кэбииси. Первый раз он попытался выскочить на крышу, используя замешательство в кэбииси, однако его стерегли лучники. Стоило ему появиться на веранде, как они осыпали его

градом стрел, а иканобори даже стал пыхтеть, чтобы выплюнуть струю огня. Акинобу приходилось отступать внутрь, где неугомонные кэбииси, подгоняемые своими офицерами, лезли изо всех щелей. Наконец он пробился на кухню, выбил дверь и выскочил во внутренний дворик. Однако и здесь его ждала засада: лучники, испуганно и не очень-то прицельно дали залп, но Акинобу заметил их прежде и упал на пол за порожек, который и спас ему жизнь – два десятка стрел тут же воткнулись рядом в стены и опорные столбы. Он перекатился, бросив свою нагинату и схватив чей-то меч. Как он жалел, что не взял с собой посох, в котором прятался верный клинок. За долгие годы Акинобу привык орудовать им. И наверное, если бы клинок был с ним, ничего дальнейшего не произошло бы, и кто знает, как сложилась бы наша история. Вероятнее всего, Акинобу все же нашел лазейку и ушел бы в те же самые склепы квартала каменотесов. Но клинка у Акинобу не было. А это значило, что ему приходилось приспособливаться к тому оружию, которое оказывалось под рукой. Но даже в этом случае он был на две или три головы выше кэбииси. В какой-то момент времени они даже перестали лезть, не слушаясь офицеров, которые предпочитали держаться на расстоянии. Те же из офицеров, кто возомнили себя непобедимыми самураями, пали от руки Акинобу раньше, чем поняли, что с ними произошло.

Наступило короткое затишье. Слышно было только, как кэбииси перебегают от одного укрытия к другому. Видно, я

им нужен живой, подумал Акинобу.

Через мгновение они бросились в атаку со всех направлений. То, что они увидели внутри полуразрушенной харчевни, поразило их больше всего: вместо одного врага их встретила целая сотня самураев – страшных, окровавленных, с мечами в руках. В ужасе они кинулись прочь и разбежались по окрестным улочкам. Напрасно офицеры ругали стражников и били их плашмя катана, напрасно они призывали их к долгу, напрасно стращали всеми мыслимыми и немыслимыми карами – ничего не помогало. Тогда они решили – семь бед один ответ, и тоже побежали. Чем дальше они отбегали, тем смелее становились. Наконец они устали настолько, что решили остановиться и подумать. Думали они, конечно, недолго, и решили вернуться и хоть краем глаза взглянуть на волшебного самурая. Стоит отметить, что и парочка иканобори, поддавшись панике, тоже сбежала, так что у храбрых офицеров не оставалось свидетелей их позора. Гордость предков взяла верх, и они даже рассудили так: лучше погибнуть от руки соотечественника, чем от пришлых арабуру. Будь другие времена, такого героя носили бы на руках и оказывали самые пышные почести. Но только не арабуру. Им вообще чужда была психология туземцев, и они считали, что даже самые сильные герои должны быть уничтожены, если они враги.

Все это время Акинобу ожидал конца. Не то чтобы он бо-

ялся – нет, просто у него не было сил. Он ошибся. Гэндо¹¹⁷ потребовало столько энергии, что теперь он не мог не то что поднять меч, а даже шевельнуться. Прием двойника сыграл с ним дурную шутку – слишком много напало врагов, и сотворил с полсотни двойников.

Между тем, офицеры, прячась друг за друга и боясь собственной тени, крались в полной уверенности, что живыми из харчевни им не уйти. А один из офицеров сотворил сэппуку, полагая, что ему все равно не жить. Они читали прощальную молитву и подбадривали друг друга. Они рыдали в голос и не могли унять дрожь в коленях. И все из-за того, что они никогда не были настоящими офицерами. Разве истинный самурай будет служить арабуру? Конечно, нет. Поэтому-то к арабуру и шли вчерашние лавочники и банщики, винокуры и гробовых дел мастера, а также прочие простолюдины. Самые умные из них и получили благородное звание офицера, а самые неумные стали рядовыми, и умные получили возможность командовать неумными и даже бить их бамбуковыми палками по головам.

В центре зала офицеры увидели тех, кто внушил им такой ужас: усатых и грозных до умопомрачения самураев в голубых кимоно с божественными иероглифами и с мечами в руках. Офицеры с мольбой бросились на пол и стали горячо, а главное, вполне искренно вымаливать прощения. Их даже не удивила следующая странность: ни один из самура-

---

¹¹⁷ Гэндо – прием отпуска тени Аи или техника двойника.

ев не то что не шевельнулся, даже высокомерно не произнес ни слова. Ободренные таким приемом, офицеры, не поднимаясь с колен и отбивая поклоны, стали ползком удаляться в полной уверенности, что они прощены. Слезы благодарности текли по их лицам. Каждый из них решил, что тут же бросит это опасное занятие – быть кэбииси, городским стражником, и больше никогда, никогда не станет служить арабу-ру, будь они прокляты!

И все бы, наверное, обошлось: Акинобу отсиделся бы в развалинах, а вечером ушел бы к себе домой, но самый хилый и самый ничтожный кэбииси, который к тому же еще оказался и самым нерасторопным, к своему великому ужасу случайно задел крайнего самурая. То, что произошло в следующий момент, лишило его способности соображать – его рука прошла сквозь самурая, как сквозь хонки. Офицер взвизгнул и со всех ног, увлекая товарищей, вылетел на улицу. Они убежали очень далеко и только потом стали ощупывать его, а, убедившись, что он даже не ранен, принялись расспрашивать, что же произошло.

Через кокой, набравшись храбрости, они снова появились в харчевне. Храбрейший из них держал в руках нагинату.

– Ну! Давай! – подталкивали его товарищи. – Давай!

– К-к-ка-кого? – спрашивал он, заикаясь.

Его руки дрожали, а едкий пот заливал глаза. Единственное, что ему хотелось – бухнуться на колени и спрятаться в ближайших кустах.

– Вон... того... с краю, – шепотом советовали ему.

Офицер закрыл глаза и ткнул, ожидая мгновенной смерти, но ничего не произошло.

– Да это же тени, – догадался самый-самый умный. – Я слышал о таких чудесах, но думал, что это выдумки.

Тогда все расхрабрились и, хвастаясь, перед друг другом, дабы замаять неловкость, стали обшаривать помещение. Тени самураев еще некоторое время пугали их, но затем офицеры освоились и даже спрашивали себя:

– И чего мы, болваны, испугались, это же мертвые призраки.

Так они и наткнулись на Акинобу, беспомощного и обесилевшего. Они схватили его, связали и, торжествуя, потащили в государственную тюрьму Тайка. При этом они распевали глупую песню храбрецов: «В целом мире для нас нет достойных врагов. Мы обманули смерть! Трам-трам-трам... И наши печали забылись, как утренний туман. Трум-трум-трум... Так вперед же! Вперед! Во славу нашего императора Кан-Чи!»

* * *

Если вы думаете, что мы забыли о хакётсу с мальчиком-поводырем, то ошибаетесь. Они притаились невдалеке за каменным забором, наблюдая в щель за происходящим с мрачным спокойствием Будды. В конце мальчик даже уснул.

Он был очень хладнокровным, уравновешенным и даже казался сонным, он только на первый взгляд. В его душе бушевали страсти, как у любого двенадцатилетнего мальчишки.

Наверное, хакётсу, которого звали Бан, мог бы спасти Акинобу, но он остался сторонним наблюдателем, не потому что не мог помочь, а потому что знал, что так угодно Будде. Не зная промысла Богов, не стоит ввязываться, думал он. И правильно сделал, ибо, сам не зная того, спас две жизни.

Когда кэбииси с радостными криками утащили Акинобу, Бан встал, плюнул на горячую землю, отряхнул колени:

– Пора! – и надел на голову корзину с маленьким окошком для глаз.

Мальчик-поводырь, которого звали Кацири – значит, «умный», с таким же безразличным видом, словно видел подобные сражения каждый день, поднял котомку из рисовой соломы, закинул ее за плечи и молча тронулся за Баном.

Они шли долго. Мальчик-поводырь нужен был не только для маскировки. Бан ни разу не оглянулся, зная, что мальчик никуда не денется. Цель, стоящая перед ними, с каждым днем обозначалась все четче и четче, и мальчик как нельзя лучше подходил для ее реализации. Наконец они миновали квартал горшечников и вышли на окраину города к реке Ёда. Бан снял с головы корзину, чтобы лучше обозреть окрестности.

Трава вначале была, как и везде, желтая, выгоревшая, но чем ближе к реке подходили Бан с мальчиком, тем она стано-

вилась зеленее. В конце концов им пришлось раздвигать ее руками, и они вступили в зловонное облако городской клоаки, хотя издали она казалась цепью озер, заросших по краям чахлым тростником и полусухими ивами.

Бан стал дышать мелко и часто – единственное, что помогало в этом месте.

– Не смей! – прикрикнул он на мальчишку, когда тот зажал нос. – Дыши! Дыши, как я!

По лицу Кацири невозможно было ничего понять – боится он или нет, оно было только очень решительным, словно ему предстояло прыгнуть в котел с кипящей водой. Каждый раз у него такое лицо, отметил Бан, но ничего не сказал.

На берегу зловонного озера Кацири разделся и натерся густым, как воск, маслом. Зловонный запах смешался с запахом сосны и медвежьего жира и еще чего-то, что трудно было определить. Бан и мальчик давно привыкли к этой смеси запахов, и поэтому даже дома им казалось, что пахнет нечистотами. Тело у мальчика было очень мускулистым, будто состояло только из жил и мышц. Масло сделало его фигуру рельефной, как корни дерева, выпирающие из земли.

Мальчик привязал к груди камень, взял в рот бамбуковую трубку и безропотно вошел в нечистоты.

– Мелко... – сказал он, оглянувшись.

– Иди, иди... – лениво ответил Бан.

Вокруг мальчика стали всплывать огромные пузыри. Воздух стал еще зловоннее. Бан наблюдал, как мальчик все глуб-

же и глубже входит в нечистоты. В самом глубоком месте жижа доходила до шеи. Мальчик пропал. Над поверхностью осталась торчать одна трубка.

Бан сел в позу лотоса и стал ждать. Припекало. Он сорвал лист лопуха и накрылся им. Мир стал зеленым и веселым, если бы не запахи. Но Бан терпел. Он умел терпеть. Такова была его профессия, и он обучал ею Кацири. Когда-то он и сам нырял в такие сточные воды, был здоровым и сильным. С тех пор прошло много лет и, оказывается, мир не изменился. Его профессия снова стала востребованной. Но теперь он сам нырять не мог. Задыхался.

Когда минула половина стражи и солнце присело над покосившимися крышами города, он бросил в воду камень. «Плюх!» – камень упал, как болото, без брызг. Разбежались только три ленивые волны. Однако ничего не произошло. Бан хмыкнул и бросил камень побольше. Снова ничего не произошло. Бан выругался, отшвырнул лист и в нетерпении заходил по берегу. Ему не хотелось лезть в нечистоты. Но делать было нечего. Он уже стал раздеваться, когда над жижей всплыли пузыри. И сразу появилась голова мальчика, похожая на панцирь черепахи. Слава Будде, облегченно вздохнул Бан и сел, он перед этим крикнул:

– Вылазь, негодник! Слышишь!

– Я уснул, я уснул, учитель! – оправдывался мальчишка, с трудом раздвигая перед собой зловонную жижу.

В воздухе распространилась такая вонь, что Бан едва

сдержался, чтобы не отбежать в сторону. И хотя они специально не ели двое суток, желудок грозил исторгнуть все, что в нем еще оставалось.

– Я тебе усну в следующий раз! – разозлился он. – Я тебе усну. Чему я тебя учу? Забыл?

– Не забыл, учитель, – испугался мальчишка, выплевывая изо рта грязь. – Считать надо.

Глаз у него не было видно. Вместо глаз – одни белки.

– Ну так считай!

– Я больше не буду...

– Ладно, хорошо, – вдруг успокоился Бан. – Беги в реку, мойся, нам пора домой.

На воздухе черная грязь, которая покрывала Кацири, стала мгновенно сохнуть, и пока он добежал до реки, она уже отваливалась кусками, обнажая красную воспаленную кожу.

Выдержит или не выдержит? – спрашивал Бан. Выдержит. Недаром я его учу. Завтра просидит в озере целую стражу. И почему-то вспомнил сегодняшней бой в харчевне. Что-то ему подсказывало, что этот бой будет иметь в его жизни особое значение. Он привык к подобным совпадениям. Из них состояла вся жизнь. Там увидим, вздохнул он, поднялся и надел на голову корзину. Кацири уже бежал к нему от реки.

– Натрись, и пойдем! – скомандовал Бан.

На этот раз Кацири использовал легкое облепиховое масло и сразу заблестел, как бронзовая китайская статуэтка. Потом он оделся, и они так же спокойно и размеренно пошли

в сторону города. Лицо мальчика было решительным и удовлетворенным, как после честно проделанной работы. И душа у него была тоже умиротворена, хотя он уже знал, что ждет его впереди.

Глава 4

Пленение и побег

Натабура и не думал выслеживать песиголовца. Да вышло само собой. Нехорошо вышло – глупо и не так, как хотелось. После этого он себя еще долго корил за доверчивость и близорукость.

К вечеру Натабура обнаружил, что они заблудились: солнце светило не слева, как было положено, а справа, что противоречило всякой логике. Неудивительно, что они с Афрой почувствовали себя неуверенно, остановились и стали сообщать, что же все-таки произошло, но так ни к чему конкретному не пришли. До этого все в мире было правильно – и шли они правильно – туда, куда надо, и думали правильно, боясь сглазить удачу, а потом, в один миг все перевернулось, будто стороны света поменялись местами. Неужели и так бывает? – с ужасом думал Натабура. Но я нигде, никогда, ни в одной из самых умных книг ни о чем подобном не читал. Его охватило отчаяние. Он не знал, что делать – идти дальше или вернуться назад.

Вдруг они услышали шорох: совсем рядом треснула ветка, раздались тяжелые шаги, и Натабура положил руку на морду Афры, чтобы он не рычал, а сам беззвучно выхватил кусанаги. Но и тот, кто двигался бесшумнее хонки, тоже их услы-

шал, потому что замер, и звуки прекратились. Границу хвойного леса определяли густые кусты с ядовитыми красными ягодами. Кто-то прятался там, за ними. Прятался и выжидал, быть может, даже готовился к прыжку, чтобы напасть.

Натабура присел рядом с Афра, чтобы стать незаметнее. Они сидели так пару кокой, вслушиваясь в лесные звуки: скрипели стволы гёдзя, налетал порывами ветер, щебетали птицы. И наконец они услышали – как кто-то медленно-медленно, шаг за шагом удаляется, старясь как можно меньше шуметь, да выдавал шелест жесткой трава, которая едва слышно стегала уходящего по ногам: «Жих-жих, жих-жих...» Натабура сразу понял, что это песиголовец, потому что передними лапами он раздвигал траву, а она стегала его по бокам и по задним лапам. Это было хорошо слышно: «Жих-жих, жих-жих...», и только каждый третий шаг происходил с задержкой, потому что песиголовец был ранен и сбивался с ритма движения.

– За мной! – шепотом скомандовал Натабура, и они побежали.

Но побежали в отличие от песиголовца по тропинке, и он невольно дал им фору во времени. Через пять-шесть шагов песиголовец услышал их и припустил вовсю. Тотчас к своей великой радости до них донеслось, как он ойкает на каждом третьем шаге, и через мгновение, выскочив на луг, увидели его тень, шмыгнувшую под полог леса. Если бы песиголовец бежал во всю прыть, то его мог бы догнать разве что только

Афра, и то благодаря своим крыльям, но никак не в паре с Натабурой. А так получалось, что песиголовец тащился из последних собачьих сил, хотя и явно быстрее, чем Натабура.

Не хоронясь и не осторожничая, они нырнули под вековую сень дубов и увидели на потрескавшейся земле следы крови. Это означало только одно – раны у песиголовца открылись, кровоточат, а значит, его надо гнать и гнать. Они его нагнали, когда он, обессилив, лакал воду на песчаном пляже.

При их приближении он оскалился и сел на зад. Оказывается, у него был хвост, который Натабура сразу не разглядел – обыкновенный серый, волчий и немного облезлый, как старая шуба.

– Давай договоримся, – предложил песиголовец и лизнул самую глубокую рану на боку, из которой обильно текла кровь.

От этого морда его стала красной и особенно кровожадной.

– О чем? – спросил Натабура, придерживая Афра, который рвался добить врага.

– А... ха-ха-ха... – тяжело усмехнулся песиголовец, сохраняя достоинство, – я вижу, ты не просто человек и даже не просто самурай. Собачку-то подлечил. Я думал, она у тебя подохла.

– Подлечил, ну и что?

– А то, что пропадешь ты без меня, Зерока.

– А с тобой, Зероком?

– А со мной мы этих арабуру в бараний рог скрутим.

– Мне такие друзья не нужны.

– Не веришь? – тяжело вздохнул песиголовец.

– Не верю.

– Я бы тоже не поверил.

– Чего ж ты от меня тогда хочешь?

– Убей меня быстро и безболезненно.

– Хорошо, – кивнул Натабура. – Я отрублю тебе голову, как самураю. Это будет честно.

– Я не знаю. Я не самурай, – ответил песиголовец, – Но прием умерщвления меня устраивает, – и, вытянув шею, закрыл глаза.

В этот момент силы его оставили, и он упал, распластавшись на песке. Большой красный язык вывалился из пасти, и потекла пена. Афра сконфуженно отвернулся. Ему было стыдно и за Натабуру, и за чужую слабость.

– Ну и что мне делать? – развел руками Натабура. – Что?!

– Не знаю, – вильнул хвостом Афра, явно не одобряя хозяина.

– Что же ты? – открыл глаз песиголовец. – Думаешь, я притворяюсь? Избавь меня от мучений.

– Сейчас, – сказал Натабура и еще раз оглянулся на Афру: – Считаешь, не стоит?

Афра опять повиллял хвостом. Говорить по-человечески он не умел. Но ему это и не нужно было. Хозяин понимал

его без слов. Смысл его виляния хвостом сводился к тому: не очень-то я бы ему доверял.

– Я тоже, – согласился Натабура. – Но не убивать же его действительно. Рука не поднимается. Сам подохнет.

Афра снова повилял хвостом и оскалил передние зубы, что означало улыбку и что он, Афра, не держит обиды на песиголовца.

– Эх... – почесал затылок Натабура, – не давай повадки, чтобы не было оглядки. Кабы не пожалеть?

– Добей... прошу... – прошептал песиголовец из последних сил и, кажется, потерял сознание.

Натабура убрал голубой кусанаги и присел рядом с ним. Раны у песиголовца были настолько глубокие, что сырой песок вокруг тела давно стал бордовым. Хорошие у Афра зубы и когти, невольно восхитился Натабура.

– Эй... – он пихнул песиголовца.

Но тот даже не отреагировал.

За этим занятием и застал их иканобори. Его тень промелькнула поперек реки. Натабура был так занят, что только рычание Афра отвлекло его.

– Помоги-ка, – сказал он и, схватив песиголовца за передние лапы, потащил под деревья.

Афра тянул песиголовца за облезлый хвост. Они уложили вчерашнего врага на бок, и Натабура получил возможность осмотреть его. Под ухом у него тоже была рана, она казалась неопасной, потому что запеклась. Зато рану поперек

морды в виде креста облюбовали мухи. Но самые глубокие из них были на боку и на горле, где песиголовец не мог достать языком. На горле кровь затекла под кожу, и получился настоящий бурдюк. С этих ран и надо было начинать. В какой-то момент Натабуре показалось, что песиголовец умер, однако сердце его еще билось.

– Помоги нам, о Великий Самосуший! – Натабура наложил руки вначале на горло и три раза произнес молитву из индийских медицинских сутр, затем точно так же проделал с раной на боку. Руки его стали светиться, почти как у Язаки, от них пошел пар.

Странно, но сутры действовали, хотя песиголовец был явно не из здешнего мира. Рана на боку тотчас закрылась твердой корочкой, а мешок с кровью на горле перестал увеличиваться. Затем Натабура занялся порезами: очистил один на морде и стянул его края. Кожа лопалась, из-под нее сочился гной. Наконец он с помощью сутр справился и с этой задачей. Песиголовец задышал глубже и ровнее. Носа увлажнился. Последнюю рану под ухом Натабура не успел подлечить – снова пролетел иканобори и, развернувшись над противоположным берегом, целенаправленно устремился в их сторону.

– Ну все, больше мы ничего не сделаем, – сказал Натабура, и они отбежали, чтобы спрятаться в кустах и понаблюдать.

Иканобори пыхнул огнем и сжег вершины трех тополей, стоящих на песчаном бугре, и опустился на пляж. Он был таким огромным, что ему не составило труда вытянуть мор-

ду и понюхать песиголовца. Даже если бы у Натабуры был мшаго, он бы не рискнул драться с драконом.

Признав в песиголовце своего, иканобори осторожно взял его лапами и полетел на север, в сторону Яшмового дворца, а Натабура с Афра пошли в том же направлении и вскоре попали на знакомую желтую дорогу.

Если бы Натабура знал, что именно в этот момент учителя Акинобу бросили в клетку государственной тюрьмы Тайка, он бы страшно удивился. Он бы еще больше удивился, если бы узнал, что бродит по бывшему императорскому парку, который превратился в густой лес, не день и не два, и даже не три – а восемь. И объяснить самому себе, где он был лишних шесть дней, Натабура не смог бы при всем своем желании, и не потому что не помнил последовательности событий, а потому что побывал в харчевне «Хэйан-кё», время внутри которой текло не так, как снаружи.

У рукава реки Каная их уже ждали. Натабура не мог сразу решиться, куда ступить: то ли на правый зеленый мостик, вход на который преграждали опять же зеленые ворота с зелеными створками с нарисованными зелеными драконами, или же чуть поодаль – на левый красный, с красными створками и красными драконами.

Створки ворот едва заметно колебались даже от слабого ветра, словно приглашая воспользоваться любыми из них. Внизу среди кувшинок квакали лягушки, а по противоположному берегу важно расхаживали желтые и белые цапли,

и это все вкупе обмануло бдительность Натабуры и Афра, хотя уж Афра должен был что-то почуять. Но не почуял, не унюхал. Было ли этому причиной его недавнее ранение или же он устал, или в данном случае положился на хозяина, но так или иначе, а они попались.

Натабура выбрал правый зеленый мостик. Впрочем, выбери он левый красный, судьба его была бы ненамного лучше, ибо там тоже ждала ловушка, но в данной истории мы не узнаем какая, и не потому что это государственный секрет, а потому что кэбииси меняли ловушки каждый день, чтобы никто-никто не мог миновать их. Этому приему их научили пришельцы – арабуру. Они вообще были мастерами на всякие хитрости и пакости.

Лягушки все так же отчаянно квакали, да и противоположный берег был пуст, и Натабура решился. Единственно, чего следовало по-настоящему опасаться на открытом пространстве – это лучника, который мог спрятаться в кустах на противоположном берегу.

Ох, как не хотелось ему идти, и он сомневался до самого последнего момента, но все же пошел, хотя и схитрил, подстраховался:

– Сиди здесь! – приказал он Афра. – Если я не перейду мостик, лети к нашим и жди меня там.

Афра вильнул хвостом и уселся, хотя ему план хозяина и не понравился. Ну что с нами может быть? – подумал беспечно он. Я ничего не чувю. Город совсем близко, рукой, вер-

нее, лапой подать. Перемахнем речку, и мы дома.

Примерно о том же подумал Натабура, распахивая створки зеленых ворот. Он не стал задерживаться, а побежал очень быстро и не прямо, а зигзагами. Если бы он знал, что опасность проистекает не от гипотетических стрелков, а совершенно с другой стороны, он бы действовал по-другому. Он бы даже не приблизился к мостикам, а обошел бы их десятой дорогой. В конце концов речку можно было и переплыть. Но выгнутые, изящные мостики выглядели такими милыми и спокойными, а лягушки так самозабвенно орали, что казалось, нет никакой опасности ни справа, ни слева, ни спереди, ни сзади. И только когда Натабура добежал до середины мостика, странный, необъяснимый шорох раздался у него над головой. Не рассуждая ни мгновения, он выхватил кусанаги, но было поздно – ничего он не успел сделать, кроме как едва-едва, совсем немного разрубить пару звеньев стальной сетки, которая упала на него с вершин склоненных по обе стороны реки тополей. Вот чего он не разглядел в гуще их крон – сети. Тотчас изо всех укрытий, как блохи, выпрыгнули обрадованные кэбииси, спеленали и потащили, приговаривая:

– Вот еще один попался. Ова! Ова! Ова!

– А нам говорили, что они такие хитрые, такие хитрые, хитрее нас. Ова! Ова! Ова!

– Нет так не бывает, – вторили друг другу они. – Ова! Ова! Ова!

- Чтоб хитрее нас? Такого нет! – соглашались другие.
  - Это точно! Это точно! – радостно поддакивали третьи.
  - Мы самые хитрые! – хвалились четвертые.
  - Мы самые смелые и сильные.
  - Мы самые-самые!
  - Недаром нас арабуру учили.
  - Недаром мы их хлеб едим.
  - Недаром!
  - Эх!!!
- И все до единого прослезились от умиления.

* * *

Бывший повар Бугэй превратился в начальника кэбииси – городских стражников. Произошло это совершенно случайно, хотя тенденции к подобной метаморфозе прослеживались в его судьбе совершенно очевидно – всю жизнь он, сам не зная того, жаждал власти. Кому интересно прожить поваром, да еще под командой кантё¹¹⁸ Гампэй? Нет, оказывается, Бугэй метил куда выше, да Боги до поры до времени не пускали.

Начать следует с того, что он не просто очень, а очень-очень любил деньги. За деньги он мог продать мать родную. Но как ни странно, ему и повезло в этом отношении. Мно-

---

¹¹⁸ Кантё – капитан джонки.

гим просто-таки катастрофически не фартило на деньги, а в отношении же Язаки все было наоборот. Должно быть, судьба благосклонна к таким людям, а конкретно нашего Бугэй даже любила до определенного момента.

В тот день, когда самураи, движимые благородной жаждой мести за своего господина Камаудзи Айдзу – военного правителя восьми провинций – захватили Нефритовый дворец регента и сожгли его, а самого регента убили, Бугэй, пребывая в великом страхе, бежал из города. Он даже не понимал, чего испугался. Хотя пугаться было чего: во-первых, он был знакомым Натабуры, Язаки и капитана Го-Данго и даже следил за ними, конечно, из-за денег, а во-вторых, пропал его любимый кантё Гампэй. А это было уже страшно. Следующим мог быть он – Бугэй. Бугэй чувствовал это кожей. Поэтому, так и не разыскав мешок с деньгами и драгоценностями, который он вместе с Язаки в свое время украл у кантё Гампэй, он пустился в бег. План его был очень простым: добежать до своей деревни Имадзу, где его уже давным-давно ждали старики-родители, жена с двумя детьми, спрятаться у них и жить тихо-тихо, тише мыши. Бог с ними, с этими деньгами, лишь бы живым остаться.

Запыхавшись и боясь собственного дыхания, спотыкаясь на каждом шагу, он улепетывал во все лопатки. И надо же такому случиться, что когда он совсем выдохся и устал, как самый последний пес, судьба приготовила ему императорский подарок. Пробираясь огородами какого-то брошенного

дома, он решил передохнуть и залез в окно. И тут же, как в коровью лепешку, наступил на мешок, который опрокинулся, и золотые монеты, бриллианты и изумруды рассыпались блестящей дорожкой. Он даже испугался, не зная того, что попал в дом, в котором последние несколько дней провели Натабура и Язаки и в котором они оставили за ненадобностью злополучный мешок с деньгами и драгоценностями.

Целую кокой Бугэй оторопело взирал на богатство, не в силах поверить своему счастью. Сердце его билось где-то в горле, а зубы выбивали барабанную дробь. Преодолев волнение и не в полной мере осознав свою находку, Бугэй, озираясь и боясь малейшего шума, собрал деньги и драгоценности в мешок и отнес его к себе домой, где и зарыл на огороде. Он занялся знакомым делом: купил на центральной площади самую большую харчевню. От жадности и подозрительности он сам целыми днями стоял у плиты, демонстрируя тем самым, что только труд и пот дают прибыль. Через некоторое время он очень осторожно, через подставных лиц, купил два судна и отправил их в Ая за шелком – самым прибыльным товаром в Нихон. За два года он так поднялся, что к моменту нашествия арабуру имел два огромных дома, несколько магазинов, в которых торговал специями и шелком, а также все харчевни в центральных кварталах столицы. Дела его шли прекрасно. Он планировал прибрать к рукам пару базаров и монополизировать торговлю с красным Яшмовым дворцом. Разумеется, он забыл о стариках-родителях и любимой жене

с детьми. Жизнь наладилась. У него появилось пять наложниц только в одной столице и еще десяток в окрестных деревнях, где он любил отдыхать от трудов праведных.

Он нанял целую армию ниндзюцу, и его охраняли днем и ночью. Поэтому когда с неба упали арабуру, для них не было лучше кандидатуры на пост начальника городской стражи, чем бывший повар Бугэй, потому что большинство горожан разбежалось по окрестностям или погибло несправедливой смертью, а Бугэй остался, рассудив, что если он выжил на море под кантё Гампэй, то при арабуру тем более.

– Так, – сказал он, цокая языком, – попались, голубчики. Мы вас давно разыскиваем. Я сразу догадался, что это вы. Кто еще так может хитрить со мной?

– Да! – важно поддакнул начальник государственной тюрьмы Тайка, вальяжный господин по имени Мунджу. – Теперь мы вас сварим, чтобы другим неповадно было.

– Жаль мне, – вдруг пустил слезу Бугэй, – любил я вас. А вы меня не любили.

– Мне тоже жаль, – сказал Мунджу, – потому что вы тощие какие-то.

– Все заговорщики тощие, – важно напомнил Бугэй. – С чего им быть толстыми.

– Да, – тотчас согласился начальник тюрьмы, не подумав.

– Поэтому мы вас вначале откормим, – сказал Бугэй, тоже не подумав.

– Да, – важно подтвердил начальник тюрьмы, опять не по-

думав.

Подумай они хоть на кокой дольше, они бы ни за что не решились так долго держать учителя Акинобу в тюрьме, а казнили бы его тут же вместе с Натабурой. Но они были очень уверены в себе. Так уверены, что даже посмеивались над пленниками:

– Простаки!

– Недотепы!

– Мы за вами давно следили.

– Наконец вы в наших руках.

– Кончились ваши деньки!

– Уйй!!! – по-индейски возбужденно вскричали они и хлопали себя по затылку.

Решение было принято. Впрочем, оно зависело не от них, а от новых хозяев страны – арабуру, точнее, от императора Кан-Чи. А как известно, по части умерщвления арабуру переняли от жителей Нихон все самые передовое и кровавое, хотя на родине им не было равных в этом деле. Просто арабуру надоело убивать пленных обсидиановыми ножами, чтобы достать трепещущее сердце. Им также надоело жарить людей на медленном огне или расстреливать из луков, вешать, четвертовать, вытягивать жилы и вбивать клинья в суставы, а также разбивать головы каменными топорами, свежевать, как баранов, топить в нечистотах и подвешивать за ноги. Все-все уже было изведано, а вот варить еще не приходилось, поэтому их очень заинтересовала и даже вдох-

новила такая казнь, которую им предложил начальник государственной тюрьмы, Мунджу, при молчаливом подстрекательстве бывшего повара Бугэй. Тот и сам не понимал, зачем он это все делает, просто надо было сделать, и он делал, не утруждая себя лишними вопросами и мучениями совести. Хотя в глубине своей черной души он предполагал, что после этого весьма продвинется по службе и даже, быть может, войдет в число придворных императора Кан-Чи. Тогда передо мной открыты все дороги, думал он, боясь сглазить удачу.

– Честно говоря, я бы вас отпустил, если бы вы не набедокурили столько. Убить Чачича – брата самого императора!

– У нас один император, – напомнил Натабура, – Мангобэй!

– Был!

– Был... – стойчески согласились Акинобу с Натабурой.

* * *

– Учитель, прости меня! – первое, что произнес Натабура, когда его втолкнули в клетку и он упал на грязный, вонючий пол.

Он увидел, что Акинобу даже не удивился.

– Я давно жду тебя, – улыбнулся он.

Натабура тоже не удивился. Он привык к тому, что учитель порой говорит загадками. Вернее, эти загадки были загадками только для посторонних, он не для Натабуры. Он

понял, что сэйса что-то знает.

– Кими мо, ками дзо! – произнес Акинобу.

– Кими мо, ками дзо... – повторил Натабура.

Где-то рядом надрывно и устало то кричал, то замолкал человек. Его пытали. Из него вытягивали жилы и ломали суставы. К такому крику нельзя было привыкнуть, он лез в душу и выворачивал ее наизнанку. Он сообщал: «Бегите! Бегите все, чтобы с вами не приключилось то же самое!» Но бежать было некуда – путь на свободу преграждали толстые решетки и каменные стены. Даже если заткнуть уши, все равно было слышно, как мучается человек. Одного не знали Акинобу и Натабура – что это кричит сам генерал Го-Тоба. Его пытали не ради того, чтобы что-то узнать, а просто из удовольствия, чтобы стоны и крики наполнили сердце нового императора мужеством и волей. Для этого у императора Кан-Чи существовал специальный балкон, обращенный в сторону тюрьмы. Когда он сидел на нем, вывешивался специальный знак из зеленых перьев. В это раз император Кан-Чи тоже наслаждался криками заключенного.

– Расскажи, что с тобой произошло?

Натабура сел в позу Будды и рассказал все, от начала до конца, не упустив ни единой подробности. Когда он закончил, жаркое, беспощадное солнце уже садилось за тюремную стену, позади которой, как огненная свеча, сияла пирамида-дворец Оль-Тахинэ. В основании ее лежали кости императора Мангобэй, принесенного в жертву Богу Кетцалько-

атль.

Тучи мух, которые мучили их в жару, куда-то пропали, мир застыл в предвкушении ночной прохлады. Со стороны реки пахло влагой, и человек, который кричал весь день, устал, затих, только где-то далеко-далеко, как сердце, билось затихающее эхо.

– А меч потерял... – с горечью сказал Натабура. – Никогда не терял, а здесь потерял.

Он даже не вспомнил, что заодно лишился и ежика, то бишь майдары.

– И кусанаги, и годзука сами тебя найдут, – сказал Акинобу. – Ты их единственный хозяин. С ними никто больше не может справиться.

– Но как?! Как я попал в ловушку?

– Сейчас не время предаваться унынию. Нужно бежать.

– Бежать? – Натабура невольно бросил взгляд на круглую тюремную площадь, раскинувшуюся перед клеткой.

В центре находился Сад голов. Его внимание приковала знакомая голова на шесте. Шестов было много, и на каждом – голова. И только под этим шестом кровь еще не запеклась, а на земле образовалась лужа. Голова принадлежала генералу Го-Тоба. Даже мертвым генерал не изменил себе – его лицо сохранило высокомерие и пренебрежение ко всему миру. По другую сторону площади в несколько ярусов виднелись другие клетки, в которых сидело по несколько человек. А над всем этим возвышалась стена с башенками, за кото-

рыми торчал чуждый японскому глазу дворец Оль-Тахинэ. По гребню стены ходили стражники с копьями, а в башенках уже горели вечерние костры. Как же мы сбежим? – удивился Натабура. Такие стены, и такой Сад! Но раз учитель говорит о побеге, значит, он знает, как это можно сделать.

– Нет... нет... – словно угадал его мысли Акинобу. – Мы не будем делать подкоп, хотя камень сам размягчится.

– Размягчится?! – как эхо, повторил Натабура и не поверил, ни единому слову не поверил. Он даже тайком потрогал шершавую стену, которая оказалась твердой, как и любой другой камень.

Так не бывает, подумал он. Должно быть, учитель заговаривается. Так не бывает. Акинобу хмыкнул и укоризненно покачал головой, говоря тем самым: «Учил я тебя, учил и ничему не научил».

– А!.. – хлопнул себя по лбу Натабура. – Перепилим решетки? – И пнул железные прутья, которые отозвались басовитым гудением.

Раскосые глаза у Акинобу сделались лукавыми.

– Мой мальчик, нельзя быть таким прямолинейным.

– Тогда мы подкупим стражников?! – догадался Натабура.

– Чем? – не удержавшись, рассмеялся Акинобу. – Чем?!

Наши лохмотья не потянут и на один бу, а души представляют интерес разве что для хонки.

– Тогда я не знаю, – простодушно развел руками Натабура.

Акинобу мог бы ему рассказать, что только здесь понял причину встречи со странным человеком в харчевне «Кума» на Поднебесной площади, но не стал, и так все было ясно. Зачем тратить время? Кто-то, кто творил их судьбу, посчитал возможным спасти обоих, подсказав через рассказ Ига Исикава, как сбежать из государственной тюрьмы Тайка. Вот где крылась причина причин. Сам бы он ни за что не догадался, как избежать смерти.

Решив, что молчание учителя – это знак слабости, Натабура тактично предположил:

– Может, мы пробьем дырку в потолке?

Эх, подумал он, мне бы сюда хотя бы огненный катана.

– Пробьем? – вскинул брови Акинобу. – Ха-ха-ха! – Он теперь уже с удивлением посмотрел на Натабуру. Неужели Натабура за все эти годы так ничему и не научился? Впрочем, откуда? Он ни разу, как и я, не сидел в тюрьме и его ни разу не собирались сварить заживо, поэтому он не может понять Божий промысл, подумал Акинобу. – Нет. Мы сделаем по-другому. Мы сделаем то, что еще никто никогда не делал. С сегодняшнего дня мы будем читать сутру шуньяту¹¹⁹. Натабура, ты помнишь ее?

– Да, учитель, – разочарованно ответил Натабура. – Вопрос: «Зачем?» застрял у него в горле. Читать? Неужели только для того, чтобы умереть достойно, со спокойной совестью, не чувствуя боли? Но он знал, что только глупец за-

---

¹¹⁹ Шуньяту – пустота.

дает вопросы и что надо понимать через опосредование. В дзэн-буддизме нельзя задавать вопросов, но и нельзя молчать. Вдруг вся грандиозность задуманного, как молния, промелькнула перед ним – да так явственно, что он на мгновение замолк и от удивления забыл закрыть рот. – Мы читали ее и в Тан Куэисян, и в Нансэна, и в Лхасе, помню, по утрам и перед каждой едой. Но только один-единственный монах сумел подпрыгнуть под потолок, а когда упал, то сломал себе ноги.

Нет, не может быть, думал он, сутры не помогут, так бывает только с другими и только в сказках. А ведь я уже не помню, когда мне везло, разве что два года назад при штурме нефритового дворца регента – тогда все мы остались живы. Где сейчас Юка? – с тоской подумал он. Где? Сердце сжала глухая тоска, которую он тут же попытался изгнать, потому что знал, что она будет только грызть и грызть, как мышь, и толка от нее никакого.

– Начнем? – предложил учитель Акинобу.

– Когда? – оглянулся Натабура.

Он все еще был еще ошарашен тем, что произошло с ним в императорском парке, корил себя за это и не был готов к возвышению, да и не понимал его до конца.

– Прямо сейчас, – сказал Акинобу. – Чего ждать?

– Начнем... – согласился Натабура.

– Всем вещам в мире присуще свойство пустоты. Правильно?

– Правильно, – не очень уверенно согласился Натабура, ибо уже подзабыл сутры, которые они впервые прочли в Лхасе.

Тогда они действительно увидели чудеса: человек, который сто дней носил воду в горный монастырь и читал по дороге сутры у каждого священного места, а потом голодал пятнадцать дней, прошел сквозь стену, как сквозь воду, и никто из местных кочевников и монахов не удивился этому. Правда, ему пришлось раздеться, а после того, как он прошел, кровь у него хлынула изо всех пор.

– Они не имеют ни начала, ни конца, – продолжил Акинобу, – ни глубины и ни ширины, ни низа, ни верха, ни севера, ни юга, ни запада, ни востока. Они не имеют ничего, что есть в человеческом языке, ибо они пустота. Они правильные и неправильные. Они всесущие. Они преходящие и в тоже время вечные. Потому в этой пустоте нет ни формы, ни содержания, ни обозначений, ни понятий, ни знаний. В пустоте нет ни органов чувств, ни тела, ни ума, ни сознания. Нет восприятия, нет звука, нет запаха, нет вкуса, нет осязания, нет десяти человеческих истин. А также нет осведомленности о чем-либо, нет и незнания о чем-либо. Нет ни смерти, ни жизни. Нет семи истин, приводящих к мукам, к их истокам, а также пути к устранению этих истоков. Нет понятия о нирване, нет ее осознания или не осознания. Из этого следует, что человек, приблизившийся к состоянию праджняпарамиты бодхисаттв, пребывает в свободе от сознании. Когда око-

вы сознания спадают, оно освобождается от всякого страха, всякого ограничения и условности и наслаждается бесконечной нирваной. Вспомнил?

– Вспомнил, о учитель!

– Тогда отбрось все сомнения и читаем дальше. Ничто-ничто и никто-никто не в силах разорвать порочный круг, и только...

Они сделали перерыв в чтении сутры пустоты только глубоким вечером, когда им принесли еду. У Натабуры сразу потекли слюнки. Он отвернулся и заскрипел зубами – так хотелось есть. За всю свою недолгую жизнь ему ни разу не удавалось попробовать такие блюда. Во-первых, им дали самого лучшего пива – густого, как гаоляновое масло, и освежающего горло, как нектар. Такое пиво Акинобу последний раз пил на площади «Поднебесная», поэтому он не стал его пить, ограничившись глотком простой воды. Во-вторых, им принесли сваренную в маринаде голень с толстым слоем мяса и костным мозгом внутри, такую пахучую, что обитатели всех других клеток насторожились, а потом завыли, как голодные звери. Еще бы, им-то давали по горсти тухлого риса на весь день, да кувшин тухлой воды. Кроме ароматной голени, стражник принес: рисовые колобки в подливе, креветок, чашку с маслом и две репы, запеченные с яблоками. А еще, оказывается, Акинобу и Натабуре полагалось по маленькой бутылочке сакэ, душистого, как ночное дыхание вишневого сада. Ох! Натабура, который не ел сутки, едва не проглотил

все одним махом. Однако учитель Акинобу предупредил:

– Съешь столько, сколько тебе надо, чтобы не уснуть и чтобы всю ночь читать сутры. Большого нам не требуется.

– Хорошо, – с огромным трудом согласился Натабура. – Я съем один рисовый колобок и сделаю один глоток пива.

– Эй, любезный, – Акинобу окликнул стражника, который принес еду и с завистью смотрел на то, как Натабура принялся есть. – Забери все остальное. А если никому не будешь об этом рассказывать, то мы будем кормить тебя каждую ночь.

– О-о-о!.. – воскликнул пораженный стражник. – Наму Амида буцу! Я подозревал, что вы блаженные, он не знал, что вы еще и истинносущие. Конечно, только глупец откажется от такого предложения.

С этими словами он забрал еду и был таков.

– Ни о чем не жалею, – сказал учитель Акинобу. – Лучше вспомни сутру о Не-Я.

– Какое бы то ни было тело – начал Натабура, – прошедшее, будущее или нынешнее, внутреннее или внешнее, грубое или тонкое, обычное или возвышенное, далекое или близкое – на всякое тело при верном распознавании следует смотреть так – «Это не мое. Это не мое Я. Это не то, что я есть». И какое бы ни было чувство – прошедшее, будущее или нынешнее, внутреннее или внешнее, грубое или тонкое, обычное или возвышенное, далекое или близкое – на всякое чувство при верном распознавании следует смотреть так – «Это не мое. Это не мое Я. Это не то, что я есть». И какое бы

ни было восприятие – прошедшее, будущее или нынешнее, внутреннее или внешнее, грубое или тонкое, обычное или возвышенное, далекое или близкое – на всякое восприятие при верном распознавании следует смотреть так – «Это не мое. Это не мое Я. Это не то, что я есть». И какое бы ни было чувство – прошедшее, будущее или нынешнее, внутреннее или внешнее, грубое или тонкое, обычное или возвышенное, далекое или близкое – на всякое чувство при верном распознавании следует смотреть так – «Это не мое. Это не мое Я. Это не то, что я есть». И какое бы ни было мышление – прошедшее, будущее или нынешнее, внутреннее или внешнее, грубое или тонкое, обычное или возвышенное, далекое или близкое – на всякий мысленный процесс при верном распознавании следует смотреть так – «Это не мое. Это не мое Я. Это не то, что я есть». И какое бы ни было сознание – прошедшее, будущее или нынешнее, внутреннее или внешнее, грубое или тонкое, обычное или возвышенное, далекое или близкое – на всякое сознание при верном распознавании следует смотреть так – «Это не мое. Это не мое Я. Это не то, что я есть».

Они читали до утра, а перед рассветом забылись в коротком сне. А утром им снова принесли еду, и снова они съели по одному рисовому шарик и запили глотком воды. Снова они читали сутры до глубокого вечера, пока им не принесли ужин, и снова они отказались от него за исключением двух рисовых колобков и глотка воды. Затем они снова читали

сутры и забылись в коротком сне лишь на рассвете. И снова им принесли еду, и снова они от нее отказались и снова читали сутры. Так продолжалось ровно три дня и три ночи. Утром третьего дня голова генерала Го-Тоба открыла глаза и внезапно заговорила, вторя:

– Почитание Ему, Возвышенному, Святому, полностью Пробужденному! Так я слышал. Однажды Возвышенный пребывал среди народа Куру, в местности Куру, называемой также Каммасадамма. Там Возвышенный обратился к монахам: «О монахи!» «Достопочтенный!» – воскликнули тогда эти монахи. И Возвышенный говорил так: «Единственный путь существует, о монахи, к очищению сущности, к преодолению горя и скорби, к прекращению страданий и печали, к обретению правильного метода, к осуществлению ниббаны – это четыре основы внимательности. Каковы же эти четыре? Когда, о монахи, находясь в теле, монах пребывает в созерцании тела, усердный, прозорливый, бдительный, старающийся преодолеть вожделение и печаль по отношению к миру; находясь в чувствах, он пребывает в созерцании чувств, усердный, прозорливый, бдительный, старающийся преодолеть вожделение и печаль по отношению к миру; находясь в уме, он пребывает в созерцании ума, усердный, прозорливый, бдительный, старающийся преодолеть вожделение и печаль по отношению к миру; находясь в объектах ума, он пребывает в созерцании объектов ума, усердный, прозорливый, бдительный, старающийся преодолеть вожделение и печаль

по отношению к миру».

Стражники, которые весь день маячили на стенах, вначале ничего не поняли. Они слыхом не слыхивали, что такое буддийские сутры, и тем более, что мертвые головы умеют говорить, потому побросали копья и разбежались кто куда.

Тюрьма Тайка замерла в предчувствии беды.

Вначале прибежал растерянный начальник государственной тюрьмы Тайка – Мунджу. Он испугался до полусмерти. За двадцать пять лет службы он еще ни разу не видел, чтобы отрубленные головы говорили, поэтому послал за начальником кэбииси – Бугэй. Да, кстати, по обычаю, того, кто принес дурную весть, в данном случае стражника, Мунджу зарубил на месте, а тело его бросили собакам.

Бугэй, который считал себя бывалым во всех отношениях и который не поверил ни единому слову Мунджу, явился вальяжно, как император, в окружении преданных людей. К этому времени голове дали попить, чтобы она успокоилась и замолчала.

– Вот, таратиси кими... – почтительно кланяясь, указал Мунджу дрожащей рукой.

– Синдзимаэ! – брезгливо произнес Бугэй, цокая языком, и приблизился к дурно пахнущему Саду голов, не понимая, на какую из них ему показывает Мунджу, ибо голова генерала ничем не отличалась от голов других преступников.

Вдруг крайняя голова открыла глаза и произнесла:

– Отдай мой меч!

Волосы у Бугэй встали дыбом, а колени сами собой подогнулись. У него появилось непреодолимое желание бежать – куда угодно, лишь бы подальше. Такой ужас он испытывал в детстве, когда принял пьяного отца за демона. А теперь второй раз – еще бы, говорящая голова! Воистину мир полон жутких тайн. Он с трудом устоял на ногах. Все его подчиненные, включая начальника государственной тюрьмы Тайка – Мунджу, попадали в пыль и лежали ниц. Наступила звенящая тишина, только где-то высоко в небе чирикала беспечная птичка, да на тополях шелестела листва.

Но недаром Бугэй в свое время общался с духами и демонами всех сословий и даже с самим Богом смерти – Яма.

– Кто ты? – спросил он не очень твердым голосом, приготовившись, если что, к быстрому отступлению за пределы тюрьмы.

– Я генерал Го-Тоба, – важно ответила голова. – Верни мне мое тело, меч и принеси самого лучшего сакэ.

– Да будет воля твоя, – не посмел ослушаться Бугэй, ибо знал, что с такого рода вещами не шутят ни Боги, ни смертные.

Бросились искать тело генерала. Голова между тем вещала:

– Однажды горная корова – комолая, лопаухая и неопытная, незнакомая с пастбищем, не умеющая бродить по склонам гор, решила: «А что, если я пойду в направлении, в котором никто никогда не ходил, чтобы поесть сладкую травку,

которую я еще никогда не ела, попить проточную воду, которую я еще никогда не пила?!» Она подняла заднее копыто, не поставив твердо переднее, и в результате не отправилась в направлении, в котором никогда не ходила, чтобы поесть траву, которую никогда не ела, и попить воду, которую никогда не пила. Что касается места, где стояла глупая корова, когда к ней пришла мысль: «Что, если пойти в направлении, в котором еще никогда не ходила, дабы поесть сладкую травку, которую я еще никогда не ела, и попить воды, которую я никогда не пила», то корова никогда бы не вернулась назад. А почему?! Потому что она – комолая, лопухая, неопытная горная корова, незнакомая с пастбищем, не умеющая бродить по склонам. Аналогично пришелец – лопухий, неопытный, незнакомый с пастбищем, не умеющий входить и пребывать в первой дхьяне – в упоении и наслаждении, которые являются следствием успокоенности, сопровождаемым направленной мыслью и правильностью оценки – не понимающий сути происходящего, не вникает в нее, не занимается ей, не закрепляется в ней. Он думает: «А что, если я, правильно понявший успокоение направленность мысли и оценки, войду и останусь во второй дхьяне – в упоении и наслаждении, рожденными прежним опытом». Он, оказывается, не способен входить и оставаться во второй дхьяне. К нему приходит на ум: «Что если я вернусь и останусь в первой дхьяне, чтобы все понять все заново?» Он, оказывается, не способен войти и остаться в первой дхьяне. Его называют пришельцем, ко-

торый споткнулся и упал, как горная корова, комолая, лопухая и неопытная, незнакомая с пастбищем, на которое попала, не умея бродить по склонам гор.

Бугэй перепугался пуще прежнего. Он понял, что если кто-то из арабуру услышит такие речи, то ему, всесильному начальнику городской стражи, не то что несдобровать, а даже думать о жизни не захочется, будет он вымаливать смерти – хоть какой-нибудь, хоть завалившуюся, хоть самую захудалую, но и этого не будет, ибо арабуру слыли мастерами по части медленного лишения жизни.

Принесли тело генерала – изрядно попорченное пытками, с ввернутыми суставами, со сломанными костями, с ободранной кожей и абсолютно голое. Голову со всеми предосторожностями сняли с шеста и приладили к телу. Три стражника при этом умерли от ужаса, а четверо лишились рассудка. Мунджу казался спокойным, но это стоило ему огромных усилий, чтобы не закричать во все горло. Это мнимое спокойствие вышло ему боком: в голове у него что-то сдвинулось, и он стал заговариваться:

– Намаку саманда бадзаранан сэндан макаросяна соватая унтарата камман¹²⁰, – хотя от роду не умел говорить ни на каком другом языке, кроме японского.

– Не так, – произнес генерал, побрякивая от удовольствия и встряхиваясь, как собака, всем телом. – А так, – и пере-

---

¹²⁰ Намаку саманда бадзаранан сэндан макаросяна соватая унтарата камман – мантра «Фудо мё».

вернул голову на сто восемьдесят градусов. Оказалось, что впопыхах голову водрузили задом наперед. – Где мой меч?!

Низко кланяясь, как перед новым императором арабуру, Бугэй преподнес ему оружие и самое лучшее шелковое кимоно, надушенное китайскими благовониями, и самые лучшие варадзи¹²¹ из самой лучшей рисовой соломы – легкие, как пушинка, и мягкие, как лебединый пух. Он даже хотел предложить омыть генералу лицо, да испугался его гнева. Го-Тоба не спеша оделся, обулся, засунул меч за оби, с жадностью опорожнил бутылочку в меру согретого сакэ и важно, ни на кого не глядя, вышел из тюрьмы, трижды плюнув в воротах и запев песню самурая о том, как легко возвращаться домой после трехкратной победы. К вечеру на том месте, где плюнул генерал, вырос железный куст с колючками. Стражники вырвали тот куст и выбросили за стену, а поутру он снова вырос. Снова вырвали тот куст и снова выбросили за стену. А по третьему утру вырос снова не только тот куст, но и кусты по другую сторону тюремной стены. Тогда Мунджу испугался и приказал прорубить новые ворота, а те кусты – страшные и таинственные, приказал не трогать. И стали те кусты называть чертополохом, и стали на него прилетать кровавые бабочки – души казненных в государственной тюрьме Тайка, а уж за этими бабочками стали приходиться хонки всех мастей, и всем стало очень-очень страшно.

С тех пор генерала Го-Тоба больше никто никогда не ви-

---

¹²¹ Варадзи – сандалии.

дел. Поговаривали, что он превратился в арара – самого главного демона ужаса и часто являлся в какую-нибудь харчевню, такой же окровавленный и страшный, чтобы напиться и побуйствовать. Самое ужасное заключалось в том, что убить его было невозможно, потому как в нем не было ни капли крови, да и разве нашелся бы молодец, способный на такой подлый поступок?

* * *

Для того, чтобы добраться до шуньяту, следовало пройти несколько стадий: стадию насти¹²², стадию шанти¹²³, стадию ачинате¹²⁴. Таков был путь. Правда, мало кто проходил все стадии, а кто прошел, тех уже и не помнили. Случалось это очень и очень редко, и мир сохранил воспоминания о подобных событиях как легенды. Даже прохождение этих стадий не являлось гарантией хоть какого-то результата в достижении шуньяту. Лишь единицы из единиц среди избранных добивались успеха неустанным чтением сутр, шастр, постом и изнурительными доири¹²⁵.

Доири в положении Акинобу и Натабуры были недоступны, потому что они не имели возможности совершить даже

---

¹²² Насти – ничто.

¹²³ Шанти – безмерное спокойствие, отречение.

¹²⁴ Ачинате – умственная безмятежность.

¹²⁵ Доири – вступление на Путь Праведных.

стодневный кайхогё¹²⁶. Поэтому Натабура и не верил в собственные силы. Читал сутры и не верил. То есть он знал, что происходят всякие чудеса, но не был уверен, что они произойдут именно с ним. Ему казалось, что без кайхогё ничего не получится. Не было у него такого опыта, и он пребывал в страшных сомнениях. Если бы не пример учителя Акинобу, он бы давно бросил это занятие, которое казалось ему абсолютно бесполезным. Есть ему уже не хотелось, а довольствовались они с учителем лишь одной водой.

На следующий день после ухода генерала Го-Тоба, когда государственная тюрьма Тайка гудела, как растревоженный улей, а учитель Акинобу, абсолютно не обращая внимания ни на что, сидел в позе Будды и читал сутры, Натабура, решил наконец задать вопрос: «Когда же они ощутят плоды бдений?» Но то, что он увидел, привело его в страшное волнение: учитель Акинобу парил в воздухе. Натабура, конечно же, знал, что все неожиданное происходит внезапно, но никогда с этим не сталкивался наяву.

– Учитель! – воскликнул он невольно, ему даже захотелось помочь ему, словно учителю грозила опасность.

Акинобу, не открывая глаз, произнес:

– Летай! Летай!

Этого оказалось достаточно, чтобы Натабура оторвался от пола и завис над ним совсем чуть-чуть, совсем немного – на

---

¹²⁶ Кайхогё – ритуал поклонения святым местам в определенной последовательности.

ширину ладони – но ощущение было настолько неожиданным, что у него даже закружилась голова. Чтобы не упасть, он невольно оперся о стенку клетки – и о чудо! – его рука погрузилась по локоть в камень, а клетка стала просто огромной, как базарная площадь.

– Сэйса! Сэйса! – вскричал Натабура, не в силах сразу приспособиться к своему телу. Должно быть, это и есть насти, лихорадочно думал он, в котором все размягчается. Но если это так, то что же произойдет в состоянии шанти?

Акинобу остудил его порыв:

– Разве я тебя не предупреждал, чтобы ты ничему не удивлялся?

– Предупреждали, сэйса... – виновато ответил Натабура.

– Читай сутру и ни о чем постороннем не думай.

– Но, сэйса...

– Никаких сэйса! Читай!

С этими словами учитель Акинобу закрыл свои черные раскосые глаза и вернулся к сутрам, больше его ничего не волновало. Натабура выдернул руку из стены и незамедлительно последовал его примеру. Он больше не обращал внимания ни на какие чудеса. Он был воодушевлен успехом, и кровь закипела в нем, не оттого, что спасение близко, а оттого, что он еще на один шаг приблизился к архатам¹²⁷. Он начал неистово твердить сутры и сразу приподнялся на целую

---

¹²⁷ Архат – человек, совершенно просветленный от чтения сутр.

сяку¹²⁸. С этого момента он становился только легче и легче. Но силы в нем не убавилось, а наоборот, ему казалось, что он способен выломать решетки и уйти, презрев всю тюремную стражу и даже кэбииси. Только равнодушное спокойствие учителя Акинобу останавливало его. В голове у него, кроме сутр, крутилась еще одна мысль: «Когда? Когда же мы бежим?!» Но Акинобу ни на что не реагировал, и приходилось ждать. Должно быть, с нами произойдет еще что-то, а я просто не понимаю, наивно думал Натабура. Однако именно стадия насти сыграла с Акинобу и Натабурой злую шутку.

Между тем всемогущий и могущественный начальник кэбииси – Бугэй, решал свои проблемы – как бы никто ничего не узнал. Только через три дня он вздохнул с облегчением – никто не донес ни о говорящей голове, ни о самом генерале, который ушел на своих двоих из самой тщательно охраняемой тюрьмы, ни о его крамольных речах, которые этот генерал позволил себе произнести. Народ у нас добрый, с умилением думал Бугэй, просыпаясь среди ночи от непонятного страха, умный. Любит он меня, любит. А как же иначе? Теперь остается только одно – без сучка и задоринки сварить Акинобу с Натабурой, и тогда смело можно смотреть в глаза императору, потому как победителей не судят.

Конечно, сразу на Бугэй никто не донес, потому что все боялись непонятно чего. Но постепенно слухи сами собой – ни шатко ни валко ни на сторону, но все же доползли до

---

¹²⁸ Сяку – 30,3 см.

ушей самого императора арабуру – Кан-Чи.

Главный жрец Якатла сладкоголосо нашептал ему:

– Если мы не сладили с какой-то головой, то не сладим и со страной.

Император Кан-Чи был очень большим. В детстве, как положено, голову ему сдавливали двумя дощечками, и голова постепенно стала походить на дыню. Нос ему тоже деформировали согласно канонам Богини Ушучин, и тот теперь ходил на клюв орла. Да и роста он вышел немало. Огромный живот и тяжелые, широкие плечи придавали ему сходство с медведем. Даже ходил он, переваливаясь с ноги на ногу и косолапя. К тому же все его тело было разрисовано орнаментом Тескатлипоко¹²⁹. Смолоду его готовили в императоры, только вот трон подыскали не на родине, а на краю света. Но ничего, ничего, терпеливо думал он, еще две-три волны переселенцев, и мы вырежем местное население, жадное, глупое и ленивое, которого так и не научилось выращивать опунцию для производства конишели. А пока займемся теми, кто убил брата Чачича, и очень, кстати говоря, вовремя, ибо больше никто не будет мешать мне править этой, хотя и поганой, но отныне только моей империей.

Так вот, император Кан-Чи страшно удивился:

– Как же так?! – вскричал он, сидя на троне в своем замке на двенадцатиярусной пирамиде Оль-Тахинэ, голой, как морская скала. – Даже в нашем краю никто никогда не видел

---

¹²⁹ Тескатлипоко – ацтекский бог войны, холода и звездного неба.

говорящих голов. А здесь у меня под боком она еще и ушла, совершив самое дерзкое преступление – оболгав власть и Богов, такого быть не может! Такие поступки надо пресекать в корне! Куриное дерьмо!

И ничтоже сумняся, решил посетить государственную тюрьму Тайка. Пойду-ка я взгляну, что произошло, решил он. Тем более, что в ней как раз сидят эти самые преступники, которые убили брата. Нельзя допустить, чтобы они сбежали таким же необычным способом, как диковинная голова. Впрочем, думал он, дурная страна Се-Акатль. Ненормальная. Не нравится она мне. Все здесь неправильно. Не по-нашенскому. Надо срочно все переделывать. О, великий Ицампа¹³⁰, помоги мне!

– Мудрое решение! – похвалил его главный жрец Якатла.

Главный жрец Якатла была маленьким и старым. Он родился таким. Голос у него был писклявый и противный. Передвигаться он сам не умел из-за кривых ног. Его носил раб Тла в специальных носилках, которые крепились у него за спиной. Плечи и руки у раба Тла были искусаны и исцарапаны Якатла. Император Кан-Чи давно бы от него избавился, но Якатла представлял собой власть жрецов и с ним приходилось считаться.

Тот день начался вообще необычно. Натабура еще дремал, когда почувствовал, что с ним снова творится что-то неладное – он находился в клетке и как бы одновременно

---

¹³⁰ Ицампа – Владыка Неба (мая).

вне ее. Мало того, он вдруг увидел Афра, который сидел в какой-то хижине вместе с Баттусаем и вел дивные речи:

– Скажи, гав!

– Гав! – отвечал Баттусай.

– Скажи, р-р-р!..

– Р-р-р! – покорно рычал Баттусай.

– Учитель! – воскликнул Натабура, продирая глаза, и осекся.

Учителя Акинобу, который все последнее время пребывал гораздо выше – под самым потолком, там не было, его не было и ниже, и вообще – даже в клетке.

– Учитель... – на этот раз шепотом позвал Натабура и выпучил глаза.

Страх овладел им. С перепугу он забыл, о чем хотел рассказать. А хотел он рассказать о том, как Афра обучал Баттусаю своему собачьему языку и что это было более чем удивительно, но еще более удивительное заключалось в том, что учитель Акинобу находился по другую сторону решетки. Мало того, он преспокойно шел себе по тюремному двору, словно прогуливаясь, и даже разговаривал со стражниками. Зачем? Почему он там? – оторопело подумал Натабура. Ведь так не бывает!

– Бывает, – сказала учитель Акинобу. – Это и есть шанти.

– Шанти? – глупо переспросил Натабура и живо обернулся.

– Да, да, шанти, – подтвердил учитель Акинобу. – Но на

самом деле меня там не было. Я все время находился в клетке.

– Но я вас видел... – Натабура оглянулся и снова посмотрел на тюремный двор, – я только что вас видел там!

– Да, я немного погулял, размял ноги. Кстати, ты можешь сделать то же самое.

– Не-е-е... – нервно отказался Натабура. – Мне и здесь хорошо.

Он просто не решился. Не решился испытать чувство раздвоения. Ему казалось, что если он выйдет из грязной вонючей клетки, то лишится незримой защиты, которую она ему давала, даже может разучиться летать – ведь он еще не был уверен в себе так, как учитель Акинобу.

– Ну как знаешь, – учитель глянул на него сверху вниз, потому что опять находился под потолком, и усмехнулся.

– Значит, мы можем сегодня сбежать? – с надеждой в голосе спросил Натабура, завидуя ясному уму учителя.

– Нет. Еще рано. Это опасно. Да мы и не сможем.

– Но почему? Почему не сможем?

Как я глуп, как я глуп! – страдал он. Задаю глупые вопросы. Юка должна презирать меня.

– Потому что мы еще не совершенно просветленные. Ждать надо и читать сутры день и ночь, день и ночь, ибо... – и он процитировал: «Те, кто видел меня телесным, те, кто преждевременно последовал за моими сутрами, предались лжемыслям, – те люди не узрят меня». Понял?

– Понял, – огорченно кивнул Натабура, хотя понял только одно: придется во всем довериться учителю и главное – ждать и ждать, а ждать не хотелось.

Учитель Акинобу и сам не знал, когда придет пора бежать. Знака не было. Он ждал его давно, но чувствовал, что время еще не пришло.

* * *

Рано по утру, когда солнце только-только вставало над морем и равниной Нара, а в воздухе еще витала ночная прохлада, зазвучала писклявая музыка рожков, непривычная японскому уху, громкий бой барабанов, и в тюрьму на белом коне въехал император Кан-Чи. На нем был наряд из белых перьев. Три пера черного цвета в короне символизировали траур по единоутробному брату. Руки и ноги у императора были украшены золотыми кольцами, а тело блестело от благовонных масел. Кроме двадцати пяти воинов арабуру, которые его охраняли, его также сопровождал огромный черный, как сажа, пес по кличке Мурасамэ, что значит «Великолепный». Мурасамэ был славен тем, что способен был загрызть медведя и сразаться сразу против трех разъяренных вепрей, а убить человека для него было сущей ерундой, даже если этот человек был в двойных доспехах.

Все тамошние стражники, включая начальника тюрьмы – Мунджу, пали ниц и не смели поднять глаз. Даже Бугэй рас-

пластался на земле, хотя император жаловал его особой почестью – ему разрешалось лежать на боку и смотреть на императора, только отвечать без позволения не дозволялось.

– Ты ли это, Бугэй? – спросил император, брезгливо поводя носом, потому что пахло нечистотами, кровью и мочой, а над отрубленными головами вился рой мух, и все это несмотря на то, что за три дня до визита императора тюрьму отчистили и надраили, как золотой рё.

– Отвечай, когда с тобой разговаривает наш господин! – потребовал первый великий министр Дадзёкан, но из деликатности только слегка пнул бывшего повара, а черный Мурасамэ зарычал, показывая огромные белые клыки, с которых капала слюна.

Хотя первый великий министр был арабуру, он взял себе японское имя, дабы стать ближе и понятнее здешнему народу. Он даже одевался в местные одежды и причесывался на японский манер, а также учил местный язык, хотя официально тот был запрещен.

– Отвечай! – пискляво потребовал главный жрец Якатла и в очередной раз укусил своего раба Тла.

Тла даже не шевельнулся. Он был огромным, как император Кан-Чи, и привык к укусам своего мучителя.

Бугэй, который для такого торжественного случая надел парадную камисимо¹³¹, лежал, уткнувшись носом в землю –

---

¹³¹ Камисимо – самурайская безрукавка с большими жесткими крылышками-надплечьями.

там муравей тащил какую-то былинку и ему не было дела до всех людских страстей вместе взятых.

– Не смею в вашем присутствии, – едва пролепетал Бугэй.

Так полагалось отвечать. Ответь Бугэй по-другому, он мог лишиться головы. Черный Мурасамэ удовлетворенно понюхал Бугэй, у которого душа ушла в пятки и, подняв лапу, помочился на него.

– Теперь ты тоже мой пес, – засмеялся император Кан-Чи, но глаза его остались холодными и пустыми, как море в декабре.

– Благородная собачка... – униженно пробормотал Бугэй, – благородная... у нас таких не водится...

Но гордость, скользкая, как змея, вертелась в нем, и он стал оправдываться: будь я самураем, подумал Бугэй, я бы этого не перенес, да и меня бы презирали. Будь я самураем, я бы разорвал его на кусочки и скормил бы его псу. Но! Но я не самурай. Стало быть, меня и презирать не за что. А раз я червяк, то мое дело угождать, лишь бы выжить.

– Говори, я разрешаю, – велел император, нюхая пахучую индийскую палочку.

– Встать, титлак! – приказал первый великий министр Дадзёкан, тоже нюхая пахучую индийскую палочку.

– Да! Встань! – прокричал Якатла.

Бугэй, рискуя попасть на острые зубы Мурасамэ, подскокил, словно его ткнули в зад копьём:

– Слушаюсь, таратиси кими!

Что обозначает слово «титлак», Бугэй не знал, просто иногда он слышал это слово из уст арабуру и мог только догадываться о его значении.

Черный Мурасамэ снова заворчал. Он не любил резких движений, а тем более у людей, которых не любил хозяин.

Со всей предосторожностью, на которую Бугэй был способен, и угодливо улыбаясь псу, он подвел императора к Саду голов, точнее, к шесту, на котором еще три дня назад была воздета голова непокорного генерала Го-Тоба. Бамбуковый шест на всякий случай вымыли от крови, а землю вокруг него посыпали песком. Предосторожность эта оказалась нелишней. Еще накануне Бугэй донесли, что к шесту относятся, как к святыне, и что стражники по ночам поклоняются ему, словно Будде. Землю же, пропитанную кровью генерала Го-Тоба, тайком разнесли по тем окрестным монастырям, которые еще сохранились, а специальные ходоки, одетые, как крестьяне, унесли еще дальше: и на все побережья, и в горы, и даже на самые-самые дальние острова, передавая из уст в уста новую легенду о непокорном генерале Го-Тоба, который не умер даже после самых жестоких пыток арабуру, а живет и борется вместе с народом. Знал ли об этом император арабуру или, не разбираясь в тонкостях местной религии, готов был совершать другие кощунственные поступки, Бугэй судить не мог. Но предупреждать императора не собирался. Своя голова дороже. Это была завуалированная месть, на которую был способен лишь местный житель. Буг-

э́й мстил еще и за собственное унижение, полагая, что теперь у японцев появится лишний повод ненавидеть пришельцев.

– Здесь? – брезгливо спросил император Кан-Чи.

В этот момент начальник тюрьмы Мунджу молил всех Богов, чтобы жирные, толстые мухи, отъевшиеся на человеческой плоти, не так вызывающе жужжали и, не дай Бог, не садились бы на благородный нос императора Кан-Чи.

– Да, мой господин, – по-прежнему не глядя на него, поклонился Бугэй. – Здесь, вот на этом самом шесте.

Черный Мурасамэ подошел и помочился на него тоже. Бугэй от ужаса закрыл глаза. Теперь эта весть разнесется по всему городу, и дни черного Мурасамэ сочтены. Теперь любой самурай почтет за честь убить его. Да что там самурай – любой прохожий! А что сделают с императором Кан-Чи, Бугэй даже не представлял. Следовало подумать о своем будущем, но думать было поздно.

– Хм... – недоверчиво произнес император, глядя на свежий песок. – Ты хорошо справляешься со своими обязанностями.

Бугэй копчиком почувствовал, что его жизнь висит на волоске.

– Он хорошо справляется, – спас его первый великий министр Дадзёкан.

– Хорошо, – великодушно произнес император Кан-Чи и жестоко посетовал: – А мы хотели найти тебе замену.

– Мы уже нашли замену! – уточнил Якатла и подрыгал

кривыми ножками.

От этих слов Бугэй сделалось дурно. Перед глазами поплыли круги, в ушах появился звон, а колени сами собой стали подгибаться.

– Но... – добавил первый великий министр Дадзёкан, – если ты нам расскажешь правду, мы подумаем и, может быть, оставим тебя на прежнем месте.

– Правда, мой господин, – едва не бухнулся на колени Бугэй, – правда заключается в том, что голову оживили два пленника, которых схватили мои люди. Имена этих пленников вам хорошо известны.

– Я догадываюсь, о ком ты говоришь. Но как они это сотворили?

– О, таратиси кими! Вы еще не знаете наших монахов! – горячо зашептал Бугэй. – Они коварнее чернокрылых кудзу¹³² и сильнее всех вместе взятых сэйки!¹³³

Конечно, он предавал братьев, но разве он не делал то же самое всю свою сознательную жизнь, не испытывая при этом ни стыда, ни раскаяния.

– Хм... – снова усомнился император Кан-Чи. – Покажи. Но если ты врешь!.. Уйй!!! – И выразительно указал на шест, на котором некогда красовалась голова генерала Готоба.

Бугэй вздохнул с облегчением. Теперь-то он почти спасен.

---

¹³² Кудзу – колдуны, которые состояли на службе у Богов.

¹³³ Сэйки – деревенский колдун.

Теперь-то он покажет, кто самый умный и дальновидный. Теперь ему не страшен даже черный Мурасамэ, дни которого сочтены, ибо нет ничего кощунственней, чем осквернять святыни, пусть даже это сделал пес, принадлежащий императору.

Конечно, Бугэй знал, что Акинобу и Натабура день и ночь читают сутры, конечно, он знал, что они не пьют и не едят, конечно, он был даже в курсе того, что Акинобу нагло разгуливает по тюрьме, как у себя дома. Но он знал еще кое-что: император арабуру только с виду такой грозный и беспощадный, а на самом деле боится даже самых безобидных духов Нихон, потому что у него на родине не водились ни духи, ни демоны. Бугэй давно хотел сыграть на этом и теперь решился. Но дело надо было обтяпать весьма тонко, ибо император Кан-Чи, с пренебрежением относящийся к хонки и не разбирающийся в деталях дзэн-буддизма, ничего не знал ни о сутрах, ни о шастрах, с помощью которых можно было менять свойства мира, поэтому он не мог осознать опасности, исходящей не только конкретно от учителя Акинобу и Натабура, но и в общем, от Истинносущего. Его мир был куда беднее, а его Боги, все вместе взятые, не так всемогущи, как одна-единственная Богиня Солнца Аватэрасу.

Но даже Бугэй не представлял себе, насколько далеко зашли Акинобу и Натабура, ибо Бугэй был всего-навсего обыкновенным поваром, в душе им и остался, не имея возможности приподняться до просветленных.

– Показывай, титлак! – велел первый великий министр Дадзёкан.

– Да, показывай! – беспечно велел император Кан-Чи.

– Показывай! – потребовал Якатла и от восторга запустил ногти в раны на плечах раба Тла.

От неожиданности Тла невольно дернулся, как лошадь, отгоняющая слепней. Мстительный Якатла вонзил ногти глубже – Тла даже не повел плечами.

– Молодец! – похвалил его жрец.

Горячее солнце поднялось из-за тюремной стены, и сразу стало жарко, словно открыли огромную печь. Бугэй захотелось раздеться, но он побоялся даже скинуть камисимо, чтобы остаться в одном кимоно.

– Вот они! – низко кланяясь, подошел он к клетке, в которой находились Акинобу и Натабура.

– Эти?! – нахмурился император Кан-Чи и приблизился, сохраняя на лице надменно-брезгливое выражение. – А почему это?.. – удивился он, переходя на дискант. – Почему?.. Почему они летают?!

В его понимании летать мог Бог арабуру – Кетцалькоатль¹³⁴. Но чтобы летали простые смертные, император Кан-Чи такого слыхом не слыхивал.

– Они... они... не такие, как все! – нашелся Бугэй, – они, они очень и очень опасны, таратиси кими... – забубнил он, как перед жрецом.

---

¹³⁴ Кетцалькоатль – Пернатый Змей, Птица-змея ацтеков.

– Они демоны?!

– Хуже!

– Кто же?!

– Они такие! Такие! М-м-м... И очень-очень опасны!

Нюхая пахучую индийскую палочку, император Кан-Чи брезгливо спросил:

– Даже для меня? – ему почему-то захотелось отступить на шаг от клетки, но он сдержался. – А почему они худые и чахлые? Такие нам не подходят. Поэтому они у тебя и летают, что чахлые. А? – задал он каверзный вопрос.

Глупая страна, подумал он. Глупые люди, живущие в ней.

Бугэй быстро соображал и выпалил:

– Они... они... колдуны!

Учитель Акинобу и Натабура невольно прислушались, хотя давно отrekliсь от того, что происходит снаружи клетки. Действительно, после всех перипетий их одежда превратилась в лохмотья, плохо скрывая худые, жилистые тела, и выглядели они, наверное, как самые последние нищие. Но колдунами их еще никто не называл.

Дикий народ, снова подумал император, у нас летает еще всемогущий белокурый Бог Тескатлипока, который сошел из восточной Обители Богов и который велел завоевать эту страну, а здесь летают даже рабы. Нет, их нужно казнить как можно быстрее.

– Что ты там говорил о какой-то казни? А? – он взглянул на Бугэй так, что у того сердце упало в пятки и тихо дерга-

лось там, как лягушка на нитке.

– Не смею произнести в вашем присутствии, – проямлил Бугэй, потея и бледнея сверх всякой меры.

В нем еще сохранились остатки совести, и он не хотел, чтобы Акинобу и Натабура узнали, кто является инициатором их жестокой казни. Мало ли что, на всякий случай думал он. Эти сутры, и генерал Го-Тоба. Как бы чего не вышло? Сумели же они оживить голову!

– Они хотят оказать вам честь и сварить соотечественников в вашем присутствии, – подсказал первый великий министр Дадзёкан и тоже понюхал пахучую индийскую палочку.

– Умная мысль, – одобрил император Кан-Чи, – только я не понял, как же мы их сварим, если они летают?

– Мы откармливаем их целые сэкки, – счел нужным сообщить Бугэй и осторожно цокнул языком.

– А летают они, потому что худые, – обращаясь к императору Кан-Чи, пояснил первый великий министр Дадзёкан с таким видом, словно на него снизошло прозрение.

– А ты что думаешь? – спросил Кан-Чи у Якатла, нюхая пахучую индийскую палочку.

– Правильно, потому что худые! – согласился Якатла, приставая в своих носилках и заглядывая в клетку поверх головы раба Гла.

– Худых не сварить, – озабоченно высказался первый великий министр Дадзёкан, тоже нюхая пахучую индийскую

палочку.

– Нет, не сваришь, – едва не согласился Бугэй, но вовремя прикусил язык.

Не полагалось ему вступать в разговор, если не спрашивают.

– Надо что-то придумать! – сказал император. – Уййй!!! – и хлопнул себя по затылку.

– Откармливайте их еще в течение сэкки, – велел первый великий министр Дадзёкан.

– А потом мы их сварим и насладимся предсмертными криками, – мечтательно произнес император Кан-Чи. – Слава Пернатому Змею!

– Да, да... предсмертными криками... – закивал первый великий министр Дадзёкан. – точно! И даже, может, съедим!

– Мои люди все сделают, как надо! – со знанием дела добавил Якатла и плотоядно улыбнулся.

Только улыбка у него вышла какая-то кривая, потому что Якатла был вечным стариком, не знающим молодости.

– Пусть дрожат! – важно сказал император Кан-Чи. – Мы будем варить их очень медленно. Слышите, вы, титлаки! – с этими словами, дабы произвести большее впечатление и привлечь внимание равнодушных мятежников, император Кан-Чи схватился за прутья решетки и потряс ее.

То, что произошло в следующее мгновение, в разных легендах рассказывается по-разному. По одной из них то ли святой огонь вознес просветленных мятежников на самые

высокие горы Нихон, то ли сама Богиня Солнца Аматэрасу вмешалась в человеческие дела и чудесным образом накрыла пленников белым облаком, дабы унести в свое царство. По другой же легенде государственная тюрьма Тайка рассыпалась в прах до основания и на свободу вырвались все заключенные. На самом деле события развивались так: стоило императору тряхануть решетку, как она с треском развалилась, как старая, гнилая корзина, и в руках у него остались куски железа. С этими кусками в руках он и повернулся к побледневшему начальнику городской стражи Бугэй. В глазах у него застыла холодная ярость. Охрана арабуру, ничего не понимая, на всякий случай, выхватив бордовые и белые мшаго, окружила императора, готовая защитить его от любой опасности. Черный Мурасамэ зарычал так, что все шесты с головами закачались. А в небе тотчас появились три иканобори, которые стали летать кругами, изрыгая пламя и сжигая верхушки тополей.

Но недаром Бугэй слыл самым большим проходимцем в мире.

– Вот какие они страшные колдуны! – в отчаянии, как петух, которому собрались отрубить голову, закричал он, тыча пальцем в клетку. – Очень, очень опасные люди!

Но император арабуру уже не обращал на него никакого внимания:

– В цепи их! В цепи! Уййй!!! – изошелся он криком и долго не мог успокоиться, подпрыгивая на месте и размахивая

руками: – Да в яму! В яму! Стеречь до самой казни, не спуская глаз. А остальным!.. – и люди в клетках замерли. – Каждого десятого казнить до заката!

– А тебя, если что не так, казним вместе с ними, – зловеще пообещал Бугэй первый великий министр Дадзёкан, и они удалились в сопровождении охраны, швырнув в сердцах на землю пахучие индийские палочки.

Первым в назидание всем остальным казнили начальника государственной тюрьмы – Мунджу. Уже через кокой его голова с выпученными глазами красовалась на том же самом бамбуковом шесте, с которого вещала голова генерала Готоба.

Много крови в тот день пролилось в государственной тюрьме Тайка, но она пала светлыми каплями на алтарь мужества в предвестие грандиозных событий.

* * *

Все было кончено: Акинобу и Натабуру не только заковали в железные обручи с четырьмя цепями, но к каждой из них приковали чугунные шары величиной с голову быка. Их перевели в самые глубокие и надежные подвалы тюрьмы Тайка, в которые надо было спускаться верный коку по круглой каменной лестнице без перил.

Бугэй и ночевал бы тут же, перед решеткой, да боялся, что пленники, день и ночь читающие сутры, сотворят из него ка-

кое-нибудь непотребное существо, например, лягушку. Быть лягушкой он не хотел, поэтому на всякий случай заклеивал себе уши воском, а спал у себя дома.

Натабура вовсе пал духом, когда за ними опустилась тяжелая стальная решетка. Бугэй самолично являлся дважды в день, чтобы проверить состояние камеры, цепей и чугунных шаров, и каждый раз уговаривал, не смея даже цокать языком:

– Вы уж меня не подведите, сэйса... Сидите спокойно... Все равно вам отсюда не сбежать, а я вас буду кормить поимператорски.

Действительно, кормить их стали еще обильнее и сытнее, а главное – чаще, каждую вторую стражу. Однако стоило Бугэй отвернуться, как еду растаскивали голодные тюремщики. Акинобу и Натабура совсем отказались от нее и стали читать сутры еще неистовее.

– Мой мальчик, – объяснил учитель Акинобу, звякая в темноте цепью, – это должно лишь укрепить наш дух и открыть глаза на вещи необычные и непонятные, поэтому не сомневайся ни на мгновение.

После этого время для них перестало существовать, оно делилось на промежутки, когда им приносили еду и когда они читали сутры.

Вскоре они приспособились и к обручам на талии, и к цепям и уже не замечали их. На третий день, после того, как их посадили в подвал, они уже всю парили на равных под

потолком. И хотя в камере было темно, и только один единственный луч дневного света непонятно как проникал в подвал, они видели, как цепи с чугунными шарами, покачиваются подобно гусеницам на шелковых нитях.

И все равно Натабуре нет-нет да становилось страшно. Мысль о том, что их сварят заживо, приводила его в трепет. А вдруг у нас ничего не получится? – на мгновение отвлекался он от сутр. Вдруг учитель ошибается? И мы не достигнем просветления?!

В стадии шанти они стали видеть в темноте, а разговаривали, не открывая рта.

– Ты не прав, – отвечал учитель. – Твоя задача добиться безмятежности духа. Я не знаю, почему, но верю, что мы не умрем.

– Мы станем духами? – спрашивал Натабура.

– Нет, мы не станем ни духами, ни демонами. Это нам недоступно, да и ненужно. Это другое. Мы станем теми, кем становится архаты и татхагаты¹³⁵.

– Как это?

– А вот увидишь!

Видела бы меня Юка, невольно думал Натабура.

И действительно, по многим признакам они подошли к этой стадии очень близко, но, не зная меры, не могли оценить правильно оценить свое просветление. Во-первых, мир для них стал зыбок: стены камеры и потолок потеряли твер-

---

¹³⁵ Татхагат – Совершенно Просветленный от чтения шастр.

дось. Теперь им было даже опасно опускаться вниз, ибо они проваливались в пол, как в болото. Во-вторых, они и раньше догадывались, что происходит окрест и дальше, и еще дальше – по мере чтения сутр, а теперь видели все, что делается и в городе, и за городом. Для Натабуры это было новое странное чувство. Теперь он мог бродить где угодно и видеть что угодно. Самый хитрый и коварный ниндзюцу позавидовал бы их умениям.

Натабура побывал в хижине и убедился, что Афра, Баттусай и Митиёри живы и здоровы и что они терпеливо ждут их. Кинулся искать Язаки и Ванути, но не смог их найти. Он искал их несколько дней, но это почему-то его совершенно не встревожило. Мало того, он ощутил, что стал равнодушным – абсолютно равнодушным, и вначале не понял, нравится ли ему это новое состояние или нет. Отныне он никого не любил: ни Юку, ни Афра, ни учителя Акинобу. Но даже это чувство равнодушия не взволновало Натабуру. Его даже не взволновала мысль, что они незаметно для себя ступили в стадию ачинате, ибо это было и не весть, и не знание, а нечто другое, но точно не состояние. Но даже это нечто другое не хотелось исследовать, будто оно стало частью Натабуры, его душой и телом. Как сказал бы учитель Акинобу, отныне они стали «великими призраками», вовсе не являясь «великими призраками». Им стали подвластны другие времена, где они встретились с досточтимым брахманом Субхути, который уже был архатом и татхагатом одновременно и

который им сказал:

– Вы достигли подлинного содержания, и Великий Благой Закон вот-вот коснется вас.

Они же оба остались равнодушными к его словам и не спросили, когда их коснется Великий Благой Закон, ибо отныне их ничего не волновало в этом мире и они готовы были ступить в другие миры, но не успели.

На следующее утро за ними пришли. Вначале заиграли писклявые рожки и ударили барабаны, потом в подземелье вбежали тюремные стражники с факелами, и Бугэй, удовлетворенно цокая языком, велел вывести пленников на белый свет. По три человека повисли на каждой цепи, но не смогли не то что сдвинуть, а хотя бы даже качнуть пленников в какую-либо сторону.

Тогда Бугэй взмолился, едва не пав на колени:

– Братцы, не губите! Вам уже все равно, а мне еще жить! Если вы пойдете добровольно, то обещаю легкую и быструю смерть.

– Какую же? – любопытствовал Акинобу из-под потолка, не заметив того, как при каждом слове вокруг него вспыхивает и мерцает неведомый свет.

Стражники побросали факелы и стали кланяться, шепча охранительную молитву: «Наму Амида буцу! Наму Амида буцу!» Кое-кто бросился по лестнице вверх, дабы убежать, но двери разом захлопнулись. Стражники завывали от страха.

– Я сделаю так, что вода уже будет кипятком! – в отчаянии

крикнул Бугэй. – Вы сваритесь мгновенно!

– Мы согласны, – кивнул Акинобу, помедлив мгновение. – Это нас устраивает.

Бугэй не понял, что это подвох, да и никто не знал, что выйдет подвох, даже сам Акинобу.

С этого момента они больше не сопротивлялись, и их вытянули за цепи из темницы.

На Красной площади, где некогда возвышался Нефритовый дворец регента, а теперь, как солнце, сияла двенадцатиярусная пирамида-дворец Оль-Тахинэ, увенчанная неприступной императорской крепостью – цитаделью, возвели трибуны, на которых сидели придворные арабуру, разодетые в честь праздника в яркие одежды из перьев. Их охраняли сотни арабуру с блестящими нагинатами и с мшаго, которые висели на поясе и которые больше походили на безобидные веера. За кольцом арабу находились цукасано гэ – богатые граждане Чальчуапа, которые перешли на службу к новым хозяевам. Цукасано гэ в свою очередь охраняли кэбииси – городские стражники, но на всякий случай вооруженные не нагинатами, а лишь короткими мечами вакидзаси, и даже без доспехов, а, как арабуру, голые, в одних набедренных повязках, намазанные какой-то мазью, что заставляло их тела блестеть, как храмовые свечи. А уже за кэбииси толпились, восседали на деревьях немногочисленные свободные граждане некогда самого великого города, который называли столицей Мира, а теперь непонятно как, каким-то странным словом –

Чальчуапа.

За деревьями чернела крыша храма Каварабуки, поросшая мхом и лишайниками, а дальше за храмом проглядывала красная крыша Яшмового императорского дворца, в котором теперь никто не жил.

В центре Красной площади, на лобном месте, горели костры, на которых стояли два огромных медных чана с водой. Легкий парок уже курился над ее поверхностью. Обслуживали котлы микстекские жрецы в черных накидках и в свирепых масках-черепках.

Обманул, подумал Натабура. Опять обманули. Но почему? Почему мы не бежим?! – хотел он крикнуть учителю Акинобу, но у того были закрыты глаза, и вообще, учитель сохранял каменное спокойствие. Это спокойствие передалось и Натабуре. Только цепи удерживали их от того, чтобы улететь в бездонное голубое небо. Натабура ощущал такую силу, что, казалось, одним движением может расшвырять стражников, вцепившихся в оковы, но сдерживался. Запотекские барабанщики ударили в барабаны.

Император появился сразу после пленников. Рядом с ним крутился черный Мурасамэ. Главного жреца Якатла нес раб Тла. Он вынул своего господина из носилок поставил на кривые ножки.

В одной руке император держал четыре стрелы, в другой – серебряное зеркало. Он произнес короткую речь:

– Знаете ли вы, что это? – и, не дождавшись ответа, сам

же ответил: – Это магическое зеркало Итлаchiaякуе Бога Тескатлипока. С помощью этого зеркала Итлаchiaякуе он указал нам путь, и теперь мы хозяева этой страны! Место, в которое отражаются лучи зеркала Итлаchiaякуе, дымит, и все враги в нем погибают, поэтому это зеркало еще называют дымящееся зеркало. А еще в этом зеркале Бог Тескатлипока видит все, что творится в мире. В моей правой руке четыре стрелы, которые символизируют наказание, ниспосланное Богом Тескатлипока на врагов империи. Никто не должен избежать возмездия! Да сбудется оно для этих двух мятежников, которые убили моего брата, великого и верного Чачича! Уййй!!! Слава Кукулькану!¹³⁶

– Слава! – радостно закричали придворные, приветствуя речь императора.

Как только смokли крики, Бугэй скомандовал по сигналу первого великого министра Дадзёкана, который махнул белым пером. Еще раз ударили барабаны, и с полсотни кэбии-си и корзинщиков арабуру, налегая на цепи, потащили Акинобу и Натабуру к чанам, в которых вода исходила пузырями, а поверху уже всю парила. Не обманул, успел понять Натабура, и их с учителем первый раз обмакнули в воду. От страха он поджал ноги, и из его горла вырвался невольный крик. Но к его удивлению, ничего не случилось: ему не стало ни холодно и ни жарко. Он подумал, что умер, однако ощутил себя словно обновленным, ибо не мылся целую луну, с

---

¹³⁶ Кукулькан – Пернатый Змей, Верховный Бог мая.

тех пор как искупался в реке. Может быть, я еще живой, подумал Натабура и открыл глаза. Кэбииси и корзинщики растягивали цепи в разные стороны так, что, казалось, они порвутся прежде, чем кэбииси и корзинщики добьются своей цели. От натуги они побрякивали, а их ноги скользили по земле. Бугэй покрякивал, по-деловому цокая языком:

– Дружнее! Натянули! Эйя!

Натабуру окунали то по пояс, то по макушку. В какой-то момент ему вдруг стало смешно, и он засмеялся, уловив разгневанный взгляд Бугэй.

– Огня! Огня! – закричал Бугэй жрецам, дабы смех Натабуры не достиг императорских ушей.

И хотя пламя уже гудело всюю и его языки жадно лизали бока медных чанов, микстекские жрецы кинулись подбрасывать дрова. Повалил белый дым вперемешку с искрами, делая ярко-голубое небо белесым, как полотно, и народ закричал, заволновался – не от радости или злорадства, а от страха. Виданное ли, дело варить людей живьем, да не кого-нибудь, а архатов, которые сутрами оживили мертвую голову.

– Они ва сото! – стали кричать микстекские жрецы. – Они ва сото!¹³⁷

Охрана арабуру взяла на изготовку нагината, засверкали мшаго, а кэбииси, глядя на них, обнажили вакидзаси, чем только озлобили простой люд.

Когда же дым рассеялся и остались только сполохи огня,

---

¹³⁷ Они ва сото! – Черти вон!

жар и горячий воздух, опаливший ближайшие деревья, все: и император Кан-Чи, и его придворные, арабуру, и цукасаногэ, кэбииси, и простой люд – все-все, разинув рты, на короткое мгновение замерли и с жадностью смотрели туда, где раскалились цепи, где бурлила и пенилась вода, переливаясь через край, и где в ее пару то появлялись, то пропадали головы людей.

Наступила тишина, потому что одни уже горевали, а другие готовы были кричать криком от радости, но оглядывались на императора Кан-Чи, который почему-то угрюмо молчал, ибо обладал не только огромным телом, он и хорошим слухом и все-все, каждое слово слышал, только не хотел и мог поверить собственным ушам.

В эти мгновения, которые многим показались вещими, и в течение которых было только слышно, как трещит пламя и бурлит вода, раздался очень спокойный голос Акинобу:

– А вода-то хороша!

– Хороша! – ответил Натабура. – Огонька бы поддать!

– Эй, черти! – крикнул Акинобу, высовываясь. – Вода холодная!

– Что?! Как!!! – подскочил император Кан-Чи на троне.

Трон упал. Черный Мурасамэ грозно зарычал. Император сбежал с трибуны. За ним – главный жрец Якатла. Но не пробежал и трех шагов, упал и захныкал, словно маленький ребенок:

– Где ты, раб мой? Где?!

Тла вовремя подскочил и водворил своего господина в носилки.

– Во дворец! – потребовал Якатла и вонзил ногти в плечи Тла. Он сообразил, что находиться на Красной площади стало небезопасно.

Между тем, император Кан-Чи пришел в неистовство. Его перья в украшении сломались и выглядели жалко. Его огромный живот и тяжелые, жирные плечи, густо намазанные благовониями, дрожали, как студень. Его глаза метали огонь, который был сродни бушующему пламени под чанами. С криком:

– Полезай туда же, титлак! – император Кан-Чи подскочил к Бугэй. Черный Мурасамэ тоже прыгнул.

Бугэй от испуга присел. Он уже ничего не соображал, мало того, он, конечно же, зная повадки соотечественников, где-то в глубине души предполагал такой исход, но не готов был тотчас умереть, даже ценой того, чтобы все его несчастья и унижения кончились бы. И верно, судьба приготовила ему другой конец.

В этот момент из-за бортика чана высунулся Акинобу, и поплескивая водичкой и извергая изо рта фонтанчик, от которого исходил парок, сказал:

– Хороша банька! Кан-Чи, вели подбросить еще полешек.

Черный Мурасамэ сильно испугался и присел – он кожей ощутил, что его хозяин готов взорваться от злости.

– Что это за страна, где людей невозможно сварить в ки-

пятке?! Что это за страна, где надо мной смеются?! Уйй!!! – закричал император таким голосом, который многим придворным показался очень-очень страшным, и они, зная нрав императора, предпочли заблаговременно скрыться с трибуны. Сам же Кан-Чи был на грани помешательства, ибо не мог не верить своему жизненному опыту, который однако вошел в противоречие со столь очевидными вещами, что от этого в глазах у императора Кан-Чи все помутилось. Ему уже казалось, что он – это не он, а некто, смотрящий на происходящее чужими глазами и ничего не понимающий.

Вдруг страшное подозрение, которое все объясняло, закралось ему в голову: во всем виноват Бугэй. Бугэй в стоворе с преступниками и не только каким-то совершенно невероятным образом не довел воду до кипения, а вообще, все это время водит его, императора Кан-Чи, за нос, и не было никакой говорящей головы, и не было никаких летающих пленников, да и вообще нет и не было этого упорного, непонятного народа, который до сих пор не признает новую власть, а он, Кан-Чи у себя на родине казнит пленников, захваченных с бою.

– Ну я вам всем... – злобно выпучив глаза, шептал император Кан-Чи, подбираясь к чану. – Я вас выведу на чистую воду! – И с этими словами он, недолго думая, сунул правую руку в чан, в котором сидел Акинобу, чтобы схватить его за шиворот и вытащить наружу.

То, что произошло после этого, многим показалось гро-

мом среди ясного неба. Если раньше императора Кан-Чи боялись, то теперь все пришли в ужас и стали разбегаться, не только оттого, что Кан-Чи завопил, как сто тысяч котов, а оттого, какие последствия все это обещало. Никто не хотел попасть под горячую, точнее, под его ошпаренную руку, в том числе и Бугэй, который ужом проскользнул между чанами, и был таков, отделавшись лишь опаленным задом. Еще больше испугались кэбииси и корзинщики, которые держали цепи и чугунные шары, а также жрецы. Они попадали на землю и стали расползаться кто куда. Еще раньше испарились, как иней на солнце, Тла со своим господином за плечами, городские стражники и простой люд, не говоря уже о цукасано гэ, которые особенно остро ощущали себя неуютно в родной стране. Черный Мурасамэ почувствовал себя щенком и, поджав хвост, мгновенно зарылся в кучу дров. Во всеобщей панике никто не обратил никакого внимания на то, как Акинобу и Натабура преспокойно взлетели над кипящими чанами и вместе с раскаленными добела цепями и прикованными к ним чугунными шарами величиной с бычьей головой и растворились в голубых-голубых небесах.

Так счастливо закончил этот праздник, не успев начаться.

Глава 5

Миссия капитана Го-Данго

Если бы еще год назад кто-нибудь сказал капитану Го-Данго, что он сменит катана на крестьянскую мотыгу, он вбил бы этого человека по пояс в землю и был бы по-своему прав, ибо испытывал бесконечное смущение, порожденное множеством проблем. И главная из них – ему приходилось ходить, дышать и, вообще, жить согнутым, а это не способствовало укреплению духа самурая. Да и жизнь без привычного движения в седле приводила его в уныние, хотя и в таком существовании были свои плюсы: он научился думать. До этого он не замечал в себе подобных талантов, и это единственное маленькое открытие чуть-чуть да грело душу капитана, да еще, пожалуй, крохотный огонек свечи, отбрасывающий на мрачные стены подземелья еще более мрачные тени.

Участник двух сражений: под Фудоки, в ущелье Хитами-ти, и под Цуяма, он попал не в ближайшие и не в дальние провинции, где всюду рыскали отряды арабуру, а в столицу Мира, казалось бы, в пасть врагу. Но в этом поступке был тонкий расчет, – где лучше всего спрятаться? Естественно, под носом у охотника.

Впрочем, выбора у него не было – три стрелы в теле и ре-

заная рана поперек груди от огненного катана заставили его спасителей искать столичных врачей. В общем, как бы там ни было, он очнулся только через десять дней. Рядом сидел человек, поклевывая носом, догорала свеча, и было так трудно дышать, словно на грудь одновременно взгромоздились три слона и топтались вовсю.

Человек встрепенулся и привычным движением поднес к губам капитана тряпицу, смоченную водой.

– Кто ты? – с трудом спросил капитан Го-Данго.

– Слава Будде! – несказанно обрадовался человек. – Заговорили!

– Ах... да... – прошептал капитан и стал что-то припоминать: долгую тряску на повозке, которая превратилась в пытку, и заботливые руки оруженосца. – Гэндзабуро...

– Да, мой господин, это я, – наклонился человек.

От него пахло, как от мертвеца – то ли гнилыми зубами, то ли пустым желудком. Но капитан Го-Данго так устал, что ему были безразличны запахи. Его почему-то больше всего волновала петушиная нога, подвешенная под потолком на веревке, обросшей жирными хлопьями пыли. Петушиная нога казалась ему самым жутким предметом в комнате. Много ночей она преследовала его в кошмарах. Он боролся с ней, убегал от нее, а она нагоняла его и душила, душила. Теперь же она показалась ему самым безобидным предметом, и капитану стало легче. Но он еще, нет-нет, да и поглядывал на нее с подозрением, боясь, что она оживет.

– Ну ты и постарел... – косясь на петушиную ногу, заметил капитан Го-Данго, – постарел... – и провалился от бессилия в спасительный сон.

Он помнил Гэндзабуро почти мальчишкой, которого подобрал в какой-то далекой северной деревне, где властвовали голод и холод, и сделал его асигару¹³⁸. А угадав в нем черты преданности, приблизил к себе в качестве оруженосца. И из мальчишки получился воин. Теперь же рядом сидел человек с маленьким сморщенным лицом старика.

В следующий раз капитан очнулся уже от утренней свежести. Он лежал под навесом, укрытый по самый нос толстым пуховым одеялом, и все равно мерз, хотя лето еще даже не было на исходе. Ледяные струйки воздуха проникали под одеяло и, как шила, вонзались в тело. Капитан Го-Данго застонал. Рядом тотчас возник Гэндзабуро, заботливо подоткнул одеяло и взбил подушку. Какой я слабый, подумал Го-Данго, с любопытством рассматривая собственную руку и не узнавая ее. Рука больше подходила мертвецу, чем живому человеку – жилистая и сухая, она была словно обтянута пергаментом, а не кожей. В тот момент, когда Гэндзабуро приподнял его, капитан кинул взгляд вдаль, увидел сверху далекую синюю реку, холмы, купы деревьев и город. Это было место, которое называлось Слиянием. Две реки – Ёда и Окигаву – сливались, образуя новую – Каная, которая, вырываясь на равнину, петляла до горизонта и дальше – до самого мо-

---

¹³⁸ Асигару – воин низшего ранга.

ря, за которым не было земли, потому что никто не знал, как далеко оно простирается. Правый берег в месте слияния был высоким и обрывистым, здесь издревле монахи рыли пещеры и селились в них. Теперь монахов нет, подумал Го-Данго и незаметно для себя уснул.

Через день он начал вставать, а через пять-шесть уже самостоятельно выходил подышать до жары свежим утренним воздухом и полюбоваться на синий простор, открывающийся со Слияния.

Тихо и незаметно приходил врач. Бормотал что-то о слабой груди, и Гэндзабуро поил капитана козьим молоком с медом и цветочной пылью.

– Мяса бы, да нет... – сетовал Гэндзабуро.

– Сам... сам отведай! – приказывал ему капитан, стискивая зубы и отводя руку с молоком. – А то смотреть страшно.

Маленькое морщинистое лицо Гэндзабуро наводило тоску. Неужели и я такой же? – думал Го-Данго.

– Да мы как-нибудь проживем... – бормотал, отворачиваясь, Гэндзабуро – Мы привычны. А вот вы...

И все-таки капитан заставлял его выпить глоток-другой лечебной смеси. Ну и хорошо, удовлетворенно думал он, засыпая, ну и отлично. К давнему шраму через всю правую половину лица и к двухгодичному шраму на спине, полученному в бою с Богом Яма, добавился третий наискосок груди, похожий на веревку вишневого цвета, и три помельче, но глубокие – от стрел: на шее, на плече и на колене. Иному

смертному хватило бы малой толики от этих ранений, чтобы уйти в область за Луной. Один лишь капитан Го-Данго был способен выдержать столько напастей в полной мере и не умереть. Он и не умер, но чах и постепенно из бойца превращался в тень, только в очень большую, он и эта тень с каждым днем все уменьшалась и уменьшалась. Силы покидали его. Гэндзабуро ничего не мог поделать, только жалостливо качал головой.

Весть о том, что в брошенном монастыре поселился капитан Го-Данго, как-то сама собой разнеслась по округе, и к капитану потянулись люди. Они сидели на земле со своими котомками, не смея войти, и Гэндзабуро гонял их бамбуковой палкой:

– Господин сегодня болен, – обычно ворчал он. – Приходите через три дня.

Ему никто не смел перечить, однако никто и не думал уходить, люди лишь пересаживались на новое место, подальше от ворчуна, таща за собой котомки. С рассветом они в преддверии появления иканобори скрывались в кустах, в которых вились тропинки, а на следующую ночь появлялись снова, и все повторялось с точностью движения светила: бамбуковая палка, бурчание Гэндзабуро и котомки. В котомках оказывалось немного еды и лекарства: барсучий и медвежий жир, растирки на змеином яде, травяные настойки, корни и лечебные порошки.

– Что там у тебя сегодня? – спросил капитан Го-Данго,

уловив запах мяса.

– Крысу принесли, – нехотя ответил Гэндзабуро.

– Давай хоть крысу, – согласился капитан.

– Да они ее всю сами обглодали. Остались одни лапки.

– Давай лапки, люди все же старались.

Капитан с жадностью все проглотил, разобрал, что съел кусочек горелой шерсти, немного костей, сухожилий и когти.

– И на этом спасибо, – пробормотал он.

Организм требовал мяса, его нельзя было ничем заменить. Ночью, покашливая, капитан вышел наружу. Его уже ждали, но не друзья и не товарищи по оружию. Внезапно разлился неяркий свет, и тот, кого он, прикрывшись рукой, увидел, привел его в трепет: перед ним стоял грозный Старец. Го-Данго не был с ним знаком, но сразу узнал. Это был один из Трех Старцев, живущих в горах Ямидзо, в монастыре Проклятых самураев, далеко на севере.

– Встань! Встань! – тихо, но властно велел Старец. – И слушай меня. К тебе будут приходить самураи. Твоя задача формировать из них отряды и ждать приказа.

– Слушаюсь, сэйса! – вымолвил капитан Го-Данго, цепенея.

– Отряды будешь размещать в окрестных городках под видом крестьян и торговцев. Для связи я дам тебе голубей.

– Я не смею ослушаться, – ответил капитан, – да немощен и не набираюсь сил. Помру, должно быть.

– Это дело поправимое, – сказал Старец и положил сухую прохладную руку на горячий лоб Го-Данго.

Капитану Го-Данго сделалось очень и очень хорошо, и он проснулся. В ушах все еще стоял голос великого Старца. От неожиданности Го-Данго подскочил, словно его ужалила пчела, и выбежал из пещеры, ни разу при этом не задев, как обычно, головой потолок и петушиную лапку. Да и бежал он, как пятнадцатилетний пострел, только не замечал этого.

Снаружи было темно, хоть глаза выколи, но меж знакомых очертаний тополей и кустов маячила чья-то голова. Он понял, что ему все приснилось, что не было ни Старца, ни его прохладной руки, только почему-то лоб до сих пор хранил память о прикосновении и уже ничего уже не болело.

– Я выздоровел, больше ничего не приносите, – расстроено сказал капитан в ночь неизвестно кому.

– Да разве мы смеем... – выступил из темноты человек. Выглянула луна, и капитан в нем узнал старого сослуживца Икэда Сёэмон.

– Ты здесь, Икэда?

– Да, таратиси кими. А еще Кога Сабуро, Гэнго и все наши.

– А больше никого не было?

– Нет, сэйса. Разве этого мало?

– А старика? Старика не было?! – Го-Данго подался вперед, жадно слушая ответ.

– Нет, старика не было... – недоуменно оглянулся в тем-

ноту Икэда: – Гэнго, ты никого не видел?

– Нет, – в отдалении замаячила белая фигура, неосторожно бряцнув оружием. – Никого не было. Мы свое дело знаем.

– А... ну да, – хлопнул себя по лбу Го-Данго, – как я не догадался! Это я спросонья. Приснится же!

Ему почти удалось скрыть свой конфуз. А я уже было обрадовался, что кому-то нужен, подумал он с тяжестью на сердце. Оказывается, никому не нужен. Бедный, бедный капитан, тебе предстоит прожить больным и сирым остаток дней в горьком одиночестве, и даже собратья по оружию не способны вдохновить меня.

– Мы здесь кое-что принесли... – раздался голос Икэда в тот момент, когда капитан Го-Данго повернулся в сторону пещеры, чтобы оплакать свою печаль.

– Да, да, отдайте Гэндзабуро и не приходите больше.

– Мы придем, таратиси кими. Мы обязательно придем.

– Не приходите, я прошу.

– Нет, нет, мы обязательно придем!

– Ну как хотите... – махнул рукой капитан привычно наклоняясь, чтобы не удариться лбом о перекладину.

Он не заметил, как легко, наклонился, втискиваясь в узкий округлый туннель. Он не заметил, что дышится ему легче обычного и что свежий шрам поперек груди не сковывает движения – словно его и не было. Он не заметил еще многого, например, что руки у него не болят, а шею, в которую попала одна из трех стрел, он держит прямо и гордо. Но разве

ему было до мелочей? Ничего не заметил капитан Го-Данго, потому что был сильно расстроен. И вдруг поймал себя на старой привычке. Обычно он придерживал правую ногу, потому что раненое колено отчаянно болело, когда он спускался на пару ступенек ниже перед кельей, в которой жил. А здесь колено даже не подвело – не откликнулось знакомой болью. Он отдернул руку. Неужели что-то было? – осторожно подумал он, боясь ошибиться. Или мне приснилось, или просто колено не болит. Он задышал глубоко и часто, словно пробежал два или три ри¹³⁹. Боже, как я этого долго ждал! Так бывает только в сказках – в самых лучших сказках, когда в самый последний момент приходит избавление от всех напастей.

– Господин, господин! – раздался взволнованный голос Гэндзабуро. – Смотрите, что здесь!

Капитан Го-Данго поспешил заглянуть в келью. У его постели стояли не меньше шести садков для птиц.

– Что там? – спросил капитан, боясь поверить в невозможное.

– Голуби. И много!

– Эйя! – только и произнес капитан Го-Данго и от нахлынувших чувств растерянно сел на постель. – Голуби!

Даже если у тебя иссякла надежда – у тебя есть еще жизнь, которая не кончилась! И все это вкуче придает ей какой-то смысл, который не дано понять. Может быть, она заключает-

---

¹³⁹ Ри – 3,9 км.

ся в Богах, которым ты поклоняешься? А может, в женщинах, которых ты любил и любишь? Никто не знает. И никому не дано знать! Все-таки гордость выиграла в нем в последнюю кокой. Он даже выпрямился, расправил широкие плечи и снова превратился в гиганта с рыжими непокорными волосами.

– Да! Голуби! – воскликнул Гэндзабуро, радуясь тому обстоятельству, что радуется капитан.

– Значит, мне ничего не приснилось?!

Бедный, бедный Гэндзабуро, подумал он. Ты предан мне, как верный пес.

– Нет, господин, я его тоже видел, – поклонился Гэндзабуро.

Его старческое лицо посерело от усилия. Помрет скоро, почему-то подумал капитан Го-Данго.

– Кого? – решил еще раз проверить самого себя он.

– Старца! Только он мне запретил говорить, пока вы сами не спросите, – поклонился он еще ниже, боясь, что капитан рассердится.

– Ну вот я спросил, а ты ответил. Значит, жизнь продолжается, и мы кому-то нужны.

– Конечно, нужны! Я сразу все понял, – оживился Гэндзабуро, на глазах у него навернулись слезы.

– Что ты понял, друг мой?! – воскликнул капитан и обнял Гэндзабуро.

– Я понял, что вы выздоровели и мы займемся делом, как

прежде!

– Ты угадал, Гэндзабуро! Накорми голубей и следи за ними, как за мной! Даже лучше!

– Я все сделаю, мой господин! – Гэндзабуро сложил ладони. – В деревне я разводил дутышей.

– Отлично! И готовься, готовься, готовься!

– К чему, сэйса? – преданно посмотрел на него Гэндзабуро, вытирая рукавом слезы.

– Сам не знаю, но готовься!

Через день к нему пришел Абэ-но Сэймэй и принес подробное письмо, что делать и как: сколько нужно создать отрядов, где их разместить, систему связи и паролей, а также перечень неотложных дел, и первым из них значилось – завести дружбу с иканобори, которые обитали в таинственном лесу Руйдзю карин. Об этих иканобори ничего не было известно, кроме того, что они трехпалые, а не пятипалые, как иканобори арабуру.

Капитан Го-Данго перечитывал письмо до тех пор, пока не выучил наизусть, после этого сжег в пламени очага, а золу смешал с углями. Он еще долго смотрел на огонь, думая и о прекрасной рыжеволосой госпоже Тамуэ-сан, которую оставил на озере Хиейн, и о маленьком сыне – Каймоне, которого очень и очень любил, и о Натабуре, и об учителе Акинобу, на которых у него были большие надежды. Пока болел, ни о ком не думал, а теперь стал думать. С этого дня он почувствовал, что окончательно выздоровел. Он понял: важно не с кем ты

живешь, а без кого не можешь прожить. Он не мог прожить без Тамуэ-сан, сына, друзей и без родины, которую во что бы то ни стало надо было спасти – причем, любой ценой.

Абэ-но Сэймэй отвечал за тайные операции, и капитан Го-Данго не вмешивался в его дела. Никто не знает, кого из них Три Старца наделили большими полномочиями. Подобные детали канули в Лету. Известно лишь, что эти два великих человека сотрудничали во имя блага родины и власть они не делили, ибо нет ничего достойнее, чем спасение родины. Да и задачи их были разными. Если капитану Го-Данго до поры до времени отводилась роль организатора, то Абэ-но Сэймэй орудовал в провинциях, не только добывая информацию, но занимаясь и делами черного толка. Недаром по окрестным селениям ходила молва о невидимке из Ига. Его также называли тенью дракона Аху, потому что тень его была с крыльями. И никто не знал причину этого явления – даже сам Абэ-но Сэймэй. Конечно, одно это говорило о двойственности природы Абэ-но Сэймэй. «Хорошо, что он на нашей стороне», – обычно сами себе напоминали Три Старца, не договаривая. Но с другой стороны, тень с крыльями не могла не вызывать у них беспокойство, и только правильность поступков Абэ-но Сэймэй убеждало Трех Старцев в его лояльности, которую они периодически тайно проверяли.

С капитаном Го-Данго все было проще. Капитан был честным солдафоном, неподкупным и правдивым. Он ничего не ценил превыше родины. Таких людей любят, за такими идут

в бой.

Стоит ли напоминать, что в свое время капитан Го-Данго имел чин сёки¹⁴⁰ и под его началом находилась пятая бригада тяжелой кавалерии в полторы тысячи человек. Когда же его господина субэоса Камаудзи Айдзу обвинили в измене и убили по приказу регента Ходзё Дога, сёки Го-Данго был помилован и разжалован до капитана с тем, чтобы отправиться на север воевать с непокорными эбису. Это не только спасло ему жизнь, но и позволило через два года поквитаться с регентом за своего господина Камаудзи Айдзу. Надо отметить, что во времена регенства Ходзё Дога никто никого не жалел. Впрочем, удивительная история с сёки Го-Данго была не такой уж удивительной: жизнь также по какой-то странной прихоти была сохранена и его другу – Гёки. Однако капитан Го-Данго не видел его два года и считал погибшим.

Каково же было его удивление, когда однажды перед ним предстал Гёки. Изможденный и сухой, как щепка, обросший, с бородой, но веселый и, как всегда, непосредственный.

Капитан Го-Данго расчищал террасу от сухих побегов и не сразу понял, что за ним наблюдают. Он выпрямился, и, смахивая пота со лба, произнес:

– Когда я тебя увижу в следующий раз, ты будешь совсем белым.

И они обнялись.

– Тихо, тихо... – попросил Гёки, утонув в медвежьих объ-

---

¹⁴⁰ Сёки – младший бригадир.

ятьях друга. – Мне сломанные кости совсем ни к чему.

Капитан Го-Данго с облегчением засмеялся, отстранился, посмотрел на друга и признался:

– А ведь думал, что тебя нет в живых.

– А думал, что тебя.

– Нас всегда сводит общее дело, – хитро прищурился капитан, и его поврежденное веко на правой стороне лица уже не выглядело таким уродливым.

– Конечно, дело, – согласился Гёки. – Но лучше здесь не торчать, – он оглянулся, заметив под деревьями пару лучников выше на склоне, там, где в густых зарослях кустарника виднелись входы в пещеры.

Днем все прятались из-за иканобори, а ополченцы приходили только ночью, потому что ночам иканобори не летали.

– Это наши, – сказал капитан Го-Данго. – Охраняют. А вон и Гэндзабуро бежит. Помнишь Гэндзабуро?

* * *

Когда та часть пола, где спали Язаки и Ваноути, опустилась даже не в глубокий мрачный подвал, а туда, ниже, где под древней харчевне «Хэйан-кё» ветвился бесконечный лабиринт Драконов, ни Язаки, ни Ваноути не проснулись. Спяну они уже видели, по крайней мере, второй сон, ибо у пьяниц никогда не бывает третьего сна, какой бы долгой ночь ни была.

Из темноты появился Майяпан. Только во сне Натабуры он назвался Мёо – светлым царем Буцу. А на самом он был старшим чертом Ушмаля и не подчинялся никому, кроме него – даже арабуру, а действовал сам по себе, исследуя новый мир исключительно для Ушмаля. Кто такой Ушмаль – было самой большой тайной. Никто не знал его природу. Он светился в темноте, словно облепленный стаей светлячков. И люди его – кецали – тоже светились, но все они без исключения старались действовать руками чертей и арабуру. Единственные из пришельцев, кто не подчинялся воле кецалей, а действовал по собственному разумению – песиголовцы, были черной стороной мира Ушмаля. Их еще называли ойбара.

Майяпан замахнулся огромным ножом. Свет факела отбросил на стену зловещую тень. Мгновение отделяло Язаки и Ваноути от верной гибели. Но они не ведали этого. Быстрая и легкая смерть ожидала их. Ваноути снилось, что он нашел свою старую жену, Язаки – что толстый и рыжий харчевник дразнит его издалека кувшином со светлым пахучим пивом. А как известно, после каждого достаточно приличного возлияния требуется поправить здоровье.

– Дай! Дай! – тянулся к пиву Язаки, не в силах сделать и шага, но хитрый и подлый харчевник отдалялся и отдалялся и хихикал, хихикал, словно болотная выпь.

Язаки не оставалось ничего другого, как безумно страдать. Он и застонал да еще в довершении ко всему повернулся на бок.

Ужасная картина открылась Майяпану – светящаяся, как головешка, левая рука Язаки. Она светила так ярко, что от нее на стену и арочный потолок пал отблеск.

Уж насколько, казалось бы, черти не потеют, а Майяпан вспотел. Вспотели даже его изящно закрученные рожки, которых еще ни разу не коснулась ни одна пила, и Майяпан был горд этим обстоятельством. Он отдернул руку с огромным ножом и облегченно вздохнул. Только что он избежал самого большего греха в жизни – едва не поднял руку на хозяина.

– Ты чего? – удивился рыжий харчевник. – Я ж его знаю. Самый последний гад в этом мире, – он кивнул куда-то вбок, куда убегал лабиринт Драконов, что, должно быть, означало всю эту гадскую, низкую страну, в которую их затащили силком. Пропади все пропадом, думал он, как обычно, и как накаркал.

– Ну и что? – потерял к убийству всякий интерес Майяпан.

Он был очень умным и принялся размышлять, что есть случайность, а что закономерность, и далеко ли от каждой их них до падения, которое он едва не совершил. Но рыжий харчевник никак не хотел успокаиваться.

– Он у меня столько пива вылакал с рыбой!

– Не обеднеешь! – Майяпан отступил и с величайшим почтением взирал на Язаки и Ваноути, которые посапывали, как младенцы.

Я едва не убил кецаля, думал Майяпан, какой я дурак!

Все, пора на покой, старым стал, потерял сноровку. Но об этом никто не должен знать, иначе меня ждет отставка и я больше не буду старшим чертом. А это значит, что я наравне со всеми должен буду ходить в город. От этой мысли он вспотел еще больше.

– Ты чего! Ты с ума сошел! – все понял рыжий харчевник. – Это же обычные аборигены.

– Это ты обыкновенный черт! А это кецали! Видишь руку?

Тут он заметил на боку у Язаки мшаго, что еще больше укрепило его во мнении, что если это не кецаль, то, по крайней мере, очень близкий к ним человек. Может, промеж них еще кто-нибудь светящийся существует? – с почтением думал он.

– Ну и что?! – спросил рыжий харчевник, на всякий случай пристально взглянув на светящуюся руку Язаки.

У харчевника тоже ни разу не отпиливали рожки, и поэтому он считал себя почти равным Майяпану. К тому же рожки у него были почти что такого же черного цвета, как у его начальника, но чуть-чуть другого оттенка и со светлыми, как он считал, благородными полосками. Правда, во имя моды харчевнику приходилось их закрашивать краской от осьминогов. Но зато он мечтал: «Вот когда у меня будут темные рога, я им всем покажу!» Но годы шли, а его никак не назначали выше Майяпана, и харчевник считал, что его не ценят по заслугам.

– А то, что о них надо сообщить куда следует.

– Я бы вначале убил, а потом сообщал. Дай нож!

– Армагеддон! – выругался Майяпан. – Это ты сделаешь, когда займешь мое место. А пока ты должен повиноваться мне!

– Почему это?! – оторопело воскликнул рыжий харчевник, хватая от волнения ртом воздух, как рыба на берегу.

– Ты всего-навсего изготовитель еды. Сходи на кухню и принеси господам кецалям пива.

– Чуть что – беги помогай, а не понравилось – иди на кухню, – ворчал рыжий харчевник, взбираясь по крутой лестнице.

И тут у него в голове, как и у всех завистливых людей, созрел коварный план. А что если донести самому Ушмалю о том, что Майяпан вступил в сговор с аборигенами. Начнут разбираться, то да сё. Время уйдет. Глядишь, что-то и выгорит. В мутной воде, как известно, рыбка ловится.

С этими мыслями рыжий харчевник отправился на кухню, чтобы написать донос. Но так как он не умел писать доносы, то провозился до утра. С грехом пополам он справился к рассвету и принялся раздувать огонь в курительницах и в треугольном очаге. За этим занятием и застал его Натабура. Дальше уже все известно: харчевня «Хэйан-кё» принялась прыгать по лесу, а Натабура – ее ловить. В конце концов харчевня оступилась и канула в черную выворотню вместе с рыжим, толстым харчевником. Так столица Мира лишилась

своей достопримечательности, из которой редко кто возвращался, а кецали – места, где можно было спокойно отдохнуть. Никто, кроме них, не мог построить такую харчевню, которая снаружи выглядела, как хлипкий домик, а внутри имела три яруса, веранду, и время в ней текло совсем не так, как снаружи.

Между тем, Майяпана терпеливо ждал, когда проснутся господа аборигены. Он уже и сам поспал, и размял кости, прогуливаясь по бесконечному лабиринту Драконов, не смея притронуться к двум огромным кувшинам с пахучим пивом, он уже два раза зажигал новые факелы, дабы сторожить сон господ, а Язаки и Ванути все не просыпались и, знай себе, постанывали и ворочались в постели, как два слепых щенка. Наконец, Язаки открыл заплывшие глаза, заметил его и потребовал:

– Воды... воды...

С величайшим почтением Майяпана налил в чашку пива и с таким же почтением протянул Язаки, который взхлебнул в себя ее содержимое, даже не разобрав, что пьет. Правда, он немного почмокал губами, удивился и хрипло спросил:

– А ты кто такой?

– Я ваш слуга.

– Слуга? – еще больше удивился Язаки и тут заметил Ванути: – Эй, дед, вставай!

Майяпан уже давно догадывался, что старик – это слуга

господина, только он никогда не видел, чтобы господин и слуга спали в одной постели. Конечно, это дело господское, рассуждал он, но должны же быть рамки приличия.

Несмотря на стопятилетний возраст, обоняние у Ванути оказалось даже лучше, чем у Язаки. Он безошибочно потянулся к пиву, и они с Язаки выпили кряду по пять чашек, которые едва успевал наполнять Майяпан, перевели дух и окончательно взбодрились.

– Хороша жизнь! – сказал Ванути, потягиваясь.

– Ну и где мы? – спросил Язаки, беря кувшин за влажное горлышко и совершенно не узнавая места, где они легли спать.

Майяпана от волнения стал заикаться. Мол, так получилось не по его вине, что харчевня снялась с места и ушла гулять, что она так всегда делает и что от этого и появилась страшная легенда о пропавших людях.

– Как это? – вытаращил глаза Ванути, проливая пиво себе на живот.

Долгие года он жил в деревне и забыл о таинственной харчевне.

– Так бывает, – повторил Майяпан, глядя мимо Ванути, потому что он тоже был слугой, как и Майяпан, а значит, с ним не стоило разговаривать, как с господином.

– Почему она теперь не вернется? – в свою очередь спросил Язаки.

– А черт его знает, – пожал плечами Майяпана и тут же

тактично поправился: – Бывает, возвращается на прежнее место. Но чаще – нет. Возникает в людном месте, и снова в нее можно заходить.

– Ты вот, что, – не очень задумываясь об услышанном, стал командовать Язаки, – нам в город нужно. Как пройти-то?

– Да здесь недалеко, за третьим поворотом направо, и мы во дворце.

– Каком дворце? – беспечно спросил Язаки, опорожня кувшин и с вождением поглядывая на другой, который крепко держал в своих паучьих ручках Ваноути, периодически, как пиявка, присасываясь к нему.

– Этот... как его... Оль-Тахинэ...

Таким образом, Майяпан хотел выказать пренебрежение к арабуру и лишний раз показать, что он всей душой и телом принадлежит к клану Ушмаля, а арабуру для него всего лишь туземцами из неведомо какой страны.

– Вот как? – машинально произнес Язаки. – Дай! Дай! – он решительно отобрал кувшин у Ваноути, одним махом опорожнил его, подумал и сказал, осоловело икая: – Ну веди... куда там двигаться-то?

Ваноути жалобно шмыгнул носом, проводил тоскливыми глазами пустой кувшин, который откатился в угол, и они отправились в путь. Майяпан шел впереди, почтительно оглядываясь и освещая путь, и предупреждал:

– Здесь яма, а здесь канава. – И добавил непонятное и

страшное слово: – Армагеддон!

И тут только Язаки, хотя и опьянел от пива, сообразил, что они идут прямо в пасть арабуру, ведь во дворце Оль-Тахинэ жил новый император.

– Стой! – приказал он.

Майяпан замер с поднятой ногой, а Ваноути налетел спьяну на Язаки и наступил ему на любимую мозоль. Язаки скривился и спросил:

– А где здесь можно еще выпить, но так, чтобы нас не видели дворцовые?

– Есть у меня одно место рядом с Поднебесной, – понимающе улыбнулся Майяпан.

Уж он-то знал привычки кецалей. Им не были чужды простые земные радости. Конечно, сам Майяпан давно отошел от обычных дел и в город не ходил, не только в Чальчуапа, но во всех других городах, куда его забрасывала судьба вместе с Ушмалем и кецалями – надобности не было. Он был старшим чертом и ходил с донесениями лишь наверх. Поэтому-то он и не спиливал модные черные рожки. На самом деле, они были не такими уж черными, но хитрый Майяпан пользовался заморскими красками, которые не смывались по две-три луны, и в этом отношении чувствовал себя уверенно.

– Знаешь, что, – решил схитрить Язаки, – ты нам покажи, куда идти, и отправляйся по своим делам, а мы потом с дедом придем.

– Я бы рад, мой господин, – с почтением ответил Майяпан, – да разве можно оставить вас в чужом городе?

– Почему в чужом?! – завопил пьяный Ваноути. – В какой чужом?

Язаки уже кое-что стал соображать. С чего бы это Майяпан, который очень и очень смахивал на черта, которые в свою очередь никогда не водились в Нихон, стал ему с Ваноути так угождать. Вначале Язаки подумал, что черт их боится. Но потом понял, что это просто смешно, что причина в чем-то другом. Последние несколько кокой он безрезультатно ломал над этим голову и не мог найти никаких понятных объяснений. И вдруг Ваноути все испортил своими выяснениями – чужой он или не чужой. Да какая, собственно, разница?! Нет, ему надо было выяснить отношения, как самому задиристому петуху.

– Заткнись! – потребовал он от Ваноути. – Ты пьян!

– Я не пьян! Пусть он вначале объяснит, почему чужой?! Я здесь полжизни прожил! Меня здесь каждая собака знает! Куриное дерьмо!

– Если господин пожелает, я могу утихомирить вашего слугу. Армагеддон! – бесстрастным тоном предложил Майяпан, уловив смутное желание Язаки.

– Какого слугу? – взвизгнул Ваноути, но, взглянув на лицо Язаки, осекся.

Почернел Язаки. Стал похожим на черную сосну – гёдзя, из глаз разве только икры не сыпались. Вот каким был в

тот момент Язаки, который всю жизнь слыл добродушным и веселым. Наконец в голове стопятилетнего Ванути что-то щелкнуло, сработало в нужном направлении, и он, надув щеки, замолчал на полуслове.

– Ну что, дед, угомонился? – спросил Майяпан, который так ничего и не сообразил, даже не насторожился, списав поведение Ванути на его возраст и пьянство. К тому же, кто еще может быть в услужении у кецаля? Конечно, и абориген в том числе. Это не возбранялось, а даже приветствовалось Ушмалем как признак улучшения отношения с местным населением. Только вот староват Ванути для слуги, но это дело вкуса, подумал Майяпан. Какое мне дело до господских дел?

– Мы ему больше не нальем, – хихикнул Язаки, разряжая обстановку.

– Точно, господин, – согласился Майяпан. – Не нальем. Слышал, дед?

Ванути хотел было еще раз возмутиться и даже по-черному выругаться и упомянуть куриное дерьмо, но на всякий случай промолчал. Не понял он еще всего, не сообразил, но почувствовал, что обстановка не располагает, и счел за благо проглотить обиду. Годы научили его, что бывают такие моменты в жизни, когда надо промолчать, он и промолчал.

Так они и добрались до «Хака» – притона, который находился в самом центре квартала каменотесов, в недостроенном склепе. Хозяева притона не знали, что под их ногами

находится тайный лаз. Каково же было их удивление, когда плиты под их ногами раздвинулись, а из мрачного подземелья, откуда пахнуло настоящей могилой, появились три приведения, да еще и с ярким, как солнце, факелом. Ужас обуял завсегдатаев «Хака», и они вместе с хозяевами с криками:

– Симатта! Симатта! – бросились вон, падая и застревая в узком выходе.

А так как они бежали очень и очень быстро, то, конечно, поразивали различные благородные и неблагородные напитки.

У всех троих сразу зачесались носы. Майяпан, который давно крепился и даже совсем недавно дал себе очередной сто двадцать пятый зарок не пить, и тот не удержался – уж слишком соблазнительные запахи наполнили низкое, мрачное помещение с закопченными стенами. Умопомрачительно пахло свежим пивом, сакэ, заморским вином дикарей и самой разнообразной закуской, начиная от пахучих соусов из острого перца, вареных раков и заканчивая ребрышками со шкварками и маринованными в уксусе лягушками. Ванути заревел от восторга. Язаки, разумеется, выдержал марку в предвкушении насыщения и всего лишь один раз подпрыгнул от избытка чувств. А вот Майяпан удивил всех, даже самого себя: он схватил с ближайшего стола огромную бутылку с заморским вином и одним махом опорожнил ее.

После этого всем стало весело. Ванути все пытался потрогать остренькие рожки Майяпана, которые прятались в

густых курчавых волосах, а Майяпан сдержанно, но гордо воротил морду в сторону и ругался непонятным словом: «Армагеддон!», от которого Язаки почему-то становилось страшно. Язаки же все выпрашивал и выпрашивал, правда, весьма осторожно. Чем занимается старший черт, какие у него обязанности, и кое-что по ходу. Он давно сообразил, что Майяпан принимает его за кого-то другого, даже не за арабуру, а за гораздо более важного господина. Спросить напрямую означало выдать себя с головой. Спросить окольным путем тоже не получалось. И хотя на поясе у Язаки висел самый что ни на есть настоящий огненный катана, он чувствовал себя неуверенно, но не подавал вида. Хитрым был Язаки. Под влиянием этого чувства он даже в какой-то момент перестал пить и обнаружил удивительную вещь: оказалось, что наблюдать за пьяными приятелями весьма и весьма интересно. После трех кувшинов не очень хорошего сакэ Ваноути стал убеждать Майяпана быть проще и вообще не валять дурака. Вначале Майяпан сторонился и даже отвечал нагло, в смысле, что гусь свинье не товарищ, и так далее, но и он в конце концов сдался под натиском крепких напитков. Особенно Майяпану нравилось дорогие заморские вина. Были они похлеще сакэ, и Майяпана с восторгом думал: «Живут же люди!» Ему еще ни разу не приходилось бывать в Европе, и он завидовал ее обитателям. Он разделся по пояс, потому что стало жарко, и все увидели с кем имеют дело. Сложен Майяпан был по-богатырски. Огромные руки и ши-

рокие плечи с горой тугих мускулов любого могли заставить уважать Майяпана. Но только не Ваноути. Он лез обниматься, и они даже троекратно облобызались и поклялись в вечной дружбе.

Язаки не участвовал в их братании, а переваривал то, что услышал от старшего черта Майяпана.

Оказалось, что арабуру прилетели на воздушных лодках. Правда, Майяпана называл их как-то по-другому, но Язаки перевел именно так – воздушные лодки, парусники, а точнее – летающие джонки. Ну да, как еще можно было назвать то, что летает? Летающая джонка! Никак иначе. Язаки даже самому понравилось, однако он не подал вида, что ему такое название в диковинку, и правильно сделал. Зато Майяпан проболтался о планах завоевания Нихон. Спрашивал у Язаки, когда же прибудет следующая партия арабуру – уж очень хочется домой. О доме самого Майяпана Язаки побоялся спрашивать, чтобы не попасть впросак, зато совершенно случайно разузнал о планах по переселению. Оказывается, черти разведывали обстановку и помогали арабуру заселять страну. Фиг вам всем, подумал Язаки. Как же, заселили! Этими, голопузыми! А еще понял Язаки, что черти эти у самых кецалей что-то вроде ниндзюцу для разведки. Сплошь черные нелюди. Если бы Язаки еще знал о существовании песиголовцев, он бы вообще пришел к выводу, что на его бедную страну обрушились все мыслимые и немыслимые беды. Но о существовании песиголовцев он даже не догады-

вался и не имел понятия, что очень скоро столкнется с одним из них.

Пока он обдумывал все услышанное, Майяпан, как ни странно, успел напиться. Дед Ваноути не напился, а этот напился. Стал размахивать руками, буйствовать, кричать, что он самый старший и самый грозный черт. Пару раз случайно задел Ваноути так, что тот волчком отлетал в ближайший угол, но возвращался и с восхищенным обожанием глядел на Майяпана.

– Ова! Ова! – твердил он, и они снова пили.

Наконец старший черт Майяпан выкрикнул страшное слово:

– Армагеддон! – опрокинулся на спину и захрапел.

Ваноути возгордился:

– Слабы они против нас! Слабы – пить не умеют!

– А ты умеешь? – насмешливо спросил Язаки, который к этому времени уже окончательно протрезвел и прикидывал, как бы им побыстрее отсюда убраться. Плохое было место. Ненадежное. Как меня сюда занесло? – с удивлением подумал он, рассматривая закопченные стены. Каким боком? Ничего не помню. Пить надо чаще! Ведь мы куда шли? Мы тихо и спокойно шли к капитану Го-Данго. Значит, нам надо на Слияние. Так какого черта, спрашивается?!

– Я умею! – выпятил сухонькую грудь Ваноути и полез выяснять, что случилось с его другом, а потом как завопит:

– Он мертв! Кто-то украл его дыхание!

– Иди ты! – только и успел выказать свое мнение Язаки.

За этим занятие и застали их возмущенные обитатели квартала каменотесов. Вначале они очень испугались и бежали, не разбирая дороги, до границы квартала. Там они долго приходили в себя, вытирая пот, и все поглядывали, нет ли погони.

– Вот куриное дерьмо! – говорили они.

– Я одного видел. Огромного, как императорский дворец, – рассказывал кто-то.

– А я другого, с жалом вместо языка, – вторил еще кто-то.

– Нет, жала у него не было, у него был волшебный катана, – возражал третий.

– Да, да! Факел, факел! И нагината!

– А еще...

– Тихо! – повысил голос самый главный содержатель притона, заросший, как медведь, и не стриженный много лет. – На разведку надо идти...

– Вот ты и иди! – посоветовали ему, сплевывая от нахальства. – Твой притон, ты и иди!

– Я-то пойду, – смело ответил хозяин притона «Уда», что значит «прекрасный». – Я-то пойду, но ведь и вы потом захотите опохмелиться?

– Это верно, – подумав, согласился за всех самый умный завсегдагай. – Мы как-то не подумали. Извини. Говори, что делать? Оро?!

– Подкрадемся и кинемся все разом, – хозяин харчевни

показал, как это надо сделать.

Поверили, но все еще сомневались:

– А если они кого из нас зашибут? Вон у них какой здоровяк!

– Ты что, хонки боишься? – устыдили его.

– Да нет, не боюсь, но остерегаюсь. Хонки, они ведь разные бывают.

– Хонки теперь все наши. Не дрефь! Они теперь только арабуру пугают, а своих не трогают.

– Так чего же они кричали?

Недоуменно пожимали плечами – мол, чего только на белом свете ни бывает.

– Я недалеко отсюда давеча видел песиголовца, – начал один. – Он что, тоже из наших?

– А кто его знает?

– Ну идем, что ли?! – гнул свое хозяин харчевни, размахивая для острастки погнутым вакидзаси.

– Ты погоди, я не досказал,

– Ну, говори!

– Этот песиголовец человечину жрал.

– Да ты что?!

– Клянусь здоровьем моего господина!

– Ова! Ова!

– Оро?! Оро?!

– Да, это серьезно.

– Очень серьезно.

– Погибнем за жалкие три бу.

– Это точно...

Тяжело вздыхали. Снова расселись на развалинах, чтобы обсудить свежую новость.

– Что, прямо вот так и жрал?

– А ты давно видел Оки-скотника?

– Да, почитай, дней десять.

– Так это был он!

– Ну ты даешь?! А что ж ты молчал?!

– Да забыл по пьянке, что б ей!..

Кто-то подтвердил:

– Он не просыхает целую сэкки.

– Зря вы так переживаете. Люди каждый день помирают, – успокоил хозяин харчевни.

– Да иди ты! – послали его и даже отвернулись в знак презрения.

– Я бы этого песиголовца голыми руками задушил! – пообещал кто-то и тяжело вздохнул.

– А мы бы зубами загрызли! – поддакнули сгоряча.

– Ну что будем делать-то? – покрутили сразу трое носами.

Их поняли буквально:

– Как обычно – выпьем и подумаем.

– Да, без пива здесь не обойтись...

– И без сакэ тоже...

Все почему-то с надеждой посмотрели на хозяина харчевни.

– Ну что, идем?! – он снова завел старую песню, но теперь не так уверенно.

– Да погоди ты! – махнули на него рукой. – У нас дела.

– Знаю я ваши дела – боитесь! – наступал хозяина харчевни.

– Ничего мы не боимся! – ответили ему грубо. – Просто не хотим рисковать.

– Ладно. Ставлю всем бочку сакэ.

Почесали затылки:

– За такое дело бочки мало. А если кого-то из нас убьют?

Подтвердили:

– Харчевню отбить, это серьезное дело. Это не в храм сходить. Они там, наверное, все уже повыпили.

Хозяин харчевни заскрипел зубами:

– Ладно! Две бочки! – и с огорчением махнул погнутым вакидзаси.

– О! – обрадовались. – Это другой разговор. Только сразу надо кидаться, чтобы они ничего не поняли.

– С разных сторон. А то если опомнятся, пиши пропало.

– Не опомнятся, – подбадривал всех хозяин харчевни. – А если и опомнятся? У нас вот что есть! – и со свистом рубил воздух гнутым вакидзаси.

Кто-то с сомнением посмотрел на негодное оружие, но промолчал, зато все достали кривые индийские ножи и разные кастеты. И отправились назад. Страшно было до колик в животе, но шли. Правда, дошла ровно половина храбрецов,

но и этого хватило.

Стали они заглядывать во все щели и увидели следующую картину. Огромный белотелый демон валялся пьяный, а сухонький чаморошный дедок причитал над ним, как над покойником. Третий демон сидел отрешенно и потягивал пиво.

– Первый раз вижу, чтобы демоны пили, как скорняки, – прошептал кто-то.

– Значит, это не демоны, – догадался хозяина харчевни.

– А раз не демоны, то чего мы здесь стоим?! – расхрабрились они и бросились в атаку, подталкивая друг друга в спины.

* * *

Чудные были эти мгновения. Больше Натабура в своей жизни ничего подобного не испытывал и ни разу не летал. Но и одного раза хватило, чтобы желудок пару раз вывернуло наизнанку, хотя он был и пустым уже целую луну.

Увидел он с высоты птичьего полета и океан по обе стороны, и маленькую горку – вулкан Фудзияма с дымком, и голубые реки, и черные пропасти – кахи, которые в народе назывались скалистыми воротами, в которых люди прятались в лихие годы. Все это ему очень понравилось, но не понравилось летать. А учителю Акинобу хоть бы что: знай себе, кричал от восторга и размахивал руками, приглашая к ве-

селью. Натабура хотел крикнуть: «Бу-коросу!»¹⁴¹, да передумал и решил пройтись по твердой земле, а не парить в ненадежной синеве. Как только он об этом подумал, они с учителем Акинобу стали опускаться. Было ли это совпадением, или сила сутр закончилась, никто из них ничего не понял. Только опустились они туда же, откуда и улетели – в столицу Мира. И не куда-нибудь, а прямо во двор дома, где их ждали друзья: Афра, Баттусай и Митиёри. Цепи мгновенно опали, мало того, он тут же рассыпались в прах, превратились в ржавчину, словно только и ждали этого момента. И густая трава выросла там, где они лежали, похожие на рыжих змей.

Радости не было предела. Афра прыгал и норовил лизнуть Натабуру в губы. Баттусай орал:

– О Дух, сияющий в небе!

Даже Митиёри, забыв о Ваноути, тоже кричал:

– Ова! Ова!

Один Баттусай, недаром что слыл синоби мэцукэ¹⁴², вовремя крикнул:

– Данконы!¹⁴³

Бесконечное напряжение, в котором они все находились все эти дни, спасло им жизнь – все среагировали очень быстро, и прежде чем три десятка стрел нашли своих жертв, спрятались за различными укрытиями: за повозкой, за поле-

---

¹⁴¹ Бу-коросу! – восклицание: Салют!

¹⁴² Синоби мэцукэ – люди, убивающие глазами.

¹⁴³ Данконы – презрительная кличка стражников.

ницей, за деревьями. Поэтому никто не пострадал, только Афра получил стрелу в хвост, потому что не успел его поджать под себя. Но он перекусил и в мгновении ока выдернул стрелу из раны.

А потом они побежали. Натабура на ходу прилаживал кусанаги за плечи, а на шее у него уже всюду болтался радостный годзука, который сам, впрочем, как и кусанаги, прыгнул в руки. Оказывается, все это время они находились здесь, в доме, где хоронились Баттусай, Афра, Митиёри и генерал Го-Тоба, который покинул укрытие, чтобы в конце концов превратиться в арара – самого главного демона ужаса. Стоит ли упоминать, что Акинобу также самым волшебным способом получил свой белый посох из корейского дуба, в котором прятался стальной клинок.

Дом ювелира Хата Кансукэ стоял не на центральной улице, как у большинства зажиточных представителей этой солидной профессии, а в глубине квартала, к нему вели узкие мрачные переулки, по которым к реке Ёда стекала грязная вода. Прохожие пробирались к своим домам, утопая по щиколотку в нечистотах. К тому же верхняя часть квартала располагалась в предгорье, и улицы были крутыми, а после непогоды – скользкими и трудно проходимыми. В этом был большой плюс, ибо Хата Кансукэ занимался контрабандой, и ему не нужно было афишировать свой бизнес. Для прикрытия он держал лавку в центре города, недалеко от базара Сисява, рядом с аллеей пихт и Поднебесной площадью. В этой

лавке он продавал то, что разрешали власти: изделия из золота и серебра, а также поделки из кожи, бархата, парчи и моржовой кости, оружие варваров из Европы, которое попадало бог весть какими судьбами в Нихон, безделицы варваров оттуда же, применение которым никто не мог найти, как то: сломанные часы, табакерки, чесальные палочки, блохоловки, астролябии, секстанты, негодные пистолеты, аркебуза и даже компас без стрелки.

Все эти вещи мало кого интересовали, разве что любителей иноземных диковинок, однако они придавали лавке вес и значительность в глазах покупателей. Большие же дела творились в другом месте – в подвале жилого дома Хата Кансукэ. Через руки ювелира в страну попадали драгоценные камни из Ая. В основном изумруды, бриллианты, аметисты. Практически, вся торговля камнями с западного побережья принадлежала никому неизвестному Хата Кансукэ, который всегда действовал через подставных доверенных лиц. Такие же лица представляли его интересы в Ая и Чосон¹⁴⁴. И при регенте, и еще до регента Хата Кансукэ жил припеваючи. Но когда между императором Мангобэй и регентом Ходзэ Дога началась борьба, к Хата Кансукэ пришли. Было это ночью, и смысленный Хата Кансукэ, как предвидел – отослал семью еще загодя в далекую приморскую деревню к родственникам. Это позволило ему маневрировать. Явились, конечно, за деньгами. Пришлось отдать все, что было в доме и в

---

¹⁴⁴ Чосон – древнее название Кореи.

двух потаенных места, о которых знали лишь очень близкие люди. Хата Кансукэ заподозрил своего городского управляющего, который пропал накануне. Собственно, после этого Хата Кансукэ и заволновался и отослал семью, а сам остался, выжидая. И дождался-таки. Для вида Хата Кансукэ сдался не сразу. Он даже позволил себе такую роскошь, как пару сломанных пальцев, не считая синяков и шишек. И вроде бы от страха и боли показал, где лежат золотые рё и камни. Если бы стражники во главе к Макарот Такугава знали, что еще за год того, как поссорились император и регент, ювелир вывез в тайные места два воза золота и драгоценных камней, а еще столько же переправил в не очень далекий Чосон, где у Хата Кансукэ был дворец и где его знали совсем под другим именем, они не дали бы Хата Кансукэ никаких шансов не то чтобы что-то утаить, а просто остаться в живых. Они бы заставили его вспомнить каждый день из последних пятнадцати лет. Это было бы очень жестокая пытка, потому что у стражников и времени, и терпения было достаточно. Как ни странно, Хата Кансукэ спас длинный язык: он умел рассказывать все что угодно, но не то, что надо, и находил к каждому человеку отдельный подход. Городской управляющий знал ровно столько, сколько должен был знать, чтобы у него создалась картина всезнания. А это было иллюзией, туманом, который умел напускать Хата Кансукэ.

Наутро его уже не было в столице Мира. Удобно устроившись в паланкине и нянча покалеченную руку, но нисколь-

ко от этого не расстраиваясь, он отправился в сторону моря, изображая насмерть перепуганного человека. Химицу сосиски донесла начальнику городской стражи Макару Такугава, что Хата Кансукэ перепугался и «едва унес ноги», что вполне всех устраивало, ибо это позволяло избежать ненужных слухов и кривотолков среди горожан, а также позволяло надеяться, что об этом случае император вообще может не узнать, а если и узнает, то будет уже слишком поздно. Дело в том, что деньги были нужны регенту для приобретения войска глиняных истуканов – хирака и ганива, которых возили из древних гробниц императоров страны Ая. Через два дня Хата Кансукэ уже был в Чосоне и зажил там спокойной жизнью. На всякий случай он оставил охранять дом старого-престарого слугу с сыном. Он еще надеялся вернуться, но время шло, а события на родине приняли совершенно невероятный оборот, да и в новой стране у Хата Кансукэ появились новые дела. И постепенно он стал забыть Нихон. Но речь в данном случае не об этом – не о дальнейшей жизни никому неизвестного ювелира по имени Хата Кансукэ.

Когда в страну пришли арабуру, сын старого слуги погиб, а отец умер от горя, так и не узнав самого главного – что сын его принадлежал к одному из кланов ниндзюцу, точнее, «к тем, кто крадетя в ночи». А убили его случайно, днем, когда он этого вовсе не ожидал – стрела, пущенная рядовым корзищиком, попала ему сзади в шею. Он умер мгновенно. С Баттусаем же он дружил много лет, и несколько раз Бат-

тусай на правах друга ночевал в огромном пустом доме, поэтому-то он и привел сюда своих спутников. Убежище было надежным, и о нем никто не знал. На всякий случай они поселились не в каменном доме, а в летнем, который стоял в саду, укрытый от взглядов густыми кронами деревьев. Вот почему Бугэй опростоволосился, хотя у него была информация, что в доме ювелира что-то происходит. Но, во-первых, Бугэй не знал всей предыстории, а во-вторых, он, конечно, не был знаком ни с Макаром Такугава, ни с его преемником – Досё, ни даже со следующим начальником городской стражи, имя которого в истории не сохранилось. Если бы он знал хотя бы кого-нибудь из них, то обязательно что-то сообразил бы о доме ювелира, а сопоставив факты, действовал бы быстрее и добился бы нужных результатов. Но он действовал вслепую. Да и честно говоря, времени на раздумья у него не было – ему надо было любыми способами и как можно быстрее оправдаться в глазах императора Кан-Чи, поэтому он успел взять с собой только тех кэбииси, которые оказались под рукой. Они следили за улетевшими мятежниками государственной тюрьмы Тайка, пока мятежники не растаяли в небесной синеве, и уже собрались было в унынии и печали разбрестись по казармам, дабы принять, как должное, императорские кары. А Бугэй всерьез обдумывал, в какую бы сторону унести ноги, чтобы, с одной стороны, не попасть к мятежникам, действовавшим в провинциях, а с другой, не угодить в лапы арабуру, как вдруг кэбииси, завопив и заулю-

люкав во все горло, стали показывать на небо. Бугэй с большим облегчением увидел, как пленники, сбежавшие из-под самого носа, как ни в чем не бывало опускаются на территорию города.

– Хватайте их! Хватайте! – командовал Бугэй, с трудом перелезая через стену. Мешал живот и одышка. – Хватайте, ахо!¹⁴⁵

Он так спешил, что не дал своим людям прицелиться.

– Стреляйте же! Стреляйте быстрее! – кричал он, хватаясь за пухлую грудь.

К тому же их руки дрожали, потому что кэбииси побаивались беглецов, которых называли архатами. А с архатами, как известно, шутки плохи. Поговаривали, что у тех, кто по ним стреляет, отсыхают руки и прочие члены, а головы – так те просто отваливаются, как сучки на столетнем дубе. Если бы не Бугэй, все давным-давно разбежались бы. С другой стороны, подберись они ближе, последствия залпа для беглецов оказались бы плачевными. В принципе, кэбииси могли и не спешить, а окружить беглецов или даже послать за подмогой, чтобы действовать наверняка. Но Бугэй был перепуган не меньше стражников и поэтому торопил их, и случилось то, что случилось. Поляна перед летним домом мгновенно опустела. И хотя кэбииси все обыскали, но кроме сломанной кровавленной стрелы, ничего не нашли. Тогда они, подгоняемые Бугэй, которому уже нечего было терять, устреми-

---

¹⁴⁵ Ахо – недоумки.

лись в погоню. Впрочем, здесь они были не так успешны, и не потому что первые три кэбииси, по неосторожности сунувшиеся во двор следующего дома, были тут же зарублены Акинобу и Натабурой, а потому что действовали вяло и при первом же удобном случае пытались уклоняться от своих обязанностей и спрятаться в кустах.

Хотя Бугэй узнал и Афру, и Баттусая и даже подумал, что на этом можно сыграть, он уже попрощался и с карьерой, и с жизнью – его кэбииси, как бараны, столпились перед узким проходом во двор следующего дома и не хотели идти вперед: тропинку загораживали три трупа в луже крови. Впрочем, ни учителя Акинобу, ни Натабуры, ни Афры, который всегда желал быть рядом с хозяином, к этому времени там уже не было. Так вот, Бугэй уже попрощался с жизнью, когда с той стороны, куда убежали мятежники, послышались крики и звуки битвы. В свою очередь, Акинобу, Натабура и Афра нагнали своих в тот момент, когда они нос к носу столкнулись с отрядом корзинщиков, лишь трое из которых были вооружены мшаго. Остальные – нагинатами и катана. А если учесть, что бойцы из корзинщиков были никакие, то силы оказались приблизительно равными. Вот где пригодилось воинское умение учителя Акинобу, Натабуры и Баттусая.

Сражение произошло на крохотной площади, на которой сходились пять кварталов и разбегались пять улиц. Площадь называлась Ступенчатой, потому что состояла из трех длинных уступов. Беглецы двигались сверху, а отряд корзинщи-

ков во главе с арабуру в чине лейтенанта – снизу из города. Корзинщиков послал первый великий министр Дадзёкан. Так называли рядовых арабуру, которые носили свой скарб и скарб офицеров в плетеных корзинах. Только корзинщики были направлены в такие районы, где беглецы не могли появиться. Это было сделано первым великим министром Дадзёкан для очистки совести и для того, чтобы охватить весь город.

Беглецам осталось всего-то миновать площадь, свернуть на третью улицу справа, ведущую к реке Ёда, и по ней попасть на Слияние, когда произошла стычка. Дома в этом предгорном районе столицы Мира были из камня, двух-трех ярусными, а в окнах блестело настоящее стекло.

Один из корзинщиков, который числился слугой у брата самого императора Чачича, а теперь стал десятником, был преисполнен решимости схватить улетевших мятежников. По причине непонимания он презирал архатов, как и остальное население Нихон, однако при виде Натабуры его все же бросило в дрожь. Он невольно вспомнил, при каких обстоятельствах погиб его господин, и обстоятельства эти показались ему сродни колдовству. Лично ему жизнь спасла только лошадь, которая шарахнулась в сторону и понесла по полю. У него до сих пор не укладывалось в голове, как можно какой-то железкой, хоть и очень остро заточенной, противостоять оружию кецалей. Эта заминка стоила его господину жизни. Не успел он и глазом моргнуть, как Натабура, кото-

рый был до этого мгновения не меньше чем в одном тане от него, самым невероятным образом преодолел все три огромные ступени, очутился совсем близко, и его грозный взгляд, а еще больше голубой кусанаги, парализовали руки и ноги корзинщика. От страха он даже не успел привести мшаго в боевое положение. А если бы даже и успел, то чувствовал, что не может поднять руку. Честно говоря, он боялся этого оружия господ, которое плавило всех и вся. По правилам, лезвие мшаго полагалось активировать лишь при виде противника, не только для того, чтобы как можно дольше сохранить ту энергию, которая скрывалась в рукояти, но и для того, чтобы по неосторожности не задеть световым лучом кого-то из своих. В общем, какие бы мысли ни владели корзинщиком, он умер прежде, чем опустил руку к поясу, где висел мшаго. Натабура ударил его в шею и тут же взлетел, используя старый испытанный принцип хаябуса¹⁴⁶. Катана корзинщика всего лишь срезал подошву его сандалии на левой ноге.

Баттусай же в свою очередь всеми силами старался подстраховать Натабуру, хотя против него выступил другой корзинщик с мшаго. С ужасным звуком, похожим на гудение гнезда шершней, сверкнул луч мшаго, но недаром Баттусай слыл лучшим из лучших синоби мэцукэ школы Кожайба. За мгновение до удара он сделался тенью, на которую луч мшаго не оказал никакого воздействия. Со стороны Баттусая это было большим риском, ибо он не знал в полной мере свойств

---

¹⁴⁶ Хаябуса – способность летать.

мшаго. Но Баттусай рискнул и не ошибся – он выиграл этот поединок, перебил корзинщику горло с помощью тэкко¹⁴⁷. Мшаго, упав на мостовую и, вращаясь по инерции, покалечил много корзинщиков. Их-то крики и услышал Бугэй.

Акинобу действовал менее успешно. Пробиваясь к третьему корзинщику, владеющему мшаго, он потратил время, и хотя от его руки пало много рядовых корзинщиков, а еще больше было ранено, Акинобу тоже пришлось применить хаябуса – как самое простое решение в бою. Он взлетел, и десятки лезвий нагинат и катана сопровождали его движение, и он уже не мог пробиться сквозь их лес, чтобы поразить третьего корзинщика с мшаго. Да и сам корзинщик не проявлял особого боевого духа, а старался как можно быстрее убраться с поля боя, понимая, что он столкнулся с опытными бойцами, которые рано или поздно всех их перебьют. Возможно даже, что из всех корзинщиков этот оказался самым умным и дальновидным. Ощетинясь нагинатами, воины медленно попятились к центру города. К ним невозможно было подступиться ни сверху, ни с боков. В этот момент и застал их отряд Бугэй. На это раз Бугэй действовал хитрее, не кричал и не подталкивал своих солдат. А велел подкрасться и напасть внезапно. Его стражники не могли применить луки без того, чтобы не поразить своих, что чрезвычайно уменьшило боевую эффективность, зато вместе с корзинщиками они получили численный перевес.

---

¹⁴⁷ Тэкко – кастет с месяцеобразным лезвием.

Афра успел предупредить об опасности. Он залаял и взлетел, неся на себе Митиёри. На его счастье, стрелы, пущенные в них, растаяли в голубом небе. Афра было тяжело лететь. Они с Митиёри опустился на ближайшую крышу, и, высушившись из-за ее конька, наблюдали за сражением, не в силах ничем помочь своим.

Неизвестно, как сложилась бы ситуация, если бы к моменту появления кэбииси – городской стражи, Акинобу, Натабура и Баттусай не пробились бы на третью улицу справа, узкую, где могли лишь разминуться два человека, темную, словно ущелье, и извилистую, как ручей в горном лесу. Здесь никогда не было ни каменной мостовой, ни водостоков, и под ногами зачавкала грязь. Соломенные стрехи нависали так низко, что мешали бежать, а солнечный свет едва освещал дорогу.

Они преодолели почти треть пути к реке, когда им вслед полетели стрелы: «Шу-у-у... шу-у-у...» От этого звука душа уходила в пятки. Стрелы ударяли в стены домов: «Тук-тук, тук-тук!» и с шуршанием застревали в крышах.

Корзинщики, воодушевленные подмогой, попытались их преследовать, но Натабура, воспользовавшись преимуществом, убил самого смелого из них, и корзинщики, и кэбииси предпочли держаться на расстоянии. Вот тогда им и пригодились луки.

Как только запели первые стрелы, все трое тут же спрятались в укрытия: кто умудрился втиснуться в ниши, рядом

с бронзовым Буддой и горящей свечой, кто разлежся за горкой мусора, прижавшись к стене. Баттусай вообще сумел зависнуть под стрехой – благо, что стрелки не разглядели его. После этого пришлось очень быстро перебегать от одного тупичка к другому.

Низкие стрехи домов не давала прицельно стрелять. Да преследователи не особенно спешили, потому что пошли на хитрость, послав часть кэбииси и корзинщиков в обход. Поэтому все их действия носили демонстративный характер. Впрочем, стоило кому-то из троих: Акинобу, Натабуре или Баттусаю совершить перебежку, как две-три стрелы летели вслед. Кэбииси и корзинщики действовали крайне осторожно, не приближаясь, однако и не давая всем троим оторваться слишком далеко. Но в одном из тупиков дом оказался на сваях.

– Натабура! – тихо позвал Акинобу.

Они как раз юркнули в следующий тупичок между домами, и Натабура прикрывал их. Позиция была неудобной не только для того, чтобы долго прятаться, но чтобы перебежать к своим. К тому же, похоже, его уже стерегли, потому что две стрелы воткнулись в стену напротив, и их древки еще дрожали. По крайней мере, корзинщики знали, где он прячется. Третья стрела расщепила доску перед его носом, когда он собрался выглянуть, и ее наконечник, пробив дерево, вылез наружу. Натабура потрогал его. Наконечник был теплым. Потом он услышал, как стражники перебегают переулок на-

искосок, чтобы им было удобнее стрелять, и кожей ощутил опасность. Конечно, они не сунулись бы в его тупичок, пока он не ранен, но могли удержать на выходе из него.

– Натабура! – снова позвал Акинобу.

О том, чтобы применить хаябуса, не могло быть и речи – слишком близко были расположены крыши. Да и как такового хаябуса у них сегодня не получалось. Высокий прыжок – иногда замедленный, иногда быстрый. Но только не классический хаябуса. Слишком долго они с учителем Акинобу не тренировались.

– Натабура!!! – в третий раз, уже не скрывая беспокойства, позвал учитель Акинобу.

Тогда он кувыркнулся через улицу, ощущая, как на излете поют стрелы: «Шу-у-у... шу-у-у...» и втыкаются в стены: «Тук-тук, тук-тук!» Прыгнул к противоположной стене, где в нише блестел Будда. И снова: «Шу-у-у... шу-у-у...» И снова: «Тук-тук, тук-тук!» Одна стрела прошла кимоно на спине. Он почувствовал, что ранен, окончательно сбив с толку лучников, кувыркнулся еще раз и оказался рядом со своими.

Оказалось, что они нашли-таки лазейку. Надо было всего лишь поднырнуть под фундамент, и они перебрались на соседнюю улицу, где их уже ждали Афра и Митиёри. Фундамент заметно просел, и Натабура пару раз задел его раненой лопаткой. Как только они собрались все вместе, Афра тут же начал оказывать знаки внимания – подпихивать руку и урчать, как кот, от удовольствия.

– Бежим! – крикнул Митиёри, с ревностью глядя на Афра, – я уже все разведаль.

Здесь они и столкнулись с преследователями, которые пошли в обход. Но теперь преимущество было на стороне Акинобу, Натабуры и Баттусая – ведь ближний бой для самурая – все равно, что чашка сакэ перед обедом.

На свою беду Бугэй бежал впереди всех. То ли его в конце концов подвела судьба, то ли он просто обмишурился – не остановился вовремя, не прислушался к себе. Но ни огненный катана, ни два стражника с острыми нагинатами, оказавшиеся рядом с ним, не помогли ему. Стоит ли напоминать, что Бугэй никогда не был бойцом и никогда не занимался тем, чем занимались Акинобу, Натабура и Баттусай – всю жизнь они совершенствовались в искусстве фехтования. И хотя мшаго в его руках уравнивал шансы обеих сторон, ловкость и опыт самураев не имели себе равных.

Кэбииси во главе с Бугэй бежали в гору и запыхались. Однако Бугэй и не думал сбавлять темпа, ему нужно было как можно быстрее оправдаться в глазах императора Кан-Чи. Он гнал от себя мысли: о том, что не надо рвать пупок ради арабуру – это глупо, и о том, что за поворотом может быть засада. Эти мысли он самоуверенно проигнорировал, полагая, что судьба, как всегда, будет ему благоволить. Его больше заботили стрехи крыши, и он все время наклонял голову, оберегая глаза. В том месте, где две улицы сходились почти на берегу реки и где стояли низкие, убогие дома, ок-

на в которых были заклеены желтой промасленной бумагой, в лучах вечернего солнца блестела маленькая площадь, размером с бу. Здесь-то он столкнулся с теми, кого преследовал. По правилам во время бега или в засаде мшаго не полагалось приводить в боевое положение. Во-первых, огненное лезвие было опасно для самих нападающих, а во-вторых, гудение мшаго выдавало засаду или скрытное приближение к врагу. Все это Бугэй проигнорировал с непонятной даже для самого себя беспечностью, поэтому Акинобу первым заметил Бугэй и спрятался за стену крайнего дома. Его появление перед Бугэй оказалось для того полной неожиданностью, и хотя он довольно уверенно рубанул световым лучом, но сделал это так, словно рубился катана, и, не имея ни малейшего представления, как надо правильно действовать мшаго, приложил слишком много сил, поэтому-то провалился. Даже если бы он попал в Акинобу, он бы все равно провалился – слишком сильными были замах и удар. Луч бордового цвета чиркнул по земле, от которой сразу же пошел пар, и Бугэй повел рукоятью снизу вверх, чтобы исправить положение, он было поздно – клинок Акинобу пробил Бугэй грудь и безошибочно нашел его сердце. В этот момент Бугэй почувствовал облегчение. Должно быть, он подспудно стремился к смерти, чтобы враз избавиться от всех тех грехов, которые поработили и управляли им. Вместе с хлынувшей кровью из Бугэй выскочила его черная душа, и люди, которые обычно не видели души умирающего человека, на этот раз разгляде-

ли черную-черную тень, очень похожую на Бугэй.

Так умер Бугэй, который при арабуру служил начальником городской стражи, но в душе так и остался поваром. Бугэй, который больше всего в жизни любил деньги, а потом оказалась – что и власть. Бугэй, который с легкостью предавал все тех, кто был рядом с ним. Его черная-черная душа с воем шарахнулась в горы подальше от тела, ибо она это тело ненавидела. В горах же ее уже поджидали духи и демоны, которые питались свежими душами умерших. Но всех-всех их опередил арара – демон генерала Го-Тоба. Он растолкал всех, расшвырял, недвусмысленно грозя своим мечом, и съел все, что можно было съесть, не оставив сородицам ни капли, ни кусочка новоиспеченной души. Таким образом, от Бугэй ничего не осталось. А вскоре о нем и позабыли, потому что история этой страны не желала запоминать имена предателей и негодяев.

Натабуре и Баттусай тоже выпала возможность во всей красе показать, на что они способны. Пять или шесть кэбиси упали, обливаясь кровью, на площади размером с бу, а остальные обратились в бегство. Путь к Слиянию был открыт.

Однако если бы Акинобу, Натабура и Баттусай знали, что там их ждет полное крушение всех их планов, они бы со всех ног бросились на помощь капитану Го-Данго. Впрочем, если бы они поспешили, то столкнулись бы с арабуру, а не их слугами, и исход битвы был бы предопределен. Но они, ничего

не подозревая, обрадовано сбежали меж холмов, поросших бурьяном и чертополохом, к реке, посреди которой чернел Запретный остров. Желтое заходящее солнце отражалось в воде, мошкара клубилась меж ивами, и тихо плескались волны. На мгновение всем показалось, что ничего не случилось, что нет ни иканобори, ни арабуру, ни императора Кан-Чи, который сидел в двенадцатиярусной пирамиде Оль-Тахинэ и убивал народ, а есть только эта величественная река, несущая свои воды к далекому морю. Это чувство владело всеми до тех пор, пока они не разглядели в воде человеческие трупы.

– Все хватит! – сказал учитель Акинобу, заметив, что Баттусай и все остальные слишком долго плещутся. – Уходим! – и с непонятной тревогой посмотрел вверх на склон, ожидая, что вот-вот появятся преследователи. Но холмы были пустынными и тихи.

Должно быть, корзинщикам и кэбииси надоело умирать и они предпочли убраться восвояси. Странно, – подумал Акинобу. Неужели все-таки испугались? Он привык иметь дело с настойчивым противником, но в данном случае все вышло даже очень просто. Непонятная тревога овладела им. Казалось бы, надо радоваться – два шага, и они у капитана Го-Данго, а он насторожился. Может, это и был Мус¹⁴⁸, а он его не понял, поддавшись тягостному ощущению от вида покосившихся крыш заброшенных храмов, которые то там, то

---

¹⁴⁸ Мус – Знак, просветление, взгляд в будущее.

здесь проглядывали сквозь буйную зелень деревьев, или от вздувшихся трупов казненных самураев, плывущих по реке.

Все заметил учитель Акинобу, кроме одного – Натабура был ранен. Вначале он не подавал вида, но когда кровь стала капать на сандалию, то пришлось раздеться, чтобы Акинобу осмотрел рану. Стрела прошла вскользь, и рана оказалась неопасной.

Пока Акинобу возился с Натабурой, вовсе стемнело. Эта задержка и спасла им жизнь.

В прежние времена многочисленные огни храмов отражались в реке, теперь же в ней блестели лишь холодные звезды, да рябая лунная дорожка лежала поперек. Жара сменилась ночной прохладой, пели цикады, да иногда плескалась рыба. Город молчал, притаившись за речными холмами. Показалось бы, что его нет вовсе, если бы не слабый запах дыма, который приносил ветер – где-то готовили мясо да не углядели, и оно подгорело. Афра проснулся, отошел и долго внюхивался, поводя влажным черным носом, потом поднял лапу на кусты, вернулся и подпихнул мордой руку хозяину. Натабура посмотрел на него и решил, что пес что-то хочет сказать, он не может. Должно быть, голоден, решил он.

– Нет у меня еды, нет. Потерпи!

Афра в знак презрения оттого, что хозяин его не понял, напился из реки и, облизываясь, подошел и снова пихнул мордой.

– Ну и молодец, – похвалил Натабура. – Молодец!

Акинобу с Баттусаем шли впереди. Баттусай хорошо видел в темноте, но не знал дороги, и помогал Акинобу. Затем шел Митиёри, который клевал носом от усталости, от обилия впечатлений, но из упрямства даже не прилег и на кокой. А уж замыкающими были Натабура с Афра. И снова Афра повел себя странно – то прижимался к ноге, то убегал в темноту. Что-то его тревожило, но Натабура не сумел почувствовать тревогу пса. Афра даже не интересовали лягушки, которые при приближении замолкали, а потом прыгали в воду. Обычно Афра не упускал возможности погонять их.

Вначале тропинка бежала вдоль реки, потом стала забирать вверх, все выше и выше. Ноздри щекотали ночные запахи полыни, горячей летней пыли и тины. К ним добавлялся крепкий запах жареного мяса.

Афра снова убежал вперед и отсутствовал так долго, что Натабура уже стал волноваться. Вдруг его очень тихо позвал Акинобу. Вначале Натабура различил лишь столпившиеся фигуры.

– Что-то случилось? – спросил он.

– Случилось, – сказал откуда-то снизу Баттусай.

Оказывается, он сидел чуть поодаль – в двух шагах. Блеснул его кастет – тэкко.

– Это кто-то из наших, – прошептал Митиёри и посторонился.

И пахло. Пахло так знакомо, что сразу невозможно было понять, чем именно, но явно не горелым мясом. Тогда На-

табура шагнул к Баттусаю и все понял: в траве лежал труп самурая, которого убили мшаго. И тогда Натабуру едва не стошнило, хотя он не ел в течение всей луны.

– Кими мо, ками дзо! – прошептал он, отступая на тропинку, которая белела среди густой травы.

– Поэтому так и пахнет, – сказал Акинобу. – А я думаю, чего так пахнет?.. – и посмотрел наверх, туда, куда лежал их путь. Но берег Слияния был темен и безответен.

– Надо спешить, – сказал Натабура. – Может, еще успеем, – хотя понимал, что они уже безбожно опоздали.

– Чужал, ведь чужал, что что-то случится! – в сердцах воскликнул Акинобу.

Тотчас где-то совсем недалеко раздались гортанные голоса, и взлетела китайская ракета. Вернее, она была похожа на китайскую ракету, но слишком долго плыла в воздухе, освещая все вокруг желтым светом.

Все присели, словно их действительно можно было увидеть с холмов.

– Тихо! – прошептал Баттусай.

Ракета с шипением упала в реку за Запретным островом, осветив деревья и скалы, придав им напоследок сказочные очертания, как в театре теней Кабуки. Всем сделалось не по себе. Все, кроме Афры, невольно подумали о проделках хонки.

Арабуру пустили еще одну ракету, заспорили. Натабура уловил, что речь идет о каких-то мятежниках, и наступила

темнота, а за ней и тишина. Потом долетел глухой звук, словно люди шли по тропинке и кто-то оступился.

– Ушли, что ли? – прошептал он, чувствуя, как Афра дышит ему в ухо.

– Ушли, ушли... – отозвался Митиёри. – Вверх по склону. Митиёри по деревенской привычке с почтением относился к старшим и если высказывался, то только по делу.

– Кого-то же, наверное, оставили? – усомнился Баттусай. – Не может, чтобы не оставили?

Они еще подождали. Но были тихо и сонно. Река равнодушно катила воды, из-за тучи выглянула луна. Афра воспользовался случаем, завалился тут же рядом в траву и стал выкусывать у себя блох.

– Сделаем так, – прошептал Акинобу, – идем очень тихо, разговаривать нельзя, приготовьте ножи.

Теперь они поднимались очень медленно и осторожно. Было слышно только, как шелестят сухие стебли трав. Афра понял, что к чему, и уже не путался под ногами, а преданно и чинно бежал рядом.

Они поднимались все выше и выше. Ярко светила полная луна. Река уже блестела где-то далеко внизу. Холмы кончились, пошли уступы, и на одном из них, когда, казалось, что уже конец пути, что где-то здесь среди сосен и елей должна быть нужная пещера, наткнулись еще на один труп. Человек тоже был убит мшаго – пахло все тем же горелым мясом. Собственно, по этому запаху его и нашли. Афра постарался.

– Бакаяро! – выругался Баттусай. – Мы так никогда их не осилим!

Придумаем, зло подумал Натабура, мы обязательно что-нибудь придумаем. И осилим. Быть такого не может, чтобы не осилили. Наверняка есть средство, просто мы еще не догадались. Надо поговорить с Акинобу.

На поляне у входа в пещеру лежали два человека. На пороге – еще один с луком. Это могло означать только одно – капитана Го-Данго защищали до последнего вздоха. А если это так, то, значит, все пропало, и заговор, не успев созреть, рухнул.

Баттусай обшарил все окрест, вернулся и прошептал:

– Больше никого нет...

– Ну что будем делать? – спросил Акинобу, переворачивая лучника, чтобы посмотреть ему в лицо.

Он узнал его по затылку. Только у одного из его друзей был такой плоский затылок – у сотника Гэнго, который когда-то был лучшим лучником в отряде капитана Го-Данго.

– Прости, друг, – прошептал Акинобу, – что мы пришли слишком поздно.

Он подумал, что раз Гэнго с его луком не смог поразить ни одного арабуру, то дела дрянь. А может быть, он все же кого-то из них убил? – с надеждой подумал Акинобу.

Они сели в круг на корточки, готовые при малейшей опасности вскочить на ноги и схватиться за оружие.

– С рассветом все равно надо уходить, – высказал здравую

мысль Натабура.

– Да, они обязательно вернуться, – согласился Баттусай.

– Утащили своих, – убежденно произнес Митиёри.

– Хорошо бы... – вздохнул Натабура.

– А что если кого-то оставить? – предложил Акинобу. –

Ведь сюда кто-то приходит из наших.

– Я бы вообще пока убрался из города, – высказал Баттусай здравую мысль.

– Это правильно, – согласился Акинобу. – Но, с другой стороны, сюда кто-то обязательно должен вернуться. Ведь не сидели они здесь все это время, сложа рукава.

– Не сидели, – согласился Натабура, – это правильно. Сэйса, давайте, я останусь?

– Хорошо, – почему-то не сразу согласился Акинобу. – Надо еще подумать. Ты слишком долго не ел и к тому же ранен, – сказал он.

И действительно, при упоминании о еде в желудке Натабуры неприятно засосало, и он ощутил приступ слабости: то ли кончалось действие сутр, то ли пришло время поесть.

Вдруг Митиёри, который почтительно сидел поодаль, не смея вмешиваться в разговоры старших, горячо зашептал:

– Учитель, учитель!.. Там кто-то есть...

Они тотчас попрытались кто куда и замерли, как сурки в норах. Только после этого Натабура уловил неясные звуки и удивился – подросток слышал лучше всех их вместе взятых.

В пещере кто-то зашуршал. Может, барсук, подумал На-

табура. Или медведь? Нет, не может быть. Откуда в пещере барсук, а тем более медведь? Афра не реагировал, хотя был охоч на всякого зверя. Однако и Афра заворчал, но не так, когда чувствовал живность, а совершенно по-другому. Более нервно, что ли? Стало быть, это человек, догадался Натабура. Ну, это мы сейчас проверим!

– Тихо... – прошептал он в ухо другу, и они вдвоем, храбрясь, подступили к ветхой двери.

Дверь скрипнула и приоткрылась. В щелочке забелело лицо. Человек долго прислушивался к звукам ночи. То, что это не капитан Го-Данго, Натабура сообразил сразу – слишком мелким был человек. Мелким и осторожным. Он бочком выскользнул из пещеры и запричитал над одним из убитых.

Тогда-то Натабура бросился на него, прижал коленом к земле и прошептал:

– Тихо, свои...

И пока к ним подбегали Акинобу и Баттусай, Афра во всю кусал ноги маленькому человеку, который брыкался, как теленок.

– Кто ты? – спросил Акинобу, отгоняя Афра.

Баттусай юркнул в пещеру. Но и так было ясно, что там больше никого нет.

– Пусто, – сообщил Баттусай через кокой.

За это время выяснилось следующее: можно было догадаться, что капитан Го-Данго жив и здоров и находится где-то недалеко, иначе бы человек не вертелся здесь. Однако че-

ловек, который назвал себя Гэндзабуро, не торопился сообщить, где именно. И вообще, он держался очень мужественно, и Акинобу понял, что тот готов умереть за своего господина.

– Ты думаешь, мы кто? – спросил Акинобу, отпуская его.

– Люди, – дипломатично ответил Гэндзабуро.

– Какие люди?! – возмутился Баттусай. – Ты чего нам голову морочишь? Мы друзья твоего господина.

– Я не знаю никакого господина. Я один здесь живу.

– Ну да, – согласился Акинобу и выразительно глянул на Баттусая, чтобы он не пугал Гэндзабуро. – Вот что, тебе капитан говорил что-нибудь о Натабуре?

– Натабуре? – переспросил Гэндзабуро, чтобы выиграть время.

– Ну да, – терпеливо подтвердил Акинобу. – Или об Акинобу?

– Не знаю никакого Акинобу и Натабуру тоже!

– Вот он, – Акинобу показал на Натабуру.

– Я его не знал, – гнул свое Гэндзабуро, даже не взглянув в сторону Натабуры.

– А о собаке?

– Какой собаке?

– О медвежьем тэнгу, тикусёмо!¹⁴⁹ – снова не удержался Баттусай.

– О медвежьем?..

---

¹⁴⁹ Тикусёмо – сукин сын.

– Ну?!

– Который мне ноги покусал?

– Тот, который покусал...

– Говорил... – с еще большей настороженностью отозвался Гэндзабуро, как-то странно вертя головой.

Натабура насторожился, потому что уловил желание Гэндзабуро сбежать в ближайшие кусты.

– Стой! – он поймал его за пятку в последний момент и, хотя получил удар ногой в лицо, все же удержал Гэндзабуро.

Акинобу и Баттусай долго очищали глаза от песка, который швырнул им в лицо ловкий Гэндзабуро. Баттусай при этом ругался самым черными словами:

– Ах, ты симатта! Ах, ты куриное дерьмо!

– Можете меня убить! – твердо произнес Гэндзабуро и сложил руки на груди. – Я больше ничего не скажу!

– Не говори, – согласился Натабура. – Только капитан Годанго давно нас ждет. Он вызвал нас с острова Миядзима. Вот мы и пришли.

Гэндзабуро лишь неопределенно пожал плечами и гордо отвернулся. Тогда Натабура сказал:

– У твоего господина шрам через правую часть лица. Веко разрублено. Волосы у него рыжие, а сам он такой огромный, что не всякая лошадь снесет его. Его жену зовут Тамуэ-сан. Цвет волос у нее рыжий. Его сын – Каймон. Он тоже рыжий. Ну? – просительно добавил он.

– А зачем вы пришли?! – с подозрением спросил тогда

Гэндзабуро.

– Кими мо, ками дзо! – не выдержал Натабура. – Сколько можно пытаться?!

– Хватит валять дурака! – снова не удержался Баттусай и даже замахнулся. В руке его блеснул тэкко. – Веди нас к своему господину!

– Мы пришли затем, чтобы участвовать в восстании, – снова набрался терпения Натабура, невольно загоразивая Гэндзабуро от Баттусая.

– Хорошо, – неожиданно согласился Гэндзабуро. – Я отведу вас. Я узнал его, – он показал на Афра. – Мой господин рассказывал о летающей собаке. А о вас не рассказывал.

– Ладно, – с облегчением кивнул Натабура. – Веди. Только не сбеги.

– Не сбегу... о вас он тоже один раз говорил, – признался Гэндзабуро. – Мол, деретесь, как Бог, мечом. Один раз его по пьянке тоже задела.

– Ну, положим, не по пьянке, – заметил Натабура и вспомнил ночной бой, в котором капитан Го-Данго разворотил полдома, пока его не уgomонили.

– Так что ж ты нас пытаешь?! – удивился Акинобу.

– Мало ли что... – жалобно шмыгнул носом Гэндзабуро, – я вас не знаю, может, вы, цукасамо гэ.

– Ты что, думаешь, что мы предатели? – возмутился Баттусай. – Ах ты, гад!

– Мой господин болен. Ему покой нужен, – с жалостливы-

ми нотками в голосе добавил Гэндзабуро.

– Вот мы и вылечим твоего господина, – с облегчением поднялся Акинобу. – Пойдем, а то светает.

Действительно, небо на востоке из черного превратилось с темно-голубое, а река на Слиянии, напротив, потемнела и, казалось, стала шире, хотя куда уже шире – противоположного берега видно не было, только в отдалении чернели скалы Запретного острова, поросшего редкими соснами.

– Хозяин меня послал проверить, может, кто живой остался, – наконец объяснил Гэндзабуро, когда они ступили под низкий свод пещеры.

Из ниши в стене он достал толстую свечу, зажег ее, и они пошли куда-то вглубь берега. Миновали ряд разгромленных келий, скудные пожитки и утварь которых арабуру выкинули наружу.

– Конечно, он упоминал и о великом учителе, – признался Гэндзабуро.

– А что ж ты молчал? Кими мо, ками дзо! – возмутился Натабура, наконец разглядев лицо Гэндзабуро.

Он походил на рано состарившегося подростка. Только черные волосы говорили о его настоящем возрасте.

– Мне велено было только посмотреть. А о вас он ничего не говорил.

– Узнаю капитана.

– Он всегда бдит, – похвастался Гэндзабуро.

– Может, он устал ждать?

– Может, и устал, – покорно согласился Гэндзабуро.

В нишах лежали мумии монахов – маленькие, почерневшие, со сложенными руками, похожими на гусиные лапки. Кое-где горели вечные лампы.

Когда по расчетам Натабуры они углубились в берег примерно на расстояние один сато, белый известняк сменился черным камнем. И они ступили под огромный свод подземного храма. В центре возвышалась статуя Будды. Похоже, арабуру сюда не добрались, потому что в крохотных нишах тоже горели свечи и пахло благовонными палочками.

Гэндзабуро поколдовал в углу храма, и вдруг Будда сдвинулся с места, а под ними открылся ход с лестницей, оттуда тянуло запахом реки.

Глава 6

Самая большая тайна Нихон

Язаки и Ваноути тащились, проклиная весь белый свет, по одной из улиц столицы. Как всегда, все тяготы, что послала судьба, легли на плечи бедного Язаки, и этой тяжестью на сей раз оказался старший черт Майяпан. Мало того, что он был в стельку пьян, так еще и покрыт ранами, как лев, победивший в смертельной схватке. Ранен был и сам Язаки, но не очень серьезно – в зад, и не чем-нибудь, а осколками бутылки, на которые он от испуга сел, когда в притон «Уда» ворвались разъяренные завсегдатаи. Как ни странно, повезло одному Ваноути – он не получил даже царапины, чем ужасно гордился, напевая под нос: «Блеснет ли мне ответный луч твоей любви?.. ля-ля, ля-ля...»

– Держи этого силача крепче! – приказывал Язаки Ваноути.

Дед тут же подпрягался, а через мгновение снова все перекладывал на слабые плечи Язаки, и Майяпан повисел на нем, как мокрая тряпка на заборе.

Язаки потел, кряхтел, но тащил, а вот куда, он и сам не знал – главное, подальше от притона «Уда», а потом хоть трава не расти, рассуждал Язаки, даже не имея возможности смахнуть пот со лба. Пот заливал глаза и щипал сверх меры,

скатывался на кончик носа и оставлял на земле дорожку, которая тут же высыхала под горячим солнцем.

Наверное, им бы везло и дальше, но они возьми да забреди в квартал горшечников. Все это случилось, потому что Язаки видел лишь землю под ногами, а Ваноути вел. Но так как он радовался непонятно чему и по этой причине вообще ничего не замечал вокруг, то вывел не к реке, а совершенно в другое место.

– Бросил бы ты его... – ворчал Ваноути. – Черт он черт и есть... хотя и друг...

– Я тебе брошу... – из последних сил грозил Язаки. – Я тебе брошу... Тащи!..

Он и сам не знал, зачем ему нужен был Майяпан. Просто из чувства товарищества не мог его оставить – беспомощного и израненного. Не по-нашенскому это, не по-самурайски, думал он, испытывая гордость за самого себя от одной этой мысли. И они тащили его, обливаясь потом под полуденным солнцем.

– Держи крепче! – в очередной раз приказал Язаки, но Ваноути почему-то замер. – Ну что еще случилось?! – раздраженно спросил Язаки, силясь разглядеть что-либо из-под нависшего Майяпана.

– А-а-а... – как-то странно ответил Ваноути.

– Куриное дерьмо! – выругался Язаки, стараясь не уронить огромное тело Майяпана. Поднять его потом будет крайне трудно – труднее, чем столкнуть в море гору Фудзи-

яма.

Язаки прислонил Майяпана к ближайшему забору и сказал с заботливыми нотками в голосе:

– Стой! Стой, сказал!

Черт, что я делаю? – спросил он себя. Майяпан норовил подогнуть ноги и завалиться в траву.

– Стой! – на этот раз грозно приказал Язаки и оглянулся, потому что Ваноути все еще тянул, как козел, непонятное свое: «А-а-а...»

Узкий переулок, в котором они находились, загородил им самый настоящий песиголовец. Морда у него была не такой длинной, как у собаки, а немного короче. Да и зубы не такие огромные, но все равно впечатляли, если представить, что они вцепятся тебе в глотку. Язаки сразу же вспомнил императорский парк и непонятное существо, которое они испугнули, когда оно справляло малую нужду, и невольно попятился. Страшен был песиголовец, но не тем, что по силе не уступал Майяпану, а тем, что не было в нем ни капли человеческого, понятного – одна звериная, безмерная сила. Вот ее-то и ощутил Язаки и от этого застыл, как вкопанный, а Ваноути тихонько скулил. «Вот это да!» – хотел произнести Язаки, но у него отнялся язык.

– Отдайте мне его и уходите, – песиголовец показал когтем на Майяпана.

Язаки сам не понял, как произнес:

– Еще чего захотел!

Песиголовец зарычал. Он зарычал так низко, что трава в переулке всколыхнулась и полегла, птицы впорхнули с деревьев, а забор, на который опирался Майяпан, прогнулся и с треском рухнул во двор чьего-то дома.

– Эй, вы!.. – возмутился кто-то. – Зачем забор сломали?!

Не открывая взгляда от песиголовца, Язаки чуть-чуть повернул голову. В саду, подбоченясь, стоял хозяин дома – пьяный красномордый горшечник.

– Мы здесь ни при чем, – хотел объяснить Язаки, но кроме таких же звуков, которые издавал Ваноути, выдать из себя ничего не мог.

– Я спрашиваю, что вы здесь делаете?! – горшечник взялся за оглоблю и пошел в раскорячку, похрапывая, как бык:

– Бу-ккосу! Куриное дерьмо!!!

Язаки хотел шевельнуть ногой, да не смог. Хотел вздохнуть поглубже, да не тут-то было. Хотел почесать нос, да рука не поднялась. Тут он вспомнил о мшаго и посмотрел на него – мшаго висел вдоль ноги, как вялый уд, и казалось, что ему нет дела до происходящего. Удобно устроился, как о живом существе, подумал Язаки, и снова посмотрел туда, где стоял песиголовец, а потом на горшечника, который надвигался неумолимо, как зимний шторм.

– А это что за образина? – удивился горшечник, вытаращив глаза на песиголовца.

Его слегка качнуло, и он икнул, но не от испуга, а от обжорства. Песиголовец тихо зарычал. С яблонь в саду посы-

пались плоды.

– Ах, так!.. – многозначительно воскликнул горшечник и выбрался в переулочек. Свою оглоблю он крепко держал в руках, хотя и покачивался, как тополь на ветру. – Сейчас я тебя... Сейчас... – злорадно выговаривал он заплетающимся языком.

Его кривые жилистые ноги уверенно попирали землю. Он отстранил Ваноути, который ему мешал, и двинулся на песиголовца, цедя сквозь стиснутые зубы:

– Бу-ккоросу!!!

Вместо того чтобы привести мшаго в боевое положение и вместе с горшечником дать песиголовцу бой, Язаки подхватил Майяпана, который все так же безучастно покачивался, прислонившись к остаткам забора, и полез в сад горшечника. Не то чтобы он сильно испугался, просто знал, что связываться с песиголовцем неразумно.

– Я ничего, ничего не видел, – бормотал он. – Мне все приснилось. Сики-соку-дзэ-ку¹⁵⁰.

Так или иначе, но Ваноути случайно вывел Язаки к дому горшечника Дзигоку. И в этом была его самая большая заслуга не только за весь день, а и за все предыдущие времена их скитаний по столице Мира, не исключая того случая, когда они попали на желтую императорскую дорогу.

– Открывай, быстрее! – скомандовал Язаки, кивая на крышку погреба.

---

¹⁵⁰ Сики-соку-дзэ-ку – В этом мире все иллюзорно.

В этот момент позади них раздался дикий рев песиголовца: то ли он добивал горшечника, то ли, наоборот, горшечник спьяну добивал его. Ваноути, который до этого все еще не пришел в себя и двигался, словно во сне, внезапно засуетился и, в одно мгновение откинув крышку погреба, сделал шаг вниз. Язаки услышал глухой звук от падения тела. Раздумывать не было времени – рев песиголовца сменился отчаянными воплями горшечника. Затем снова зарычал песиголовец, переходя на визг, в котором слышались нотки боли. Язаки засуетился, шагнул следом за Ваноути и полетел в темноту.

Очнулся он оттого, что рядом, почти над самым ухом, кто-то громко чавкал. Язаки открыл глаза, с ужасом решив, что его пожирают живьем, и увидел демона. Демон облизывал Майяпана.

– Извините, мой господин... – шарахнулся он в сторону, – бес попутал. Я три дня не жравши... – с величайшим почтением покосился на знак кизэ, который светился на груди у Язаки.

– Ты кто? – тихо спросил Язаки, приготовившись к самому худшему.

– Кибби Макиби... Демон дыр и колодцев... – низко поклонился демон.

Был он уродлив, как может быть уродлив только демон: круглый лоб, впалые виски, огромная челюсть – вот что перво-наперво бросалось в глаза. А еще огромные, плоские, как

у лошади, зубы. Откуда у демона зубы? – озабоченно подумал Язаки, неправильно это. У демона не должно быть зубов.

– Ты его съел? – Язаки попытался отодвинуться, но уперся в холодную стену.

В сумерках погребца Майяпан казался глыбой белого мрамора.

– Что вы, сэйса?! – испугался Киби Макиби. – Я его лечил. Друзья моего господина – мои господа!

– Ишь ты? – с облегчением удивился Язаки. – Хм... Правильно говоришь!

Словно в подтверждении его слов Майяпан пошевелился и застонал.

– Ну что стоишь?! – гневно воскликнул Язаки. – Лечи дальше. И того тоже! – он кивнул на Ваноути, который, жалко скорчившись, валялся в отдалении.

– Того я уже вылечил, – прижав руку в груди и беспрепятственно кланяясь, сообщил Киби Макиби.

Язаки снова недоверчиво хмыкнул – ведь он сам слышал, как Ваноути переломал себе все кости, упав в погреб. Но, как ни странно, Ваноути сел и стал водить вокруг безумным взором. Должно быть, он не понимал, куда попал. Его седые волосы топорщились во все стороны, как жухлая осенняя трава.

– Это хабукадзё?¹⁵¹ – спросил он не очень уверенным языком.

---

¹⁵¹ Хабукадзё – ад.

– Похуже... – решил напугать его Язаки.

– Неужели мы все еще в притоне «Уда»?

– Ты что, головой повредился? – спросил Язаки.

– В горле пересохло... – пожаловался Ваноути, разглядывая полки с соленьями и маринадами. – Закуски полно...

– Господа желают выпить? – влез в разговор Киби Макиби. – Сам я к этому делу не приспособлен, а для господ, пожалуйста.

Майяпан, который до этого лежал без чувств, вдруг спросил загробным голосом:

– А что у тебя есть?

– Для господ у меня все есть!

Майяпан сел, громко хлопнул в ладоши и скомандовал:

– Тащи все, что есть!

– Сейчас, только крышку погреба закрою.

Киби Макиби засуетился, словно встретил дорогих гостей. Зажег лампы. В погребе стало светло и уютно. И стал таскать еду, напитки и закуски, причитая громко и явно со вкусом:

– Кушайте, гости дорогие. Кушайте. Горшечник Дзигоку еще заготовит.

– А мы съедим и выпьем, – как ни в чем не бывало добавил Майяпан, закусывая мочеными яблоками.

– К своей любимой я бежал, и в озеро Масэй, бум-бум... упал... – снова запел Ваноути, – и шею себе сломал... бум-бум...

Майяпан снова произнес страшное слово, от которого Язаки становилось не по себе:

– Армагеддон!

– Мы тебя, – пообещал Язаки Киби Макиби, – сейчас научим человеческой пище, чтобы ты не жрал, что ни попадя.

Через коку все были пьяны. Даже демон Киби Макиби, который первый раз в жизни поел по-человечески, решился приобщиться к людским порокам. А так как он никогда не пил ничего крепче человеческой крови, то даже простое пиво сыграло с ним злую шутку – он мгновенно опьянел. Перед глазами стало вначале двоиться, потом – тройиться, и он упал лицом в тарелку с солеными огурцами. Из него вышла душа и занялась созерцанием со стороны, а оболочку сердобольный Майяпан повесил на крючки для окороков, чтобы она обсохла, и они слышали, как беспрестанно стонет демон Киби Макиби, а как только он замолкал, вливали в него новую порцию пива. Сколько это продолжалось, никто не помнил. Только ночью Язаки очнулся, покачиваясь, выбрался на свежий воздух справить малую нужду. Несколько раз с удовольствием вдохнул ночной воздух, посмотрел на звездное небо, хотел пофилософствовать, но почему-то у него ничего не получилось. Вернулся в погреб, едва не переломав ноги, посмотрел на ряды полок, полных еды, на безучастно висящего Киби Макиби. Подумал, что они нашли хорошее место и что, пожалуй, пока нет смысла искать капитана Го-Данго, когда вокруг тебя такой рай.

Песиголовец Зерок был тем самым песиголовцем, которого из сострадания вылечил Натабура. С тех пор с песиголовцем произошло что-то странное – он озлобился и стал убивать всех подряд: и аборигенов, и арабуру, и чертей, и даже готов был полакомиться кецалем, но подобный случай ему все еще не представлялся. Дружил Зерок лишь с одними иканобори, во-первых, потому что воспринимал их в качестве собак – как самых честных, преданных и неподкупных существ, а во-вторых, они были просто огромными, а таких чудищ Зерок уважал. Больше он ни с кем из живых существ не дружил. Он их ненавидел всей душой. Они предали его. Бросили еще щенком в неизвестность, но он выжил. Теперь в его сердце ни к кому не было жалости. Зато в нем было так много силы и злости, что он неосознанно поддался им и стал убивать.

На самом деле Зерок тосковал, но не мог понять причину этого явления. Ему было очень и очень плохо из-за того, что душа его зрела в ненависти ко всему белому свету.

После того как иканобори по имени Муса спас его, ужас поселился на окраинах столицы Мира. Не было уголка, куда бы ни заглядывал Зерок. Порой он бесцельно бродил по городу в тоске и печали, и всех побеждал, и всех съедал, только вот с пьяным горшечником ничего не получилось.

Как и все собакоголовые существа, Зерок не любил пьяных. Он не любил даже намека на алкоголь, поэтому и не ел пьяниц. Черти ему казались милей, хотя от чертей пахло медвежатиной, да и силой они обладали немереной. Поэтому чертей до поры до времени он тоже не ел, хотя мечтал полакомиться. А когда ему представился такой случай, в дело вмешался какой-то пьяный горшечник. Горшечник был настолько пьян, что даже не понял, с кем дерется. Собственно, ему было все равно, на ком вымещать злобу. С таким же успехом можно было подраться с деревом или с колодезным срубом. Но ему попался Зерок, и он подрался с Зероком. В свою очередь, Зероку было все равно, кого есть. Он съел бы и горшечника, но как только тот дыхнул на него, Зероку стало дурно: рот наполнился слюной, на глаза навернулись слезы, а желудок задергался, как паралитик. Тем не менее, Зерок пересилил себя, бросился в драку и получил удар оглоблей. Даже самый опытный боец раз в жизни ошибается. Из глаз у Зерока полетели искры, в пасти появился привкус крови. Если горшечник поймал кураж, то Зерок, напротив, его утратил. Ему расхотелось драться с пьяницей, а хотелось сбежать куда подальше, чтобы только не ощущать противный запах перегара. Но горшечник нагнал Зерока и перетянул оглоблей поперек спины. Зерок взвыл, как раненный в чаще зверь, и повернулся к горшечнику. Это-то рев и услышал Язаки. Если бы горшечник ударил кого-то из простых смертных, то человек не пережил бы такого удара, ибо гор-

шечник был настолько пьян, что не соизмерял свою силу и бил от всей своей широкой души. Он не удивился, что не убил это странное существо, а ударил еще раз, и конечно, промахнулся. Зерок в свою очередь прыгнул на него, и они покатались в пыли, кусаясь и царапаясь, как два огромных мартовских кота. Наверное, Зерок благополучно загрыз бы горшечника, но от горшечника так несло сакэ и пивом, что Зероку стало дурно. Он уже перекусил оглоблю, и добрался до горла горшечника, и принялся его душить, но как только тот на негодохнул, отпрянул, словно ему в нос ткнули китайской ракетой. Терпеть больше не было никаких сил. Перенести такой запах мог кто угодно, но только не настоящий песиголовец. В результате в горле песиголовца родился вой отчаяния. Горшечник воспринял такой исход драки как маленькую победу и снова перетянул Зерока оглоблей, вернее, тем, что от нее осталось. Зерок развернулся и ударил горшечника когтями – просто так, чтобы тот отстал, и оставил у него на груди пять кровавых полос. Оба они завопили от боли и разбежались в разные стороны. Правда, известно было, что горшечник точно побежал домой, чтобы выпить сакэ и взять новую оглоблю, взамен перекушенной, а Зерок почел за благо скрыться в развалинах соседнего квартала, где у него была лежка. Как он жалел, что харчевня «Хэйан-кё» канула в болото. Сейчас бы рыжий харчевник сварганил бы баньку, а после баньки растер бы больные бока мазью из пивок, и боль сняло бы, как рукой.

На следующий день у Зерока так болели спина и бока, что он не вышел на охоту. Сил не было шевелиться. Зерок проклял тот миг, когда ему в голову пришла мысль пообедать чертом. Не поднялся он и на следующее утро, а отлеживался шесть дней подряд и пил одну воду.

Наконец, охая и стоная, как столетний дед, Зерок выбрался из своего укрытий. Стояла прекрасная летняя погода. В небе щебетали птицы, а от реки тянуло прохладой. Зерок болезненно вздохнул и решил искупаться, а за одно и подлечиться. Боль души, которая мучила его, на время стихла. Он наслаждался покоем и щебетом птиц. Он не помнил, слышал ли хоть раз в жизни щебет птиц. Теперь он умилялся им. У него появился повод оглянуться на свою жизнь. Она была тяжелой и полной грязи. Я так устал, подумал он обреченно, я так устал.

Не успел он скинуть кимоно и обмазаться лечебной грязью, как увидел людей. Ага... – многозначительно подумал Зерок, и вместе с голодом в нем проснулась тихая ярость и ненависть ко всему белому свету. Добыча сама шла в руки. И добыча легкая. Зерок, правда, вспомнил о горшечнике и даже поморщился, а потом отмахнулся от воспоминания, как от надоедливой мухи.

Обычно достаточно было одного вида Зерока, чтобы люди разбегались кто куда. Но на этот раз люди почему-то не побежали, а остановились и стали показывать на него – Зерока – пальцами. Этого Зерок перенести уже не мог. Людей было

пятеро, и с ними один огромный черный пес. Псом закушу, злорадно решил Зерок, убью всех, отплачу за обиду горшечника, и он поднялся. Грозен был Зерок даже в побитом виде. Шерсть его встала дыбом и с треском пробила засохшую на солнце грязь, челюсти от злости сами собой удлиннились, зубы в них увеличились в три раза, а когти на пальцах заострились и засверкали, как стальные. В общем, Зерок был очень грозен. Он вприпрыжку побежал навстречу жертвам, забыв о своих болячках. Ветер свистел в ушах.

Вдруг его окликнули:

– Зерок!

Зерок так резко остановился, что оставил в земле две глубокие канавы. Несомненно, он где-то слышал этот голос. Вдруг Зерок понял, что давно знает и человека, и черного пса с рыжими подпалинами. В довершении ко всему, он разглядел, что у пса крылья синего цвета. Вмиг Зерок стал щенком. Он даже сделался меньше, чем был прежде, и едва не подпрыгнул от радости. Но вовремя опомнился, ибо песиголовцу все же не подобает так себя вести. Неведомое ранее чувство счастья охватило его. Зерок вдруг понял причину своей необъяснимой тоски – ему нужен был сильный и справедливый хозяин, похожий на Бога. Таким хозяином был этот высокий человек с крылатым псом – Бог с волшебным медвежьим тэнгу. О чем еще может мечтать песиголовец?

– Зерок, – очень спокойно спросил Натабура, – ты чего

это на людей бросаешься?

Зерок едва не заскулил от восторга – с ним разговаривал Бог, и руки его были сильными и ласковыми.

– Я бы не бросался, – признался Зерок, пожирая Натабуру глазами, – да отошал, как бездомная собака. Извини... – кивнул он Афре и снова уставился на Натабуру.

– Ничего, бывает... – ответил Афре на собачьем языке, вильнув хвостом.

– Спас ты меня, – признался Зерок. – Еще никто ни разу не спасал песиголовца. А ты спас. Не побрезговал. Ты теперь мой хозяин навеки.

– Он и мой хозяин, – напомнил Афре.

– Ничего, поделишься, – нагло ответил Зерок.

– Ладно, – согласился Натабура, посмотрев при этом на учителя Акинобу, который незаметно кивнул. – Будешь нам помогать?

– Буду, – заверил его Зерок. – Я о таком хозяине давно мечтал. Я теперь есть людей перестану. А буду питаться, как человек.

– Ну и молодец, – похвалил Акинобу. – Нам настоящие друзья нужны, – и кинул Зероку рисовый шарик, который тот проглотил, не жуя.

На том и порешили.

Так отряд учителя Акинобу пополнился еще одним существом, которое очень и очень помогло в борьбе с арабуру.

У арабуру был план. Если бы они сразу не принялись убивать знатных титлаков, как они называли всех без исключения местных жителей, то у них ничего не получилось бы. Но, видно, им помогали хорошие учителя, потому что арабуру соображали в своем деле. Перво-наперво, перед тем, как жечь библиотеки храмов, монастырей и дворцов, они захватили все списки придворных и вскоре знали родословные всех императоров до десятого колена. Правда, им не дали Золотые императорские рукописи, в которых велись истинные записи, подтвержденные императорскими печатями. До поры до времени арабуру вообще ничего о них не знали. Больше всего их интересовали принцы, которые склонны были поднимать восстания. Они и в былые-то времена при малейшей возможности стремились захватить власть, а теперь и подавно. А так как у императоров было много наложниц, то и принцев тоже было очень и очень много, и жили они порой в весьма отдаленных местах, куда их отсылали императоры во избежание притязаний на престол. Поэтому работы арабуру хватало. Их специальные отряды рыскали от провинции к провинции, с востока на запад и с юга на север. Арабуру действовали по старинному способу: «Принесите голову врага, и вы продвинетесь в карьере еще на один шаг». Подвалы двенадцатиярусной пирамиды Оль-

Тахинэ были забиты сушеными головами врагов империи. Ни один даже самый отдаленный остров не остался без внимания. Только горы да наиболее глубокие ущелья и долины остались неохваченными. Арабуру прослышали о долине Проклятых самураев и безуспешно искали ее. Некоторые из отрядов словно в воду канули, но арабуру посылали все новые и новые, и они делали свое дело. Если арабуру не находили нужного человека живым, то разрывали его могилу, дабы удостовериться в том, что не ошиблись. По всей стране валялись кости принцев, выброшенные на дорогу. Однако вместо убитых принцев восстания стали поднимать знатные самураи. Когда расправились со знатными самураями, на арену вышли оставшиеся в живых генералы. Но вскоре погибли и все генералы. В Нихон больше не осталось объединяющей силы, кроме монастырей. Первыми пали монастыри, расположенные в окрестностях столицы Мира – Энрякудзи и Миидэра у горного озера Бива и горы Хиэй дзан. Затем пришла очередь монастырей вокруг южной столицы – Нары, и всех других равнинных монастырей. Однако добраться до горных монастырей оказалось не так-то просто. Теперь их берегли пуще зеницы, и арабуру трудно было найти проводника-предателя, который указал бы им дорогу. Но постепенно, днем за днем, шаг за шагом арабуру разоряли горные монастыри, а монахов, как водится, убивали в назидание остальным титлакам. Горных монастырей осталось так мало, что их можно было сосчитать по пальцам одной руки. Арабуру догады-

вались, что монахи уходили в необжитые места и создавали новые тайные поселения. В одном из таких монастырей, точнее, в долине Проклятых самураев и поселились Три Старца. Но найти эту долину арабуру не смогли, сколько ни пытали и ни терзали титлаков по всей стране. И не потому что не могли выпытать, а потому что о нахождении ее никто ничего не знал, кроме двух людей: старого друга капитана Го-Данго – Гёки, и невидимки из Ига – Абэ-но Сэймэй.

Наконец арабуру вздохнули более-менее спокойно: император мертв, принцы – там, где и положено, в своих могилах, а генералы и свободолюбивые самураи изрублены на мелкие кусочки, и вороны склевали их плоть. Кто теперь может противостать нам? – гордо думали арабуру и пытались забыть о долине Проклятых самураев. Постепенно крупные восстания сошли на нет, а мелкие, поднятые голодными крестьянами, не представляли никакой опасности, их давили в самом корне с помощью иканобори, которые, не мудрствуя лукаво и не очень-то себя утруждая поисками зачинщиков, просто сжигали деревни со всеми ее обитателями. Осталась малость – уничтожить последние монастыри титлаков и приняться за остальное население. Да сил не хватало, потому что кецали у себя, на таинственной родине, испытывали затруднения и пока отделялись одними обещаниями.

Однако новые хозяева Нихон, которую они теперь называли Се-Акатль, подозревали, что против них зреет заговор. Их тревожило непонятное затишье. Легче было бороться с

видимым врагом, чем ждать, когда он исподтишка нанесет коварный удар. Многочисленные шпионы и различного рода доброхоты от цукасано гэ приносили арабуру слухи и сплетни. Но они были столь противоречивы, что арабуру до сих пор не знали, где находится центр зреющего восстания. Но то, что оно зреет, было совершенно очевидно. Наконец арабуру очень удивились, когда обнаружили, что заговорщики расположились у них под носом – в самой столице. Это произошло, когда они в поисках улетевших мятежников обшаривали город и его окрестности. На Слиянии отряды арабуру наткнулись на вооруженных титлаков, которые с непонятным упорством защищали пещеры. Прежде чем арабуру смогли проникнуть внутрь, они потеряли с десятков убитыми и столько же ранеными. А в кельях нашли неоспоримые признаки заговора – почтовых голубей. Правда, вначале арабуру не поняли значения находки. Дело в том, что ни арабуру, ни кецали не знали, для чего предназначались голуби. Арабуру решили, что дикари едят голубей, и по простоте душевной выпустили бедных птишек в небо. И только потом, когда цукасано гэ раскрыли им глаза на суть вещей, они схватились за голову – ведь с помощью голубой можно было проследить, где находятся враги империи, и одним махом уничтожить заговор.

Вот над чем в тягости и мучениях из-за обваренной руки размышлял император Кан-Чи. Если он раньше с легким сердцем любовался на пейзажи, открывающиеся с вершины

его золотой пирамиды-дворца Оль-Тахинэ, находил их прекрасными и предавался мечтам о великой и неделимой Се-Акатль, то теперь та же картина с бескрайними лесами, напоминающими родину, и широкой рекой, петляющей до самого горизонта, казалась ему отвратительной до зубной боли. Однако вовсе не потому, что эти окрестности населял непонятный ему дикий, упорный народ, а потому что ему, императору Кан-Чи, мало что было подвластно в его же судьбе. Судьба творилась независимо от его воли и от прихоти Богов. Эта мысль зрела у него в голове очень давно. Он гнал ее, но она, как змея, проскальзывала в сознание, поселялась там и мучила круглые сутки напролет. Императора Кан-Чи охватывало бессилие.

– Что ты думаешь, Якатла? – спросил Кан-Чи больше из уважения к чину жреца, чем из желания услышать его мнение.

Якатла сидел по правую руку, но на ступеньку ниже, в маленьком кресле, усыпанном драгоценностями. Это кресло по сравнению с огромным троним императора выглядело детским стульчиком. И хотя Якатла с завистью поглядывал на высокий трон императора, он понимал, что ему в него никогда не сесть, даже если он станет человеком нормального роста.

– Нам нужно торопиться.

Торопятся только на свадьбу, подумал император Кан-Чи, но промолчал. За глаза он называл своего советника карли-

ком, но ничего с ним не мог поделаться, потому что Якатла к нему приставила сама Царица Цариц, а ссориться с ней ему было опасно. С другой стороны, он понимал, что жрец Якатла только укрепляет его власть. Чертов карлик, думал Кан-Чи.

Главный жрец Якатла действительно вышел из утробы матери уже старым. Случилось это, когда Пернатый Змей Кукулькан путешествовал по миру и посетил столицу Теночтитлан. Его попросили объяснить, почему пожилая женщина родила старика. Стоило Пернатому Змею взглянуть на Якатла и его мать, как он все понял. Мало того, он даже поговорил с Якатла. Оказалось, что с первого дня рождения Якатла умеет говорить на всех языках Тройственного Союза.

– На него наложено проклятие, – объяснил Пернатый Змей жителям города.

– Ах! – воскликнули люди вокруг и приготовились убить старую мать и ее младенца-старика.

– Стойте! – остановил их Пернатый Змей. – Давайте вначале расспросим.

– Давайте, – согласились жители Теночтитлана, опустив свои обсидиановые мечи.

– В прошлом перевоплощении ты совершил великий грех. Так?

– Так, о Великий, – пропищал Якатла, которого повитуха даже не успела вытеретьь.

– Ты предал своего учителя?

– Да, о Великий. Я помню, что тот, кем я был в прошлой жизни, обозвал учителя дураком и сбежал из храма к белой колдунье.

– Бедное дитя, – вздохнул Пернатый Змей. – Твоя мать в юности вышла замуж, забеременела, но родить тебя не смогла. Потом она забеременела второй раз и родила нормально-го человека. Если ли у тебя брат?

– Да, – из толпы вышел пожилой человек. – Я почти такой же старый, как и моя мать, – сказал он.

– Вот и все сходится, – объявил Пернатый Змей. – Это твой младший брат, – Пернатый Змей указал на пожилого человека. – Ты же за строптивость был наказан провести всю жизнь в заключении. Но проклятие кончилось. Ты станешь жрецом и будешь воевать. Жизнь твоя будет яркой, но короткой.

Рассудив таким образом Пернатый Змей Кукулькан удалился.

– Спасибо! – вслед ему пропищал Якатла, которому до смерти надоело сидеть в утробе матери и он был согласен на любую судьбу, какую бы ему ни предложили.

Имея такого жреца, которого благословил сам Пернатый Змей, рассуждал император Кан-Чи, я не то что покорю, а переверну всю страну. Теперь ему казалось, что достаточно еще одного усилия, и все, к чему он так долго стремился, сбудется. Тогда не надо будет унижаться перед кецалями, чертями и еще бог весть перед кем, кого кецали считали

нужным притащить в его страну. Именно в его страну! Дайте только оправиться, думал он. Я потом со всеми разделаюсь, и с этими самыми кецалями в первую очередь.

В таком воинственном расположении духа и застал его новый начальник городских стражников Сань-Пао. Сань-Пао родился в Ая и очень рано начал карьеру дипломата, надеясь далеко продвинуться по этой стезе. Однако в молодости был замешан в заговоре против императора Ая – Цао Куй, и бежал в Нихон. С тех пор путь на родину был заказан – ему грозила смертная казнь в яме с известью, в которой растворяются даже кости. Вся его родня была вырезана, а имя его было изъято из всех записей. Был Сань-Пао, и не стало Сань-Пао.

Сань-Пао поступил на службу к императору в министерство земли. В частности, он подготовил закон "О плодородных и тощих земельных участках". Взимал подати в зависимости от качества земельных участков и очень гордился тем, что его система была самой правильной в мире. Правильней была только в Ая, которую он по-прежнему боготворил. Однако очень скоро он разочаровался в своем труде, потому что император вечно нуждался в деньгах и подати взимались без учета урожайности земли. Рано или поздно он одумается, мечтал Сань-Пао, ведь очевидно, что крестьяне голодают, а страна нищает. Но проходили года, а ничего не менялось. Тогда честный и добросовестный Сань-Пао, который никогда и ни в чем никому не перечил, стал презирать страну Ни-

хон. По простоте душевной он все еще думал, что власть сама должна понимать столь очевидные вещи. Знаток истории и военного дела, он не понимал, как можно воевать, используя дедовские приемы тактики и стратегии. Мудрые китайцы давно так не воевали. Они пользовались настоящей стратегией великого Суныцзы, почерпнутой еще из древних трактатов "Искусство войны". В этой же стране вся война сводилась к схватке толпы на толпу. Тем не менее, он перешел на службу в химицу сосики – Тайный сыск и нагляделся еще больших мерзостей: от подкупа и шантажа, до непомерной жадности высокородных чиновников: нужных людей отпускали за большие деньги, а мелких сошек вешали на Красной площади. В конце концов он привык, смирился с таким положением вещей и просто тянул лямку, довольствуясь мелкими поручениями, ибо, видя его радение, начальство не давало ему больших должностей. Наверное, он так и дожил бы да конца своих дней и умер бы в безызвестности, в собственной постели, в окружении горюющих родственников, однако на старости лет судьба решила наградить его еще одними приключениями – о нем вспомнили после того, как пропал Бугэй.

– Друг! – весьма любезно воскликнул император Кан-Чи. – Я хочу, чтобы ты стал новым начальником городской стражи.

У его ног возлежал черный Мурасамэ. Он был такой огромный, что его голова походила на голову теленка. Еще

четыре обнаженных арабуру, но не простые, а ураканы – смертники, внутренняя охрана, вооруженные мшаго, следили за каждым движением Сань-Пао. В их обязанность входило сопровождение императора везде, даже когда он посещал туалет. Всякий, кто приближался к императору без его разрешения, должен был быть убитым, несмотря на чин и родственные связи.

Сам начальник дневной и ночной стражи Чичимек присутствовал при разговоре, перед которым Сань-Пао так тщательно обыскали, как не обыскивали даже при прежнем императоре Мангобэй.

Сань-Пао поднялся с колена. Придворный этикет изменился – перед старым императором можно было стоять только на коленях. Смотреть в глаза не разрешалось под страхом лишения живота. А когда заканчивалась аудиенция, то полагалось отползать назад, и только за огромными двухстворчатыми дверями можно было встать на ноги, однако, не отряхивая колен, надо было пятиться задом до самого выхода из дворца, ибо считалось, что взгляд императора все еще сопровождает тебя и следит, насколько ты подбострастен, а значит, и верен императору.

– Есть ли у меня выбор? – смело спросил Сань-Пао.

Черный Мурасамэ поднял морду – еще никто так не осмеливался разговаривать с его хозяином.

– О! – удивился Кан-Чи и прищурился. – Ты смелый или хитрый?

– Он не смелый и не хитрый, – заметил Якатла, – он лживый. Повесь его!

– Я просто старый для того, чтобы строить козни.

Старый и глупый, подумал император Кан-Чи и погладил черного Мурасамэ, стоит мне чихнуть, как твоя голова покатится по этим ступеням.

– А еще спорит! – заметил Якатла. – Повесь его!

Император Кан-Чи поморщился. Визгливый голос карлика не давал сосредоточиться.

– Хм... Приветствую твой ход мыслей, – похвалил Сань-Пао император Кан-Чи, не обращая внимания на слова Якатла. – Признаюсь, мне нравятся такие люди.

– Я готов преданно служить империи!

– Он врёт! Повесь его! – требовал Якатла.

Карлик Якатла надоел императору Кан-Чи, он вспылал.

– Не угодно ли тебе будет удалиться в свои покои! – потребовал он. – Эй, – кликнул он Тла. – унеси господина.

– Это почему? – возмутился Якатла.

– Потому что здесь решают государственные дела, а не споры.

Якатла с кряхтением взгромоздился на носилки и в отместку разодрал рабу все плечи.

– Ну и хорошо, – со вздохом проводил его взглядом император Кан-Чи. – А теперь мы поговорим спокойно.

В Сань-Пао всколыхнулись давно забытые надежды на то, что, наконец, кто-то оценит его преданность, честность и ум.

Как ни странно, Кан-Чи понял его. Он даже заметил, что глаза у Сань-Пао повлажнели от переизбытка чувств. Когда-то, когда еще Кан-Чи пороли за малейшую провинность, он был точно таким же, как и Сань-Пао. Хорошо, оценил император Кан-Чи, очень хорошо. Хорошо, что он наивен до чувствительности. Такие верно служат. Может быть, он даже окажется удачливей этого проныры Бугэй. Потом мы его прилюдно казним за какой-нибудь проступок и заменим на своего арабуру, а пока пусть послужит.

В душе император Кан-Чи презирал всех цукасано гэ, которые вольно или невольно уничтожали своих соплеменников, но до поры до времени цукасано гэ были ему нужны, они знали традиции и нравы своей страны и были хорошими исполнителями.

– Радуйся, я назначаю тебя на этот пост! Слава Пернатому Змею! Уййй!!! – провозгласил император Кан-Чи, подписывая государственный указ. Он потряс бамбуковым свитком¹⁵².

Секретарь, который безмолвно стоял в отдалении, подбежал и принял свиток, чтобы спрятать его в ларец.

Сань-Пао изобразил на лице неподдельную радость, хотя едва ли поверил в свое счастье даже наполовину. Опыт всей его жизни подсказывал, что правители безбожно лгут, что они не бывают бескорыстными и что не надо ждать ничего

---

¹⁵² Бамбуковый свиток – связан из плоских палочек, сшитых нитью. Иероглифы писались сверху вниз.

хорошего от его назначения на столь высокий пост. Попро-
бую еще раз, подумал он, а вдруг что-то да выгорит.

– Теперь скрепим наш договор, – сказал император. – Я
знаю, что в этой стране он укрепляется совсем не так, как у
нас, поэтому мы поступим по вашему обычаю.

Они вышли на балкон и помочились так, чтобы струи их
мочи слились в воздухе. Сверкая на солнце, как бриллиан-
ты, струи мочи пролились на огромные ступени двенадца-
тирусной пирамиды-дворца Оль-Тахинэ, а ветер подхватил
брызги и разнес на крыши домов, парки и лес по всей окру-
ге. Черный Мурасамэ тоже присоединился к ним, и его моча
тоже пролилась на город. После этого они вернулись в ком-
нату, и император Кан-Чи спросил:

– Убили ли мы всех принцев?

– Да, сэйса! – твердо сказал Сань-Пао. – Согласно доку-
ментам, собранным со всей империи.

– Мне донесли, – проникновенно сказал Кан-Чи, – что су-
ществуют Золотые императорские родословные и что якобы
в них прописаны все-все принцы, сыновья принцев и внуки
сыновей принцев. Не огорчай меня ложью.

– Я все сделаю, как вы повелеваете, сэйса.

– Иди и через три дня принеси мне голову главного заго-
ворщика! А потом займись Золотыми родословными.

Черный Мурасамэ радостно ощерился – он не понял
смысла разговора, но уловил интонацию – коварную, как жа-
ло змеи.

Сань-Пао по привычке не посмел ослушаться и вышел с холодеющим сердцем, ибо знал, что за такой срок ему ни за что не найти даже рядового бойца мятежников. А вот о Золотых императорских листах он даже думать не хотел, ибо понимал, что они спрятаны очень и очень надежно и что до них ему никогда не добраться.

Теперь я отомщу всем-всем, подумал император Кан-Чи, нянча ошпаренную руку и не понимая самого главного: что месть – это блюдо, которое всегда подают холодным, и что стгоряча может ничего и не получиться.

Сань-Пао в свою очередь решил, что древние обычаи надо менять – негоже, когда пес мочится на твой любимый город. Негоже!

Новоиспеченный начальник городско стражи – Сань-Пао, решил воспользоваться случаем. Ему донесли, что в квартале чеканщиков нашли необычного человека со спиленными рогами. Сань-Пао догадался, что речь идет о черте. Надо ли говорить, что это был бедный Ёмэй.

Это была сенсационная новость. Не то чтобы Сань-Пао знал о чертях все. По роду службы кое-какие сведения у него, конечно, были. Он знал, что черти прилетели вместе с арабуру, являются их темной, «обратной» стороной. Как Солнце не может жить без Луны, так и кецали не могли обойтись без чертей. От людей их отличало наличие рожек, которые они старательно спиливали. Никто из людей не знал, зачем и почему кецали таскали за собой чертей. И сколько Сань-

Пао ни интересовался этим вопросом, ответа так не нашел и решил, что эта самая большая тайна кецалей. Еще большей тайной было появление ойбара – песиголовцев. Сань-Пао догадывался, что ойбара появлялись вслед за кецалями, независимо от воли последних, как их тень, – просто появлялись, и все, возникали из ничего, из воздуха, и что сам Ушмаль ничего поделаться с этим не может. Если Будда это допускает, думал Сань-Пао, то так тому и быть. Похоже, я на верном пути.

Но кто посмел или сумел убить черта Ёмэй? Это был самый главный вопрос, который с тех пор постоянно мучил Сань-Пао. Убить мог только ниндзюцу. Значит, они все еще в городе! Так Абэ-но Сэймэй, сам не зная того, оставил след, по которому пошел Сань-Пао.

Вот о чем думал Сань-Пао, с любопытством разглядывая сюрикэн – стальную иглу длиной с сяку. На ее тупой стороне был выбит иероглиф «воля», что позволяло думать об одной из северных школ ниндзюцу. По качествуковки, отделки и острию иглы можно было сузить круг поиска до конкретного уезда.

Сань-Пао позвонил в колокольчик и приказал принести коллекцию сюрикэн. Он долго рассматривал иглы сквозь волшебное стекло, а через коку уже понял, что такие изготавливались в трех провинциях, лежащих на севере: Кадзуса, Мусаси и Симоса. А голуби летят на восток, отметил Сань-Пао. Ерунда какая-то! О том, что провинций три, говорили

следующие приметы: схожий металл, одни и те же приемы ковки, удлиненная, а не округлая и не плоская форма острия, иероглиф «воля» и торец, выполненный в виде овала – так легче было держать иглу. Обычно иглы прятали в рукаве кимоно на специальном шнуре. Конкретно эта игла висела и терлась о шнур очень долго, из чего можно было сделать вывод, что человек пользуется иглами крайне редко. Игла даже успела заржаветь от пота.

Провинция Кадзуса исключалась. Она лежала в верховьях реки Абукима и совсем недавно была сожжена иканобори. Конечно, это еще ничего не значило, потому что сюрикэн могли изготовить загодя. Но провинция Кадзуса была слишком доступна, а Сань-Пао знал, что ниндзюцу предпочитают малонаселенные и труднодоступные места. Поэтому провинция Кадзуса отпадала. Оставались две самые бедные провинции: Мусаси и Симоса, в которых и людей-то не осталось, думал Сань-Пао. Тем лучше – легче будет искать. А начинать надо с дорог и пастухов – первые надо перекрыть так, чтобы муха не пролетела, а вторых надо отловить как можно быстрее.

Но перед этим требовалось решить еще одну важную задачу, от исхода которой зависели все последующие действия. Если я ее не решу, все остальное не будет играть никакой роли, мудро подумал Сань-Пао. Он привык ждать, и долготерпение было главным его козырем, поэтому сердце его даже не дрогнуло и душа осталась спокойной, как камень, ко-

гда пришла пора предстать перед ясными очами императора Кан-Чи. Дальше тянуть было просто опасно – прошло три дня, и надо было явиться с докладом и главной уликой.

Перво-наперво, он велел отрезать голову черту, имени которого он не знал, обмыть ее, сделать прическу, и с этой жуткой ношей отправился в золотой дворец императора Оль-Тахинэ. Шел четвертый день, и Сань-Пао, кряхтя, выбрался из паланкина перед величественными ступенями, созданными, казалось, для великана. Ступени убегали вертикально в небо, и где-то там, в неприступной синеве, горел золотом дворец императора Кан-Чи.

Однако Сань-Пао не полез по ступеням. Да и не долез бы, не только потому, что на каждой ступени в башенках находились арабуру, а потому что каждая ступень была высотой не меньше, чем в кэн¹⁵³. Сбоку в ступенях существовал тайный вход. Сань-Пао попал внутрь пирамиды и в сопровождении трех арабуру стал подниматься по узкой каменной лестнице. Хотя Сань-Пао был далеко не молод, он даже не запыхался – ведь он с юности занимался гимнастикой тай-чи и легко дал фору арабуру, которые, забравшись на самый верх, дышали, как носильщики паланкина, а Сань-Пао даже не вспотел.

– Таратиси кими! – преклонил он колено. – Я принес вам голову самого главного заговорщика.

Конечно, он знал, что черт не заговорщик. Но кто проверит? А потом может быть поздно. Однако думать об этом со-

---

¹⁵³ Кэн – 1,8 м.

всем не хотелось.

– Уййй!!! – обрадовался император Кан-Чи и хлопнул себя здоровой рукой по затылку. – Покажи! – велел он.

Голова черта Ёмэй, завернутая в белый холст, находилась на специальной подставке с небольшими плетеными бортиками из лозы. Сань-Пао откинул ткань и с поклоном подал голову, как подают самые богатые дары.

– Да-а-а... действительно... – молвил император Кан-Чи, словно зачарованный. – Знатная голова. Большая голова. Необычная голова. Можно сказать, уродливая. Только у родовитых мятежников могут быть такие головы. Молодец!

– У обыкновенных мятежников таких голов нет, – согласился Сань-Пао, не смея поднять взгляд, что его вполне устраивало, ибо он, конечно, врал, но это был единственный выход остаться сегодня живым. Что будет завтра, он не хотел думать.

– Похоже, ты отличился, – сказал император. – Отдай ее какумагусу¹⁵⁴. Он пополнит мою коллекцию голов.

– Сэйса... – с замиранием сердца попросил Сань-Пао, – разрешите мне оставить голову при себе. Следствие только начинается, а мне нужны улики.

– Хм... – подумал император Кан-Чи, – ты умен. Будешь ли так умен, когда дело дойдет до восстания?

– Буду! – твердо сказал Сань-Пао.

– Молодец, – еще раз похвалил император. – Ладно, раз-

---

¹⁵⁴ Какумагуса – коптильщик голов.

решаю, забирай голову.

Камень скатился с души Сань-Пао – он избежал смерти. Ведь если бы императорский какумагуса занялся головой, он бы обнаружил спиленные рога и дело могло принять печальный оборот. За подлог Сань-Пао могли кинуть в реку или посадить на кол, а то и содрать кожу с живого. На случай неудачного развития событий в правом кармане он прятал три зернышка риса, пропитанные ядом. Этого было достаточно, чтобы избежать мучительной смерти. Но сегодня зернышки не понадобились, и Сань-Пао выбросил их, как только сел в паланкин. Сегодня Боги были милостивы к нему.

Сань-Пао не заметил, как из-под гнилой колоды блеснули глаза-бусинки. На запах выскочила хитрая крыса, одну за одной проглотила три зернышка риса, но, не успев юркнуть назад под колоду, пискнула и упала на спину. Ее розовые лапки несколько раз дернулись, и жизнь покинула хитрую крысу. Хотела ли крыса предупредить сородичей, или ее писк был последней искрой жизни, Сань-Пао так и не узнал, но если бы он увидел все это, он, по крайней мере, сделал бы три вывода: никогда не кидайся на то, что тебе подсовывают; остерегайся незнакомцев; дающая рука всегда враждебна. Ничего этого он не увидел, поэтому продолжал жить наивно, в полной уверенности, что он переделает мир.

Уже глубоким вечером при свете фонарей Сань-Пао поставил перед собой голову и принялся ее изучать. Зачем же он тебя убил? – спрашивал Сань-Пао. Вид у головы был

грустный, словно она просила прощение за то, что не смогла уберечь свое тело. Убил одним ударом. Если бы испугался, то скорее всего убежал бы. А здесь ударил – сильно и точно. Знал, куда бить.

На старости лет Сань-Пао уже не пил сакэ, а ограничивался пивом. После третьей чашки его вдруг осенило: глаза! Кто закрыл глаза? Должно быть, стражники по старому обычаю. Сань-Пао приподнял голове веки. Так и есть, левый глаз светло-серый – вот причина, почему убили черта! Только местные жители боятся глаза демона, поэтому они и убивают всех дикарей с серыми глазами. Итак, это работа ниндзюцу! – окончательно убедился Сань-Пао. Но если бы ниндзюцу знал, что это черт, он бы с ним не связался. Зачем связываться с чертом, если он не человек? Логичнее было бы пройти мимо. Но он принял его за человека и убил. Спленные рожки подвели.

Несмотря на то, что заканчивалась стража свиньи¹⁵⁵, Сань-Пао вызвал черного капитана Угаи. Черным его называли не только потому, что он был смугл, а еще и потому что у него была репутация человека, который не чурается черных дел. Ходили слухи, что он скупал печень казненных и продавал голодным крестьянам, которые в свою очередь пекли пирожки с ливером. По этой причине Сань-Пао никогда ничего не ел в городе.

Угаи сел на пятки в позу ожидания и оперся на боль-

---

¹⁵⁵ Стража свиньи – 21–23 часа.

шой меч. Сань-Пао знал, что так сидят только последователи школы кюдзюцу и что девиз этой школы звучит так: «Сохраняй хладность ума в любых ситуациях». Но Сань-Пао казалось, что Угаи спокоен до самонадеянности. У него был очень пристальный взгляд, поэтому Сань-Пао не любил Угаи. Что-то в нем было такое, чего Сань-Пао еще не понял, но других помощников у него не было. Приходилось рассчитывать только на черного капитана.

– Вот что, – сказала Сань-Пао. – Утром займешься голубями. Или я что-то не соображаю, но они должны летать на север и возвращаться оттуда, а они летят и возвращаются с востока.

– Слушаюсь, сэйса, – с достоинством кивнул Угаи и подкрутил маленькие усики. – Я знаю эти хитрости. Обыщу все окрестные деревни и схвачу всех голубятников.

Черный капитан был высоким, худым и мускулистым. И хотя его щеки тронула сеть морщин, он был очень силен и ловок. Да и роду-племени, как и Сань-Пао, он был явно не японского. Никто не знал, кто он на самом деле и где его родина. Он одинаково походил и на южных людей, и на северных. Даже по выговору ничего нельзя было понять. Угаи говорил на диалекте провинции Хитати, но слово «исуки» произносил так, как обычно произносят его в провинции Дарима – «исусуку», а «кудзиро», как в провинции Сиды, – «кудзири». Было еще несколько странных слов, но особенно одно озадачивало Сань-Пао. Капитан Угаи произносил его во

всех тех случаях, когда его что-то особенно волновало. Вот и теперь он добавил в конце фразы:

– Господи, Иисусе!

Для ушей Сань-Пао это звучало так: «Господииисусе», а ударение была только одно – в конце фразы, что вообще было непривычно даже для китайского уха.

– Правильно, – согласился Сань-Пао, – мыслишь верно. Особенно те деревни, где крестьяне занялись конишелью. Что-то уж очень странно.

– Может быть, они оголодали и взялись за ум? – предположил Угаи.

Но Сань-Пао понял его с полуслова.

– Если мы разорим эти деревни, арабуру нам головы оторвут быстрее, чем мы поймем это.

– Воля ваша, сэйса, – смиренно склонил голову Угаи.

Сань-Пао на мгновение показалось, что помощник слишком быстро согласился. Было бы глупо его в чем-то подозревать, подумал он. Да и в чем? В тайной симпатии мятежникам? Тогда он еще глупее, чем я, ибо нет смысла помогать тем, кто и так погиб.

– С нашим народом свихнешься! – коротко хмыкнул Сань-Пао. – То они не хотят выращивать кактусы, то они хотят выращивать кактусы. Ничего не поймешь! Пусть в этом разбираются сами арабуру. Возьми самых лучших стрелков, но через три дня у меня в руках должна быть почта этих голубей. Понял?

– Понял, сэйса, – все так же спокойно кивнул Угаи.

Одного не заметил Сань-Пао – в глазах черного капитана словно блеснули искры ненависти.

– Смотри, времени у нас нет, иначе сварят вместо архатов.

– По-моему, они улетели, – напомнил Угаи.

– По официальной версии они сварились. А улетели их души. Понял? Мне ли тебя учить?

Сань-Пао не хотел преждевременно лишиться помощника из-за того, что тот не понимает политику императора Кан-Чи. Раз сказано – души, значит, души. Такова официальная версия, и нечего себе морочить голову.

– Понял, – снова кивнул Угаи, но на этот раз в его глазах блеснули не искры, а молнии, хотя он казался спокойным, как спящий медведь в берлоге.

– Ну и хорошо, – кивнул Сань-Пао. – А я займусь шпионом.

– У нас появился шпион? – спросил Угаи, оставаясь безучастным, как сосульки на морозе.

Сань-Пао больше привык к обходительности чиновников, поэтому сдержанность черного капитана его раздражала, но он не подал вида.

– Они здесь были всегда. Эти люди с гор. Только теперь они готовят восстание и стали очень опасны. А еще надо спуститься в лабиринт Драконов и найти старшего черта Майя-пана. Что-то мне подсказывает, что он в курсе всех дел.

– Его видели в компании пьяных людей, – подсказал ка-

питан Угаи.

– О! Видишь, чутье меня не обмануло. Вот и займись этим. А я займусь самым главным – ниндзюцу, у которого тень дракона Аху. Знаешь такого?

– На базарах всякое болтают... – уклончиво ответил капитан Угаи. – Но я ни разу не видел. Говорят, его можно узнать по тени, у которой есть крылья, – и снова посмотрел так пристально, что Сань-Пао подумал, а не метит ли он на его место?

– Точно! Молодец! Вот и будем его искать. Это самое главное. Найдем ниндзюцу с крыльями, значит, найдем бунтовщиков.

– Господи, Иисусе! – произнес Угаи и покинул кабинет Сань-Пао.

* * *

До поры до времени Абэ-но Сэймэй никому не говорил о хакётсу Бан и о его мальчишке-поводыре по имени Кацери. Такой козырь надо было хорошо прятать в рукаве – настолько хорошо, чтобы о нем не то чтобы никто ничего не знал, а даже не мог бы догадаться. Дело было тайное и при излишней суетливости могло и не выгореть. А сработать надо было наверняка. От этого зависела судьба восстания. Самое главное, что он вовремя запретил им тренировки в сточных озерах города, велел сидеть тихо и ждать приказа. Как

потом оказалось, он все сделал правильно: арабуру не схватили ни хакётсу Бана, ни его поводыря Кацири, точнее, они чурались их вида и запаха, хотя обшарили весь город. Кому нужен прокаженный с изуродованным болезнью лицом и мальчишка, от которого очень скверно пахло? Не нашлось даже сумасшедшего, который бы по доброй воле приблизился к ним. Дело было на базаре зеленщиков, где еще теплилась торговля. Если бы арабуру или кэбииси были внимательнее, они бы наверняка заметили, что хакётсу с поводырем слишком быстро сгнули в ближайших развалинах, словно заранее знали, куда прятаться. Больше на этом базаре никто никогда их не видел. Его обитателей согнали в государственную тюрьму Тайка и посадили в клетки, чтобы подвергнуть пыткам, а кое-кому предстояло даже украсить Сад голов своей головой.

Хакётсу Бан знал свое дело. Он купил у банщиков бочку, наполнил ее человеческими испражнениями, чтобы Кацири было где постигать тонкости ремесла. Смысл этих упражнений сводился к тому, чтобы он привык к ограниченному пространству.

Абэ-но Сэймэй верил в плохие приметы. Например, если утром на северо-востоке, считавшемся «вратами демонов», висели тучи, то он в этот день вообще ничего не делал. Плохой приметой также являлись сухие паучки в углах комнаты, стук духов под полом и раздавленные лягушки, поэтому у себя в саду Абэ-но Сэймэй ходил, внимательно глядя под

ноги. Перечень плохих примет этим не ограничивался. Сегодня, например, он встретил на улице человека с разного цвета глазами. Если бы у человека, похожего на корейца, были бы другие глаза, то Абэ-но Сэймэй ни за что бы не убил его. Но именно такое сочетание: левый глаз серого света, а правый – карий, было в Нихон очень и очень плохой приметой, настолько плохой, что этому человеку легче было умереть, чем жить. Считалось, что левый серый глаз – это глаз демона смерти, которым он наблюдает за людьми. Новорожденных с такими глазами убивали сразу же или изгоняли вместе с матерью из деревни, поэтому Абэ-но Сэймэй, не задумываясь ни на мгновение, выбросил перед собой руку и вонзил в сердце человеку сюрискэн¹⁵⁶. Не оглядываясь, Абэ-но Сэймэй продолжил путь дальше, не зная самого главного: что он убил не человека, а черта Ёмэй, которому покойный харчевник давеча отпиливал рожки в харчевне «Хэйан-кё». Ёмэй же получил от самого Ушмаля очень неприятное задание – найти и доставить в ставку кецалей старшего черта Майяпана. Ставка находился в летающей джонке, которая называлась хаятори¹⁵⁷. Все это было следствием тайного доноса рыжего харчевника, который канул в черную выворотню вместе с харчевней «Хэйан-кё». Никто не знает, каким образом донос попал к Ушмалю, но его реакция была однозначной: найти, и точка! Самое удивительное заключалось в том, что

---

¹⁵⁶ Сюрискэн – стальная игла.

¹⁵⁷ Хаятори – «летающая птица».

старшего черта Майяпана не было в ставке, хотя обыскали все: и весь подземный лабиринт Драконов, и закоулки ставки кецалей, даже подняли из выворотни харчевню – Майяпан как в воду канул.

Никто не мог найти Майяпана, а рядовой черт Ёмэй нашел. Нашел совершенно случайно – в первый же день поисков и только потому, что заблудился и вместо квартала чеканщиков попал в квартал горшечников, в который сроду не ходил. Он и думать не мог, что старший черт Майяпан пьет сакэ. Но именно так оно и было. Обнаружил он его в компании пьяных людей. Мало того, с ними был пьяный в стельку демон, которым эта компания играла в «пугало». Смысл игры для черта Ёмэй остался неясен, должно быть он заключался в том, что в демона распяли на кресте. Стоило этому демону, изображающему пугало, издать какой-либо звук или шевельнуться, в него вливали пиво в невероятном количестве. Компанию это очень и очень веселило. Попутно черт Ёмэй удивился тому факту, что пьяный демон, оказывается, не боится дневного света. Надо будет сообщить об этом Уш-малю, подумал он и в грустной задумчивости отправился в ставку. А загрустил он оттого, что позавидовал Майяпану, его свободе и впервые ощутил желание отдохнуть и расслабиться. А то работаешь и работаешь, как вол, ни тебе уважения, ни благодарности. Вот почему черт Ёмэй опростоволошился и не сумел защититься от нападения Абэ-но Сэймэй.

Троекратно пощелкивая пальцами левой руки для того,

чтобы не дать вездесущим хонки приблизиться к себе, Абэ-но Сэймэй спешил к реке. Он сел в лодку и стал изображать рыбака, пока его не прибило к Запретному острову.

С виду Запретный остров был безлюден. Абэ-но Сэймэй завел лодку в бухту и отправился к одинокой скале. Так делали все рыбаки. На это скале жил каппа, который владел Слиянием, и все рыбаки приносили ему еду, чтобы спокойно ловить рыбу.

Каппа кивнул ему, как старому знакомому, отодвинул валун, и Абэ-но Сэймэй попал в пещеру.

– Мы тебя уже ждали, – сказала капитан Го-Данго.

Они сидели в большой, светлой пещере, пили пиво и держали совет. Свет падал из многочисленных трещин в стенах. Справа от Натабуры дремал Афра, слева – Зерок. Но если Афра нет-нет да и открывал глаза, то Зерок спал по-настоящему, даже похрапывал. Теперь, когда он нашел хозяина, ему можно было ни о чем не волноваться. Вот он и спал, как убитый. Абэ-но Сэймэй не сказал о причине задержки и о человеке с глазом дьявола. Он начал кое о чем сожалеть. Ведь таких людей давным-давно извели? Извели. Значит, что? Значит, я убил не того. В смысле, убил не человека. А кого? Да и убил ли я его? Не знаю, признался он сам себе. Не знаю. Эх, надо было все же проверить. Неужели я в чем-то ошибся? – думал он. У него появилось странное предчувствие – словно он прикоснулся к касасаги¹⁵⁸, но не

---

¹⁵⁸ Касагаги – понятие «судьба судеб».

может постичь, хоть тресни, малой толики задумки Богов. Знать об этом человеку не полагалось. Это было выше его разума.

Однако он отвлекся.

– Дела плохи, – вздохнул капитан Го-Данго, – голуби больше не прилетают...

Он почти выздоровел. Если бы не шрам вишневого цвета, который виднелся в разрезе кимоно, никто бы не подумал, что он когда-то был смертельно ранен.

– Должно быть, это связано с нашим побегом, – предположил Натабура.

– В городе вон какие события, – согласился Баттусай. – Ксо!

– Базары пусты... – кротко вставил Гэндзабуро. – Бакаяро!

Он хотел добавить, что отныне негде брать хорошую еду, но лишь с обожанием поглядел на капитана Го-Данго, его волновало только одно – здоровье капитана.

А Гёки, друг капитана Го-Данго сказал:

– Три Старца, должно быть, теперь прячутся.

– Не прилетают, потому что опасно, – очень спокойно объяснил Абэ-но Сэймэй и оглядел всех-всех, включая Митиёри, которого совершенно не интересовали разговоры старших. Он давно ждал своего деда – Ваноути, а дед все не приходил и не приходил, и Митиёри скучал.

Все поняли, что Абэ-но Сэймэй в курсе дела. Он всегда

был в курсе событий, чтобы ни случилось. И еще все поняли, что арабуру не долго царствовать, что пришло время им умирать.

– Я дал команду, – добавил Абэ-но Сэймэй.

С тех пор, как Абэ-но Сэймэй встретился с Акинобу при весьма странных обстоятельствах, он оброс и исхудал. Теперь он ничем не отличался от городского жителя, разве что поведением – Абэ-но Сэймэй старался выходить на улицу только в пасмурные дни или ночью. Тень – вот что выдавало его с головой.

– Ты дал команду? – удивились все.

Даже Митиёри отвлекся от созерцания солнечных зайчиков. Вот деда найду, подумал он, и все кончится. Он давно страдал от одиночества.

– Иначе бы арабуру в два счета вычислили нас.

Все согласились:

– Правильно! Мы и не подумали.

Система почтовой связи была трехступенчатой. Голубь, выпущенный из столицы, прилетал на восток, в одну из окрестных деревень. Там с голубя снимали капсулу с письмом, вешали ее на другого голубя и отпускали. Второй голубь летел на запад, и в следующей деревне операция с письмом повторялась. И только третий голубь летел на север в долину Проклятых самураев к Трем Старцам. Но даже такая система не гарантировала того, что арабуру не отследят голубей и в конце концов не доберутся до долины Прокля-

тых самураев. Такой оборот событий заранее был оговорен – связь прекращалась до лучших времен.

– Арабуру стали хватать голубятников, – сообщил Абэ-но Сэймэй.

– Что же ты предпринял? – спросил Акинобу на правах старшего.

Все с жадность вслушались в ответ Абэ-но Сэймэй.

– Три Старца давно предусмотрели такой ход событий. По их приказу я еще в начале лета приказал нашим людям уйти в горы и затаиться в Руйдзю карин.

Вокруг курящегося сто лет Фудзияма раскинулся таинственный лес Руйдзю карин. В этом лесу не жили ни тигры, ни дикие кошки. Когда-то, еще до разделения Миров, лес принадлежал Богам, зверям и хонки всех мастей. Но потом, даже когда первые ушли, а последние – сгнули, местные жители продолжали сторониться этих мест, не собирали там хворост и не рубили деревьев, не потому что таинственный лес стал диким и неприступным, а потому что звери в нем расплодились самые разнообразные, в том числе и японские иканобори – трехпалые драконы. Лес зарос мхами и лишайниками, покрылся болотами и сделался непроходимым. Его языки тянулись во все стороны на много-много ри – и на юг до побережья Сибуса, и на север – до самых вершин хребта Оу. В этом-то лесу и спрятались голубятники Абэ-но Сэймэй.

– Нам нужно отправить к Трем Старцам человека. У Стар-

цев появилась новость, которую они не могут доверить голубям.

– Кого? – спросил Акинобу и оглядел собравшихся.

– Я пойду! – вскочил Баттусай.

– И я тоже! – вскочил Натабура.

Афра живо последовал их примеру и наострил уши. Он узнал знакомые слова: «пойду» и тут же стал проситься в путь. Ему было все равно, куда бежать и зачем – лишь бы с любимым хозяином.

– Не знаю... не знаю... – опустил взгляд Абэ-но Сэймэй. – Все дороги перекрыты. Вам не пройти.

– Мы пойдем горами! – воскликнул Натабура.

– Вы будете идти две луны. К этому времени ваш поступок потеряет всякий смысл.

– Значит, в течение двух лун все случится? – догадался Баттусай и во все глаза посмотрел на Абэ-но Сэймэй, ища подтверждение собственным выводам.

Абэ-но Сэймэй засмеялся, и от уголков его глаз побежали морщины, а вор рту обнажились желтые зубы.

– Ха-ха-ха... Какие вы быстрые. Все чего-то ждут. Я тоже, – признался он и процитировал: «Армия не может быть собрана без необходимости».

– Но ведь все готово? – спросил Акинобу, хотя, конечно, знал ответ.

– Да, все готово. Мы вырастили столько, как ее? – сказала Гёки.

– Опунции... – подсказал Акинобу.

– Да, опунции. Новые хозяева только рады. Правда, они не стали от этого ласковей.

– Значит, надо что-то придумать, – произнес Гэндзабу-ро. – Что-то необычное.

– Правильно, – согласился Абэ-но Сэймэй. – Но что именно? У меня сегодня в голову ничего не лезет.

– Я тоже хочу пойти, – внезапно проснулся Зерок.

– Тебя-то сразу приметят, – сказал Акинобу.

– Это точно! – согласился с ним Абэ-но Сэймэй.

– А если побежит стая? – невинно спросил Зерок и в подтверждение встряхнулся, как большая-большая собака.

– Какая стая? – спросил Абэ-но Сэймэй и внимательно посмотрел на Зерока.

– Волчья.

– Где мы возьмем волков? – удивился Баттусай.

– А какой смысл? – вмешался Акинобу.

– А я хочу деда найти... – тихо произнес Митиёри, но его никто не услышал.

– Волки – это выход! – глубокомысленно сказал Гёки.

– Никто ничего не поймет, – согласился капитан Го-Данго.

– Стоп, стоп, стоп! – остановил восклицания Абэ-но Сэймэй и когда все смолкли, спросил у Зерока: – Говори, что задумал?

– Как вы заметили, я могу быть и человеком, и собакой.

– Ну да... – осторожно согласились все, – песиголовцем,

Одним словом.

– Так вот, любого из вас я могу сделать песиголовцем.

– Кими мо, ками дзо! – только и произнес Натабура.

Он не думал, что песиголовцы наделены колдовской силой.

– Как? – удивился Абэ-но Сэймэй, и с опаской посмотрел на Зерока. – Предупреждать надо!

Зерок жалобно шмыгнул носом.

– Ладно, говори, – пожалел его Натабура.

– Дух во мне такой... – тоскливо начал Зерок, – бродит...

Я могу вдохнуть его в любого человека. Конечно, на время, пока он не выветрится. Человек днем будет человеком, а ночью – песиголовцем.

– В смысле? – переспросил Натабура.

– В смысле, дух луны действует.

– Ага... – что-то понял Абэ-но Сэймэй. – А днем будете отсиживаться.

– Отсидимся, – заверил его Зерок. – Я это умею, – и с тихим обожанием посмотрел на Натабуру.

Он уже выбрал его в качестве вожака.

– А ведь верно, – заметил Гёки. – Арабуру отменили закон «О пяти людях». Теперь через сэкисё пропускают по два человека за одну стражу, но кто обратит внимание на волков?

– Никто, – согласился Натабура. – Тем более что этих волков теперь расплодилось видимо невидимо.

Ему уже не терпелось куда-то бежать. Засиделся он в этом

городе. Послушаем мудрые речи Старцев, подумал он, чем не дело?

– Решено, – сказал Акинобу, – пойдут Натабура и Зерок.

– И он, – показал Натабура на Афра.

– И-и-и... он, – легко согласился Абэ-но Сэймэй.

Афра подпрыгнул от радости и лизнул Натабуру в губы.

– А вот теперь я вам расскажу, как попасть в долину Проклятых самураев, – сказал Гёки. – Это и есть самое главное, что вам предстоит совершить. Все остальные опасности су- щая ерунда.

После этого все узнали, что долина потому и называется проклятой, что не всем дается. А проклятой она стала назы- ваться после того, как в ней прятались последние заговор- щики против регента Ходзё Дога.

* * *

Еще не легли росы на травы, когда из города выскочила волчья стая и понеслась по дороге, поднимая за собой клубы горячей пыли.

– Ату их! Ату! – кричали вдогонку стражники на мосту Бедо, бряцая оружием. Они даже схватились было за луки, но глазом не успели моргнуть, как стая растворилась за по- воротом в сумерках наступающей ночи.

Стражникам было скучно и грустно. Весь день они торча- ли в жаре и в пыли, заворачивая крестьян в их деревни, а

горожан – в их город. Пропускали только тех, кто вез краску в бочках, да зеленщиков с мясниками, которые по привычке тащили свои товары в столицу Мира. А здесь то ли псы, то ли волки! Было чем развлечься.

– Ату их! Ату! – кричали стражники и на всякий случай твердили охранительную молитву: «Наму Амида буцу! Наму Амида буцу!» – и помахивали нагинатами. А некоторые даже хватались за амулеты и талисманы. Увидеть живого волка считалось плохой приметой. А таких наглых – тем более. Должно быть, это духи, думали стражники и неистово молились.

Песиголовцы оскалились и прибавили хода – у страха глаза велики, сами боялись. Только вряд ли кто-то мог распознать в них врагов империи арабуру.

Натабура и не представлял, что в волчьем обличье можно бегать так быстро. Казалось, прошло мгновение, а они миновали предместье, низину Гахиэ и рысью стлались вдоль реки Каная – только ветер свистел в ушах. На мосты соваться было так же бессмысленно, как пытаться пролезть в бутылочное горлышко. К ночи их перекрыл ябурай¹⁵⁹, а еще стражники выпустили маленьких лохматых собачек, которые, почуяв волков, истерически заливались лаем вслед, трусливо поджимая хвосты, да и сами стражники в этот момент чувствовали себя неудобно и настороженно тарасились в непроглядную темноту, которая начиналась как раз там, где кончался

---

¹⁵⁹ Ябурай – заграждения из заостренного бамбука в виде ежей.

свет фонарей. Но больше всего стражники боялись хонки, поэтому запирались в казармы и дрожали от страха до расвета.

Потом взошла луна, и волки увидели. Мерцала река на перекатах, серебрилась листва тополей, тревожно шурша от ночного ветра, и там, где противоположный берег тонул во мраке, хищно блеснули глаза.

– Ты заметил? – спросил Натабура и остановился.

На всякий случай он потрогал кусанаги, годзука же тотчас сделал теплым, словно напоминая: «Я здесь! Я здесь! И никуда не денусь!»

– Видел, хозяин, – отозвался Зерок, усаживаясь рядом на мягкую траву косогора. – Они бегут за нами от самого города.

Афра тоже сел, но так как разговаривать не умел, то только слушал и вилял хвостом.

– От самого города, говоришь, – произнес Натабура озадаченно. – Я ничего не слышал, – признался он, безрезультатно вглядываясь в противоположный берег, который у самой кромки воды тонул в непроглядной темноте.

– Там они, там... – почтительно отозвался Зерок и зевнул во всю пасть.

Огромные белые зубы блеснули в свете луны. Как я его одолел? – удивился Натабура.

– Почему же я ничего не вижу?

– Это потому, что вы, сэйса, не стали настоящим песиго-

ловцем, и вам недоступно наши обоняние и слух. А волки залегли. Точно залегли.

Афра хотел сказать, что тоже, как и Зерок, все слышал и давно все вынюхал, но только отчаянно завилял хвостом, стараясь привлечь к себе внимание.

Натабура не поверил:

– Залегли? Они что, нас ждут? Чего они хотят?

Из опыта странствий он знал, что ночью все кажется страшнее, чем днем.

– Не хотят, чтобы мы переправились.

– Откуда ты знаешь?

Если Натабура и доверял Зероку, то лишь наполовину – слишком мало он его знал.

– Это местные волки. Тот берег – их территория.

– Ишь ты!.. – удивился Натабура. – Что будем делать?

– Поищем брода. Волки – они всегда боялись песиголовцев.

В его голосе прозвучала бравада. Кто будет связываться с песиголовцем? Только сумасшедший, ну и волки, конечно.

Не успело стемнеть, как начало светать. Луна еще не побледнела, зато на востоке небо стало голубеть.

Когда они выбрались из реки, кончилось действие духа Зерока и Натабура принял прежний человеческий облик. Сам же Зерок снова стал песиголовцем, и мокрое кимоно облепило его мускулистую фигуру. Он тихо зарычал, и местные волки высыпали на берег. Было их десятка два, и они

готовы были драться за свою территорию с кем угодно, но только не с человеком и не с песиголовцем, и не тем более с медвежьим тэнгу. А когда человек выхватил огромный ку-санаги голубого цвета и шагнул вперед, вообще попятнулись. Не двинулась с места лишь старая одноглазая волчица.

– Дайте нам пройти, – сказал Натабура, – и мы разойдемся с миром.

– Мы ошиблись, – склонила она лобастую голову в знак почтения. – Мы думали, это наши недруги с правого берега.

– Ага, – почему-то едва не произнес Натабура, потому что ему было что скрывать.

Казалось бы, волки должны были больше всего бояться Зерока, но они с величайшей опаской уставились на Афру. А когда он потянулся и расправил крылья, то вообще шархнулись в чащу, и выглядывали оттуда, как провинившиеся щенки, готовые при малейшей опасности задать стрекоча. Одна волчица сохранила самообладание. Лишь осуждающе покачала лобастой головой. Потом она повернулась к Натабуре и сказала:

– Мои соплеменники впервые видят медвежьего тэнгу. Я же слышала о нем от моей матери, а она от своей, а она в свою очередь – от своей. Но я всегда думала, что это сказки о летающий собаке. А оказалось, правда. А еще мать говорила, что медвежий тэнгу – наш дальний родственник из далекой-далекой страны.

– Это правда? – спросил Натабура и потрепал Афру за

холку.

– Правда, мой хозяин, – ответил Афра. – Все волки родом из дивной страны Чу, где я родился.

От удивления Натабура выпучил глаза – никогда Афра не разговаривал с ним человеческим голосом, а здесь заговорил. Ну, я тебя!.. – подумал Натабура сгоряча.

– Я могу разговаривать только с моими братьями, – сказал Афра. – Да и то, только ранним-ранним утром.

– Я тоже разговариваю впервые, – призналась одноглазая волчица. – У нас это не приятно.

– Это твои проделки? – догадался Натабура.

– Клянусь, этого вышло случайно и пройдет, как только взойдет солнце, – с испугом произнес Зерок.

Солнце вот-вот готово было вынырнуть из-за горизонта, и надо было спешить укрыться в чаще.

– Куда лежит ваш путь? – спросила волчица на прощание.

– В чащу Руйдзю карин, – соврал Зерок.

– О-о-о!.. Даже мы туда не заходим. Эти места опасны для нашего брата. Огромный куни-кори стережет чащу. Я дам вам провожатого, который доведет вас до его границ. Дальше мы не пойдем. Дальше нашим братьям путь заказан.

Почему заказан? – подумал Натабура. По простоте душевной он хотел было спросить, кто такой куни-кори, но вовремя заметил предостерегающий взгляд Зерока. Похоже, Зерок не верил ни единому слову волчицы. А расспросы могли привести к неприятностям. Правильно, ни к чему выдавать

свои тайны, решил Натабура.

Волчица окликнула кого-то. От стаи отделился подъярок¹⁶⁰.

– Отведешь сэйса и его спутников к винной горе Сакаяма, – велела она.

Тут первые лучи солнца окрасили берег в золотые тона, и волчица потеряла способность говорить. Вильнув хвостом, она пропала в чаще.

Надо было б, конечно, найти темное место и переждать день, но подъярок, который стал их проводником, уж слишком трусливо поглядывал назад. Полдня он вел их такими чащобами, в которые с трудом пробивался дневной свет, и к полудню вывел – к узкой долине, на дне которой лежал снег и бежали холодные ручьи. Горловину долины, выходящую на перевал, сторожили две каменные головы. Какая из них винная? – хотел спросить Натабура, но вспомнил, что волк не разговаривает по-человечески.

– Не волки это... – задумчиво произнес Зерок, глядя вслед подъярку, который тотчас покинул их, – не волки... Волков я чувствую.

– А кто? – спросил Натабура, усаживаясь на мокрую сосну.

Он что-то пытался вспомнить, но не мог. Что-то очень важное – то, что упустил в событиях ночи. Честно говоря, ему было все равно – волки это или не волки. Какая, соб-

---

¹⁶⁰ Подъярок – молодой волк (6-12 месяцев).

ственно, разница? Главное, что они куда-то идут, и идут, должно быть, верно. Болели ноги, болела спина. Да и промокли они изрядно. Афра даже не стал, как обычно, обираться, а тут же уснул. Над его спиной поднимался пар. Давно я так не ходил, подумал Натабура. Надо наверстывать упущенное. И закрыл глаза. Его мучил один-разъединственный вопрос: как найти долину Проклятых самураев? Что-то там говорил Абэ-но Сэймэй? В земле появится дыра. Где эта дыра? Похоже, мы не туда забрели, сонно подумал он. Нет здесь никакой дыры.

– Не знаю, – отвлек его Зерок, – но не волки. И говорили они не потому, что я так хотел, а потому что они так возжелали.

– Стало быть, за нами следили? – удивился Натабура.

– Следили, – тут же согласился Зерок, словно был только рад этому. – Следят даже сейчас.

– Сейчас?! – удивился Натабура и, вскочив, стал озираться, словно ему действительно было страшно. Подскочил даже Афра и всю глядел на хозяина. – Да ладно тебе, никого же нет. А ты спи, – и потрепал Афра по холке.

– Это только кажется, и вообще, тех волков на всякий случай надо было растерзать, – стоял на своем Зерок.

– Экий ты кровожадный, – усмехнулся Натабура, усаживаясь на прежнее место. – Здесь никого нет.

Он снова закрыл глаза и приготовился поспать пару кокой. Из горловины дул холодный ветер. Но не было сил даже

шевелиться.

– Я буду не песиголовец, если нас уже не ждут! – твердо заявил Зерок.

– Кими мо, ками дзо! Кто-о-о? Ну кто?!

– Три Старца!

Натабура снова вскочил:

– Хватит пугать!

Вдруг ему действительно показалось, что две скалы, очертанием похожие на головы, шевельнулись. Словно в подтверждение этому послышался грохот камнепада. Горы задрожали и отозвались долгим эхом.

– Ого! – Зерок приставил к уху ладонь, чтобы лучше слышать. – Стерегут нас. Стерегут! Не выйдем мы отсюда. Не выйдем!

– Хватит болтать! – крикнул Натабура. – Это куни-кори! Уходим!

– Ова?! – Зерок схватил его за руку и показал куда-то за спину.

Натабура обернулся и увидел, что путь назад им преграждает настоящий куни-кори – винная гора Сакаяма, которая приподнималась из-за противоположного склона долины, и с каждым мгновением в очертаниях горы проступала фигура великана. Плащом ему служили складки гор, а огромное лицо пока еще пряталось в купах деревьев. Торчала лишь белая лысая вершина, с которой сыпались камни.

Вот тогда он и вспомнил: волки же не едят сушеных крыс.

А именно сушеных крыс, пересыпанных черным перцем и красными травами, он заметил перед тем, как стая убежала. Связка висела на шее одного из волков. Поэтому они и прятались в кустах, а вовсе не потому, что боялись нас, понял Натабура.

– Это арабуру! – сказал он. – Или их корзинщики!

Зерок, совсем как человек, хлопнул себя по лбу:

– А я думаю, ну что мне все кажется, что нас преследуют арабуру. От них воняло крысами.

– Вот именно! Они нас стерегли, но не знали, кто мы такие, иначе бы убили сразу. Бежим!

– Куда?!

– Туда! – он повернулся, чтобы бежать вверх по ущелью, но земля задрожала, как живая, и скалы, которые сторожили выходы из ущелья, ожили и стали расти, выдирая руки и ноги из леса и скал.

– Это не куни-кори, это дикие кидзины!¹⁶¹ – крикнул Зерок что есть силы.

Гора с белой вершиной выросла до небес. Кидзин справа схватил сосну и принялся крушить склоны ущелья. Кидзин слева все еще не проснулся, но уже открыл глаза – огромные, как два горных озера.

---

¹⁶¹ Кидзины – демоны, которые ели деревья, кроша их камнями.

Если бы у них был выход, то они ни за что бы не побежали мимо кидзинов. Но кидзины стали заваливать ущелье огромными-преогромными камнями, и уже не было другого пути, кроме как карабкаться по кручам. Афра понадобились лишь крылья, Зероку – его стальные когти, а Натабуре – суюко¹⁶². И конечно, он отстал, потому что не лазал по горам много лет, если не больше. Пару раз кидзин едва не поймал его каменной рукой, да Афра и Зерок отбили.

Натабура взобрался на гору в тот момент, когда Афра и Зерок всю дразнили кидзинов, швыряя в них камни. Благо, что кидзины оказались подслеповатыми и такими медлительными, что от них мог убежать даже ребенок. Ярость овладела ими. Один из них так распалился, что в гневе сожрал пару сосен и одну разлапистую ель, чем только рассмешил Афра и Зерока. Вот тогда беспечность их и подвела. Не успел Натабура отдышаться, как на них пала тень. Тогда они и увидели куни-кори – великана Сакаяма. Каждый его шаг оставлял в земле дыры, а каждый выдох сметал с горных вершин деревья и землю.

– А-а-а!!! – закричали они в ужасе и пали на скалы, ожидая, что великан Сакаяма вот-вот их раздавит.

---

¹⁶² Суюко – лазательные когти.

Однако великан Сакаяма шагнул и оставил после себя два огромных и глубоких озера. Перешагнув гору, на которой находились Натабура, Афра и Зерок, и очутился в соседней долине, где провалился по колено в землю. Но даже не заметил этого. Его не интересовали ни Натабура, ни Афра, ни Зерок. Он вообще ничего не заметил, а ушел себе вдаль, словно у него была какая-то цель. Он с легкостью перешел океан и ступил на другой континент, где нашел тихое место и уснул, превратившись в гору. Так на Земле рождались легенды о великанах, которые раз в сто лет бродят себе неприкаянными и тревожат людей.

– Нашел! – вдруг закричал Зерок. – Нашел. – Он показывал куда-то вниз.

Вот тогда Натабура и вспомнил то, что ему говорили Гёки и Абэ-но Сэймэй:

– Найдете дыру в земле, считай, что дело сделано. Открывается эта дыра далеко не каждому.

Долина Проклятых самураев. Она начинается дырой в земле, узким лазом, в который едва проходит всадник. Но зато, если ты эту дыру найдешь, то за ней откроется узкий проход, отполированный водой и ветрами. Этот проход очень опасен. Он проходим только в сухую погоду. Случается, попадешь перед дождем, и тебя смоем поток. Поэтому этот участок пути надо проходить как можно быстрее. Потом ты попадаешь в такое же опасное кахи – скалистые ворота или ущелье, стены которого настолько узки, что камни, падаю-

щие сверху, отскакивают от одной стены к другой и часто убивают путников. Это участок проходим только в безветренную погоду. Но если ты его прошел, то перед тобой раскроется сухая долина. Она страшна оползнями и проходима только зимой, когда камни скованы замерзшей водой. Летом надо идти по высохшему руслу реки. Если ты прошел и эту долину, то в конце перед тобой откроется гигантская стена. В середине чернеет вход в пещеру, а перед пещерой раскинулся монастырь Проклятых самураев. Три дороги ведут к нему: справа и слева и прямо. Пойдешь по правой, не дойдешь, попробуешь по левой, тоже не дойдешь. А пойдешь прямо и встретишься с Тремя Старцами.

Как только Три Старца увидели Натабуру, то пали перед ним на колени и воскликнули, заикаясь от волнения::

– О, Великий Солнцеподобный, наконец-то ты пришел! Мы сразу узнали тебя!

Кто же я такой?! – очень удивился Натабура, если передо мной падают в ниц такие почтенные люди.

– Встаньте, – смутился он. – Я не достоин такой почести. Встаньте!!!

– О, Великий, – причитали Три Старца, не поднимаясь с колен, – какое счастье, что ты остался в живых. Воистину, мы лицезреем чудо.

– Встаньте... встаньте... – Натабура помог им подняться. – Разве я провинился в чем-то перед вами.

– Нет, о, Великий. Ты последний из императоров страны

Нихон!

– Я?! – удивился Натабура. – Не может быть! Я Натабура из рода Юкимура дома Тайра. Мой отец Санада – хранитель вод Столицы Вечного Спокойствия – Киото.

– Нет... мы хорошо видим! – заверили они его. – Действительно, ты Натабура из рода Юкимура дома Тайра, но твоего отца звали не Санада, а Такакура. Он был не хранителем вод, а принцем императора Госирокава. Значит, ты внук Госирокава. Твой отец был недоволен правлением Тайра Киёмори и, предвидя очередную смуту и его падение, спрятал тебя в монастыре Курама-дэру в горах Коя у учителя Акинобу. Он придумал легенду о том, что он Санада – хранитель вод. Отец заплатил учителю Акинобу за двадцать пять лет обучения.

– Я вам не верю, – рассмеялся Натабура.

– О, Великий. Не смейся над нами и волей Богов. Твоя судьба и жизнь записана на Золотых императорских рукописях.

С этими словами они стали показывать ему тонкие золотые листы, и Натабура действительно прочитал на них историю своей семьи, только тогда его сомнения рассеялись окончательно.

– К тому же, о, Великий! Ни перед кем из простых смертных не открывается наша долина, а перед тобой открылась. На левом бедре у тебя, о, Великий, должна быть необычная родинка. Это звездная карта неба. Боги подарили ее тебе при

рождении. Покажи нам ее.

Когда же Натабура обнажил левое бедро и показал родинку, отображающую карту неба, Три Старца воскликнули с еще большей радостью:

– Сами Боги хранили твою жизнь! Мы тебя давно искали! Теперь судьба родины в твоих руках. Ты должен изгнать проклятых иноземцев!

Глава 7

Убийство императора Кан-Чи

Черный капитан Угаи добросовестно выполнил все, что ему поручил новый начальник городской стражи – Сань-Пао.

Во-первых, он арестовал всех голубятников в радиусе пятисот ри. Во-вторых, допросил их с пристрастием. В-третьих, сопоставил факты, и нарисовалась страшная картина. Страшная не сама по себе, а потому что Угаи понял, что столкнулся с очень искушенным и предусмотрительным противником. А это значило, что в дело вмешались Боги, ибо людям не дана сила предвидения. По сути, это означало конец вторжения арабуру. Угаи долго гнал от себя эту мысль. Что с того? У нас что? – думал он так, словно все еще служил императору Мангобэй, только забыл об этом. У нас пики и мечи. А у них? У них сила небес и мшаго – огненные катана, а еще пятипалые иканобори. А за спиной еще – кецали. И все равно! И все равно арабуру погибнут! Он был почти уверен в этом – особенно по ночам, когда его мучила бессонница. Но наступало утро, и ему казалось, что все его тревоги безосновательны и что надо верить в арабуру, которым достаточно еще одного усилия, и страна подчинится им. Но так уже было, и не раз, но ничего не менялось. Вот почему Угаи мучили сомнения.

Итак. Примерно за два года до того, как в Нихон появились арабуру, по селам стали ездить странные люди и скупать голубятни. Появились новые хозяева – молчаливые монахи, которые стали досконально вникать в тонкости ремесла голубятника. Расплачивались они, не скупясь, исключительно золотыми рё. Из-за этого голубятников развелось столько, что цены на голубей и сами голубятни упали ниже цены мешка риса. И вдруг в какой-то момент, словно махнули волшебной палочкой – монахи перестали покупать голубей и голубятни. Вначале крестьяне решили, что монахи натешатся и бросят это дело, а потом сообразили, что дали маху, потому что примерно через год монахи освоили голубиную почту и стали обслуживать императора, а все деньги потекли в их карманы.

Кинулись искать тех монахов. А их и след простыл. Пропали. Остались одни старые голубятники, которые ни сном ни духом, и ничего не понимали. А твердили одно: «Да если бы мы хоть догадывались, мы бы этих монахов сами вам привели». «Ну а где монахи-то?» – спрашивали у них. «Да почто мы знаем? Убегли». «А куда?» «А мы что следили?» «Что так, с голубями и убегли?» «Да, вместе с голубями». Троице отрубили головы, одному содрали кожу, еще двоих прилюдно утопили в нечистотах. Но правды не добились. И у черного капитана Угаи опустились руки.

– Пустое дело, – доложил он Сань-Пао через три дня. – Пустое... – но гордую свою голову не склонил, а, казалось,

думает о женщинах, а не о деле.

– Мда-а-а... А ведь обвели тебя вокруг пальца, как молодого, – разъяснил ему Сань-Пао, – и меня, старого, за одно. Плохо пытал, без фантази-и-и!

– Как положено... – оправдывался Угаи, – как всех...

– Без выдумки в нашем деле нельзя, – говорил Сань-Пао, сверля его неподвижным взглядом.

Теперь я понимаю, зачем Господь шесть дней сидел в темноте и творил Мир, думал Угаи, неужели только для того, чтобы меня унижал Сань-Пао. А я ведь всего-навсего хотел посмотреть белый свет. Что в этом плохого?

– Кто ж знал? – неуверенно оправдывался Угаи.

– Думать надо! – грозил ему пальчиком Сань-Пао.

Лучше бы Ной опоздал на свой ковчег, зло думал Угаи, я бы сейчас не мучился.

– Ладно, будем искать ниндзюцу с тенью дракона Аху, – тяжело вздохнул Сань-Пао, давая понять, что уже ничего не поделаешь. – Вели на сэкисё следить, куда летят голуби. Может, чего выследят. – Но уверенности в его голосе не было. – А всех остальных стражников перебрось в город, рассуй по базарам, пусть ходят и поглядывают, авось что-нибудь да выглядят. Хотя, если ниндзюцу так хитры, что угадали с голубятниками, то нам ни за что их не поймать. Пустое дело, как ты говоришь. Хм...

Сань-Пао жил дольше и видел больше. Он, конечно, мог бы объяснить капитану Угаи, что на его родине – в Ая, дав-

ным-давно освоили принцип предварительных расчетов Путей к победе. Путей было великое множество. Использовалось все: от невинной слежки, до «шпионов смерти», в качестве которых чаще всего выступали весьма искусные послы и которых со скорбью приносили в жертву победе. Хитроумных послов было так много, что на них не скупилась. Не было ничего выше, чем умереть за родину. Об этом подробно рассказано в «Искусстве войны» Суьнцзы. Но даже в Ая не слышали, чтобы противник готовился к каким-либо событиям за два года до самих событий. Это было выше человеческого понимания. Для себя он не нашел другого объяснения, как вмешательство Богов в дела людей. Если только мятежники не обладают способностью пророков. Но пророчества сбывалось редко, а сами пророки долго не живут. С одной стороны их не любили и изгоняли в пустыни, а с другой стороны, часто прибегали к их услугам. Но если они искажали будущее, то их безжалостно убивали.

Сань-Пао показалось, что Угаи с облегчением вздохнул. Не нравится ему работа, понял Сань-Пао. Однако ничего не поделаешь. И вдруг с озлоблением подумал, научу я его кланяться. Не таких цукасао гэ ломали. Что он о себе возмнил?

– Пустое, – согласился Угаи, сохраняя гордое выражение лица.

– Слышал ли ты что-нибудь о Золотых императорских родословных, в которых записаны все принцы, сыновья прин-

цев и внуки сыновей принцев? Император Кан-Чи считает, что мы нашли не всех и только поэтому не можем окончательно поработить страну. Есть еще в ней силы, о которых мы еще ничего не знаем. Есть!

– Слышал и даже видел! – ответил Угаи.

– Видел?! – поразился Сань-Пао.

– Совершенно случайно, когда их вывозили. Они были намотаны на огромные катушки, а несли их на шестах. Но тогда я не знал, что это такое. Просто подумал, что золото очень темное, должно быть, древнее, как могилы предков. Такое золото я видел только в Ая да у себя на родине.

– А куда повезли, не проследил?

– Куда, не знаю. Но везли их монахи в широких тяжелых рясах с капюшонами. Рясы желтого цвета, подкрашенные маслом клевера. У некоторых под одеждой были доспехи. А вооружены они были собудзукири нанигата¹⁶³.

Угаи не рассказал только одного – при каких обстоятельствах он видел перевозку свитков. Два года назад Угаи был пленником. И до того дня тоже был пленником в течение десяти лет. Статус его был настолько высоким, что о нем никто ничего не знал, кроме императора Мангобэй. Император же держал его в золотой клетке у себя в задних комнатах и советовался с ним по всем военным и политическим вопросам. Днем на пленника была надета золотая маска. Мангобэй не хотел, чтобы даже кто-то из преданных слуг узнал в нем ино-

---

¹⁶³ Собудзукири нанигата – нагината с очень длинным лезвием.

земца. На самом деле Угаи был родом из далекой северной страны Скании. Смолоду ходил через Нервасунд¹⁶⁴ в Рим и с дружиной, и с купцами. Но ему все было мало. Увиденный мир казался крохотным и понятным. Заморскими диковинами он пресыщался очень быстро. Тогда он задумал почти невыполнимое. Подался в бега. Обучался грамоте у монахов в Генуе. Дослужился до капитана в армии Кастилии. Был кормчим у короля Харальда. Даже женился и наплодил детей, но жажда странствий оказалась сильнее. Бежал на восток. В Миклагарде¹⁶⁵ пристроился к торговому каравану и отправился в горы и пески. Два года ходил по Шелковому пути, на третий решил посмотреть, что там дальше, за морем, и так попал в Нихон. Он неплохо обучался иноземным языкам, давно позабыл свое настоящее имя и отзывался на любое японское, пока не пришли арабуру. Тогда он назвался Угаи и стал служить новым хозяевам. Многое ему в этой стране не нравилось, но бежать из нее он пока не мог. Да и честно говоря, ему было очень интересно, ибо он никогда и нигде не видел хаятори – летающие лодки, или джонки, как называли их в этой стране. Однажды, когда его мучила бессонница, он выглянул в окно и в лунном свете увидел следующую картину: внутренний двор был заполнен не охранной и даже не стражниками, а вооруженными монахами. Они грузили тяжелые предметы цилиндрической формы в возы,

---

¹⁶⁴ Нервасунд – Гибралтар.

¹⁶⁵ Миклагард – Константинополь.

запряженные волами. Один из шестов сломался, ноша упала и покатила по дворцовым плитам. Если бы не желтый свет, блеснувший из-под разорванного шелка, как свеча в ночи, Угаи не обратил бы на это происшествие внимание. Но золото привлекало его всегда, и он увидел большую катушку, на которую было намотано листовое золото. Тогда он только подумал, как глупо перевозить золото в таком виде. А теперь, сопоставив факты, понял, что видел таинственную родословную императоров. Золотая императорская родословная должна была храниться вечно, несмотря на все войны и перевороты в империи. В этом заключалась тайная мудрость правителей страны.

– Монахи! – воскликнул Сань-Пао. – Опять эти монахи!

– Должно быть, они нашли для себя нового императора, – предположил капитан Угаи.

– Тихо! – оборвал его Сань-Пао и испуганно оглянулся, словно ища у стен уши. – Гениально, но невероятно! Никому не говори об этом. Это тайна не для нас с тобой, – и многозначительно замолчал.

– Я понял, сэйса, – наконец сообразил Угаи.

– Ничего ты не понял. Если бы понял, не болтал бы лишнего даже мне, потому как я обязан донести твои слова новому императору.

– Нет, я на самом деле понял, сэйса, – заверил его Угаи.

– Ладно, будем считать, что ты что-то понял.

– Я понял, я все понял, сэйса! – наконец-то испугался

Угаи.

– Ну и хорошо. Судя по описанию, монахов, – как ни в чем ни бывало продолжил Сань-Пао, – это тэнгу дзоси. Только они носят темно-желтые рясы. И оружие у них особенное. Но Тодайдзи – Великий Восточный Храм – давно разрушен. Надо провести дознание с заключенными тюрьмы Тайка. Вдруг кто-нибудь из них что-то знает. А?

– Сэйса, осмелюсь ли я сказать?! – вскричал Угаи и добавил свое странное: – Господи, Иисусе!

– Говори! – нахмурился Сань-Пао и подумал: «Чего такого еще знает мой помощник, чего я не знаю?»

– Наш великий император Кан-Чи велел умертвить каждого десятого, и получилось так, что казнили как раз монахов тэнгу дзоси. Я проверял по спискам. Их всего-то было двое, и обоих казнили.

– А-а-а... – только и крикнул с досады Сань-Пао. – Куриное дерьмо!

Видать, сегодня Боги не на нашей стороне, подумал он и хотел выругаться еще заковыристее, но не смог – не след перед подчиненным проявлять гнев. Тогда у него возникло непреодолимое желание выпить сакэ, и он отпустил капитана. Если бы капитан Угаи в это момент оглянулся, он заметил бы на устах Сань-Пао коварную ухмылку. Что она означала, не знал даже сам Сань-Пао. Должно быть, в душе он ненавидел арабуру, и сейчас это чувство не могло не отразиться на его лице.

В свою очередь, Сань-Пао не знал, что черный капитан Угаи слукавил – монахов тэнгу дзоси было трое. Двоих действительно казнили, а третьего еще год назад он самолично отпустил на все четыре стороны под предлогом молодости и болезненности. Почему он это сделал, Угаи и сам не понял, то ли пожалел, то ли, сам, не ведая того, выполнил чужую волю, может быть, даже волю Богов. После этого монаха никто не видел. Надо ли говорить, что тем монахом был Кацири, который стал проводником у хакётсу Бана.

* * *

Абэ-но Сэймэй рисковал. Он понимал, что каждое его появление в городе может быть последним. Но сегодня он рисковал самый последний раз, и другого выхода, как покинуть дом, у него не было. Тем более что по всем приметам день выдался удачным: ни тебе темных туч в воротах демона, ни светлоглазых прохожих, ни сухих пауков по углам, лягушки, как всегда, радостно квакали в саду, даже кукушка прокуковала сорок четыре раза, что считалось очень и очень хорошей приметой. В довершении ко всему, когда Абэ-но Сэймэй выглянул в окно, чтобы удостовериться в своей удаче, он разглядел приметы преходящего мира: сломанную ветром хризантему и первые облетающие листья тополя, как предвестники осени, и душа его возликовала – он все еще способен ощущать мир и понимать его тайные знаки.

Именно этот день был выбран, потому что армия арабуру ушла из города. Остались гарнизон и кэбииси. Это был тот единственный шанс, который выпадает раз в жизни и от которого не отказываются даже перед лицом смерти.

Абэ-но Сэймэй условным способом вызвал хакётсу Бана. Чаще всего они встречались между Поднебесной площадью и базаром Сисява – на пихтовой аллее, где было особенно многолюдно и где можно было без труда затеряться среди торговцев и покупателей. К тому же по обе стороны площади лежали нежилые кварталы города, в которых легко затеряться.

Но сегодня все эти плюсы не прельстили его, и он решил изменить своим привычкам. Мы уже примелькались на этой аллее, рассуждал он, и шпионы императора легко могут нас вычислить, поэтому сегодня встретимся на площади Белого посоха, перед храмом Каварабуки.

Храм давно пришел в упадок. Зарос травой, черная крыша покрылась мхом, а с коньков, где застыли трехпалые драконы, свешивались лишайники. Столетние дубы, под которыми вершилось народное правосудие, арабуру вырубил, а древесину пустил на строительство двенадцатиярусной пирамиды-дворца Оль-Тахинэ. Единственным местом, где еще теплилась жизнь, была харчевня «Два гуся». Но в харчевню Абэ-но Сэймэй не пошел: было бы глупо заявляться в нее, одетым в рубище нищего, а именно под нищего и маскировался Абэ-но Сэймэй. Он выбрал площадь Белого храма еще

и потому, что здесь испокон веков собирались городские нищие. Они отдыхали после трудов праведных под сенью дубов. А когда дубов не стало, – то под сенью храма Каварабуки. Благо еще, что арабуру ограничились всего лишь мародерством и не разрушили храм, как они разрушали в окрестностях все другие храмы. Нищие были благодарны, что им оставили голые стены и крышу.

Была еще одна причина, по которой они впервые должны были встретиться в храме Каварабуки. Причина заключалась в том, что под храмом проходил бесконечный лабиринт Драконов. Кто и когда его прокопал, Абэ-но Сэймэй не знал. Никто не знал. Не знали этого даже Три Старца. Даже в древних документах о лабиринте Драконов не было сказано ни слова. Но все успешно пользовались им, начиная от императоров во время переворотов или восстаний, и заканчивая посетителями харчевни «Хэйан-кё», которая канула в черную выворотню. Только накануне Абэ-но Сэймэй удалось достать план двенадцатиярусной Оль-Тахинэ. Вот этот план он и нес для Бана и Кацери. Карту же лабиринта Драконов Кацери знал наизусть.

Бан и Кацери готовились так давно, что забыли, для чего они все это делают. Тренировки в бочке и изготовление мазей и ядов давно стало самоцелью. Наконец они добились такого результата, что готовы были убить императора Кан-Чи хоть сейчас. Однако Абэ-но Сэймэй все не давал и не давал команды, хотя, судя по всему, день казни приближался.

– Учитель, когда это произойдет? – спрашивал Кацири.

– Скорее всего, надо ждать удобного момента. Лучше не думай об этом. Наше дело тренироваться во имя Будды.

Им обоим стало уже невмоготу, и вдруг все изменилось – в обусловленное время хакётсу Бан увидел три вспышки света от зеркала – две короткие и одну длинную. Это был условный сигнал, означающий, что надо прийти на площадь Белого посоха.

Кацири тоже все понял. Учитель вернулся, и глаза его возбужденно заблестели. Он даже не выпил, как обычно, пару чашек сакэ, а сразу стал одеваться в одежды нищего.

* * *

Бан пил для маскировки. Это было частью хитроумного плана Абэ-но Сэймэй. Только делал это Бан с большим, чем надо, удовольствием. Даже слишком, считал Кацири. Он даже причмокивает и с тяжелым вздохом нюхает пустую чашку, осуждающе думал Кацири, но не понимал, что Бан лишнего себе не позволяет. Просто он вливал в себя сакэ с такой поспешностью, словно делал это в последний раз в жизни. Все должно быть настолько правдоподобно, говорил Абэ-но Сэймэй, чтобы комар носа не подточил. Для всех вы пьяницы и нищие.

А вот сегодня пить было нельзя. Кроме обычных вещей, Бан приказал взять склянку с ядом, и Кацири окончательно

убедился в том, что не ошибся в своих выводах, но не подал вида. Еще Бан приказал намазаться мазью загодя. Кацири понимал, что это мало что даст, но беспрекословно выполнил команду Бана. Слишком жарко, думал Кацири, и слишком долго ходить намазанным. Он вырабатывал в себе синову – терпение, которое считалось основой его профессии. Однажды он попытался ходить весь день, намазанный мазью, но не выдержал и стражи – упал без чувств. Правда, Бан еще потом ни один день колдовал над составом, но испытать они его так и не успели.

– Намажься для начала совсем немного, – сказал Бан, пряча глаза. – А перед делом – основательно. И не торопись, но и не расслабляйся. Будь сосредоточен, особенно когда проникнешь в башню.

– Пирамиду, – поправил Кацири.

– Да, пирамиду, – согласился Бан, снова отводя глаза. – Никак не привыкну к этому слову.

Вдруг это поможет, подумал Кацири, открывая бутылку. Он намазался и, расставив руки, застыл, словно бронзовая статуэтка, ожидая, когда мазь впитается в кожу. Его темная кожа блестела, как благородный металл.

Бан закрыл дом и почему-то вздохнул. Вздохнул он по двум причинам: очень хотелось выпить сакэ, к которому он уже привык, а еще он знал, что они сюда больше никогда не вернуться. Вообще не вернуться в город. Шансов спастись мало, особенно у Кацири. Поэтому Бан невольно и отводил

глаза. Он словно прощался с мальчишкой, к которому привязался. К ним всегда привязываешься, думал он. Всегда. И очень тяжело расставаться.

Бану так нестерпимо захотелось выпить, что он едва не поддался порыву вернуться и влить в себя кувшин сакэ.

– Иди, иди, – сказал он Кацери. – Я сейчас.

Кацери пошел через сад, и солнечные зайчики скользили по его подтянутой фигуре. Слева под кимоно у него был спрятан складной стилет, а справа – раздвижная трубка.

Бан немного постоял, прижавшись лбом к шершавому дереву. Хороший мальчишка, подумал он. Станный мальчишка. Но раскисать нельзя. Ему стало очень грустно – заканчивалось еще одно дело, на которое ушло почти два года жизни – слишком много времени для обыкновенного человека, который почитает Будду. Если все обойдется, подумал он, вначале напьюсь, а потом мы с Кацери будем читать одни сутры и больше ничего не будем делать. Наму Амида буцу!

Бан надел на голову корзину для прокаженных с маленьким окошком для глаз, и они отправились в город по пыльным, кривым и горячим улочкам квартала старьевщиков. Это был очень маленький квартал, со своим крохотным базаром и низкими, словно присевшими в кучи мусора домами, да сухими деревьями, которые, как скелеты, торчали над крышами. Летом здесь всегда было душно и грязно, а зимой промозгло и холодно. Но Бан знал свое дело: квартал старьевщиков лежал на окраине города, в низине, у реки, и

луч света, посланный умелой рукой из верхней части города, мало кому был заметен, кроме того, кому он предназначался. Бан менял место жительства каждую луну. Дома, в которых они останавливались, всегда выглядели необжитыми: тропинки и пруды никто не чистил, ветки на деревьях не обрезали, а цветы росли сами по себе. Из-за этого казалось, что время здесь течет совсем не так, как в центре города.

Кацири никогда не задумывался над тем, к чему они так долго готовятся. Он не волновался, не думал о предстоящем деле. Он просто шел к нему изо дня в день, воспринимая жизнь, как безостановочное течение реки. Ничто не могло остановить ее. Ничто! Поэтому он и не боялся. Эту отрешенность и странность подметили еще Три Старца, долго его испытывали, а потом послали в столицу Мира.

Его странность заключалась не только в том, что он не общался с ровесниками, часами мог глядеть в одну точку, и даже не в том, что рассказывал непонятные вещи, например, о мире ифмафтэтэ – мире, в котором нет людей. Три Старца вначале думали, что он сын знаменитого невидимки Томито Годзаэмона. Но оказалось, что у Годзаэмона не было сыновей, к тому же он умер еще лет десять назад. Потом решили, что Кацири наполовину человек, наполовину хонки, и пустили ему кровь в тот момент, когда он стал прозрачным. Кровь оказалась человеческой. А, как известно, у хонки вообще крови нет. Тогда подумали, что он «всадник демона» и пребывает в двух мирах одновременно. Но «ручной» дух,

пойманный на предательстве и бесконечно преданный Трем Старцам, «зашел» в мир Кацири и не увидел ни собрата, ни демона. Он вообще ничего не увидел, а только страшно перепугался и тотчас умер, как может умереть только дух – превратился в сноп света и растаял. Три Старца растерялись. Они не знали, с кем имеют дело. Тогда они перекопали все доступные рукописи, послали гонцов во все монастыри и храмы. И обнаружили, что Кацири является советником духа императора Сувы, чья душа не покинула мир людей, что это событие было предсказано еще при императоре Хэйдзё колдунами миконо и что больше такой человек никогда не родится. Три Старца долго ломали голову, как поступить с таким человеком. По сути, его надо было причислить к архатам или даже к ближайшим ученикам Будды и кормить до самой смерти, но времена были тяжелые, иных кандидатур не было, и Кацири отправили в столицу Мира.

Однако с самого начала все пошло не так, как задумывали Три Старца. Кацири и его спутников схватили арабуру. Пришлось послать еще Бана и Абэ-но Сэймэй. Они шли разными дорогами и в разное время, но все благополучно миновали опасности.

Абэ-но Сэймэй действовал через стряпуху черного капитана Угаи. Пришлось пожертвовать спутниками Кацири. За десять рё стряпуху уговорили подмешать в еду капитана порошок дерева такубусума¹⁶⁶. Сделал она это после того,

---

¹⁶⁶ Такубусума – белое дерево, цветы которого ядовиты для человека.

как Абэ-но Сэймэй поклялся перед Буддой, что с капитаном Угаи ничего не случится.

– Проживет еще сто лет, – заверил Абэ-но Сэймэй сердобольную стряпуху, и она согласилась.

Ночью, когда капитан уснул глубоким сном, Абэ-но Сэймэй проник в его покои и провел обряд дзюнси. Он не собирался убивать капитана, а жег над ним полоски юфу¹⁶⁷ из коры бумажной шелковицы и тихонько распевал шастры Васубандху.

Утром Угаи проснулся, обсыпанный пеплом. Всю ночь ему снились жуткие сны, но Угаи не мог их вспомнить. Он сильно испугался, потому что, конечно, слышал о таинственных обрядах похищения души. После этого люди долго не живут. Но проходил день за днем, а с ним ничего не случилось. Угаи потихоньку стал забывать о странном происшествии. И почти уже забыл, и даже перевел дух и стал радоваться жизни, строя планы, пока однажды в государственной тюрьме Тайка не увидел монаха-подростка. Необъяснимое глубокое волнение обхватило капитана Угаи. В ушах зазвенело, руки стали деревянными, свет перед очами померк, словно капитан глядел в подозрную трубу, на челе выступил холодный пот, а на душе стало так муторно, словно пришла смерть. Он ощутил неотвратимую потребность сделать что-то такое, чтобы избавиться от этих мучений. Ничего не соображая и не понимая, он вывел подростка-монаха за ворота

---

¹⁶⁷ Юфу – заклинания.

тюрьмы и отпустил на все четыре стороны. До самого вечера он, как чумной, просидел в кустах у реки. Утро он пришел в себя, но ничего не помнил, и только спустя две луны события того страшного дня более-менее явственно стали прорисовываться у него в сознании. Капитан Угаи испугался еще раз, но теперь за свою карьеру. К этому времени он уже сообразил, что за арабуру стоят кецали и что с ними как раз шутки плохи. Поэтому он уничтожил все записи о монахе-подростке, а когда выдался случай, то расправился с его товарищами. Только после этого он вздохнул с облегчением и даже предаться мечтам. А мечтал капитан Угаи, ни много ни мало, о том, как познакомится с хозяевами арабуру – кецалиями, настоящими хозяевами этого мира – и улетит с ними в неведомые края. Вот это будут приключения, с восторгом думал он. Господи, Иисусе! И тайком молился Христу ночи напролет.

Поэтому то, что выглядело в глазах Сань-Пао высокомерием, на самом деле было мечтами о новых, неведомых землях.

Бан вдруг подтолкнул Кацири:

– Иди!..

Мальчишка пошел бы и без понукания – просто Бан расчувствовался, сделал то, что никогда не позволял себе делать. Он не хотел вспоминать обо всех жертвенных мальчиках как об умерших. Со всеми приходится расставаться, с тоской думал он, и все они мне становились как сыновья.

Тосковал он потому, что знал, что жизнь изменить нельзя, что она все равно будет течь так, как ей положено и что изменить ход событий ему не под силу.

Черный капитан Угаи брел по базару. День только начался, а ему уже было жарко, несмотря на то, что он был, как и арабуру, голым по пояс. Последнее время служба тяготила его, и он не мог придумать, каким образом познакомиться с хозяевами арабуру. А еще его смутил странный разговор с Сань-Пао. Наверное, это проверка, решил Угаи. Вроде, я не проболтался и об уходе третьей армии все сказал правильно.

Вдруг один из его спутников сообщил, клацнув зубами от страха:

– Таратиси кими... таратиси кими... я, к-а-а-жется, что-то видел...

– Что именно? – вяло поглядел по сторонам Угаи.

Таких случаев за предыдущие дни было великое множество, и Угаи устал на них реагировать. К тому же кэбииси все, как на подбор, были тупыми и трусливыми, а после побега архатов шарахались от любого куста, как от смерти.

– Да вот же! – на это раз кэбииси как никогда был настойчив. Он даже пристукнул древком нагинаты по камню. – Тень с крылышками!

Ну да, с иронией подумал Угаи, сейчас мы кого-то поймем, и посмотрел на человека. О тени дракона Аху он сразу забыл, а смотрел так долго и так тупо, что человек заволновался. Это было заметно по каплям пота, сбегаящим по ску-

лам. У человека была хорошая выдержка, и он, не моргнув глазом, преспокойно болтал с каким-то мальчишкой, от которого нехорошо воняло.

А ведь я его знаю, подумал капитан Угаи, и мальчишку тоже. Но где я их видел, хоть убей, не могу вспомнить. И он моргнул. В следующее мгновение человек пропал, и мальчишка тоже. Угаи стал озиаться, словно попал в неведомый мир. Все ему показалось необычным: краски дня, которые вдруг стали яркими-яркими, разговоры, смех, которые стали настолько громкими, что резали слух, даже вспорхнувшие птицы сделались огромными, как иканобори. Но ведь так не бывает, лихорадочно думал он. Не бывает, значит, что?.. Значит, я заболел или сошел с ума, решил он.

– Тихонько, тихонько окружить базар, – почему-то шепотом приказал Угаи. – Только тихо, ахо!

Но разве кэбииси могли что-нибудь сделать по-умному? Конечно, нет, потому что по-другому не умели. Они забежали, засуетились. Стали кричать, бряцать оружием, и толпа испугалась, шарахнулась. Вот тогда капитан Угаи и увидел того человека: тот уже был на расстоянии пяти-шести кэн и перед тем, как снова исчезнуть, оглянулся. Это не человек, сообразил Угаи и вдруг вспомнил, где его видел. Конечно, в том злополучном сне. Человек жег бумажные ленты с заклинаниями и твердил шастры Васубандху. От этих шастр капитан Угаи целую луну ходил сам не свой, его тошнило, и болела голова. А хотел этот человек от капитана Угаи по-

слушания и страха перед монахом-подростком. Тогда он и сообразил, почему собственноручно отпустил мальчишку.

– Господи, Иисусе! – только и произнес Угаи. – Духи!!!

– Какие духи?! – шарахнулись от него помощники.

– Хватайте мальчишку, с которым он беседовал!

– Какого? – разинули рты кэбииси.

– Мальчишку, от которого воняет!

Но мальчишка как вводу канул, только незнакомец убежал вместе с толпой в сторону храма Каварабуки. Однако кэбииси хоть и были тугодумами и ленивыми, а к тому же тяжелыми на подъем, но дело свое знали, и было их очень много. Из казарм уже бежала подмога, уже нагинаты с жутким шорохом разрезали воздух, а в воздухе появились иканобори. Толпу окружали полукругом и теснили к центру базара. Блеяли овцы, кудахтали куры, в воздухе кружились перья.

* * *

Заклинание «онгё но мадзинаи» действовало только очень короткое время. За это время надо было спрятаться. Но вокруг, как назло, было слишком мало строений. Вот почему, вдруг сообразил Абэ-но Сэймэй, меня тянуло к храму Каварабуки. Впервые он испугался. Я предвидел эту встречу, но не понял сути предвосхищения. Боги подсказывали мне, но я оставался глух к их предупреждениям.

Абэ-но Сэймэй сам же и нарушил свой план: вместо того,

чтобы встретиться с Баном и Кацири там, где было обусловлено – на площади Белого посоха, он нагнал их на пихтовой аллее возле базара Сисява. Конечно, он видел кэбииси, конечно, он осознавал опасность, но странная беспечность, сродни, неоправданному риску, охватила его. Слишком долго Абэ-но Сэймэй безнаказанно ходил по городу, слишком долго никого не боялся и потерял осторожность. А может быть, виной всему послужило ваби – стремление стать господином самому себе, исключив случайность, а, как известно, даже очень предусмотрительный человек хоть один раз в жизни да ошибается.

Ошибся и Абэ-но Сэймэй – просто ему захотелось поговорить со своим сыном Кацири. Он знал, что Кацири, его сын, скорее всего, погибнет, и уповать приходилось только на Будду. Но ради победы над арабуру он готов был пожертвовать и жизнью сына.

Кацири не знал, что Абэ-но Сэймэй его отец. Даже Три Старца об этом не догадывались, хотя, если бы они сопоставили факты, то пришли к однозначному выводу, ведь и Кацири, и Абэ-но Сэймэй обладали очень схожими способностями. А такие совпадения никогда не бывают случайными. В общем, в последний момент Абэ-но Сэймэй расчувствовался. Ему захотелось ободрить сына, но он в этот трудный момент не находил слов. Только одна мысль крутилась у него в голове: «Я все отдам... Я все отдам для победы! Да поможет нам Будда!» Дело в том, что Абэ-но Сэймэй знал о пред-

сказаниях колдунов миконо, и когда родился сын, пожелал, чтобы сын стал исполнителем воли Будды.

Кэбииси сгоняли торговцев к базару, но капитан Угаи уже знал, что ни мальчишки-монаха, ни человека из сна там нет. Медленно, думал он, очень медленно и нерасторопно. В это время появился отряд кецалей, вооруженный не только мшаго, но тремя майдарами. Командовал отрядом кецаль Ато-тархо. Тогда-то капитан Угаи и увидел, как действует майдара.

У Абэ-но Сэймэй всегда был один или даже два запасных путей отступления. Он хорошо знал город и чувствовал себя в нем, как рыба в воде. Одного он не просчитал – отцовской любви. Никогда он ее не ощущал, гнал от себя, а здесь вдруг она завладела им, и он уже ничего не мог с собой поделаться. Он успел сунуть Кацири план пирамиды, и это промедление стоило ему жизни.

Как только он заметил, что кэбииси бросились окружать рынок, он сделал все, чтобы увести их от сына. Да черный капитан прицепился, как репейник.

Вначале Абэ-но Сэймэй произнес заклинание «онгё но мадзинаи», состоящее из одного– единственного иероглифа, и все пошло, как обычно. Преследователи оказались сбиты с толку, а ему оставалось всего лишь шагнуть за угол дома и затеряться среди развалин соседнего квартала. Однако он увидел, что корзишники бегут вдоль храмовой стены и что в руках у них самое страшное оружие, которым обладали ке-

цали – ежики.

Абэ-но Сэймэй участвовал в сражении перед городом Цу-яма. Тогда он самолично убил не меньше сотни арабуру. Но, как и все, оказался бессильным перед их оружием, изрыгающим молнии. Его спасло только то, что в хаосе сражения он упал в канаву и смог, в отличие от собратьев, отлежаться. Он до сих пор помнил, как его корежило и колотило от удара молнии, и думал, что умрет, но он выжил.

Кацери то становился невидимкой, то появлялся снова, но он не понимал, что надо как можно быстрее выбежать за пределы треугольника, образованного тремя кецалями с ежиками в руках. В воздухе уже запахло, как перед грозой, и все, кто находился в треугольнике, должны были пасть замертво. Тогда Абэ-но Сэймэй прыгнул на ближайшего кецалю, который держал ежика в руках. Прыгнул в тот момент, когда должна была ударить молния, не обращая внимания на корзинщиков с нагинатами, повалил кецалю, ударил его что есть силы в грудь сюрикэн и принял на себя весь тот удар молнии, который предназначался сыну.

Долго еще били его нагинатами, боясь приблизиться. И только окрик Атотархо остановил кецалей и арабуру. А когда подбежал Угаи, Абэ-но Сэймэй уже был мертв. Странная, похожая на оскал, улыбка застыла на его окровавленных губах. Казалось, он знает тайну, которую больше не знает никто.

– Хватайте! Хватайте мальчишку! – крикнул капитан

Угаи.

Однако мальчишка как в воду канул.

* * *

Утро выдалось прохладным, и к повседневному наряду из перьев император добавил леопардовую шкуру, которая была заколота у него на левом плече золотой иглой.

Император Кан-Чи сидел у себя в саду на одиннадцатой ступени и любовался водой, которая вытекала из волшебной бочки. Бочка была бездонной, и вода в ней никогда не кончалась.

Бочку привезли из Чосона в качестве подарка от тамошнего правителя. К бочке прилагался раб, который чистил ее каждое утро и наполнял доверху. А еще в бочке сидела большая волшебная лягушка и квакала каждую стражу. Императору нравилось наблюдать, как она это делает. Вначале она надувалась, становилась просто огромной. Желтое горло с черными крапинками, казалось, готово было лопнуть, а потом раздавалось кваканье:

– Ква-ква-ква... – и ровно столько раз, сколько было стражи, и ни разу не ошибалась.

Император Кан-Чи пытался понять, как она это делает, а самое главное – почему каждый раз вовремя? Пару раз он самолично пытал раба, но раб ничего не мог объяснить, потому что у него не было языка.

И на этот раз Кан-Чи самозабвенно считал, сколько раз лягушка квакнет. Если в соседней стране такие чудеса, то что же у них есть еще? – думал он с завистью. Как только разберусь с Нихон, захвачу и ее, а там рукой подать до Ая. Был час лошади, и лягушка проквакала ровно пять раз, а когда начала квакать шестой, впервые сбилась. Император удивился, наклонился, чтобы посмотреть, что же произошло. А лягушка надулась сильнее обычного, открыла широкую, как ущелье, пасть, и оттуда вылетело ровно шесть отравленных стрел. Если бы не преданный, черный, как смоль, Мурасамэ который всегда находился рядом, то не пережил бы Кан-Чи стражи лошади: бросился Мурасамэ между хозяином и лягушкой, закрыл его своим мохнатым телом, и тотчас же умер, исторгнув напоследок из себя клубы пены.

В дикой ярости заколол Кан-Чи большую волшебную лягушку золотой иглой – из бездонной волшебной бочки полилась зеленая кровь, и все рыбы, все лягушки, все тритоны и прочие обитатели ручья в и болот в окрестностях пирамиды-дворца Оль-Тахинэ погибли. Вот каким ядом хотели отравить императора Кан-Чи.

Кинулись за тем рабом, да не сумели взять живым. Раб вложил себе в рот себе широкий индийский нож и пал лицом вниз. Нож пробил ему затылок, и раб тотчас умер.

Император Кан-Чи пришел в неистовство. Изломал на себе перья, разорвал леопардовую шкуру. Больше всего он горевал о Мурасамэ.

– О-о-о! Мой любимый пес! – кричал он, рыдая взхлеб. – Уййй!!! Я отомщу за тебя! Сотру этот Чосон в пыль! – И плевался на свой любимый город Чальчуапа.

Вызвал он главнокомандующего Дегановида и приказал готовить армию к походу.

– Какую? – сонно спросил Дегановид и поморщился.

Он давно привык к чудачествам императора, который у себя на родине никогда не правил, а был младшим сыном и любимчиком у своей матери Шочипилли – Царицы Цариц, и слишком долго ждал подходящего трона. Шочипилли не исполнила родовой закон «Трех голов» и не умертвила Кан-Чи, который был ее четвертым сыном и значит, должен был умереть, как того требовала знать, по достижении пятнадцати лет. Она спрятала его в горах и ждала удобного случая. Этот случай представился в виде кецалей, которые пришли со стороны солнца. Кан-Чи рос эгоистичным и балованным ребенком, хотя его нещадно пороли за пакости, до которых он был охоч. Он никогда не общался с простыми людьми и не понимал их. До двадцати пяти лет он вообще считал, что мир состоит из одних придворных льстецов и юных рабынь, которых ему регулярно поставляли. Когда они ему надоедали, он бросал их со скал, принося в жертву Богу Смерти – Кими, и очень быстро привык быть безжалостным. Потом Шочипилли решила приобщить его к государственным делам и последовательно делала его то военным министром, то министром морских вод, то министром земли. Кан-Чи так

же последовательно проиграл все сражения, разорил рыбаков и довел хозяйство страны до такого состояния, что народ стал голодать и разбегаться. Знать зароптала, и Царица Цариц Шочипилли уже готова была уступить ей, но тут появились кецали, и ситуация изменилась. Мать надеялась, что, став императором неведомой страны, ее четвертый сын обретет мудрость Богов. Вышло все наоборот, он стал еще более жестоким и властолюбивым и не терпел никаких возражений. Он не вникал в суть вещей, не интересовался деталями и считал, что это должны делать за него советники.

– А сколько у нас армий?

– Три.

– Три? – удивился император Кан-Чи. – А где остальные?

Уййй!!!

– Больше нет.

– А было?

– Не было.

– Готовь, которую ближе. Уййй!!! – император хлопнул себя ладонью по затылку.

– Ближе та, которая в столице, третья.

Император выпалил:

– Посылаю, которая в столице, третью! Уййй!!! – и снова хлопнул себя по затылку.

– В городе замечены мятежники. Кто будет охранять ваше величество?

– Кэбииси!

– Кэбииси ненадежны.

– Дашь им мшаго и майдары!

– Кецали будут против.

– К черту кецалей! Уййй!!!

– Зря вы так. У стен есть уши, – счел нужным напомнить главнокомандующий.

Дегановид приходился сводным братом императору Кан-Чи и мог себе позволить то, что не могли другие.

– Что ты предлагаешь? – немного успокоился император Кан-Чи.

– Надо выждать.

Император Кан-Чи сделал круглые глаза. Ему и в голову не приходила такая простая мысль:

– Я не хочу ждать!

– Вчера в провинции Хитати погиб отряд из двух сотен человек.

– Ну и что?!

– Два дня назад в Асо сожжена наша крепость номер пять.

– Ну и что?!

– От Науакуе ни слуха ни духа.

– Ну и что?! Это все время происходит. Скоро кецали подкинут нам новые силы.

– А если не подкинут? Если наша благословенная Царица Цариц занедужила или случилось еще что-то?!

– Подкинут! Хватит об этом!

– Ладно. Построим флот и ударим.

– Какой флот? – безмерно удивился Кан-Чи.

Выяснилось, что между Нихон, которая теперь называлась Се-Акатль, и Чосоном лежит глубокое море Гэнкай¹⁶⁸.

– Разве что попросить кецалей?.. – загадочно предложил Дегановид и вопросительно уставился на императора.

– Нет! – сжав кулаки и со свистом втянув в себя воздух, выкрикнул император Кан-Чи. – Нет! Нет! Нет! Никого просить не будем! Ушмаль и так косится. Чертей своих подсылает! Уййй!!! – император хлопнул себя по затылку.

Он в нерешительности засопел, смял последнее черное перо и посмотрел в окно. Море было далеко. Его не было видно. Родина же еще дальше – по другую сторону океана. Может, Дегановид прав? – впервые задал себе вопрос император Кан-Чи.

– Так будем отправлять третью армию или нет? – бесстрашно спросил Дегановид, полагая, что наступил тот самый момент, который называется переломным.

Но император Кан-Чи внезапно проявил дурной характер:

– Бери армию! Отправляйся на чертово побережье! Строй флот! Уййй!!!

– Раньше весны не получится.

– Строй, говорю! Уййй!!! Куриное дерьмо!

Дегановид не посмел послушаться. С тех пор прошло три дня. Третья армия императора тайком от кецалей, без музыки и долгих прощаний отправилась в поход. Император Кан-

---

¹⁶⁸ Гэнкай – Внутренне море.

Чи надел траурный наряд с черными перьями и с ненавистью смотрел на город Чальчуапа. Он не смог его победить. Он не смог даже его понять. Иногда ему казалось, что город живет вопреки логике и его воле и что он сильнее кецалей и Неба. О великий Кетцалькоатль, стал он молиться, сделай так, чтобы я победил! Всех победил! Всех! Всех врагов без исключения!!!

Неожиданно до его слуха донесся шум. Он подскочил к перилам балкона. Далеко внизу, среди пышной зелени деревьев сновали титлаки.

– Эй, стража, позвать начальника кэбииси!

Сань-Пао, как всегда, возник, словно из-под земли – годы государственной службы не прошли даром. Ураканы его тщательно обыскали. Одни из них встал с обнаженным мшаго у него за спиной.

– Что происходит? – грозно спросил император Кан-Чи, не дав Сань-Пао преклонить колено.

– Мы ловим Абэ-но Сэймэй...

– Ты нашел его?!

– Да, сэйса. Он воспитывался в школе «Врат Дракона».

– В этой стране очень мудреные названия, – заметил император. – Говори проще.

– Родом он из деревни Мусаси. В детстве был отдан в монахи. Его сделали ваби – господином самому себе. Этого звания достигают только избранные архаты.

– Не понимаю, – поморщился император Кан-Чи, – что ты

несешь?!

– Иными словами, он очень умен и осторожен, поэтому его трудно поймать, – скомкал свою речь Сань-Пао.

Эту речь он готовил загодя, полагая раскрыть глаза императору Кан-Чи на природу вещей, то бишь страны, которую он пытался поработить.

– Ну и что?! – рассердился император Кан-Чи. – Зачем ты мне это рассказываешь?! Уййй!!!

– Мы нашли его отца и казнили, – произнес Сань-Пао упавшим голосом.

В любой момент его могли предать смерти через самую лютую казнь. Или уракан, стоящий за спиной, по какому-нибудь тайному знаку императора мог зарубить его. Сань-Пао был стар, но умирать ему не хотелось.

– Глупцы! – вскипел император Кан-Чи. – Надо было вытянуть из него все-все, а потом кинуть собакам! Чему вас только учили ваши императоры?!

В гневе император Кан-Чи говорил только на поднимающихся тонах¹⁶⁹, и Сань-Пао трудно было его понять. Переспросить он не решался. Но, оказывается, император тоже его не понимал.

– Он ничего не сказал, даже под пытками. К тому же он был дряхл, как гнилой пень, – оправдывался, как умел, Сань-Пао.

---

¹⁶⁹ В японском языке тона бывают: ровные, поднимающиеся и падающие, в зависимости от этого одно и то же слово имело разное значение.

Император Кан-Чи в раздражении заходил по комнате от сверкающего золотом и камнями трона до фонтана, где совсем недавно жила волшебная лягушка. По-прежнему журчала вода, лаская слух, попугаи в золотых клетках переговаривались гортанными голосами, яркие тропические цветы исторгали неземные запахи. Императору Кан-Чи на мгновение показалось, что он у себя дома, и он смягчился.

– Как ты живешь в этой стране, ты иностранец?! – поинтересовался он. – Ты понимаешь этот глупый народ? Даже горы здесь не такие, как у нас.

Сань-Пао позволил себе подойти к перилам и посмотреть на окрестности. Горы, как горы, подумал он. Над белой шапкой Фудзияма курился дымок, может быть, чуть-чуть гуще, чем обычно. Тонкие серые облака сливались с горизонтом. Где-то там вдалеке, за морем, лежала неведомая родина арабуру, откуда они пришли и завоевали Нихон. Какое мне дело до всего до этого? – подумал Сань-Пао. Я все еще люблю Ая! Вдруг на него что-то нахлынуло, и он попробовал объяснить:

– Они привыкли быть терпеливыми и обходиться малым, как птички. Сто тысяч лун их уничтожали их же правители, но не смогли уничтожить.

Император прервал его:

– Один я знаю, как это сделать! Отныне они будут называть своих детей индейскими именами. А ты будешь за этим следить! Тот, кто не помнит своих корней, не будет защищать свою родину. Уййй!!!

– Слушаюсь, сэйса, – не очень уверенно произнес Сань-Пао. Что еще придумает Кан-Чи?

– Займешься уничтожением Будд. Уййй!!! Фигуры этого Бога должны быть переплавлены или разбиты. Отныне все должны поклоняться только Богу Кетцалькоатль, – император, перечисляя указы, загибал пальцы.

– А если кто не захочет?

– Таких не должно быть, – ответил император Кан-Чи и взглянул на Сань-Пао таким взглядом, что у того душа упала в пятки.

– Слушаюсь, сэйса...

– Все деревни и города должны получить индейские названия! Уййй!!! – загнул следующий палец Кан-Чи.

– Слушаюсь, сэйса.

– Все реки, все дороги, все горы и ущелья должны звучать на наш манер! Уййй!!! Да, и реки тоже, не говоря уже об озерах. А эту гору назовешь именем нашего Бога Зипакна! Гора Зипакн! Отлично звучит!

Хотя Сань-Пао был другого мнения, он послушно ответил:

– Слушаюсь, сэйса.

Император Кан-Чи в задумчивости загнул и пятый палец, но больше ничего не мог придумать.

– А еще?... – в задумчивости сказала император Кан-Чи, – а еще... вот если... м-м-м... ну ладно... Уййй!!!

– Слушаюсь, сэйса, – не к месту произнес Сань-Пао.

Эта была единственная издевка, которую он мог себе позволить, не рискуя ни жизнью, ни положением.

– Что дальше, я пока еще не придумал, – строго посмотрел на него император. – Вот что, поймаешь этого, как его?..

– Абэ-но Сэймэй... – осторожно подсказал Сань-Пао.

– Да. Приведешь ко мне. Я его лично буду пытаться. У нас есть такая пытка, называется «солнце». Человека протыкают маленькими булавками, к которым привязаны золотые нити. Каждый, кто хочет получить нить, дергает, а из человека льется кровь. Как ты думаешь, долго он протянет?

Сань-Пао неожиданно стало плохо, но он произнес:

– Не долго, сэйса.

– Я тоже так думаю! Уййй!!! – император даже развеселился и хлопнул себя по затылку. – А теперь скажи, в чем ваша сила?

Сань-Пао, не задумываясь, воскликнул, как юноша:

– В терпении! В великом терпении!

– Хм?.. – удивился император Кан-Чи. – Странная сила... – не поверил он Сань-Пао. – Поэтому-то вы и проиграли. Терпеть нельзя. Надо убивать! Уййй!!!

Сань-Пао хотел сказать, что готов все объяснить, но только опустил глаза. К чему спорить, если и так все ясно.

– А теперь иди и успокой мой народ! – велел император Кан-Чи. – Втолкуй ему, что я думаю о нем, как о самом лучшем народе, но надо, как обычно, терпеть!

– Слушаюсь, сэйса! – произнес Сань-Пао. – Они будут тер-

петь! Куда они денутся?! – И исчез так же бесшумно, как и появился.

Какой глупый у меня начальник кэбииси, подумал император Кан-Чи. Все нужно объяснять! Он меня раздражает. Но я еще не понял, чем? Хорошо, если он предатель! Как только поймаю на этом, казню прилюдно самой страшной казнью, какую выдумаю. Запущу ему в рот огромную черную крысу!

Сань-Пао испытывая облегчение оттого, что покинул резиденцию императора. Какой он глупый, в свою очередь подумал Сань-Пао, спускаясь по узкой тайной лестнице, вслед за начальником дневной и ночной стражи – Чичимеком, у него даже не скрипят половицы. Любой убийца может подобраться к нему ночью. Впервые Сань-Пао ужаснулся от мысли, что император Кан-Чи смертен. А потом почему-то обрадовался: однако он против нашего брата так же беззащитен, как и мы против него. Наконец он ощутил превосходство над иноземцем. И хотя сам всю жизнь считал себя чужим в этой стране, впервые почувствовал, что она ему все-таки ближе, чем неведомая страна императора.

Сань-Пао действительно нашел отца Абэ-но Сэймэй, он не казнил его, как сказал императору, а отвез на побережье и тайно переправил в Чосон. Он пытался разузнать у старика хоть что-нибудь о его сыне, но то ли старик действительно ничего не знал, то ли был страшно хитер и неблагодарен – ведь по обычаям за богато накрытым столом он должен был

рассказать таратиси кими все-все о своей жизни. Он и рассказал, но лишь о внуке, которого по традиции с малолетства отдали в монахи.

– Как зовут внука? – на всякий случай любопытствовал Сань-Пао.

– Кацири...

– Кацири! – едва не подскочил Сань-Пао.

– Кацири... – подтвердил старик, старательно разжевывая беззубыми челюстями рисовый шарик.

– Кацири значит умный? – уточнил Сань-Пао.

– Да, очень умный... очень... – закивал старик, и глаза его наполнялись влагой то ли от избытка чувств, то ли от вкусной еды.

Где-то я это имя уже слышал, стал припоминать Сань-Пао. И к своему ужасу вспомнил – в списках мятежников государственной тюрьмы Тайка. А занимался им никто иной, стал он припоминать дальше, как мой помощник – черный капитан Угаи! Ах, ты!... – многозначительно произнес Сань-Пао. Ах, хитрец! Заговор зреет под самым носом, а я и не подозревал. На наше счастье третья армия оставила город. Слава Будде! Император в наших руках. Что же делать? Что же делать? С легким сердцем он отправил старика в Чосон да еще одарил его жменей золотых рё и велел никогда-никогда не возвращаться в Нихон. Вечером следующего дня Сань-Пао вернулся в столицу, призвал к себе самых преданных и самых глупых стражников и приказал:

– Идите и приведите мне живым хоть одного мятежника! Слышите, живым!

Никто из семи стражников в казармы не вернулся. Они не пришли ни через день, ни через два. Сань-Пао призадумался. Он не знал иного способа, как договориться с мятежниками, поэтому сказал черному капитану Угаи, придержав его во дворе двенадцатиярусной пирамиды-дворца Оль-Тахинэ:

– У меня было видение. Ты ведь веришь в видения, Угаи?

– Верю, сэйса, – неопределенно ответил Угаи.

Чего он от меня хочет? – удивился он и покосился на корзинущиков у ворот. Один из них явно к ним прислушивался.

– Будто бы третья армия неспроста ушла.

– Неспроста... – согласился Угаи и перевел на начальника вопрошающий взгляд, а потом загородил его от любопытного корзинущика, чтобы, не дай Бог, не прочитал по губам, о чем они разговаривают. – Им нужен Чосон. Об этом все знают.

– Тьфу ты! – в сердцах воскликнул Сань-Пао и объяснил: – Будто бы мятежники убили императора!

– А-а-а... Вот беда-то... – посетовал Угаи, все так же вопрошающе поглядывая на Сань-Пао, пытаясь понять, кто кого водит за нос.

Экий ты недогадливый! – подумал Сань-Пао, и ему стало тоскливо. Если я ошибся, подумал он, то это конец. Следующего дня я не переживу.

– Ну-у! Так-к-к... Кхё-ё-ё... – стал мяться он.

– Убили так убили, – неопределенно произнес Угаи, чтобы помочь ему выпутаться из неловкого положения.

– Ну а мы что с тобой будем делать? – наконец нашелся Сань-Пао.

– А что нам делать-то? – пожал плечами Угаи. – Будем служить другому императору.

А что он мог ответить? Что точно так же ненавидит арабуру, как и Сань-Пао? Это будут его последние слова в жизни. Лучше держать язык за зубами. То же самый корзинщик на них и донесет.

– Мда... – Сань-Пао пожалел о начатом разговоре. – Ладно, иди. Да! Ты поймал Абэ-но Сэймэй?

– Нет еще! – Угаи остановился. – Но вы, сэйса, узнаете об этом первым.

– Спасибо, сынок, я надеюсь на тебя.

– Господи, Иисусе! – прошептал капитан Угаи и направился к воротам, чтобы выйти в город.

Его ожидало самое рутинное дело, которого только можно было придумать – патрулирование базара Сисява и его окрестностей.

* * *

У Кацери не было никаких шансов не то чтобы приблизиться к императору Кан-Чи, а даже проникнуть в лабиринт Драконов под самой пирамидой-дворцом. Конечно, он

об этом знал. Суть покушения заключалась в том, чтобы незаметно проскользнуть под носом у стражи. Однако ни один простой смертный не мог этого сделать, а против хонки существовали ширмы, поставленные таким образом, чтобы преграждать им движение – как известно, хонки могли двигаться только по прямой. И хотя император Кан-Чи не верил ни в духов, ни в демонов Нихон, он на всякий случай пользовался ширмами. Таким образом, следовало опасаться только людей и сосредоточиться на определенном виде охраны, что значительно облегчало задачу.

Начальник дневной и ночной стражи – Чичимек, выставил по три стражника на каждом повороте центральной лестницы, по три стражника перед каждой дверью и по три стражника в конце каждой галереи – с таким расчетом, чтобы стражники видели друг друга.

В самих же покоях императора стражники делились на видимых и невидимых. Видимые ходили по галереям и говорили друг другу: «Бди!», а невидимые прятались в специальных нишах с ажурными стенками. Уснуть в этих нишах они не могли по той причине, что стены были утыканы гвоздями. И хотя арабуру заставляли жевали коку, спать им хотелось сильно-сильно. Они стояли в своих нишах, что есть силы таращились наружу сквозь решетки и клевали носами. Меняли их каждую стражу. Но даже это не помогало, и порой сонный стражник, исколотый гвоздями, выпадал наружу, как только открывали переднюю ажурную стенку. Хотя таких арабуру

перед тем, как отправить в действующую армию, нещадно пороли, ничего не помогало – приходили новые и точно так же засыпали. Да и коки не хватало. Попробовали было выращивать ее в Се-Акатль, да, видать, климат не подходил, вместо пышных кустов вырастали жалкие побеги и высыхали, не набрав силы. Мгновенно кока стала цениться на вес золота. Каждому невидимому стражнику на время дежурства выдавали шесть листочков коки. При такой баснословной ценности они ее не жевали, а предпочитали оставлять про запас, дабы купить удовольствие в Ёсивара – Веселый квартал, где обитали неунывающие хохотушки юдзё.

Тем не менее, считалось, что проникнуть в покои императора Кан-Чи никто не может. Поэтому любой хитроумный план злоумышленников заранее был обречен на провал. Но были еще тайные ходы, которые охраняли совсем другие арабуру – которых кормили через день и никогда не давали ни пива, ни кукурузной водки. А кока им вообще не полагалась, ибо они сохраняли чистоту духа. Эти были смертники – ураканами, жилистые, как стволы акаций, и безмолвные, как тени, они убивали без предупреждения – быстро, подобно молниям. Днем они ходили в кожаных колпаках, чтобы их никто не мог узнать. Ночью же они были бесшумны, как тени духов.

– Хватайте! Хватайте мальчишку! – крикнул черный капитан Угаи, да было поздно.

Кацири видел, как убили Абэ-но Сэймэй, однако ни один мускул не дрогнул на его лице. Он оглянулся как раз в тот момент, когда молния ударила Абэ-но Сэймэй в грудь, но не остановился. Много раз они говорили об этом с Баном: «Если со мной или с ним что-то случится, даже очень нехорошее, беги дальше что есть силы и делай свое дело!»

В мгновении ока Кацири оказался за каменной оградой храма Каварабуки. Перед левым крылом от него находился холм с часовой наверху. К беседке меж сосен вела гранитная лестница, истертая ногами монахов. Сотни лет монахи исполняли обет – носили наверх ведра с водой и наполняли бассейн, из которого вода стекала в храм и считалась священной. По этим ступеням и побежал Кацири. Он был подобен быстролетному соколу, но все же не быстрее стрелы.

На Бана никто не обращал внимания. Кому нужен прокаженный? Однако именно он не дал первой стреле найти цель. На всякий случай он побежал за Кацири. Корзина мешала ему, и он кинул ее в кусты. Он видел, как погиб Абэ-но Сэймэй, и понял, что теперь наступил его час. Все пошло не так, как они задумали. Бан должен был проникнуть в лабиринт Драконов вместе с Кацири и помочь ему вернуться на-

зад. Они планировали все варианты, но то, что происходило, было самым худшим из них.

Кацири уже почти добежал до середины лестницы, когда стражник стал стрелять в него из короткого лука. В тот момент, когда стражник собирался отпустить тетиву, Бан ударил его под левую руку. Стрела ушла вверх над деревьями, но Бан уже этого не видел. Он упал от удара мшаго, и смерть его оказалась легкой.

Когда вскрикнул смертельно раненый Бан, Кацири на мгновение замер. Он считал его своим отцом. «Иначе бы я никогда-никогда его не слушался!» – шептал он. На одно единственное мгновение Кацири забыл, для чего он бежит на холм. Казалось, перед ним разверзлась пропасть и он увидел ее дно. Ему захотелось заплакать – ведь он остался один, совсем один, а дело, которое ему предстояло сделать, было тяжелым, ох каким тяжелым. Он стоял, повернувшись лицом к храму Каварабуки, и уже десятки стражников целились в него. Слезы душили его, он не мог шевельнуться.

– Стойте! – крикнул капитан Угаи. – Стойте! Мальчишка мне нужен живым!

Он один понял, что творится с мальчишкой, и бросился вверх по склону. Капитан Угаи и сам не знал, зачем это делает, просто ему надо было во что бы то ни стало догнать мальчишку. В нем проснулся азарт охотника. Он понимал, что не причинит ему вреда, но, тем не менее, гнался за ним.

Две или три стрелы, пущенные дрогнувшей рукой, про-

шелестели в хвое, но именно они заставили Кацири очнуться. Он неуклюже повернулся и еще целое мгновение представлял собой прекрасную мишень. Кацири больше ни о чем не думал, кроме того, как проникнуть в лабиринт Драконов.

Вслед за капитаном Угаи бросились десятка два стражников. Напрасно Угаи, пока бежал по лестнице, поносил их самыми черными словами, напрасно проклинал весь их род до пятого колена – когда он влетел в часовню, мальчишки там уже не было, только огромная каменная плита, служившая бассейну дном, в котором теперь не было воды, словно нехотя становилась на место. Оставалась щель между стенкой и плитой. Не долго думая, капитан Угаи прыгнул в эту щель и потерял ощущение времени.

Он ударился о каменный пол и долго не мог прийти в себя. Перед глазамиплыли круги. Голова звенела, словно медный котел.

– Господи, Иисусе! – твердил он, ощупывая себя и пространство вокруг.

На лбу зрела огромная шишка. Из носа текла кровь. Один глаз ничего не видел. А подвернутая левая нога не слушалась.

Потом он услышал тихие удаляющиеся шаги и вскочил, невольно охнув. Направление, в котором убегал мальчишка, не оставляли никаких сомнений – в Оль-Тахинэ, двенадцатиярусную пирамиду императора Кан-Чи, построенную на костях императора Мангобэй.

Капитан Угаи, прихрамывая, побежал следом и тотчас наткнулся на ворох одежды и два пустых флакона. Один едва заметно пах хвоей, а второй – чем-то до жути знакомым, но Угаи сгоряча не мог вспомнить, чем именно. Запах был связан со смертью. От этого запаха у него закружилась голова. Так вот! – обрадовался капитан Угаи. Так вот! Пахнет же, пахнет! Так однажды пахло в монастыре Святого Доминика, когда там умер главный настоятель. Угаи имел неосторожность в тот час зайти к нему в покои по какому-то мелкому делу и обнаружил мертвого настоятеля и людей, менявших бокалы. Пахло точно так же, как и сейчас – сладким запахом лилии. Хотя Угаи в ту пору был молодым и глуповатым, но ему хватило ума тотчас бежать из Генуи.

Он захотел с кем-нибудь поделиться своим открытием, оглянулся и только теперь окончательно сообразил, что находится в лабиринте Драконов и что императорская пирамида-дворец совсем рядом, потому что в нишах мерцали лампы. Когда-то в этих нишах находились золотые статуи Будды, но с появлением арабуру их убрали. Вдали мелькнула тень. Капитан Угаи побежал следом и уперся в тупик.

– Где же ты? Выходи! – крикнул он и обернулся, потому что ощутил дуновение ветра.

На этот раз тень мелькнула позади. Капитан Угаи, как коршун, бросился на добычу, но всего лишь рассадил себе лоб о корень, торчащий из потолка подземелья. И снова ему слышался шорох. Но теперь не сзади, ни спереди, а над го-

ловой. Господи, Иисусе! – подумал Угаи, я же ничего не вижу в темноте и не умею летать.

Он принялся ощупывать потолок и обнаружил лаз. Там, дальше в нем, мерцал огонек. Капитан Угаи долго карабкался по узкой лестнице, порой застревая, копясь, как крот, но неотрывно следуя за огоньком, а потом попал в горизонтальный туннель и понесся к удаляющемуся огоньку, как несется мотылек на свет лампы, и если бы не врожденная ловкость, сломал бы себе шею, потому что огонек вдруг куда-то пропал, а под ногами не оказалось ничего, кроме пустоты.

Упал капитан Угаи на бок – как раз на край глубокого колодца и едва не угодил в него. Еще никогда на долю Угаи не выпадало таких приключений. Всякое бывало, но в такие переплеты он не попадал. На этот раз он долго приходил в себя. Кашлял и извивался, проклиная весь белый свет, как вдруг снова увидел огонек. Нет, засмеялся он, теперь не обманешь, теперь я никуда не пойду. Я буду выслеживать тебя осторожно и долго. А лучше всего посижу здесь. Из колодца, в который он едва не угодил, тянуло холодом и смертью.

Должно быть, мальчишка посчитал, что преследователь разбился насмерть, потому что совсем не прятался, и капитану Угаи не составило большего труда, выследить его. Теперь он шел осторожно, как зверь. Но все равно не поймал мальчишку, а очутился перед закрытой дверью, прижал к ней ухо и долго вслушивался в звуки, доносившиеся с той стороны. Он не знал, что это за дверь, а плана лабиринта Драконов у

него не было.

– Эй-й-й... – постучал он костяшками пальцев. – Выходи! – и на всякий случай тихонько ударил кулаком.

Пламя ближайшей лампы едва заметно померкло, и капитан, теряя от страха осторожность, бросился и схватил кого-то. Лампада упала, разбилась, и деревянное масло, вспыхнув в нише, полилось на пол.

– Стой! Стой! – оторопело твердил капитан Угаи, впервые в жизни борясь с хонки.

Хонки оказался маленьким, вертким и зубастым. На запястьях капитана, казалось, сами собой возникли следы укусов и кровь. Однако капитан Угаи был очень силен, и ему удалось удержать скользкую тень. Впрочем, он плохо сообщал, что делает, и не знал, как ему правильно поступить дальше. В этот момент, скрипнув, приоткрылась дверь, и суровый голос начальника Сань-Пао произнес:

– Отпусти его!

– Господи, Иисусе!

– Отпусти!!!

– Так ведь!.. – с изумлением возразил Угаи, не зная, как себя вести. – Вы тоже здесь, сэйса?!

– А как же!

– Я, я, я...

Какой бы случайной ни казалась эта встреча, им обоим сделалось неловко оттого, что они столкнулись в лабиринте Драконов. При других обстоятельствах они бы сделали вид,

что не узнали друг друга, и разошлись бы, но в лабиринте это сделать было невозможно.

Сань-Пао не дал ему больше и рта открыть:

– Отпусти, я сказал!

Капитан Угаи отпустил и тотчас увидел, с кем боролся. перед ним проявился полуголый мальчишка. В одной руке он сжимал раздвижную трубку, в другой – складной стилет.

Мальчик тотчас понял, кто из них друг, а кто враг, и спрятался за Сань-Пао.

– Он мог убить тебя одним ударом, – сказал Сань-Пао и с укором посмотрел на Угаи, как на ребенка.

Угаи стало стыдно. Он и понятия не имел, с кем на самом деле боролся – он просто бежал в темноте и кого-то схватил. Он его хотел поймать и поймал.

– Я не знал... – оправдывался капитан Угаи и подумал, что судьба мятежников теперь находится в их руках, стоит допросить мальчишку, который наверняка много знает.

Он вопросительно посмотрел на своего начальника. Но Сань-Пао сделал вид, что не понял его взгляда.

– Это оружие предназначено не для нас, – со вздохом объяснил он.

Ладно, подумал капитан Угаи, так тому и быть. Какое мне дело до арабуру и их внутренних конфликтов.

– А для кого? – спросил он. – Неужели?.. – он невольно кивнул головой в направлении двери.

Сань-Пао засмеялся:

– Это уже не твое дело. Хочешь жить?

– Хочу, – честно признался Угаи. – Очень хочу.

Ему представились наполненные ветром паруса, море и неведомые берега.

– Иди по этому лабиринту, касаясь стены правым плечом, и выйдешь в большую пещеру, где течет река. Там увидишь кецалей. Расскажешь им, что император Кан-Чи мертв. Пусть улетают. Им здесь нечего делать.

– А вы, сэйса? – невольно спросил капитан Угаи, с непонятным облегчением делая шаг в темноту лабиринта, и предложил: – Пойдемте со мной?

Все страхи и мучения остались позади. Кончилась его тягостная служба у арабуру. Теперь он пойдет и найдет настоящих хозяев этого мира и еще успеет повидать много диковинных мест. А в конце жизни обязательно вернуться на родину – в далекую северную страну Сканию и расскажет людям, где он был и что он видел.

В свою очередь, Сань-Пао подумал: ничего ты, иноземец, не понял в нашей жизни, ни в чем не разобрался ни в плохом, ни в хорошем. Даже убить тебя рука не поднимается.

– Я наконец поступлю в этой жизни так, как считаю нужным, – ответил он. – Твоя задача убедить кецалей улететь. А моя – убить Кан-Чи. Правда, мальчик? Пойдем со мной, мы им покажем, как надо любить свою родину.

Он почему-то решил, что обязательно должен командовать мальчишкой, даже не спросив его мнения.

– Покажем! – смело ответил Кацири, однако это еще не значило, что он доверял Сань-Пао.

– Но ведь вы же из Ая? – спросил напоследок капитан Угаи. – Зачем вам эта пропащая страна? Господи, Иисусе!

– Страна? – удивился Сань-Пао. – Пропащая? Оро?! Я об этом не думал. Оро?! Не знаю, – признался он. – Я стар, но ничего не знаю. Оро?! Я только чувствую, что надо поступать по справедливости. А больше я ничего не знаю. Оро?!

– По справедливости... – с недоверием повторил Угаи, который наконец что-то начал понимать. – Хм... А я? Я справедлив? Господи, Иисусе! – Но так и не нашел в своей душе ответа.

Его справедливость была другого рода. Она питалась надеждой познать новые миры, но никак не такой крохотный мирок, как Нихон, в котором надо еще и остановиться и задуматься на долгие годы. А это оказалось не по душе черному капитану Угаи.

Сань-Пао распахнул дверь – за ней лежали три мертвых арабуру. У каждого в шее торчало по духовой игле с черным оперением из перьев курицы цути. Четвертый, невидимый – умирал в нише за ажурной стенкой. Разумеется, Сань-Пао никому не говорил, что мастерски владеет трубкой фукуми бари, которую он прятал в рукаве. Но один он ни за что не решился бы на покушение, поэтому и искал связи с мятежниками. К тому же пронести в цитадель трубку с иглами было невозможно. Правда, у Сань-Пао была еще трубка – камии-

ти-бари, которую можно было держать за щекой. Эта трубка заряжалась одной единственной иглой, и яд в ней был не таким, как в фукуми бари.

– Ты пришел вовремя, – сказал Сань-Пао. – Я помогу тебе.

На самом деле он еще не знал, как он это сделает. Но был уверен, что сделает.

Сань-Пао ждал ниндзюцу три дня и дождался. Только он не мог подумать, что это будет мальчишка. Когда же в городе раздались крики и брань, он сообразил, что неспроста: под шумок совершаются и подвиги, и самые грязные дела. Он рассуждал так: могут ли мятежники проникнуть в пирамиду? Тем путем, которым я вхожу в нее? Не могут! Для этого надо быть арабуру или начальником городской стражи. А больше сюда никого не пускают. Значит, что? Значит, они пойдут другим путем, через лабиринт Драконов. Но он охраняется так же тщательно, как и стены пирамиды. А еще нужно попасть на самый верх, в цитадель. Обычным путем это тоже невозможно. Такое ощущение, что дух императора Мангобэй действительно охраняет пирамиду-дворец Оль-Тахинэ – и от друзей, и от недругов. Но ведь для ниндзюцу ничего невозможного нет.

Его знания были почерпнуты из рукописей периода «собираения» Нихон. Он знал кое-что о ниндзюцу, но не думал, что мятежники выберут самый трудный и долго подготавливаемый способ покушения. Так убили могущественного главу клана Сибя – Уэсуги Кэнсинома, которого охраняла це-

лая армия. Сань-Пао даже не стал спрашивать у Кацири, как он собирается расправиться с императором Кан-Чи. Все стало очевидно, когда Сань-Пао ощутил запах, исходящий от мальчишки. Там пахнут только золотари. Недаром на него никто не обращал внимания. Я бы тоже не обратил, подумал Сань-Пао. Вот хитрецы!

К его огромного удивлению, Кацири открыл ажурную стенку ниши и, не обращая внимания на арабуру, выпавшего к его ногам, нажал на какой-то тайный рычажок. Задняя стенка с гвоздями отошла в сторону, и открылся узкий лаз. Кацири нырнул в него, как в омут. На прощание высунулся и сказал очень по-взрослому:

– Закройте стенку и уходите. Я справлюсь один.

– Как один?! – едва не подскочил Сань-Пао.

Сань-Пао был уязвлен до глубины души. Он убил стражников – раз. Он открыл дверь – два. Он избавил мальчишку от капитана – три. А теперь оказался лишним! Сань-Пао даже хотел воскликнуть, что так нечестно – бросать его одного, что он тоже хочет участвовать в покушении, что он тоже полезет тайными ходами, но мальчишки и след простыл. Сань-Пао потерянно стоял целую кокой, с трудом соображая, что ему делать: пойти ли следом за черным капитаном Угаи или же отправиться домой. Потом понял, что не остается ничего другого, как закрыть заднюю стенку ниши и запихнуть арабуру, который все еще умирал, в нишу. Арабуру был молод, на его лице курчавилась редкая борода. Он глядел на Сань-

Пао умоляющими глазами.

Сань-Пао услышал шаги и только тогда сообразил, что прошла целая стража и что сюда идут арабуру, чтобы сменить охрану. Ага! – обрадовался Сань-Пао. Вот и наступил мой час. Он выглянул из-за колонны. Арабуру было пятеро. В фукуми бари Сань-Пао тоже было пять игл. Была не была, решил Сань-Пао и пошел навстречу арабуру.

Когда во внешней галерее пирамиды-дворца появился начальник городской стражи, сотник арабуру даже обрадовался. Арабуру не подчинялись городским стражникам и относились к ним свысока. Однако сотник пару раз оказывался в одной компании с Сань-Пао и видел, с каким уважением к нему относились не только титлаки, он и цукасано гэ. Поэтому сотник воскликнул:

– Приветствую вас, Сань-Пао!

Больше он ничего не успел сказать. Игла вонзилась ему в щеку, вырвав кусочек кожи. Прежде чем умереть, к своему изумлению он успел понять, что точно такие же иглы вонзились в его спутников справа и слева, которые тоже рухнули, как подкошенные. Один выпростал из петли мшаго, но не сумел даже взмахнуть им. Арабуру, который шел за сотником, пытаясь защититься, выбросил перед собой руку. Игла попала ему между пальцами, и крови было совсем мало, потому что кожа на ладони была огрубелой. Он так и умер, упав вперед с вытянутой рукой. Умер даже быстрее, чем сотник, потому что успел испугаться. Сотник потерял способ-

ность двигаться и кричать, но видел, что только пятый арабуру получил шанс избежать смерти. Вместо того, чтобы привести мшаго в боевое положение и ударить им Сань-Пао, тот развернулся и побежал. Сань-Пао помнил, что у него осталась всего одна игла, и поэтому целился особенно тщательно. Арабуру осталось сделать всего один шаг и завернуть за угол, когда игла с черным оперением вонзилась ему между лопатками. Арабуру показалось, что он всего лишь споткнулся, но встать больше не смог. Он пролетел еще пару кэн, врезался в стену под проемом и с ужасом наблюдал, как Сань-Пао перешагнул через него, схватил за омертвевшие руки и куда-то поволок. После этого он уже ничего не видел и не слышал, а язык у него отнялся.

Шум на нижнем ярусе привлек внимание стражи сверху. – Эй, что там у вас? – крикнул стражник, заглядывая вниз. В солнечном свете, падающим через большие проемы, он увидел всего лишь ноги того арабуру, которого последним убил Сань-Пао.

Опять напились, с восторгом решил арабуру, и я хочу! Такое иногда случалось в конце стражи, если кому-то из стражников было невтерпеж. Нравились им здешние напитки, и они каждый вечер пробавлялись ими в ближайшей харчевне среди благоухающих хризантем и веселых подружек под чарующие звуки сямисэн¹⁷⁰. Спускаться на нижний ярус бы-

---

¹⁷⁰ Сямисэн – трехструнный музыкальный инструмент, отдаленно напоминающий лютню.

ло запрещено. Это приравнялось к оставлению поста. Надо было дождаться напарника и вызвать старшего. Однако стражник пренебрег правилами и сбежал по лестнице вниз, чтобы всего-навсего помочь товарищу. Он застал Сань-Пао за перезаряжанием фукуми бари и с безумной улыбкой уставился на него, полагая, что у Сань-Пао есть выпивка.

– Подожди... – улыбнулся в ответ Сань-Пао, вложил последнюю иголку в кассету фукуми бари и выстрелил арабуру в плечо.

– Что это? – удивленно спросил арабуру, схватившись за руку.

– Смерть твоя, – ответил Сань-Пао и, не оборачиваясь, пошел на второй ярус.

Всего их было двенадцать. Как добраться целым и невредимым до самого верхнего, и думать не хотелось. А ведь там мальчишка, с завистью подумал он, обогнал меня, хитрец! В душе он восхищался им. Так может поступить только человек, любящий свою родину, думал он. Люблю ли я ее так, как он?

* * *

Кацири преодолел всего лишь два яруса, но не нашел нужного хода. План пирамиды оказался неточным. Там где значились проходы, оказались горы мусора, а там, куда не следовало соваться, были туннели, которые заканчивались ту-

пиками. Несколько раз он едва не провалился на самый нижний уровень или даже в лабиринт, когда доверился ненадежному плану. Наружные стены пирамиды располагались наклонно, и передвигаться в узком проходе было неудобно. Через кокой Кацири приноровился двигаться боком да еще и внаклонку.

По его расчетам он уже три раза обошел пирамиду по периметру второго яруса, чуть ли не весь его ощупал, он все без толку. Тонкие полоски света падали сквозь щели, и Кацири сверился с планом, куда идти. Нужного лаза не было. Кацири охватило отчаяние. Выходило, что этого проклятого хода никогда и не существовало, потому что для него просто не хватало места в пирамиде. Он сел, как его учил Бан, и стал думать. Или я ищу не там, или я ничего не вижу. Стоп, стоп, он понял. В спешке я совсем растерялся и запутался со сторонами света. Он стал припоминать, с какой стороны должно светить солнце, и быстро нашел ту грань пирамиды, на которой надо было сосредоточить внимание. Вот она – лазейка, замаскированная ложной панелью – узкий вентиляционный ход с северной стороны, для того чтобы летом прохладный воздух поднимался прямым ходом в цитадель. Правильно, а вентиляционный ход с противоположной грани открывается только зимой для теплого воздуха. Неровно отесанные камни только облегчил Кацири задачу. Время, потраченное на поиск хода, он с лихвой компенсировал скоростью, с которой поднялся к цитадели. Вентиляционный ход был прямым, как

стрела, но только до десятого яруса. Здесь его ждало разочарование – медная решетка с такими мелкими ячейками, что сквозь них не смогли проникнуть даже крысы. Их сухие трупики рассыпались от одного прикосновения, пока Кацири пилил решетку. Потом на его пути поочередно возникали следующие препятствия: камень, балка, забытое строителями бревно, с которым он провозился дольше всего, и горы мусора. Вот тогда-то он едва и не попался. Должно быть, стражники наконец услышали шум. Кацири заметил их босые ноги с медными кольцами в вентиляционном отверстии, забранном решеткой.

Ему оставалось всего-то перемахнуть через стену, которая не доходила до потолка примерно на полторы сяку. Он не знал, была ли эта щель ошибкой строителей или же так полагалось по плану, но через эту щель можно было легко попасть в императорские покои. Однако стражники не торопились.

– Ты слышал? – спросил один, худой и лысый. Его давно грызла болезнь, и он беспрестанно покашливал. – Кха-кха!

– Нет, а что?

Его напарник, напротив, был толстым и краснощеким. Его большой горбатый нос и скошенный подбородок выдавал в нем майя.

– Мне кажется, будто там кто-то есть, – он с опаской постучал по камню. – Куриное дерьмо! Кха-кха!

– Никого там нет, – отмахнулся другой, – одни крысы. Я

вчера одну поймал. Жирная, как поросенок.

Они непонятно чему захихикали. Оказалось, что наложницы Кан-Чи от скуки подкармливали крыс.

– Вот бы к ним заглянуть?

– Поменьше болтай. Кха-кха!

– А я чего? Я говорю, везет тем, кто сторожит десятый ярус изнутри.

– А ты знаешь, кто их сторожит? Кха-кха!

– Нет, не знаю.

Они напряженно зашептались, при этом худой и лысый несколько раз трусливо оглянулся.

– Да ты что?! Нет, лучше я здесь отслужу свое, а вечером схожу в Веселый квартал к юдзё.

– Ты что, учишь туземный язык? Кха-кха!

– Нет, а как общаться?

– По правде, я тоже знаю несколько слов. Кха-кха!

– Ну и?..

– Самые необходимые, чтобы не попасть впросак. Кха-кха!

– Я тоже. Пойдем, а то нас хватятся.

– Пойдем.

Кацери прислушался. Стражники ушли. Он прыгнул в коридор и, оставляя белые следы от босых ног, добежал до следующего поворота. У входа в апартаменты императора стояли три стражника: двое у двери, третий – напротив. Голые, в перьях, намазанные пахучим маслом. Таких чуешь за

сто кэн. Тоже мне вояки, пренебрежительно решил Кацири. Они корчили друг другу рожи и глупо хихикали. Потом откуда-то сверху раздался окрик: «Бди!», и они на мгновение застыли, а затем снова стали глупо хихикать.

Кацири презирал их. Если бы я знал, что они такие беспечные, я бы не потратил столько времени на тренировки. Я бы пришел и просто убил вашего императора, и вы бы со мной ничего не сделали. Напрасно умер Бан, напрасно умер Абэ-но Сэймэй. Надеюсь, их души благополучно добрались до гокураку¹⁷¹ и им там будет хорошо.

На одно-единственное мгновение он стал невидимкой, но этого времени ему вполне хватило, чтобы проскользнуть мимо хихикающих стражников в святую святых императора – гарем, который сторожили евнухи. Эти толстые, ленивые люди не представляли для Кацири никакой опасности. Они сидели на подушках и дремали. Их копья – нагинаты и яри – валялись на полу. Из баловства Кацири пощекотал одному евнуху нос. Не открывая глаз, евнух чихнул и перевернулся на другой бок.

Следы, которые оставил за собой Кацири, стражники обнаружили немного погодя и совершенно случайно. Можно только представить, что они испытали. Очевидно одно: они сразу сообразили, что проглядели злоумышленника, и очень сильно испугались. Но донести начальнику дневной и ночной стражи Чичимеку не посмели. Это означало смерть. По-

---

¹⁷¹ Гокураку – рай.

этому они стали проверять все помещения, но так, чтобы не беспокоить императора Кан-Чи. Разумеется, они никого не нашли и перешептывались:

– Хонки это, хонки, я вам говорю! Мы шли по их следам, а потом они пропали!

– Клянусь семью узлами зла, хонки! – соглашались с ним.

– Я тоже видел!

– Какие хонки?! Куриное дерьмо! Их всех отменил наш великий император Кан-Чи.

Ему объяснили, ткнув кулаком в ребра:

– В этой стране есть такие твари, как у нас песиголовцы или черти.

– До кецалей у нас ничего не было.

Согласились, еще раз ткнув кулаком:

– Не было. А теперь есть! Значит, и хонки есть!

– Бр-р-р...

– Бр-р-р...

– Бр-р-р...

– Вот бы одного поймать одного? А? Никогда не видел.

Куриное дерьмо!

На том и успокоились. Разве стражникам когда-нибудь хватало мозгов? Они не были созданы для мышления, они не были даже солдатами. Все их предки работали от зари до зари на полях, а этим повезло – их набрали в экспедиционные войска, даже дали в руки оружие, но не объяснили, что с ним делать.

Когда же они все-таки донесли по инстанции, Кацири уже сидел на одиннадцатом ярусе в отхожем месте. Вначале он прятался на перекладах. Миазмы наполняли яму, но это было привычно, и Кацири почти не сдерживал дыхания. Он слышал, как в туалет три раза кто-то заходил и обшаривал помещение. Даже открыл крышку и заглянул в выгребную яму, но фыркнул, как собака, и убежал. Если бы Кацири знал, что сам Чичимек наведывался с инспекцией, он бы гордился своим подвигом, но он этого не знал, как, впрочем, и не знал, кто такой Чичимек. Его только удивило одно обстоятельство: в туалете, справа от стульчака, была спрятана гуа¹⁷², а значит, император кого-то очень сильно боялся.

Между тем Сань-Пао почти извел запас игл. У него осталась последний комплект, и он берег его, как зеницу ока. Два десятка игл он израсходовал, чтобы подняться по западному тайному ходу. Ему еще повезло, потому что Чичимек в этот момент находился на восточной стороне пирамиды, а ураканы, как и обычные арабуру, не успели ровным счетом ничего понять. Впрочем, Сань-Пао не рискнул подниматься выше десятого яруса, где на каждом повороте лестницы дежурило по десять ураканов. Только теперь он стал тешить себя надеждой, что доберется до императора раньше мальчишки – уж слишком легко ему удалось забраться так высоко. К началу всеобщей суматохи, когда подняли мосты и зарыли все ворота и двери, он уже прятался под потолком северного

---

¹⁷² Гуа – молот в форме дыни.

коридора. Вот где пригодилась гимнастика тай-чи. И опять ему повезло, потому что именно этим коридором император Кан-Чи обычно уходил от своих наложниц. Когда же пискляво завыли дудки, а стража забегала, как полоумная, император Кан-Чи появился в окружении шестерых ураканов. Их сторбленные фигуры замелькали среди колонн и переходов. Сань-Пао приготовился. Его сердце билось ровно и спокойно, словно он всю жизнь готовился к этому моменту. Однако ураканы пошли на хитрость, они надели одинаковые рясы и накинули на головы капюшоны. К тому же, все они оказались одного роста, и Сань-Пао пришлось гадать, кто из них император Кан-Чи. Первым Сань-Пао убил того, кто был в золотой рясе и находился в центре группы, справедливо полагая, что только император Кан-Чи может носить такое одеяние и только его со всех сторон будут окружать стражники.

Он ошибся. Впервые за весь день удача изменила ему. Человек, в которого он выстрелил, схватился за шею и стал валиться на спину. Но это был не император. Император Кан-Чи оказался хитрее. Он поменялся одеждой с рядовым ураканом и пошел не в центре, а сбоку. Ведь Кан-Чи с детства развивал в себе коварство, и теперь оно помогло ему избежать смерти. По крайней мере, он так думал.

Сань-Пао последовательно убил всех тех, кто находился ближе центру, и уже ликовал. Но когда спрыгнул на пол и подошел, чтобы убедиться в смерти императора Кан-Чи, Чичимек, который прикрыл императора своим телом, вскочил и

ударил Сань-Пао ножом. Обливаясь кровью, Сань-Пао упал на каменные плиты коридора. Чичимек уже готов был перерезать ему горло, но император Кан-Чи удержал его руку:

– Постой, я хочу спросить его кое о чем перед лицом смерти. Теперь-то ты врать мне не будешь, – и наклонился: – Скажи, в чем ваша сила?

Сань-Пао схитрил. Он уже задыхался и боялся одного, что ему не хватит духа убить императора Кан-Чи, поэтому он только прохрипел:

– А-а-а...

– Что? Не слышу? – император Кан-Чи наклонился ниже.

Сань-Пао оскалил окровавленные зубы, вытолкнул языком камити-бари из-за щеки и плюнул в лицо императору Кан-Чи отравленной иглой. Чичимек тут же убил Сань-Пао. На губах Сань-Пао застыла улыбка исполненного долга.

– Уййй!!! – Император Кан-Чи отпрянул и мгновенно выдернул изо лба иглу. Холодный пот выступил на его большом теле. Он ожидал мгновенной смерти, но она не пришла. Целую кокой он прислушивался к себе. Слава тебе, о Кукулькан! – думал он. За одно слава и Богу Кетцалькоатль! Император Кан-Чи вздохнул с облегчением и на всякий случай ощупал себя: нет, я не умер, я еще жив. От радости он даже, как обычно, хлопнул себя по затылку. Уййй!!! Куриное дерьмо!!! Пнул Сань-Пао. Уййй!!! Заставил меня испугаться. Вдруг император Кан-Чи почувствовал, что на него напал понос. Он схватился за живот и побежал в покои на одина-

дцатый ярус, попутно ликуя, что чудесным образом избежал смерти.

В туалете имелась еще одна – тайная дверь, занавешенная красной тканью. Кацири сидел, затаив дыхание. Тревога разносилась по всему дворцу – с яруса на ярус, и он стал бояться, что ничего не получится и что усилия двух лет пойдут насмарку. В этот момент кто-то вбежал через тайную дверь. Кацири изготовился: привел стилет в боевое положение и снял с него колпачок. Дыхательную трубку зажал в зубах, а ноздри и уши залепил воском. Кто-то тяжелый и грузный заходил у него над головой. Сердце у Кацири билось так, что он боялся быть обнаруженным раньше времени. Человек кряхтел и сопел, а потом открыл крышку и уселся. Прежде чем наступила темнота, Кацири запомнил, куда должен ткнуть, и ткнул стилетом – прямо в анус. Затем, придерживая дыхательную трубку, прыгнул вниз.

– Уййй!!! – воскликнул император Кан-Чи, который до последнего мгновения думал об одном и том же – в чем же сила этого народа. Но так ничего и не надумал.

Через коку Чичимек забеспокоился – уж слишком долго император находился в туалете. Вначале Чичимек скребся в дверь, потом деликатно постучал, потом приоткрыл и осторожно заглянул. Император сидел на стульчаке, свесив голову набок. Его лицо было черным, как ночное небо.

Сгоряча обыскали все двенадцать ярусов золотой пирамиды-дворца Оль-Тахинэ. Искали три дня и три ночи, но так

никого и не нашли. Решили, что во всем виноват Сань-Пао, который плевался отравленными иглами.

Через три дня Чичимек случайно заглянул в выгребную яму и обнаружил ее пустой, а заслонку для спуска фекалий – открытой. Он спустился в яму и только тогда сообразил, что пролезть в узкий канал, ведущий к реке Ёда, едва ли может даже ребенок. На этом официальное расследование было прекращено. Но Чичимека еще долго грызли сомнения, а тайна гибели императора Кан-Чи преследовала его до самой смерти.

Народная же молва говорит о том, что в лиловых горах Асафуса появился молодой отшельник. Он проповедовал чандала: «Все, зависящее от чужой воли, – зло, а зависящее от своей воли – благо». «Ты не запятнан грехом, если действовал во благо родине». «Желающий прожить долгую жизнь не должны наступать на волосы, пепел, кости, черепки, семена хлопчатника, мякину, – говорил он. – Никогда не следует заходить в труднодоступные места, смотреть хонки в лицо, пересекать реку при помощи рук. Кто слыша, прикасаясь и видя, вкушая и обоняя, не радуется и не печалится, тот человек должен считаться обуздавшим чувства». Отшельник не мылся. Не стригся. Не менял одеяния. Но самое благочестивое заключалось в том, что отшельник питался человеческими испражнениями. Так его и прозвали святой Веда, что значит «погрязший». У него было только три ученика, которые разнесли учение по миру и назвали это учение

«Веды».

Глава 8

Изгнание арабуру

Между тем незаметно наступила осень. Воздух сделался горьковатым от костров, в которых жгли листву, небо стало высоким и светлым, а дымы над Фудзияма почернели. Иногда вулкан тихонько рокотал, иногда грозно сопел, выпуская облака дыма и пепла, иногда даже плевался огнем, но всего лишь чуть сильнее обычного. Дни были по-прежнему теплыми и даже жаркими, однако ночи становились все прохладнее и прохладнее, а ночное небо все гуще покрывалось звездами и темнело, как преисподняя.

Войска роптали. Одни жаловались, что не ели мяса целую луну. Другие – что у них нет денег даже на Веселый квартал. Третьи хотели дикарских напитков. Четвертым в провинции Кавати надоела гарнизонная жизнь, и они чесались, как шелудивые псы, потому что подхватили местную болезнь нэнэ. Пятые просто бузили от скуки и тоски по родным джунглям. Впрочем, шестые, седьмые и восьмые своими желаниями ничем не отличались от предыдущих, и дай им волю, они бы разбрелись по стране, как стадо баранов, которые потеряли вожака. Только страх попасться мятежникам в руки удерживал их вместе.

Часть армии Дегановид послал в близлежащие вокруг сто-

лицы деревни выращивать рис, маис и заниматься скотоводством. Это тоже не прибавило ему авторитета.

Новый император Дегановид никого не наказал – не из-за презрения к своему предшественнику, а из чисто практических соображений – некогда было. Он удвоил охрану, убрал из пирамиды-дворца наложниц и стал готовиться к войне.

Честно говоря, не один Дегановид вздохнул с облегчением, потому что император Кан-Чи не отличался постоянством в суждениях, обладал вздорным характером и не имел ни малейшего понятия о стратегии и тактике ведения войн. Он не читал тайных доктрин, которые арабуру обнаружили в императорской библиотеке, а из гордости и презрения к Нихон приказал все рукописи титлаков жечь. Раз они проиграли, считал он, то все их военные придумки яйца выеденного не стоят. Гордыня затмила его глаза, и он не понимал, что всем обязан кецалям, что его власть держится исключительно на их могуществе. Откуда проистекает это могущество, он не знал и не хотел знать. Дегановид натолкнулся на стену молчания, как на заговор, и очень быстро понял, что тайна кецалей сродни тайне Богов, которую невозможно разгадать. На кецалей не действовали ни подкупы, ни лесть. Золота они не брали, а лесть пролетала мимо их ушей. Единственное, чем их можно было задобрить до определенной степени, было древнее оружие и всякий хлам, который арабуру собирали по всей стране. Но даже таким путем невозможно было приблизиться к истине. Арабуру в конце концов смирились

с таким положением вещей: кецали – хозяева, а мы песок под их ногами. Но хозяева странные. «Как только вы окрепнете, мы улетим» – заявлял Ушмаль. Руки у него были голубого цвета и светились в темноте.

Все было бы хорошо, да в глубине души Дегановид понимал, что он ненастоящий император и что в открытом бою ему никогда не победить мятежников. Однако он все делал для того, чтобы удержать власть. В свое время он спас от огня часть свитков и долгими вечерами предавался их изучению. Оказалось, что стратегия войны была взята у Ая, но приспособлена к местным условиям: горам и равнинам, малым расстояниям, отсутствию дорог. Особенно он проникся духом китайца Суныцзы, написавшего «Искусство войны». Во многом победы арабуру были заслугой Дегановида, потому что отныне он знал, как поступит противник в том или ином случае. По сути, Абэ-но Сэймэй выбрал неверную цель. Ему надо было убить не императора Кан-Чи, а его главнокомандующего – Дегановида, ибо он и только он знал, как правильно воевать с мятежниками.

Ему стали сниться жуткие сны, в которых приходил самурай в красных доспехах и черной маске, а с ним огромный пес с синими крыльями. Они молча надвигались из темноты, и самурай выхватывал свой голубой меч, а пес оскаливался. Дегановид так хорошо запомнил самурая, что, кажется, встретить на улице, он тут же узнал бы его.

Царица Цариц – Шочипилли благословила Дегановида на

трон страны Нихон, которую отныне называли Се-Акатль. Народ в лице армии, придворных, цукасано гэ и горожан с крестьянами из окрестных деревень радовались столько, сколько было разрешено новым императором Дегановидом – ровно три дня.

Дегановид спешил. Никто из его родни не поднимался выше командующего резервной армией. Только Дегановид дорос до уровня командующего экспедиционными войсками и то лишь по причине очевидной необходимости в таких людях. И все из-за того, что его отец не входил в число придворной знати, даже не был ацтеком, а происходил из людей собачьего происхождения – чичи, живших на севере, западе и юге. Чичи были очень воинственными. Они не строили городов и пирамид, не возводили плотин и не вырубали леса. Зато у них были бесчисленные стада лошадей, луки, мечи и доспехи. В бою же они были подобны лавине. Столетиями они терзали северные районы страны ацтеков. Ничто не могло утихомирить их свирепость, пока всемудрая Шочипилли не догадалась, как это сделать. После смерти первого мужа она вышла замуж за внука всемогущего Мишкоатль – Кулуакана. Первым от этого брака родился Дегановид. Однако ни он, ни его братья и сестры, ни отец так и не стали своими в кругу придворных Царицы Цариц. А когда умер Мишкоатль, набеги на северные и южные земли возобновились. Дегановид не мог занять престол отца и не мог взойти на престол матери. Он, словно герой Уэмак, завис между Небом и Зем-

лей. Когда же будто ниоткуда появились кецали, Дегановид, как и его брат Чичимек, воспользовался случаем и отправился завоевывать Нихон в надежде обрести новую родину.

Нехорошие вести приходили из провинций. Пришлось уйти почти со всех островов и с большей части побережья. Лишь небольшие крепости в самых труднодоступных местах еще остались руках арабуру. Дегановид приказал грабить деревни и уничтожать продовольствие. Однако если раньше отряд в двести человек, вооруженных мшаго, представлял собой реальную силу, то теперь это считалось недостаточным. Отряды в тысячу человек едва справлялись с мятежниками, которые несли огромные потери, но нападали и нападали, волна за волной со всех сторон. Если вначале еще можно было надеяться, что такие потери образумят мятежников, то постепенно пришло осознание, что это не так, что действия мятежников постепенно меняются. Они уже слепо не бросались на мшаго, а применяли большие луки и пращи и нападали издали и только там, где могли воспользоваться своим выгодным расположением на местности. Постепенно арабуру вытеснили из северных провинций. Попытки отбить их принесли лишь временный успех и не давали никакого стратегического преимущества: то, что захватывалось днем, отбивалось мятежниками ночами. В преддверие зимы можно было ожидать только ухудшения обстановки.

Дегановид по-прежнему не видел в действиях мятежников какой-либо системы. Они нападали хаотично, у них от-

существовало планирование действий даже в одном и том же районе, поэтому Дегановид особенно не беспокоился и даже посмеивался в редкие усы в надежде закрепиться, пережить зиму, а весной, когда аборигены перемерут от голода и болезней, разрубить страну на две части от океана до океана и планомерно очищать провинцию за провинцией.

Однако события развивались не так, как он планировал. В конце лета мятежники стали нападать все чаще и чаще. Они уже контролировали большинство дорог и разрушили все мосты вокруг столицы, кроме одного – Бедо. Настал такой момент, когда арабуру удерживали лишь центральные районы страны и долины главных рек – территорию хотя и плодородных, он теперь совершенно не обрабатываемых земель. Что происходило в горных провинциях, никто не знал, а шпионов среди местного населения у арабуру не существовало. Все это было следствием близорукой военной политики императора Кан-Чи, который полагался исключительно на силу и превосходство оружия. Если близлежащие к столице горные районы легко еще было держать под наблюдением, то равнины с густыми лесами, реками и болотами кишмя кишели мятежниками. Поэтому стали строить равнинные крепости на расстоянии прямой видимости. В каждой пятой крепости сидело по дракону.

Днем драконы и конные отряды контролировали всю территорию вокруг, а ночью, когда иканобори не могли летать, а арабуру без опаски передвигаться, мятежники подбирались

на расстояние броска пращи и забрасывали крепости горшками с углями и осыпали китайскими ракетами. За ночь две-три крепости сгорали дотла. Стали строить из камня, но это было очень долго и тяжело при отсутствии рабочей силы.

Запасы еды таяли. Отныне никто из титлаков не стремился продать свои товары в столице Мира, а собственный урожай еще не созрел. К тому же даже цукасао гэ не отваживались на поездки в свои деревни. Кое-кого из них крестьяне побивали, а кое-кому нагло заявили, что отныне цукасао гэ им не хозяева и у них есть свой господин – новый император Натабура Юкимура. Эта страшная весть привела Дегановида в смятении. Впервые в его душе закралось сомнение, и он побежал к кецалям.

Кецали допустили императора Дегановида в свою резиденцию, которая находилась в горах Куэн. Его выслушали, но ничего не обещали. Да и сам Дегановид знал о негласном договоре между ними, который заключался в том, что кецали не вмешиваются ни в какие конфликты. Правда, через семь дней кецали привезли еще одну армию, вооружение и продукты, но это была всего лишь временная передышка. Императору Дегановиду удалось стабилизировать положение на равнине Нара и даже продвинуться до города Сиагама на севере, но дальше этого дело не пошло – продукты, доставленные кецалями, таяли, как снег весной. Дегановид понял, что до весны им не отсидеться ни в крепостях, ни в столице, что надо давать сражение с тем, чтобы захватить

южные районы и сбросить мятежников в море, а затем развернуться на север, где мятежников гораздо меньше, и двигаться до скалистых берегов Миммая. Сил у него более чем достаточно, а вот дух армий подорван. Для восстановления оно́го он приказал провести учения. Армии маршировали, ходили в атаку и жили в шалашах и палатках двадцать дней. Все заключенные государственной тюрьмы Тайка были принесены в жертву Богу Кетцалькоатль и его двойнику Пернатому Змею – Кукулькану. Три дня длились жертвоприношения, и три дня великая река Каная, красная от крови, несла в океан тела казненных. После учений Дегановид на два дня распорядился открыть Веселый квартал, что не делалось даже при регенте Ходзё Дога, и воины предавались пьянству и разврату. Кроме этого Дегановид ввел постоянную замену гарнизонов, с тем, чтобы солдаты могли отдыхать в столице. Правда, это требовало дополнительных затрат и усилий, но все они окупались укреплением духа войск, и это подняло авторитет Дегановида.

Учения, однако, дали мятежникам возможность подсчитать численность арабуру. Их оказалось не так уж много, но и не так уж мало, – а аж сто двадцать тысяч. Оказалось также, что драконов у арабуру примерно сто пятьдесят голов, и что все они умеют изрыгать пламя на расстояние не пяти тан, как считалось раньше, а на все пятнадцать.

Мятежники стали думать и придумали новое оружие, и еще кое-что. Но это до поры до времени было самой большой

тайной титлаков – как называли их арабуру.

Между тем, третьей армии было предписано оставить в крепости Нагато гарнизон и двигаться в столицу. Флот так и не был построен. Завоевание Чосон потеряло смысл. Из заложенных на стапелях двух десятков кораблей к плаванию едва были готовы три-четыре. Правда, у тех же самых вако успели купить десятка два мелких судов, но этого было явно мало, чтобы переправить армию через море. Пришлось все оставить. А строительство судов приостановить до лучших времен.

Дорога пролегла вдоль голого побережья, где не было ни одной удобной бухты, через рыбацкие поселения Мацуэ и Тоттори, в которых тоже оставались войска. Тамошние жители, которые в основном занимались морским разбоем, лояльно относились к арабуру и даже видели в них защитников от императорской власти, которая стремилась уничтожить их морскую вольницу. Единственное, что их отвращало от арабуру – привычка питаться сушеными крысами.

Третья армия без особых трудностей продвигалась к столице. Так продолжалось до того момента, пока она не миновала перевал Бива и не вступила во внутренние районы страны. Здесь она впервые подверглась нападению.

Из штабной палатки вышел Моке, командующий третьей армией. Телохранители, как духи, бесшумно двигались следом. В воздухе стоял стойкий запах гнилых сидзими¹⁷³. Нака-

---

¹⁷³ Сидзими – съедобный моллюск.

нуне пришлось выбросить в ближайший овраг три воза этого моллюска, который везли с собой в качестве пропитания. В результате треть армии осталось голодной, хотя вяленой рыбы было в избытке. Но к такой еде арабуру так и не привыкли. Им подавай сушеных крыс, но крыс они съели еще на побережье. По этой причине Моке отправил отряды на север и на юг пошарить по окрестностям. Ему доложили, что один из них вернулся с хорошими вестями. Моке вышел посмотреть, что они привезли.

– Молодцы, хорошо! – похвалил он, заглядывая под циновки, которыми были укрыты возы.

Раньше арабуру не понимали, как можно питаться одним рисом, но когда открыли, что японцы едят его с разными подливками, соусами и заправляют овощами, то даже превзошли своих учителей, так как привезли с собой великое множество специй. Они уподобились алхимикам и творили новые рецепты подливок и закусок. И все же большинство из них мечтали о простой лепешке из маиса на воде и о стакане дешевого вина.

Кроме риса, обозы привезли великое множество различных корнеплодов, которые никто не знал, как есть, два воза с гаоляновым маслом и огромные запечатанные кувшины с гаоляновым вином.

Иканобори Олум совершил последний за день облет армии и, хлопая крыльями, приземлился с краю от войска. Переваливаясь, как утка, он пошел на поляну, где ему уже на-

валили огромную кучу веток и привязали пять коз, которых он съел с большим аппетитом. Ночью его стерегли два десятка самых верных и сознательных корзинщиков.

По глупости, а больше из желания дать отдохнуть войскам и пресечь разговоры, что, мол, их ведут в столицу на убой, Моке приказал выдать солдатам двойную норму вина. В результате большинство корзинщиков к вечеру были пьяны до беспечности. Оказалось, что напились те, кто перекупил у товарищей их норму.

Напрасно Моке ругался и даже грозился повесить каждого второго из командиров и каждого сотого из корзинщиков. Делать он этого не стал по одной причине – ему нужны были солдаты, а не их трупы. Оставшееся вино он приказал спрятать, утроил охрану, а сам удалился в палатку, где молил родного Бога Солнца о том, чтобы ночью ничего не случилось. Одно успокаивало: перебить за ночь такое количество людей просто невозможно.

Штабная палатка стояла в центре лагеря. Сзади на перевале светились огни – арьергард прикрывал тыл. Места в узкой долине на всех не хватило, и на полянах ближе к скалам, меж толстых сосен, горели костры и мелькали возбужденные лица тескокских копейщиков. Рядом теснились атльатля – метатели дротиков, чичи-лучники и чичи-кавалеристы. Жрецы-чочулы, вооруженные майдарами, жались к палатке командующего, но и они, похоже, беспечно улеглись спать. Постоянное напряжение притупило чувство опасно-

сти, но никто особо, кроме охраны, не вслушивался в звуки чаши. Да еще, пожалуй, единственный иканобори по кличке Олум, что означало «зрящий», поднимал голову на длинной шее и прислушивался, как собака. Арабуру, привыкшие к спокойной жизни на побережье, вкушали плоды своей беспечности. С этим ничего нельзя было сделать. Ничего, мстительно думал Моке, первая же стычка приведет их в чувство.

До глубокой ночи Моке слышал со стороны арьергарда пьяные голоса и гортанные выкрики тласкаланских мечников и запотекских арбалетчиков. Они часто враждовали между собой. Кто-то бахвалился, кто-то дрался. Десятники и сотники попрятали оружие, и драчуны выясняли отношения с помощью кулаков. Их быстро утихомиривали. Моке не сколько уважали, сколько боялись. Знали, что он может казнить любого провинившегося, поэтому младшие командиры старались поддерживать дисциплину. Когда крики стали особенно громкими, Моке кликнул жреца-чочулы:

– Что там у вас?

Через пять кокой жрец-чочулы, немного заикаясь от волнения, доложил:

– Не углядели... Народ одичал...

– Говори толком! – велел Моке.

Оказалось, что лагерь тайком привезли женщин.

– А... вот в чем дело, – сказал Моке на удивление очень спокойно. – Женщин выгнать, а бузотеров связать.

Он даже не удивился. В походах так бывало часто. За все-

ми не углядишь. Только сражение сплачивало войско. На родине Моке участвовал в полусотне больших и маленьких походов, и каждый раз повторялось одно и то же за редким исключением: когда войска несли большие потери, в обозах появлялись женщины, когда войска становились на ночлег, в обозе появлялись женщины, когда праздновали победу, женщины появлялись словно ниоткуда. Дисциплина никогда не была сильной стороной корзинчиков. Когда они врывались в чужое селение, то только смерть могла их урезонить. Особенно отличались северяне: алгоны и ирокезы. Их свирепости не было предела. Они быстро обрастали обозом, поэтому северян распределяли среди других племен армии. Но и это мало помогало. Алгонов и ирокезов отправляли в отдаленные гарнизоны, где они или чахли, или убегали. Но из Нихон ведь не побежишь, рассуждал Моке, потому что бежать некуда.

И все равно на них напали, но не ночью, а на рассвете, когда у часовых слипались глаза. Напали молча, без криков. Те, кто пришли первыми, были вооружены кривыми пиратскими ножами для разделки тунца. За ними шли с тяпками, мотыгами, цепями. Арьергард тласкаланских мечников и запотекских арбалетчиков был смят. Нападающие прошли через их лагерь, как нож сквозь масло, и растворились в лесной чаще. Большинство пьяных солдат приняли смерть во сне. Убили также всех связанных бузотеров. Из чего Моке сделал вывод, что за армией внимательно наблюдали. И все

бы ничего, да сорвались с привязи и убежали с десятков коней, Олум испугался, взлетел, врезался в склон горы и сломал одно крыло. Жрец-чочулы наступил на майдару и умер от голубых искр.

Через коку Моке доложили, что убито четырнадцать человек, а покалеченных втрое больше.

– Зато вот... – к ногам Моке толкнули обнаженного пленного, связанного на манер мускогов в локтях, сквозь которые просовывалась бамбуковая палка.

– Спроси, – велел Моке толмачу, – зачем они напали?

Пленный оказался дерзким, глядел не на толмача, а на Моке, и отвечал громко и уверенно:

– Вы взяли наших женщин!

У пленного была разбита голова и затек левый глаз, но было такое ощущение, что он все еще пребывает в горячке боя.

– Есть ли у них в деревне мясо?

– Нет мяса! – выкрикнул пленный.

– А мятежники? Мятежники есть?

– О! Мятежников много! Они придут и всех вас зарежут!

– Спроси, он бусидо?

Пленник стал выкрикивать что-то на высоких нотах. Жилы у него на шее напряглись. Кровь прилила к ранам, и они стали кровоточить.

– Что? Что? – с интересом посмотрел на толмача Моке. Он много слышал о ярости самураев, но ему еще не приходилось

сталкиваться с ними.

– Говорит, что если бы был самураем, то не сдался бы. А еще он просит оружие, чтобы показать, что такое самурай.

– Дайте ему оружие, – велел Моке.

Телохранители полукругом окружили Моке. Как только пленнику развязали руки, он вскочил словно зверь. На нем были только короткие штаны кобакама. Арабуру, которые не носили ничего, кроме набедренных повязок и шкур, такая одежда всегда забавляла. Зачем надевать что-то лишнее, думали они, если можно обойтись одной тряпкой. Только прохладный климат новой родины заставлял некоторых из них одеваться, как местное население. Основная масса воинов и не думала изменять своим привычкам.

Пленный закружил на площадке, как волчок. Его крепко сбитое тело казалось сродни окружающим долину скалам. Кто-то протянул ему меч. Пленный схватился за него обеими руками и потянул на себя, не обращая внимания на то, что разрезал ладони до кости. Арабуру решил поиграть и не отдавал оружие. Тогда пленный ловким движением выбил у него меч, и арабуру, шарахнувшись в стороны, мгновенно ошетинились оружием.

Пленник дико захохотал и, невероятно быстро развернувшись на пятках, махнул мечом, не обращая его, однако, острием против арабуру. Его глаза пылали яростью, а длинные черные волосы казались летящим вороновым крылом. Корзинчики еще больше подались в стороны и нехорошо

заворчали. Если бы не окрик Моке: «Не трогать!», они бы убили пленника тотчас. Пленник стал что-то бормотать.

– Что он говорит? – спросил у толмача Моке.

– Он читает отходные стихи, – крикнул толмач.

– Стоп! – воскликнул Моке. – Хватайте его!

Он сообразил, что только придворный самурай может читать стихи, но никак не простой крестьянин. Может даже, это какой-нибудь принц, подумал Моке. У него был строжайший приказ привозить в столицу всех высокопоставленных врагов империи. Однако было поздно. Неуловимым движением пленник распорол себе живот слева направо. Уж казалось, на что Моке привык к битвам и крови, уж на что он навиделся смертей – быстрых, медленных, и пыток, которые длились целыми днями, но здесь невольно восхитился: пленник повернул меч в ране и последним движением разрезал себе живот еще справа налево и вниз. Но этим дело не кончилось: он вырвал свои окровавленные внутренности и протянул Моке, глядя ему в глаза. Напоследок он что-то выплюнул. Моке невольно проводил это что-то взглядом и понял, что на земле лежит язык. Оказывается, чтобы не закричать, пленник откусил его. Только теперь силы оставили пленника, и он рухнул к ногам Моке. Он умирал долго, не отводя взгляда от Моке. Моке же стоял над ним, не в силах ни уйти, ни добить пленного. Никто из арабуру не посмел прикоснуться к нему, не решились даже забрать меч. Долго еще лагерь молча и угрюмо сворачивался, чтобы тронуться в по-

ход. Утренний туман, словно духи долины, заполняли ее и клубился над трупом самурая. Моке пожалел о содеянном. Лучше бы я этого не делал, думал он. Плохая примета, когда враг оказывается храбрее тебя.

Примерно через половину стражи арабуру двинулись на восток. После них в долине остался походный мусор: циновки, зернотерки, гамаки, и пятнадцать наспех засыпанных могил. Когда войска скрылись в глубине долины, из леса, крадучись, вышли люди, унесли труп самурая, разрыли могилы и разбросали трупы врагов на съедение диким животным. В полдень над долиной уже кружили стервятники, а на запах крови и мертвечины из ближних и дальних уголков леса собирались медведи, волки, лисы и прочие хищники. Но всех опередили хонки, и пока не взошло солнце, они попиروвали на славу.

Через три дня третья армия благополучно пришла в столицу Мира.

* * *

Язаки вдруг очнулся посреди дня и понял, что он предатель. Впервые за много дней он сообразил, что ему нет прощения. Вообще, нет! На всю оставшуюся жизнь!

– О, горе!.. – причитал он, ползая кругами вокруг входа в погреб.

Причиной всему было то обстоятельство, что он проснул-

ся трезвым. Сакэ кончилось еще два дня назад, а вчера – и пиво. Закончилась и закуска: копченые ребрышки, соленые лягушки. Как только его необъятный желудок оказался пустым, Язаки охватили страшные мучения. Они исходили откуда-то из живота, скручивали и терзали душу. Во рту поселился неукротимый демон жажды. Спасения от него не было, разве что пойти и утопиться.

Он завопил на весь квартал так громко, что с деревьев взлетели галки.

– Тикусёмо!!! Я обыкновенный тикусёмо! Больше я никто!

Все кинулись его успокаивать:

– Да что ты! Мы все такие! Гады и сволочи! Пьем здесь!

– И я? – спросил он с тайной надеждой, что он лучше, что он не такой, как они, чьи перекошенные лица выглядели страшнее самых страшных звериных морд.

– И ты, – заверили его с похмелья и даже всплакнули.

– О, тикусёмо! – ужаснулся Язаки и в недоумении огляделся, не узнавая мест.

Оказывается, все еще голубело небо, а вокруг в траве валялись черепки битой посуды, тряпки, чашки и банки из-под закуски, ягодные кусты были помяты и ободраны. Похоже, кто-то ел ягоды вместе с листвой.

Горшечник Дзигоку сообразил:

– Сейчас, друг! Сейчас достану, – побежал куда-то, пошатываясь, и не сразу нашел калитку.

Вернулся, покрывкая, под весом двух кувшинов, полных сакэ. Язаки выпил, поглядел на опустевшие рощи и безлюдную долину реки Каная, и такая тоска охватила его, что он решил повеситься. Пошатываясь, нашел в саду дерево, оторвал от подола кимоно полоску ткани, сделал петлю и сунул голову. Он никогда не думал, что совесть может так сильно мучить человека. Вздохнул он напоследок, пустил слезу о своей молодой загубленной жизни и поджал ноги.

Его вынули его из петли, влили в горло сакэ и сказали:

– Раз ты самурай, то вешаться не имеешь права!

– Да кто вы такие?! – не узнал он никого. – Почему вы мне жить мешаете?!

– Мы твои друзья...

– Синдзимаэ! – ругался он и решил утопиться.

Побежал к реке и бросился с обрыва. Однако только отбил себе живот.

Выпили снова для храбрости, и Язаки, отойдя в сторонку, приставил к горлу нож и пал на него, но стальное лезвие только погнулось, не причинив Язаки никакого вреда.

– О-о-о!.. – полуденную тишину разорвал вопль отчаяния.

Только тогда его пьяные приятели поняли всю глубину его трагедии:

– Не берет тебя смерть. Заговоренный ты.

– Это потому что я пророк, – чуть-чуть протрезвев, объяснил им Язаки. – Пророк, а, значит, бессмертный.

Допили они один кувшин и задумались. Ваноути вошел в

его положение:

– Может, тебе яду какого-нибудь отведать?..

На деда возмущено зашикали:

– Человек три раза пытался, а ты здесь со своими ядами.

Где мы яд-то возьмем?

– Так, х-х-х... Человек же мучается! Пусть каких-нибудь синих грибов наглотается. Я видел на огороде.

Пошли искать грибы. Но то ли Ваноути спяну привиделись, то ли кто-то их уже съел, но грибов они не нашли.

Один Киби Макиби, демон дыр и колодцев, никуда не пошел, а сказал Язаки:

– Я тебе помогу! Только ты больше не вешайся, не топить и не бросайся на кинжал. А грибочки у меня не синие, а черные, растут в траве за огородом.

На что Язаки, размазывая пьяные слезы, ответил:

– Ты один мой верный друг, а они не друзья.

– Кто?! – спросили все хором, хотя были так пьяны, что ничего не соображали.

– Не знаю! Я вас не знаю! – вопил Язаки. – Где мои настоящие друзья? Где мой главный друг – Натабура? Где учитель Акинобу? И где этот несносный Баттусай, который презирает меня? Где они все???

– Да вон они! – товарищи стали показывать на Запретный остров и едва не попадали с обрыва. – Сплавай! Все знают, что они там сидят!

Язаки предался долгому сопению, а потом тихо сказал:

– Они меня презирают...

– Не презирают, если ты к ним с оружием арабуру придешь, – объяснил Киби Макиби.

– Как это?

– А вот так! И мы с тобой. Пора воевать! Хвати пить и бездельничать!

– Да, хватит... – вяло согласились все и тяжело вздохнули.

– Где же я оружие возьму?! – горько вскричал Язаки и потянулся к чашке с сакэ, однако с надеждой глядя на Киби Макиби.

– Недаром я демон дыр и колодцев, – похвастался Киби Макиби. – Выручу друга.

– Выручай, – Язаки успокоился и даже привычно шмыгнул носом.

– Знаю я одно место, где оружия арабуру просто так валяется.

– Просто так? – не поверил Язаки.

– Врешь! – не поверили и остальные и даже перестали пить сакэ.

– Как песок под ногами, – заверил Киби Макиби.

– Как это? – Язаки вспомнил о мшаго.

– Где?!

– Знаю, и все! Пойдем! – и полез в своей погреб.

Оказывается, никто не мог и предположить, что прямо из погреба горшечника Дзигоку можно попасть в лабиринт Драконов.

– Стойте! – крикнул Майяпан. – Стойте! Мы еще не все выпили!

– А мы вернемся и допьем, – заверили его.

– Армагеддон! – выругался Майяпан, прихватил кувшин сакэ и полез в погреб вслед за товарищами.

Долго они бродили в темноте. Хорошо хоть, что левая рука у Язаки светилась, как головешка на погосте. Выручила она крепко. Да еще кувшин сакэ – пару раз в темноте они натыкались на него, уже пустой, и с трудом соображали, что здесь-то они уже проходили.

Уселись они однажды вокруг кувшина в страшной усталости и решили больше никуда не ходить. Язаки спросил:

– Должно быть, ты, Киби Макиби, специально нас сюда заманил в отместку, что мы научили тебя пить и закусывать по-людски.

– Нет! – пал на колени Киби Макиби. – Наоборот, вы мне глаза открыли! Ведь я до этого кто был?!

– Кто?! – спросили в надежде, что он теперь проболтается о каком-нибудь своем грехе.

– Демон, сам не знаю какой. А вы!

– А что мы? – спросили собутыльники с намерением броситься на него всем скопом.

– Теперь благодаря вам я стал почти человеком.

– Как это? – остановились они в удивлении.

– Света дневного отныне я не боюсь... – пожаловался Киби Макиби. – Стало быть, превратился обратно в человека.

Думаю, как человек.

– Если ты думаешь, как человек, то нам отсюда точно не выбраться, – тяжело вздохнул Ваноути. – Зря ты это затеял.

– А вот и не зря! – вскричал Киби Макиби и в отчаянии ударил кулаком в стену лабиринта.

Посыпались камни, и образовалась дыра. Киби Макиби сунул в эту дыру голову, с кокой что-то разглядывал внутри, а потом обернулся и сообщил торжествующе:

– Вот и пришли, куда надо!

Когда они все в лихорадочном нетерпении расширили отверстие, то увидели в неясном свете далеких факелов огромный зал с помостами, на которых лежали мшаго и ежики. А когда проникли внутрь и осмотрелись, то поняли, что попали в главный арсенал арабуру и что здесь хранятся и яри, и нагинаты, и катана. Кроме этого арабуру складировали пращи, камни для них, сосуды с зажигательной смесью, луки всех известных конструкций, колчаны, полные стрел, палицы, боевые ножи, топоры, разнообразные доспехи, кольчуги, сапоги, копья, дротики, копьеметалки и еще множество диковинных вещей, которые они рассмотреть просто не успели. Скрипнули двери, потянуло сквозняком, и в отдалении меж колонн замаячили факелы.

Язаки, горшечник Дзигоку, старший черт Майяпан и дед Ваноути забились в самый дальний и темный угол. К счастью, вошедшие не дошли до зала, где была дыра в стене, а стали забирать то оружие, которое было ближе к выходу. Они

складывали его в мешки и уносили. Когда в подвале остался один учетчик, Язаки шепотом скомандовал:

– Уходим!

Они едва успели набрать по охапке мшаго и поспешно бежали, так как в арсенал снова наведались арабуру.

* * *

Натабура все еще горевал об Язаки. Он часто вспоминал, как они самым чудесным образом спаслись из волшебной страны Чу, как они штурмовали Нефритовый дворец регента, и уже давно не чаял увидеть друга, как вдруг он явился сам – заросший щетиной по уши, нечесаный, неухоженный и злой, как вепрь. Воняло от него, конечно, соответствующе.

– Друг! – Язаки бросился на шею.

Натабура не успел и рта открыть, как Язаки оттащила охрана:

– Как ты смеешь бросаться на императора?! М-м-м!

– Какого императора? – очень и очень удивился Язаки и, вытаращив глаза, посмотрел на Натабуру, одетого в обыкновенное кимоно, но с тонкой золоченой кольчугой под ней.

– Великого и Солнцеподобного! – поучали его, держа за руки и за ноги и раскачивая, чтобы бросить в воду. – Поплывешь дальше!

Натабура опешил. Он сидел на берегу и ловил рыбку. Натабура еще не привык к своему нынешнему положению и не

знал, как правильно себя вести, чтобы не уронить достоинства. Увы, теперь он должен был соблюдать этикет, и тут на него такая напасть. Конечно, он опешил. Его опередил Афра, который воспользовался беспомощностью Язаки и облил ему лицо.

– М-м-м... – мычал Язаки, не в силах отвертеться.

– Стойте! – крикнул Натабура в последний момент, когда Язаки должен был улететь в воду. – Стойте! Отпустите его.

Он бросил удочку и обнял Язаки:

– Я уже боялся, что не увижу тебя!

– Я плохой друг, – покаялся Язаки со слезами на глазах.

– Нет, это я плохой друг, – вторил ему Натабура, – даже не искал тебя.

– Если бы ты нашел меня, ты бы уже не захотел быть моим другом, – с тяжелым вздохом покаялся Язаки.

Охрана из пяти самураев, переминаясь с ноги на ногу, не знала, что ей делать. Река текла величественно и неизменно.

– А это кто? – спросил Натабура.

– Ваноути ты знаешь.

– Знаю. Привет, Ваноути!

Прибежал Митиёри и бросился на шею деду.

– Это старший черт кецалей Майяпан.

– Майяпан! – воскликнул Натабура. – Мёо – светлым царем Буцу ты приходил ко мне во сне.

– Точно! – воскликнул Майяпан и сразу вспомнил, что дорога к Ушмалю ему заказана из-за доноса рыжего харчев-

ника. – Я хотел тебя спасти от тюрьмы Тайка.

– А это Киби Макиби.

– Демон дыр и колодцев... – учтиво представился Киби Макиби.

– Бывший, – уточнил Язаки.

– Да, бывший, – все так же учтиво согласился Киби Макиби.

Его мучила жажда. Он уже сожалел, что пошел с людьми, и совершенно забыл, что навеки стал человеком.

Такие же сомнения мучили и Майяпана. Он и сам не знал, почему пришел к мятежникам. Доносов он не боялся и рассуждал так: все пошли, и я пошел, а еще мне нравятся их напитки. Подумал он, подумал и решил остаться.

Акинобу тотчас послал людей во вражеский арсенал. Они принесли мечей, пик и амуницию столько, сколько могли, но не разобрались в самом главном: у арабуру появилось новое оружие – мушкеты и пушки, на которые просто никто не обратил внимания.

* * *

Накануне два иканобори, совершающие патрульный облет долин Хитамити, Икама и Убаи, обнаружили множество дымов, поднимающихся из таких узких ущелий, в которые никогда не попадал дневной свет и в которых постоянно стояли сумерки.

Стало ясно, что мятежники исподволь подбираются к крепости Фудоки. Разведчики, летавшие на иканобори, рассказали также, что их обстреляли гораздо ближе – с вершины лысой горы Цукуба. При этом у одного иканобори оказалось поврежденным крыло. Если первую часть сообщения еще можно было проигнорировать, то вторая часть означала, что мятежники приблизились к крепости на расстояние шести полетов стрелы. А это уже было серьезно. В любой момент они могли отрезать дорогу на столицу, поэтому генерал Чигон приказал усилить форты на подступах: форт Оа и форт Чуе. Они прикрывали выход из ущелья и располагались на противоположных склонах гор – один выше, другой ниже.

По утру, когда в форте Оа сменяли караул, с удивлением заметили, что в нижнем форте Чуе не заметно никакого движения. Послали туда корзинщиков, и оказалось, что ночью весь гарнизон форта Чуе вырезали.

Пять пятипалых иканобори облетели все окрестности, а когда уже возвращались, в урочище Мива на них напали два трехпалых иканобори. Эти иканобори были мельче и быстрее. Они знали маршрут иканобори арабуру и атаковали их, когда те уже миновали перевал Мива. Сожгли последнего иканобори вместе с разведчиком и сильно ранили еще одного иканобори. Пока иканобори арабуру поняли, что к чему, пока сделали круг, иканобори мятежников спланировали в лес и пропали меж вековых дубов и сосен. Район примыкал к таинственному лесу Руйдзю карин, поэтому арабуру пресле-

довать иканобори мятежников побоялись, но донесение генерал Чигон на всякий случай отправил. Вечером император Дегановид уже обо всем знал. У него уже был готов план войны, осталось только уточнить детали. Появление у мятежников драконов для Дегановида оказалось полной неожиданностью. Где они их взяли? – удивился он.

– Где-где?! – сварливо воскликнул главный жрец Якатла. – Известно где!

– Что тебе известно? – удивился Дегановид, теряя нить рассуждения в разговоре с главнокомандующим Чичимеком.

– Перебежали. Почуяли нашу погибель!

– Ты болтай, но не забывайся! – оборвал его Дегановид. – Длинный язык иногда стоит шеи.

– А чего? Я ничего... – обиделся Якатла. – Сказал, что думаю!

– Может, это кецали? – предположил Чичимек.

– Не думаю, – возразил Дегановид. – Им-то какая польза от нашей гибели?

– Никакой... – подумав, согласился Чичимек. – Армию они нам все-таки привезли. И оружие подбросили.

Дегановид помрачнел. У него давно были все основания не доверять своим благодетелям, поэтому вместе со своим братом Чичимеком они придумали такое, о чем ни кецали, ни титлаки не имели ни малейшего представления – они купили порох, мушкеты и пушки.

Дегановид был просвещенным человеком и знал, что далеко на западе существует другой мир. Местные императоры называли его варварским. Кецали – Европой и Востоком. Корабли приплыли в тайне ото всех в деревню Кюсю. Титлаков, которые разгружали и везли оружие, Дегановид приказал убить.

Если бы арабуру не сожгли все библиотеки, если бы император Дегановида был дальновиднее, если бы у него была хорошая разведка, то он бы, конечно, давно бы узнал, что в Руйдзю карин издревле обитали трехпалые драконы, которые не подчинялись никакой власти. Каждый из императоров Нихон пытался приручить иканобори. И клан Сога, и Нака-но Оэ, разгромивший Сога и основатель Киото – Хэй-ан, и – Масакадо из дома Тайра, и знаменитый полководец Рокухара. Однако ни у кого ничего не получилось. Иканобори оставались дикими и необузданными.

Однако с появлением арабуру они решили выступить на стороне мятежников. В этом была заслуга Трех Старцев. Вначале они, а затем и новый император Натабура вели переговоры с местными трехпалыми иканобори. Никто не смог бы уговорили иканобори из Руйдзю карин, если бы еще летом иканобори арабуру, сами того не зная, не совершили ошибку. Облетая Могами – Край Мира, где обитали дикари, не признающие никакой власти, они сильно устали и уселись на дивную горную долину сразу за хребтом Оу. Их прельстила изумрудная трава и стадо диких яков, пасшееся на склоне.

Трех яков они тут же съели и парочку прихватили с собой, не зная того, что стадо принадлежит тамошним иканобори.

Пришлые иканобори отличались от местных иканобори когтями. У местных были стальные когти, а у иканобори арабуру – медные. Зато пришлые иканобори имели на хвосте длинное, как катано, ядовитое жало. Местные же иканобори – всего лишь шишку в виде шипастой булавы. Да и огонь пришельцы изрыгали не меньше, чем на пятнадцать тан, а местные – всего на пять. Почти во всем превосходили пришельцы, кроме одного – в ловкости. Местные иканобори были легкими на крыло и юркими. Вот это-то качество и учитывал тюдзэ¹⁷⁴ Сорай, который в районе хребта Оу командовал драконами. Натабура приказал ему тревожить арабуру на севере, дабы отвлекать их внимание от южных рубежей, где ковалось оружие.

Со всей страны тайными тропами в самые южные провинции Хокурукудо, Вакаса и Этидзэн давно уже стекались ремесленники, работающие с металлом, и не только для того, чтобы на берегу озера Бива ковать мечи и нагинаты, но и для создания нового оружия.

Главнокомандующим мятежников – тайсё – стал Го-Данго. Ему помогал его друг – Гёки, которому присвоили чин тайсёгун¹⁷⁵. Гэндзабуру, как прежде, следил за питанием и здоровьем своего господина. Он постарел еще больше и ка-

---

¹⁷⁴ Тюдзэ – второй начальник войск в чине четвертого ранга.

¹⁷⁵ Тайсёгун – второй начальник войск в чине первого ранга.

зался тенью великана Го-Данго.

Тюдзё Сорай выполнил приказ беспрекословно. У него было три отряда: в первом состояло пять, во втором – шесть, а в третьем – четыре иканобори. Отряды располагались от внутреннего моря, начиная от деревни Кюсю, до восточного побережья в местечке Хараномати. Второй отряд из шести иканобори прятался в горах.

Он хотел посадить на каждого иканобори по лучнику, но получалось так, что лучник сковывал движение дракона и лишал его ловкости. Лучники были пригодны лишь для больших сражений, когда могли поражать цель на земле. Но для того, чтобы побеждать иканобори, которые были сильнее, требовалось действовать хитростью.

Он тренировал их на рассвете, когда лагерь еще спал и лишь сонные фигуры стражи маячили на гребнях гор. Его отряд был совсем небольшим. Он состоял из местных крестьян. В нем имелся один ниндзюцу, которого Сорай поставил во главе отряда разведчиков, и два самурая, вернее, ронины¹⁷⁶. Сорай подозревал в них отъявленных разбойников, но в лагере они вели себя спокойно и на них никто не жаловался. На земле каждого иканобори охраняли двадцать человек. Куда бы иканобори ни шел и чтобы он ни делал, эти люди должны были следовать за ним. Лишь в воздухе драконы получали полную свободу.

Сорай разделил иканобори на ведущего и ведомого и раз-

---

¹⁷⁶ Ронин – самурай, не имеющий господина.

работал знаки, с помощью которых иканобори общались в воздухе, когда голос был бесполезен. Кроме этого он придумал приемы, с помощью которых иканобори могли уходить от более сильного противника. Он изо дня в день заставлял своих подопечных разучивать эти приемы. Настал день, когда его тактика боя дала свои плоды.

После нападения на иканобори арабуру Сорай перенес лагерь сюда – на гору, которую гордо называл «замком», хотя это была просто хорошо укрепленная гряда скал, рассеченная непроходимыми ущельями. Там, где можно пройти, «замок» огородили частоколом и камнями. Перед главной позицией был вырыт ров, который заполнили водой из горной реки.

Сорай прошел мимо потухших костров, вокруг которых спали его солдаты. Едва уловимый запах тлеющих углей смешивался с чистым горным воздухом. Меж острых, как бритва, скал утренний ветерок уносил остатки ночного тумана, и от этого расстояние до гребня, который Сорай именовал «башней», казалось больше, чем было на самом деле. Там наверху в лучах солнца, как золотой рё, блестела нагината караульного. Что он может увидеть в таком тумане? – подумал Сорай.

Иканобори спали, как собаки, укрыв морды крыльями. Холодная утренняя роса блестела на их перепончатой поверхности.

Где же стража? – удивился Сорай. Караульных должно

быть не меньше трех. Они должны располагаться от друг друга на расстоянии крика. В их задачу входило вовремя поднять тревогу.

На одного из них он едва не наступил и тут же все понял: от караульного так разило сакэ, что впору было закусывать. Второй сидел в отдалении, опершись на копье, и задумчиво глядел на потухший костер. Он даже не проснулся, когда Сорай толкнул его в плечо, а улегся, как сноп соломы, на бок. У третьего, верно, было больше совести, потому что он не упал, как первый, и не прикорнул, как второй, у костра, а прислонился к сосне, но спал не менее крепко. Откуда у них сакэ? – удивился Сорай. Мы уже целых две луны не спускались в деревни. Никто не знает, где находится «замок».

– Эй! Просыпайся! – он ткнул караульного в бок.

– Чего тебе? – не узнал его караульный.

– Где напился-то? – грозно спросил тюдзё Сорай.

– Таратиси кими, таратиси кими... – испугался караульный. – Вчера вон там нашли...

– Показывай! – велел Сорай.

Они пошли вниз по склону. Трава была мокрой, и ноги скользили. Башня все отчетливей проявлялась в тумане.

– Вот здесь и лежало... – упавшим голосом произнес караульный.

Спросонья он ежился и вообще держал свою нагинату, как крестьянин держит кирку после тяжелой работы. На лице у него был написан единственный вопрос: «Что же теперь бу-

дет?» Сорай не стал его ругать. Он знал, что очень скоро они все умрут, не потому что ему так хотелось, а потому что по-иному не может быть – тот, кто дразнит гусей, должен быть готов получить на орехи. Он подошел и посмотрел в пропасть. С это места ничего не было видно, кроме мокрых скал и обрывков тумана, которые нес ветер. Ветер завывал и свистел в утесах. Арабуру были где-то рядом. Может быть, даже в двух-трех кэн. Тюдзё Сорай почувствовал их, как тигр чувствует добычу. Воспользовались тем, что этот обрыв никем не охранялся, подумал он.

– Поднимай тревогу! – скомандовал Сорай.

Туман сделался совсем редким, и Сорай увидел голого человека. Каким-то чудом он сидел над пропастью целился в него из арбалета. Сорай хотел испугаться, он не смог. Если бы он испугался, то действовал бы быстрее и, наверное, остался бы жив, но Сорай был бывалым самураем и так часто смотрел смерти в лицо, что привык к ней.

В этот момент караульный не очень уверенно прокричал: «Тревога!» и поперхнулся. Тяжелая короткая стрела ударила Сорай в левое плечо как раз между пластинами нарукавника, и он упал, но не от боли, а от удара, и тут же вскочил. Караульный корчился рядом – стрела попала ему в горло. Но лагерь уже был на ногах, со всех сторон слышались крики и звон оружия. К Сорай уже бежали свои. Он вырвал из руки стрелу и стал дрался с арабуру, которые, как тараканы, карабкались на обрыв. Первых двух он проткнул катана, как

протыкают цыплят вертелом. От ярости они грызли его катана, а затем с протяжным криком падали в пропасть. Третий же оказался настолько ловким, что уклонился от катана Сорай и даже перебил его своим огненным катана. Мало того, бордовый луч огненного катана так близко просвистел над головой Сорай, что тот услышал его гудение. Наверное, следующим ударом арабуру убил бы Сорай, если бы тот не подхватил с земли нагинату караульного и не разрубил арабуру надвое. Огненный катана, упав на землю, выжег вокруг себя траву.

Однако этого Сорай уже не видел, потому что побежал на звуки битвы вверх по склону, туда, где находились иканобори. Он уже видел, что вокруг иканобори идет бой, но вдруг на него налетел полуголый арабуру, и они покатались вниз – туда, откуда он пришел, и, наверное, сорвались бы в пропасть, но наткнулись на тела убитых, и это остановило их движение. Сорай выхватил нож и, помогая себе левой рукой, в которой была еще какая-то сила, заколол арабуру. Прежде чем умереть, арабуру искусал ему все руки. Сорай оттолкнул его и поспешил туда, где ночевали иканобори. Их надо было спасти любой ценой. Вокруг себя он видел убитых и умирающих. Крови было так много, что зеленый луг склона стал красным. А как же наш ров с водой? – думал он. А как же разведчики, которые должны были предупредить о нападении? Должно быть, нас кто-то предал, решил он.

Сорай шел и падал, поднимался, чтобы упасть снова. Он

уже полз, не понимая самой цели движения, просто для того, чтобы ползти. Наконец силы его оставили, и он увидел: высоко в небе шел бой. Шестеро трехпалых иканобори сражались с тремя пятипалыми иканобори арабуру.

Бой был неравным. Пятипалые иканобори арабуру изрыгали пламя так далеко, что трехпалые иканобори не имели ни малейшего шанса приблизиться к ним. Вот один из них беспомощно закружился с обожженным крылом. Напрасно он пытался планировать. У него ничего не выходило. Сорай долго провожал его взглядом, пока иканобори не упал на землю. Потом и второй трехпалый иканобори последовал за первым – он растерялся и вместо того, чтобы сделать пике и зайти сбоку, стал планировать, и конечно, пятипалый иканобори догнал его. И вдруг – Сорай закричал от радости – один из трехпалых иканобори, кружа, стал поднимать выше и выше.

– Давай, друг! Давай! – кричал Сорай.

Он понял его задумку. Иканобори вспомнил, чему так долго обучался. Он поднялся к самым облакам. А потом спикировал на спину врага, и они, сплетясь крыльями, камнем рухнули в пропасть. Напрасно Сорай до последнего мгновения ждал, что трехпалый иканобори оправится и взлетит. Этого не произошло.

Сорай еще долго смотрел, как в небе дерутся иканобори. Их становилось все больше и больше. Своих он узнавал по манере полете – они летали парами и выручали друг друга.

И это небольшое преимущество постепенно стало приносить свои плоды – все чаще иканобори арабуру падали на землю. Но тюдзё Сорай уже ничего не разливал: ни своих, ни чужих. А бездонное небо все наполнялось и наполнялось драконами. Казалось, что оно окрасилось в цвет крови и цвет пламени. Ни одна из сторон не могла взять верх, и к вечеру окрестные горы и холмы были усеяны мертвыми и умирающими иканобори.

Тюдзё Сорай тоже умер. Когда его нашли, казалось, что он все так же смотрит в бездонное небо, словно что-то хочет подсказать своим питомцам.

* * *

Натабуру мучил вопрос, применят ли кецали хаятори. Если это произойдет, думал он, то мы проиграем.

– Не применят, – вещал Язаки по старой привычке пророка и важно задира л нос.

Язаки получил чин дайнагона¹⁷⁷ и теперь красовался в нагрудном золоченом панцире и в шлеме, который то и дело нелезал ему на глаза, и Язаки терпеливо водружал его на место. Вооружен Язаки был офицерским мшаго.

– А если? – стоял на своем Натабура, с немим укором поглядывая на друга.

---

¹⁷⁷ Дайнагон – старший советник.

В таком важном вопросе, когда на кон поставлена судьба страны, пророчествам Язаки нельзя доверять. Что если в этот раз он ошибается? Нет, здесь должен быть точный расчет.

– Если применят, – сказал тайсё Го-Данго, – то все мы погибнем, – и он невольно посмотрел на новое оружие, которое привезли из далеких гор накануне.

Огромная пещера была заставлена тележками с камадо¹⁷⁸. Пахло «потаенной» горючей смесью и окалиной. Горючую смесь называли «потаенной», потому что никто не знал ее состава, кроме Акинобу и Натабуры. Рецепт они вычитали в европейских манускриптах, точнее, у Архимеда, добавили кое-что свое, и получилось грозное камадо. Правда, громоздкое на поле боя, опасное для самих воинов, его надо было еще совершенствовать, но времени на это просто не оставалось.

– Против летающих джонок оно бесполезно, – сказал Го-Данго. – Да, можно сжечь дракона, да, можно напугать пехоту, но настоящего самурая этим не устроишь.

Тайсё Го-Данго в новое оружие не верил. Ему казалось, что нет ничего надежнее испытанного временем катана, нагинаты и лука, а все остальное пригодно лишь для дикарей. А ведь на камадо была сделана главная ставка, поэтому Го-Данго и нервничал.

– Да... вопрос... – вздохнул Натабура. – Надо точно знать,

---

¹⁷⁸ Камадо – огнемет.

применят летающие джонки или нет.

Они вышли на свежий воздух. При их виде свита, которая оставалась снаружи, вытянулась в струнку, а из кустов выбежал радостный Афра и чинно сел рядом с Натабурой.

Пещеры находились в глубоком овраге и хорошо были замаскированы низкорослыми деревьями. Стая красноклювых амазин взвилась над ивняком и унеслась прочь. Иканобори, правда, уже не летали безнаказанно, но могли появиться в любой момент, поэтому охрана, состоящая из гвардии, схватилась за дайкю¹⁷⁹ и стала озираться, а ее начальник Ивано-мури подошел к Го-Данго и с поклоном напомнил об опасности. На него не обратили внимания, но стали чаще поглядывать на небеса.

– Знаете, что, – сказала Акинобу, который до этого молчал, – пошлем-ка к кецалям их главного черта Майяпана.

– Он уже целую луну не просыхает, празднует свое назначение, – заметил Натабура.

Под команду Майяпана выделили три тысячи человек, а самого его назначили сёгуном¹⁸⁰. Он также отвечал за ниндзюцу. На радостях он насвершал столько подвигов, которых другим хватило бы на всю жизнь: захватил в плен сотника и убил трех иканобори. Как это ему удалось, никто до сих пор не понял.

– Ну вот и пошлем пьяного. Меньше подозрений, – сказал

---

¹⁷⁹ Дайкю – длинный лук.

¹⁸⁰ Сёгун – командующий малой армией.

Акинобу.

– Это мысль! – согласился Го-Данго. – Эй!

Послали за Майяпаном. Он тотчас явился, голый по пояс, разрисованный, как арабуру, и с запахом перегара.

– Нет, не будут помогать, – заверил он, выслушав вопрос. – Ушмаль не сторонник вмешательства. Точнее, ему это запрещено.

– Кем? – удивился Натабура.

Он уже слышал, что у кецалей есть хозяева, но хотело узнать поподробней. Может, Майяпан что-то вспомнил.

– Не знаю, – пожал плечами Майяпан. – Знаю, что вмешательство силой запрещено.

– Зачем же тогда они приперлись сюда? – в раздражении спросил Го-Данго.

Они уже давно ломали себе голову над этим вопросом, но не находили ответа, к тому же он подозревал Майяпана в неискренности и если бы не заступничество Язаки, в лучшем случае прогнал бы Майяпана на все четыре стороны.

– Помочь арабуру может, но воевать с нами не будет, – уверенно сказал Майяпан.

– А что ты еще знаешь? – спросил Акинобу.

– Один раз я у них видел оружие посильнее мшаго и майдара. Тем оружием они с другими кецалями воюют.

– Неужели они так сильны? – удивился Акинобу.

Ему стало интересно, он вспомнил, что читал о небесных войнах в рукописях варваров. Майяпан не врал, дей-

ствительно, эти войны не касались землян. Должно быть, они имели отношение к Богам, которые на небесах выясняли отношения между собой.

– За день могут страну уничтожить, – похвастался Майяпан.

– Нам надо все точно узнать. Отправляйся-ка к ним и разведай, что да как. А мы будем ждать.

Майяпан ушел и пропал. Вышли все сроки, а он не появлялся. Натабура каждый день, несмотря на занятость, справлялся о нем. И все больше хмурился. Он боялся произнести то, о чем думали все остальные: и Баттусай, и Го-Данго, и Гёки – что Майяпан предатель. Язаки ходил черный и при встрече воротил морду в сторону.

Если он предатель, рассуждал Натабура, то почему против нас не предпринимаются никаких действий? На всякий случай он приказал удвоить караулы, а войскам быть предельно внимательными. Ночью поймали трех арабуру и одного песиголовца. Но они толком ничего не знали и не слышали об Майяпане.

Один Акинобу верил в Майяпана и поэтому сказал:

– Придет он. Я верю.

У Натабуры были и другие причины хмуриться: арабуру затеяли какую-то странную игру и все дальше и дальше заманивали их на север. Нельзя было принимать сражение, не разобравшись в причинах, хотя они были очевидны: похоже, арабуру искали выгодное для себя место. Они выгнали из

леса Руйдзю карин дикое зверье и заняли пещеры, в которых жили трехпалые иканобори. Дальше идти было просто некуда – за их спиной начинались отроги Фудзияма, где армии негде было развернуться.

Много раз Натабура держал военный совет на эту тему: принимать сражение или нет. Тайсё Го-Данго был «за»:

– Войска перегорят! Надо наступать, пока они рвутся в бой. Где бы арабуру ни захотели драться, мы будем наступать и победим.

Гёки был осторожней:

– Не следует соваться туда, куда нас заманивают. Они готовят ловушку.

Язаки твердил свое: в том смысле, что на все воля Богов. Он не разбирался в стратегии и больше прислушивался к своим ощущениям, но на этот раз пророчествовать остерегался.

Баттусай, который командовал армией в десять тысяч человек, тоже считал, что надо быть осторожней и не принимать сражения.

– Драться надо сейчас! – твердо сказал Акинобу.

Натабура высказывался последним:

– Посмотрим, что они нам предложат.

Для боя арабуру облюбовали долину реки Макабэ. Река начиналась в отрогах хребта Оу, в центре которого неустанно дымил Фудзияма. Перед сражением, словно нахмурившись, он выпускали клуб черного дыма и тихонько рокотал.

Земля под ногами подрагивала. Ночью на его склонах были заметны огненные сполохи.

Можно было, конечно, пересидеть арабуру, дожидаться зимы, а весной посмотреть, кто окажется сильнее. Однако в этом случае возрастал риск потери инициативы. Но самое главное – начался голод. В некоторых провинциях уже подмешивали в рис толченую солому. В армии же еды осталось не больше, чем на пятнадцать дней.

Как бы и нам всем не пришлось есть солому, думал Натабура.

Отряды все прибывали и прибывали. Из провинции Хитати пришли две сотни босоногих крестьян, вооруженных мотыгами, цепями и косами. Им выделили трофейные яри, которые требовали починки, но крестьяне и этому были рады. А вот из Иваки явился целый отряд во главе со старостой, в полном вооружении и даже со своими знаменами главы округа, которого арабуру убили еще год назад.

– Ай, молодцы! – обрадовался Натабура. – Ай, молодцы!

– Готовы служить, господин! – поклонился староста.

– Как же тебе удалось сохранить такие силы? – спросил Натабура.

– Мы народ хитрый. Днем работаем, а ночью воюем, – ответил староста.

– Молодец! – похвалил его Натабура. – Дам тебе две тысячи человек. Возьмешься командовать?

– Возьмусь!

Самая южная провинция – Тадзима, прислала конников с луками. Из Наори пришли мечники, а из Миэ – целая толпа с такими разбойничьими рожами, что Натабура опешил.

– Откуда вы такие? – удивился он.

– Из тайных пещер, из глубоких долин, из болот! – кричали они.

Эти люди были вооружены дубинами, шестами и короткими луками. Го-Данго отправил их в легкие войска.

Пришли даже морские вако со своими кривыми ножами, долго кланялись и просили прощения – мол, при арабуру было неплохо, но со своими лучше. Натабура пообещал им вольницу на двадцать лет вперед, и они кричали: «Бонзай!»

Народ все прибывал и прибывал, и за три дня до сражения окрестные холмы по ночам были усеяны кострами. Го-Данго приказал жечь их как можно больше, дабы ввести арабуру в заблуждение.

Песиголовец Зерок командовал отдельным отрядом ойбара. Правда, отряд его был небольшим. Зато удалым.

А еще в армии самураев был полк хонки, вооруженных вилами, цепями и кусаригама¹⁸¹. Правда, этот полк можно было использовать только в темное время суток. До поры до времени хонки сидели в самых глубоких пещерах и скулили:

– Ну пустите нас воевать! Ну пустите!

Ими командовал Киби Макиби, бывший демон дыр и ко-

---

¹⁸¹ Кусаригама – серп с цепью.

лодцев, а теперь сёнагон¹⁸², чем он очень гордился. В качестве родового знака он выбрал себе рисунок выползающего из норы крота на фоне восходящего солнца. Он мечтал, чтобы этот знак общим для всех хонки, пожелавших жить в мире людей. По непонятной пока причине у Киби Макиби выросли настоящие ноги, и он стал еще больше походить на человека.

Киби Макиби расхаживал по пещере, одетый в золоченые доспехи, и увещевал:

– Ждать надо! Ждать!

– Долго ли?! – скулили самые нетерпеливые.

– Как только солнце уйдет, так сразу.

– Тогда и кровушки напьемся!

– Эти лозунги прекратить! – кричал Киби Макиби. – Мы же цивилизованные существа!

– Конечно, цивилизованные, – отвечали ему, – а без кровушки не можем.

– Тьфу ты!

Майяпан появился на рассвете следующего дня – как всегда пьяный и веселый. Го-Данго велел разбудить Натабуру. Но он уже пятую ночь одетым спал в полглаза и вышел из палатки, как только услышал голоса.

– Велено передать, что можете воевать в свое удовольствие, – сказала Майяпан. – Кецали покидают страну.

– Как покидают?! – обрадовался Натабура. – Наму Амида

---

¹⁸² Сёнагон – третий начальник в чине пятого ранга.

буцу!

– Улетают на родину.

– Слава Будде! – воскликнул Натабура. – Понимай войска! – велел он Го-Данго.

* * *

Императору Дегановиду докладывали неутешительные сведения. Получалось, что против них выступило никак не меньше двухсот тысяч человек. Он только хмыкал и говорил:

– Эта толпа никогда не имела дела с обученными войсками. Мы раздавим их, как яйцо.

Дикари, снисходительно думал император Дегановид, наблюдая в волшебную трубу с позиции на вершине горы Макабэ.

Волшебную трубу ему подарили кецали. Теперь он видел далеко и очень хорошо.

– Прибыл ли Мэйдзи? – каждые коку спрашивал он.

Мэйдзи был представителем кецалей.

– Нет, господин, не прибыл.

– Куриное дерьмо! – выругался Дегановид, невольно оглянувшись. Рядом никого не было: Чичимек поскакал на артиллерийский холм, первый великий министр Дадзёкан отбыл на левый фланг, главный жрец Якатла, понукая своего раба Тла, поспешил на правый фланг, а прочие помощники с увлечением обсуждали начало боевых действий.

Тоже мне союзники, со злостью думал Дегановид. Ладно, сами справимся. Не хотите участвовать, так могли бы полюбоваться, как мы этим дикарям укажем их место.

– Ну где там Мэйдзи? – спрашивал он в нетерпении.

На самом деле, представителя кецалей звали так мудроно, что язык можно было сломать, и его стали называть по имени Мэйдзи, что на языке аборигенов означало – «собака, у которой синий язык, острые уши и короткий хвост». Разумеется, кецали даже не догадывались об этом.

Дегановид наблюдал. Дикари... думал он, дикари...

Из противоположного края долины, который терялся в утренней дымке, высыпали, как мошкара, всадники и лавиной понеслись к холмам, которые занимали арабуру. Не доезжая пятиста шагов, всадники выпускали тучу стрел и так же стремительно уносились назад к лагерю мятежников.

Никто не знал, начнется ли сражение сегодня, но все формальности начала сражений самураи выполняли с точностью, поэтому Дегановид и называл их дикарями. Стрелы были свистящими. Они завывали в полете, как демоны. У неопытного человека начинали дрожать коленки. Кто так сражается? – снисходительно думал Дегановид. Сейчас прискачут другие. И действительно: новая лавина всадников не заставила себя долго ждать. На это раз они имели наглость приблизиться к первому ряду укреплений – частоколу. Стрелки, прячущиеся в фортах на холмах, подстрелили несколько из них. А когда самураи схлынули, как морские

волны, на поле остались лежать три тела.

Дегановид приказал доставить их, если живые, на холм. Хотя он знал практически все об армии мятежников, знал их возможности и даже планы, ему хотелось выведать еще что-нибудь.

Однако вместо пленников ему принесли их головы.

– Зачем вы это сделали?! – вскричал он.

– Господин, как только мы приблизились к ним, они ранили одного из наших, а потом убили себя.

Дегановид подавил в себе желание тут же дать залп из пушек. Мятежники вели себя, как по писаному: третье нападение уже было вызовом, не ответить на который было нельзя, иначе это считалось потерей лица. «Дикарские предрассудки», – проворчал Дегановид. Скрепя сердце, он приказал Чичимеку выслать пару сотен кавалеристов

Что я делаю? Что я делаю, ужаснулся Дегановид, уподобляюсь дикарям. Но постепенно логика боя увлекла его. А ведь в этом что-то есть думал он. Первозданная удадь. Нет, дикари есть дикари.

Он был так увлечен созерцанием поля боя, что даже забыл о Мэйдзи. А когда вспомнил и спросил, ему ответили, что представитель кецалей еще не прибыл.

Между тем сражение начиналось. Как только третья лавина мятежников приблизилась на расстояние броска кавалерии, арабуру атаковали. Это были чичи, вооруженные короткими пиками, луками и мшаго. Их защитное вооружени-

ем состояло из золоченых доспехов, покрывающих все тело. Поэтому, когда чичи вынырнули из-под холмом, казалось, что золотая лавина, охватывая мятежников с двух сторон, несется по полю брани.

Еще никогда чичи не сталкивались в открытом бою с самураями. Чичимек убедил Дегановида в необходимости поддержать атаку иканобори. Еще до того, как лавины всадников перемешались, над ними пронеслись три дракона, изрыгая пламя. Они сожгли не меньше тридцати мятежников, но не расстроили их ряды и не оказали заметного влияния на бой. Дегановид был немного разочарован. Он ожидал, что дикари побегут, но они, напротив, стали стрелять по иканобори. Одному из них выбили глаз, а другому распорол брюхо, и он едва добрался до своих. Когда же всадники сошлись в ближнем бою, Дегановиду стало ясно, что самураи дерутся, как никогда: они оказались ловчее и быстрее, хотя их железные мечи не могли противостоять мшаго.

Дегановид как зачарованный смотрел на поле боя. Группки людей сходились и расходились. На таком большом расстоянии трудно было определить, кто берет верх. А когда Дегановид подносил к глазу волшебную трубу, то видел лишь отдельных сражающихся всадников. Мелькали красные и бордовые клинки мшаго, золоченые доспехи, искаженные криком лица и черные, как вороново крыло, самураи. Они падали на землю сразу, сраженные мшаго. Чичи вначале истекали кровью и только потом сползали с лошадей. И все же

постепенно мшаго сделали свое дело: на поле лежало больше черных фигурок, чем золотых. Однако оставшиеся в живых мятежники и не думали обращаться в бегство. Несмотря на то, что их окружили со всех сторон, он отбивали атаку за атакой, и исход боя был неясен. У себя на родине, в сельве, ни Дегановид, ни Чичимек никогда не видели такого ожесточения. Обычно слабейшая сторона сдавалась на милость победителям, чтобы умереть на алтаре под обсидиановым ножом. Таковы были традиции. Так повелевал Бог Кетцалькоатль.

– Ваше величество, может быть, атакуем кавалерией?

Но Дегановиду было интересно, кто возьмет верх при равных силах. Он даже пожалел, что послал иканобори.

Потом на поле что-то случилось. Дегановид слишком долго смотрел в волшебную трубу и не уловил сути произошедшего. Вдруг по непонятной причине ряды золотые ряды чичи стали редеть и в нескольких местах распались. Дегановиду даже показалось, что он слышит торжествующие крики мятежников. Он снова стал смотреть в волшебную трубу и понял, что мятежники приноровились, все чаще они натягивали свои короткие луки, и все чаще чичи падали на землю.

– Мой господин, будет поздно! – твердил Чичимек.

И только когда чичи не выдержали и бросились, словно воробьи, в разные стороны, а мятежники, числом не больше тридцати, не обращая на них внимания, поскакали прямо на центральную позицию Макабэ, словно знали, что на ней находится император. Только тогда Дегановид разрешил ата-

ковать их, как и прежде, с двух сторон. Он уже слышал, как самураи торжествующе кричат: «Бонзай!», а их стрелы уже мелькали в воздухе совсем близко.

* * *

Го-Данго намеренно не посылал подкрепления. По древней традиции самый первый бой назывался «зачинательным». Смысл его сводился к тому, чтобы укрепить дух победившей стороны. Когда арабуру побежали, Го-Данго двинул войска вперед. Он знал о том, что арабуру купили какое-то чудо-оружие, и собирался узнать, какое именно.

На всякий случай он приказал Баттусаю тревожить правый фланг, где находилась артиллерия арабуру.

* * *

– Прибыл Мэйдзи? – спросил император Дегановид.

Первый великий министр Дадзёкан шарахнулся в сторону. Главнокомандующий Чичимек промычал что-то нечленораздельное:

– М-м-м... – и тоже спрятался за императорскую свиту.

– В чем дело? – оторвался Дегановид от волшебной трубы и пропустил первый залп артиллерии.

Император Дегановид никогда не видел, какое воздей-

ствие оказывают пушки на противника, и снова приник к окуляру своей волшебной трубы. То, что он увидел, его поразило как никогда в жизни: батареи окутались дымом, и все тридцать всадников корчились на земле. Стреляли и пушки, и мушкеты, и белый дым закрывал поле боя.

– Здорово! – вскричал император. – Так что там Мэйдзи? – и оглянулся.

Рядом с ним никого не было, кроме главного жреца Якатла, который не мог сбежать, потому что, как всегда, находился на своем темнокожем рабе Тла и уже исцарапал его плечи до крови, но Тла почему-то потерял способность двигаться.

– Говори! – велел император Дегановид, – где Мэйдзи?!

– Мой господин! – визгливо прокричал Якатла. – Я ничего-ничего не знаю!

– Врешь! – Дегановид замахнулся на него волшебной трубой.

Якатла спрятался за спину раба Тла и выглянул только тогда, когда Дегановид опустил трубу:

– Ну?!

– Так они это...

– Говори!

– Улетели...

– Куда?! – безмерно удивился император Дегановид.

– Они нам не доложили. Говорят, к себе на родину...

Раб Тла наконец обрел способность двигаться, и Якатла заставил его отбежать от императора, который, похоже,

остолбенел.

Предали, думал Дегановид. Предали в самый ответственный момент!

Свита генералов и адъютантов постепенно стала возвращаться на место. По закону тот, кто принес дурную весть, должен был тотчас умереть.

Первый великий министр Дадзёкан вздохнул с облегчением и приблизился к императору – судьба главного жреца Якатла была решена.

– Я хотел тебя, как положено, зарубить на месте, но ты поведешь войска в атаку, – сказала император Дегановид.

На это раз Якатла так вцепился в шею раба Тла, что кровь текла ручьем.

– Мой господин, наши пушки решат исход сражения! – прокричал Дадзёкан.

– Ты уверен? – посмотрел на него Дегановид.

– Посмотрите туда!

Действительно, в разрывах белого дыма они увидели, что поле, которое совсем недавно было усеяно скачущими всадниками, теперь покрыто трупами самураев и мечущимися лошадьми.

– Мы и без кецалей выиграем сражение!

Долина реки Макабэ была столь широка, что даже находясь на центральной позиции, трудно было понять, что происходит на флангах.

Арабуру основательно укрепили их. На холмах они по-

строили форты и соединили их укреплениями, на которых поставили пушки. В центре на холме они тоже поставили форт, окопали его валом и укрепили тройным частоколом. За частоколом находились тескокские копейщики и запотекские арбалетчики.

В фортах расположились стрелки с мушкетами. В их задачу входило не допустить прорыва флангов. В центре крылась самая большая тайна арабуру – там в пещерах находился резерв, который по замыслу императора Дегановида и его главнокомандующего Чичимека должен был решить судьбу сражения.

* * *

Солнце еще не достигло зенита, а сражение охватило и центр, и фланги долины реки Макабэ.

Первая атака была отбита. Была отбита и вторая. Арабуру контратаковали пехотой и кавалерией в тот момент, когда ряды наступавших оказывались расстроены огнем пушек.

Го-Данго пытался заманить их под огонь своих лучников и пламя камадо, но чичи-кавалеристы и тласкаланские мечники дисциплинированно возвращались на позиции и снова ждали своего часа.

Особенно мешал артиллерийских форт в центре позиций. Го-Данго решил вначале взять его штурмом. Для этого он приказал кавалерии, под прикрытием которой двигались по-

возки с тайным оружием камадо, вместе с пехотой атаковать форт. Каждый камадо прикрывали по сотне лучников.

На левом фланге действовал тайсёгун Гёки. Отряд из трех тысяч человек, которым командовал Майяпан, атаковал самый крайний форт. Перед фортом был глубокий овраг. Форт решили поджечь. У Майяпана было всего две тележки с камадо. Лучники рассеялись в зарослях кустарника и держали форт под непрерывным обстрелом. Мушкетный огонь, направленный против них, оказался неэффективным. Тяжелые пули рикошетили и вязли в стволах деревьев. Зато стрелы непрерывным дождем сыпались на форт.

Вперед пустили охотников, обитателей пустынь, которые кидали свои горшки с помощью пращи. Очень быстро им удалось зажечь траву под стенами. Однако забросить горшки на стену они не могли. Три раза артиллерия уничтожала всех, кто приближался на расстояние броска, и три раза охотники поджигали основание стены форта.

Самураи принялись заваливать овраг вязанками тростинка, бревнами и камнями. Под прикрытием дыма и огня подтащили повозки с камадо. Два человека качали насосы, третий направлял медную трубу с широким раструбом, четвертый командовал. Арабуру прекратили стрелять и с удивлением взирали со стены на невиданное оружие. Когда же оно плюнуло, как иканобори, огнем и загорелся даже камень, а потом стали взрываться бочки с порохом, все разбежались и попрятались внутри форта. Услышав взрывы, главнокоман-

дующий Чичимек послал на помощь форту триста запотекских арбалетчиков, но было уже поздно.

Две сотни самураев, воспользовавшись замешательством арабуру, бросились на стены форта со стороны гор, где стены были ниже. Они вбивали между камней железные клинья и по ним карабкались наверх. На них лили кипяток и горячее масло. Им пробивали головы дубинами и нанизывали на пики. Подножие стены было завалено телами мертвых и раненых. Те, кто приходил на место упавших, скользил в крови и внутренностях товарищей.

На стенах мелькал арабуру с головой самурая в руках. Он держал ее за волосы, дико хохотал, и кровь из перерубленной шеи лилась на камни форта.

Арабуру бросили тушить пожар и только отбивались, и все же они не устояли под напором нападающих. Как только один самурай оказался внутри форта, надежды на то, чтобы отбить атаку, больше не осталось. Большинство пушкарей убежало в следующий форт, а те, кто не успел, были убиты как знатные самураи – им отрубали головы короткими мечами вакидзаси.

К тому моменту, когда запотекские арбалетчики достигли внешней стены форта, пушкари сбились в центре, как перепуганное стадо баранов. Они еще пытались организовать оборону, размахивая пиками и мечами, но не продержались и кокой. Никто из них не просил пощады, и последний – самый крепкий – пал, пронзенный сразу тремя яри.

Арбалетчики, пришедшие на помощь, не могли стрелять по своим, и им пришлось беспомощно наблюдать, как мятежники добивают их товарищей. Те же из арбалетчиков, кто не побоялся добежать до первого форта, были тут же убиты, хотя они выхватили свои тяжелые прямые мечи и попытались пробиться к пушкарям. Верхняя площадка форта была залита кровью и завалена телами арабуру.

К диковинным пушкам вначале боялись приблизиться. Потом, облепив их, как муравьи слона, под радостные крики сбросили со стен, выломав парпет вместе с зубцами.

Те из арабуру, кто искал спасения внутри форта, оказались в ловушке. Их перебили из луков, под общий хохот вытащили наверх и, привязав за ноги, подвесили между зубцами стен.

Затем пришла очередь следующей крепости. К ней вел длинный вал, укрепленный двойной стеной частокола, между которыми была насыпана земля. Как только самураи дошли до изгиба вала, из другого форта их стали обстреливать арбалетчики. Тяжелая короткая стрела с легкостью пробивала стальной панцирь. Тогда из толпы вышел самурай высокого роста, одетый в двойные доспехи. Прикрываясь щитом, он дошел до следующего форта. Стрелы торчали из него, как иглы дикобраза. Он сразил трех арабуру и упал замертво. Зато те самураи, которые шли следом, ворвались в форт, и его постигла судьба предыдущего укрепления.

Теперь самураев никто не мог остановить: ни атль-атля

– метатели дротиков, ни запотекские арбалетчики. Пушки же оказались настолько тяжелыми, что их невозможно было развернуть вдоль фронта. И только прилетевшие иканобори восстановили положение. Они сожгли два форта вместе с самураями и защитниками. Однако из десяти драконов вернулось только пять. Остальные были убиты или лучниками или сожжены из одного-единственного камадо.

* * *

Во всей своей красе тайное оружие показало себя при штурме центрального форта. Когда император Дегановид увидел, что форт окутан огнем и дымом, и дым этот не белого, а черного цвета, он понял, что так может гореть только «потаенная» смесь камадо. Он тотчас приказал послать тридцать иканобори, чтобы они отбили форт. А еще он понял, что удерживать войска от активных действий не имеет смысла, и передал командование своему главнокомандующему Чичимеку, который приказал отбить атаку в центре.

Тайсёгун Гёки продолжал штурмовать левый фланг, а тайсё Го-Данго ударил в центр. Больше всего он опасался иканобори, и поэтому десять повозок камадо были выстроены дугой вокруг войск.

Он скакал в окружении телохранителей, но все же услышал слабый крик:

– Господин!

Он оглянулся: Гэндзабуро лежал на шее лошади. Когда Го-Данго приблизился к нему, Гэндзабуро уже был мертв.

– Бедный и верный мой слуга... – произнес Го-Данго и поскакал дальше.

Иканобори прилетели со стороны гор. Первые из них, не разобравшись в обстановке, сделали круг, чтобы зайти с фронта, и попали под стрелы специальных лучников, у которых был длинный лук – дайкю, бивший на четыреста шагов. Стрелы тоже были специальные – ватакуси, что означало – «рвущие плоть». Они наносили широкие и глубокие раны. Но даже такие стрелы оказались мало эффективны против драконов, потому что иканобори арабуру защитили свое брюхо стальными доспехами. Для некоторых из иканобори были изготовлены специальные кольчуги. Другие же понадеялись на ловкость и быстроту. Но когда один из них рухнул, истыканный стрелами, низко они больше не опускались. Лучники же, сидящие на их спинах, не могли разобрать, что делается на земле: где свои, а где враги. К тому же иканобори арабуру оказались бессильными против камадо. Первые четыре иканобори, которые понадеялись на доспехи и кольчуги, загорелись, упали на землю и долго корчились в агонии. Остальные отвернули в стороны, поднялись выше и стали кружить над центральным фортом, не в силах понять, кто же их атаковал.

Го-Данго послал против них своих иканобори, и над полем боя в черно-белом дыму закружились хороводом проти-

воборствующие иканобори. Объятые пламенем, они падали прямо на войска, и клубы дыма и пыли вздымались вверх.

Наверное, Го-Данго удалось бы взять центральный форт. Уже были сожжен частокол и все арабуру, сидящие за ним, уже самураи карабкались по стенам форта, когда в тыл войскам ударили арабуру: тескокские копейщики, тласкаланские мечники и чичи-кавалеристы. Заметив это, Натабура бросил в бой сразу двадцать отрядов, и на равнине развернулось грандиозное сражение.

Ни с позиции императора Дегановида, ни с позиции императора Натабуры не было видно, что делается в центре. Клубы дыма и пыли застилали долину реки Макабэ. Иногда Натабура видел, как отряды входили в дым и уже больше не появлялись из него. Он пытался обойти арабуру справа, но с крутых холмов поднималась такая стрельба, что до позиций арабуру доходила четверть от наступавших. Тогда он приказал штурмовать правый фланг врага, чтобы отвлечь его силы от центра.

В это время ему пришла весть, что весь левый фланг захвачен, что тайсёгун Гёки просит новых сил. Он направил ему на помощь еще тридцать отрядов. Ему показалось, что победа у него в руках, что еще одно усилие, и они опрокинут арабуру.

Дегановид понимал, что мятежники теснят их по всем направлениям. Однако он выжидал, когда сражение выдохнется. В какой-то момент ему показалось, что пора вводить резерв. Перед этим он применил священные молнии.

Одним из отрядов командовал главный жрец Якатла. Так как у него не было лошади, то он управлял своим рабом Тла.

Главный жрец Якатла понукал своего раба плетью.

– Вперед! – кричал он ему в ухо. – Вперед.

Много жрецов пало, так и не использовав свое таинственное оружие. Но успевшие это сделать нанесли мятежникам чувствительные потери. Самураи погибали, не поняв, откуда пришла смерть.

Главному жрецу Якатла вначале повезло. Его верный раб Тла проявил чудеса ловкости и выносливости. Но Якатла все было мало. Он хотел искупить свою вину перед императором. Его майдара то и дело испускала молнии. И в какой-то момент небо откликнулось, и оттуда на землю стали тоже ударять молнии, поражая мятежников. Казалось, еще мгновение, и они побегут.

Как здорово, думал император Дегановид, глядя в волшебную трубу. Как я хорошо придумал. Он и предположить не мог, что множественное применение майдара может разбудить небеса, и они отзовутся молниями. Одни из таких

молний ударила так близко в землю от раба Тла, что он испугался и побежал. Напрасно жрец Якатла стегал его плетью, напрасно тыкал майдара в окровавленные плечи и макушку – ничего не помогало. Тала бежал, как лошадь на скачках. Они миновали поле боя, галечные отмели реки Макабэ и понеслись напрямиком в лагерь мятежников.

От боли и страха раб Тла ничего не соображал, а когда ему навстречу выскочили странные существа, похожие одновременно и на огромных собак, и на людей, он припустился бежать с такой скоростью, что жрец Якатла вынужден был держаться за свои носилки. Однако как бы ни был напуган Тла и как бы хорошо он ни бегал, тягаться с песиголовцами все же не мог. Поэтому взял да и сбросил носилки вместе ненавистным Якатла. В три прыжка он преодолел мелководную реку Макабэ и скрылся в зарослях ее крутого берега.

Главный жрец Якатла упал в реку, и она понесла его далеко-далеко, к самому океану, и даже быстроногие песиголовцы отряда Зерока не стали спасать его.

Так погиб Якатла, который родился стариком и прожил яркую и короткую жизнь.

* * *

Между тем, к часу обезьяны незаметно стемнело. Сколько император Натабура ни вглядывался в небеса, он не помог понять причину этого явления. До вечера еще было далеко,

да и сражение по всем расчетам только-только подошло к кульминации.

– Посмотри туда! – крикнул Акинобу.

И действительно, с Фудзияма творилось что-то необычное: огненно-черные тучи, похожие на гигантскую саламандру, поднимавшиеся над ним, заволокли полнеба. Молнии сверкали в них и сливались с молниями на поле боя.

– Сам Будда приветствует нас! – воскликнул учитель.

На взмыленной лошади к ним подскакал тайсё Го-Данго:

– Мы захватили весь левый фланг. Их пушки молчат.

– А центр? – спросил Натабура.

– Центр еще их. Но если мы ударим, то заставим врага бежать.

– Общая атака! – крикнул Натабура, выхватывая свой голубой кусанаги.

Его тысячная гвардия обнажила мшаго. Киби Макиби, который давно рвался в бой, выскочил из пещеры во главе с хонки. Язаки приосанился и решил не отставать от Натабуры.

– Бонзай! – пронеслось над равниной.

И все войска, стоявшие в резерве, бросились вперед.

* * *

– Пора! – приказал император Дегановид.

Главкомандующий Чичимек поскакал к пещерам, что-

бы самолично повести резервных арабуру в атаку. Он уже миновал долину безымянной речки и выскочил к дубовой роще, за которой начинались горы, как вдруг земля задрожала и из пещер вылетели клубы огненного дыма, а вместе с ним стали выскакивать всадники и чичи в своих золоченых с головы до ног доспехах. Раздались крики, стоны и хрипы. Лошади ржали и бились на земле. Гора дрожала, как живая. По ее склонам скатывались огромные камни.

Чичимек увидел страшную картину: те, кто успел выскочить, задыхались и падали замертво, выходы из пещер были завалены телами гвардейцев, которые не успели их покинуть. Лица умерших становились оранжевыми, а изо рта у них лезла оранжевая пена.

Чичимек понял, что Боги разгневались. Он сам едва не свалился с лошади, когда вдохнул огненного дыма. Грудь сжало, словно клещами, и, кашляя и задыхаясь, он упал на шею лошади, и она вынесла его на чистый воздух.

Напрасно император Дегановид ждал атаки резерва. Он страстно желал выиграть сражение. Сорок тысяч отборных гвардейцев завершат сражение. Когда же задрожала земля, он заподозрил неладное и приказал кому-то из свиты узнать, что произошло. Гонец не вернулся ни через пять, ни через десять кокой.

– Ну что же там?! – повернулся он в нетерпении.

К его удивлению, свиты исчезла. Император Дегановид остался один. Напрасно он озирался и вглядывался ранние

сумерки дня. Некому его было охранять и некому его было спасти.

Внезапно звуки стрельбы стихли. Это озадачило императора Дегановида еще больше. Вначале он с облегчением решил, что гвардия опрокинула мятежников, потом к своему ужасу стал понимать, что это вовсе не так – все ближе и ближе раздавались крики: «Бонзай!»

– Эй! Кто там?! – крикнул император.

Ему показалось, что главнокомандующий Чичимек мчится к нему с радостной вестью. Но вместо Чичимека из дыма выскочила самурай в красных доспехах, панцирь которых был расписан драконами, а шлем в виде лотоса даже в сумерках зловеще отливал красным цветом. Черная маска, покрытая золотой насечкой, скрывала лицо самурая. В руках у него был необычный голубой катана. Рядом со всадником бежал огромный медвежий тэнгу.

Самурай отстегнул маску, и Дегановид вздрогнул – он узнал и человека, и пса, которые приходили ему в снах.

– Узнаешь ли ты меня? – спросил самурай.

– Узнаю! – твердо сказал император Дегановид.

– Я твоя смерть! – прокричал самурай и взмахнул мечом.

Дегановид с удивлением увидел собственную кровь и тотчас умер.

Еще целый год страну Нихон отчищали от арабуру. Еще целый год проливалась кровь. Но именно с того момента, когда умер последний император арабуру, началась династия

Натабуры Юкимура дома Тайра.

Он построил новый дворец на месте пирамиды Оль-Тажинэ и назвал его именем дочери – Мароя. Он восстановил на горе Хиэй дзан монастырь Энряку дзи, и его настоятелем стал учитель Акинобу.

Язаки стал придворным пророком. Он обленился и растолстел, женился на толстой хохотушке и у него народилось много толстых детей.

Рыжий великан Го-Данго еще долго служил главнокомандующим и не проиграл ни одного сражения.

На этом закончилась история храброго Натабуры, его друзей, учителя Акинобу и славного пса по кличке Аффа.

Да, забыл, когда дочь Натабуры – Мароя, и сын Го-Данго – Каймон выросли, они полюбили друг друга и поженились. Но это уже совсем другая история.

Январь 2009 г.

Глоссарий

Акииэ – союзник принца Нитта Ёсисада дома Тайра.

Акуто – мелкие шайки грабителей.

Архат – Совершенно Просветленный от чтения сутр.

Асигару – воин низшего ранга.

Ахо – недоумки.

Аху – дракон, защитник обездоленных.

Ачинате – умственная безмятежность.

Бака – дурак.

Бамбуковый свиток – связан из плоских палочек, сшитых нитью. Знаки писались сверху вниз.

Бу-ккоросу – «Убью!»

Буцу – Будда.

Ваби – стремление стать господином самому себе, т. е. исключить случайность.

Вако – морские пираты побережья Китая, Кореи и Японии.

Варадзи – сандалии.

Ганива – глиняный демон в виде собакообразного существа.

Гаолян – сорго.

Гёдзя – черная сосна.

Годзука – кривой нож с ядовитым лезвием, сделан из когтя каппа.

Гокураку – рай.

Гуа – молот в форме дыни.

Гэндо – прием отпуска тени Аيي или техника двойника.

Гэнкай – Внутреннее море.

Дайкю – длинный лук.

Даймё – землевладелец.

Дайнагон – старший советник.

Данконы – презрительная кличка стражников.

Даян – китайская серебряная монета.

День седьмой луны пятого года Рокухара – 1191 год.

Доири – вступление на Путь.

Доки – демон подземелий.

Ёсивара – Веселый квартал, где обитали юдзё.

Ига – провинция.

Иканобори – дракон.

Ину – собака.

Ицампа – Владыка Неба (*майя*).

Каба-хабукадзё – Черный Знак Ада.

Каги – демон огня.

Кайхогё – ритуал поклонения святым местам в определенной последовательности.

Какумагуса – коптильщик голов.

Камадо – огнемет.

Камасёрнэ – косой ударом через плечо.

Камисимо – самурайская безрукавка с большими жесткими крылышками-надплечьями.

Каная – петляющая река.

Кани томорокоси – суп из риса, крабов, курицы и янтарной рыбы фугу.

Кантё – капитан джонки.

Касасаги – судьба судеб.

Катэ-букуро – мешок для провизии.

Кёдан – подслушивающий болтовню на пиру.

Кёрай – вассалы даймё.

Кетцалькоатль – Пернатый Змей, птица-змея.

Кидзины – демоны, которые ели деревья, кроша их камнями.

Кими мо, ками дзо! – очистительная, защитная молитва.

Когурёзцы – корейцы.

Коёсэ – колесо, закручивание двумя руками кисти противника, используя силу инерции движения.

Кокой – одна минута.

Ксо – дерьмо.

Куби-букуро – плетеная сумка.

Кугё – аристократические кланы.

Кудзу – колдуны, которые состояли на службе у Богов.

Кума – медведь.

Кусанаги – длинный волшебный меч голубого света с рукоятью на две трети утопленной в ножны для того, чтобы уменьшить общую длину. Ручка сделана с зацепом под кисть.

Кусаригама – серп с цепью.

Кэбииси – городские стражники.

Кэн – 1,8 м.

Лёны – земляные наделы.

Мамориготана – меч для подростков.

Мандара – оружие, в котором используется сила вселенной, в центре которой находятся Будды во главе с Буддой Дайнити.

Махаяна – большой путь спасения.

Миккё – тайное учение.

Мус – знак, просветление, взор в будущее.

Мшаго – огненный меч.

Нагината – изогнутый широкий клинок, посаженный на длинную рукоять.

Наму Амида буцу! – «Преклоняюсь перед Буддой Амидом!»

Насти – ничто.

Ниндзюцу – шпион.

Нора – дикая роза.

Оби – пояс.

Один сато – 535 метров.

Оммёдо – знаки инь и ян, солнце и луна, символизирующие активное и пассивное начало сущего.

Онгёки – демон невидимости.

Онгё но мадзинаи – очень короткое заклинание исчезновения «Школы Врат Дракона», состоящее всего лишь из одного тайного иероглифа, произносимого на выдоха.

Они ва сото! – Черти вон!

Онрё – души безвинно убиенных.

Пикросима – ядовитое дерево.

Пламя самадхи – пламя просветления.

Подьярок – молодой волк (6-12 месяцев).

Ри – 3,9 км.

Ронин – самурай, не имеющий господина.

Сатори – просветление в дзэн, без сатори нет дзэна.

Сёгун – командующий малой армией.

Сёки – младший бригадир.

Сёнагон – третий начальник в чине пятого ранга.

Сэйки – деревенский колдун.

Сидзими – съедобный моллюск.

Сикигами – демон смерти.

Сики-соку-дзэ-ку – В этом мире все иллюзорно.

Сингон – «Истинное слово», школа тантрической буддизма, основатель монах Кукай.

Синдзимаэ! – Убирайся к демону!

Синоби – шпион.

Синоби мэцукэ – люди, убивающие глазами.

Совет Сого – Совет высших монахов Буддийского главного управления по делам монахов.

Содэ – наплечный щиток.

Стража – два часа.

Стража свиньи – 21–23 часа.

Суси – ломтики благородной рыбы с рисом.

Сухэ – боевое кольцо с лезвием.

Сэкисё – застава, пропускные пункты в стратегических точках.

Сэкки – пятнадцать дней.

Сэппуку – харакири.

Сюко – лазательные когти.

Сюрикэн – стальная игла.

Сяку – 30,3 см.

Сямисэн – трехструнный музыкальный инструмент, отдаленно напоминающий лютню.

Тай – окунь.

Тайсё – главнокомандующий.

Тайсёгун – второй начальник войск в чине первого ранга.

Такай – папоротник.

Такубусума – белое дерево, цветы которого ядовиты для человека.

Тан – 10,6 м.

Танто – нож.

Таратиси кими – уважаемый господин.

Татхагат – Совершенно Просветленный от чтения шаштр.

Тескатлипоко – ацтекский бог войны, холода и звездного неба.

Тёхэн – отверстие на вершине шлема, которое называлось «дыра для дыхания».

Тикусёмо – сукин сын.

Треугольный очаг – символизирует зло.

Тэкко – кастет с месяцеобразным лезвием.

Тэрияка – пожаренное и высушенное мясо яка.

Тюдзё – второй начальник войск в чине четвертого ранга.

Удзуси – меч, который исчезает сам по себе.

Ума – медь.

Фудо – божество, отгоняющее злых духов. Изображается сидящим с мечом в руках в пламени. Символизирует стойкость духа.

Фуки – демон ветра.

Футон – одеяло.

Хабукадзё – ад.

Хака – могила.

Хакама – широкие штаны.

Хакётсу – прокаженный.

Хаси – палочки для еды.

Хаябуса – способность летать.

Хаятори – «летающая птица».

Химицу сосики – тайна императорская служба сыска.

Хирака – воин из обожженной глины.

Хонки – духи и демоны.

Хэйан-кё – город мира и покоя.

Цветочная проповедь – Будда всего лишь молча указал на цветок. Ученики должны были проникнуться самостоятельно. Догадался один.

Цуба – гарда меча.

Цукасано гэ – покорные судьбе.

Цуэ – площадь белого посоха.

Чанго – пиво.

Читгаматра – духовная сущность человека.

Чосон – древнее название Кореи.

Шанти – безмерное спокойствие, отречение.

Шастра – философский трактат (*санскрит*).

Шуньяту – пустота.

Эйя! – восклицание, когда хотят подчеркнуть удачу.

Юдзё – девушки легкого поведения.

Юри – лилия.

Ябурай – заграждения из заостренного бамбука в виде ежей.

Ямабуси – горный монах.